

Владимир Виленович Шигин

Чесменский бой

Во славу земли русской –

Владимир Виленович Шигин

Чесменский бой

(Во славу земли русской -)

Астрель, ТРАНЗИТКНИГА, Москва 2003г

БСЭ.М., 1978г., т.29.

ЧЕСМЕНСКИЙ БОЙ – морское сражение 26 июня (7 июля) 1770 г. во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. в бухте Чесма в Хиосском проливе Эгейского моря. Действовавший в Архипелаге русский флот в составе 9 линейных кораблей, 3 фрегатов и 1 бомбардирского корабля под командованием графа А. Г. Орлова (фактически командовал адмирал Г. А. Спиридов) 24 июня (5 июля) атаковал в Хиосском проливе северо-западнее Чесмы турецкий флот (16 линейных кораблей, 6 фрегатов, 6 шебек, 13 галер, 32 галиота) под командованием капудан-паши Хасан-бея. В бою был потоплен флагманский турецкий корабль, вместе с которым взорвался и русский линейный корабль «Евстафий», после чего турецкий флот в панике укрылся в Чесменской бухте под прикрытием береговых батарей, где был блокирован русским флотом. В ночь на 26 июня (7 июля) Спиридов выдвинул к входу в бухту авангард под командованием контр-адмирала С. К. Грейга (4 линейных корабля, 2 фрегата, 1 бомбардирский корабль), который открыл артиллерийский огонь зажигательными снарядами и поджег ряд турецких кораблей. Затем были пущены в атаку 4 брандера, из которых один под командованием лейтенанта Д. С. Ильина поджег турецкий линейный корабль. Распространившийся пожар охватил другие турецкие корабли, и весь турецкий флот сгорел, кроме 1 линейного корабля и 5 галер, которые были захвачены русскими. Турки потеряли свыше 10 тысяч человек, русские – 11 человек убитыми. Русский флот завоевал полное господство в Эгейском море.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Эскадра поднимает паруса

Глава первая

Как политическая поговорка говорит о государствах, морского флота не имеющих, что те только одну руку имеют, а имеющие флот – обе...

Петр I

То было время кровавой конфедератской смуты. Время, когда с южных рубежей нашего Отечества готовились к походу на Москву турецкие полчища, подстрекаемые Версалем. Россия не желала той войны, но она приняла вызов...

Шел декабрь 1768 года. Завершив морскую кампанию, корабельный Балтийский флот разоружался в гаванях, готовясь к зимовке. Корабли спускали вымпела. Командир Кронштадтского порта вице-адмирал Григорий Андреевич Спиридов работал у себя в каюте, подписывая рапорта о солонине, тулупах, дровах. Однако мысли его были далеко от этого. Адмирал понимал, что России предстоят долгие годы борьбы за выход к Черному морю, и его волновал вопрос, какая роль уготована в нынешней войне флоту. Но пока у командира порта было лишь составление нудных докладов о состоянии судов, консилиии по поводу и без повода да всевозможные хозяйственные дразги. От этих дел на душе адмиральской было в тот вечер пусто и тоскливо. Спиридов окинул взглядом салон: обитые золотой замшей переборки, вечно заваленный картами стол, графин, втиснутый намертво в штормовое гнездо, бронзовый канделябр да продавленный диван черного сафьяна – приевшаяся за долгие годы обстановка. Отложив в сторону перо, он в раздумье глянул в окно: за стеклом растекался дождь. С вахты били склянки. «Пять пополудни», – отметил про себя адмирал.

В дверь негромко постучали. Затем еще и еще. Не выдержав, заглянули. – Ваше превосходительство! Курьер из Петербурга! – Зови! – Спиридов повернул голову.

Через минуту перед ним стоял в щегольски завитом парике и белом парадном мундире генеральс-адъютант адмиралтейств-коллегии Селифонтов.

– Вам пакет от коллегии! – Курьер протянул конверт, щедро обляпанный сургучными печатями.

Небрежно надорвав пакет, адмирал пробежал глазами по бумаге и, вздохнув, отложил ее в сторону. На завтра его вместе с командующим Кронштадтской эскадрой контр-адмиралом Сенявиным вызвали в заседание.

Свечи, нагорев, едва моргали. За окнами быстро темнело...

Поутру, захватив Алексея Сенявина, Спиридов отправился в столицу. От Кронштадта до Петербурга путь недолгий, всего несколько часов хорошего хода под парусами. Адмиральский катер легко рассекал мутную рябь залива, лавируя меж первых льдин. Коротая время, Спиридов покуривал трубку и вспоминал события недавнего времени.

Ветераны петровских баталий, дожившие до шестидесятых годов восемнадцатого века, стали свидетелями возрождения российского флота. Созданная «для приведения флотов в должное состояние» комиссия явилась венцом деятельности целого поколения русских моряков. Возглавившие ее работу адмиралы Мордвинов, Льюис, Нагаев и Милославский взялись за дело флотского переустройства серьезно*. Семен Мордвинов, мозг комиссии, на первом же заседании заявил:

– Задачу нашу вижу в изыскании мер к тому, чтобы сделать и во всегдашней исправности содержать флот наш!

А вскоре представил он отчет о состоянии судов и портовых сооружений. Почитали адмиралы бумагу, грустно покачали париками. Все предстояло начинать почти сызнова.

Достигнув к середине двадцатых годов восемнадцатого века расцвета, Балтийский флот внушал своей грозной мощью уважение и страх многим европейским державам. Но умер Петр, и зачахло его любимое детище*. О морях забыли совсем. Когда же они докучали просьбами, отвечали сердито:

– Житья от вас, флотских, не стало. Ступайте себе да служите с Богом!

И уходили, матерясь, морские волки Петра Алексеевича, глуша обиду и боль сердец своих в кабаках. – Эх, кабы жив был государь! – Эх, кабы немчуру треклятую под зад да назад!

– Давай, половой! Лей, не жалея, нонче флотским на Руси делать нечего!

Потом плавать запретили и вовсе, дескать, незачем корабли понапрасну портить.

Адмиралтейств-коллегия занималась вопросами иными:

«По жалобе мичмана Мусоргского на капитан-лейтенанта Верха, поколотившего его палкой по голове до крови, в чем запырался виновный, определено исследовать...»

«Гардемарин Бредихин, постриженный в монахи, взятый опять на службу и определенный флигель-адъютантом, по его просьбе снова пострижен в монахи...»

«Писано в Гамбург о приискании шести трубачей, которые на трубах бы и волторнах, так и на скрипках и гобоях и протчей подобной музыке, были искусны...»

Служение на флоте стало считаться делом постыдным и недостойным настоящего дворянина. Трудно себе представить, но общий оклад всех русских моряков был тогда менее оклада одной гвардейской роты!

Именно в то тяжелое время совершил акт высочайшего патриотизма и самопожертвования капитан 1 ранга Григорий Спиридов.

Обоих своих малолетних сыновей отправил он в морской корпус на полугодный кадетский пай, на холод и порку, с твердой верой сделать из них настоящих моряков. Следуя его примеру, тогда же отдали сыновей в моряки адмиралы Мордвинов и Нагаев. Так зарождались морские династии России.

Забвение флота продолжалось более тридцати лет, пока не настал славный год 1762.

Только что взошедшая на престол императрица Екатерина II всерьез заинтересовалась состоянием флота. Британские агенты, имевшие особый нюх на морские дела, встревожено депешировали в Лондон: «Честолюбие императрицы сделать Россию морской державой весьма сильно: в настоящую минуту ничто не занимает до такой степени ее мысли, служа в то же время выражением желаний народа, как стремление довести до значительных размеров морские силы России». К неутешительному выводу по состоянию флота Екатерину II привело присутствие ее на показательной бомбардировке крепости кораблями Кронштадтской эскадры. Результаты бомбардировки Екатерина описала в своем дневнике так: «До 9 вечера стреляли бомбами и ядрами, которые не попадали в цель... Сам адмирал (С. И. Мордвинов. – В. Ш.) был чрезвычайно огорчен таким ничтожеством... Надобно сознаться, что корабли походили на флот, выходящий каждый год из Голландии для ловли сельди, но не на военный».

Новосозданная комиссия работала полным ходом. Энергичные адмиралы не щадили ни себя, ни других. Определяли новые штаты, строили верфи, закладывали корабли*. Обновили и сам состав коллегии. Старых и немощных безжалостно разогнали, оставили только молодых да толковых. Императрица Екатерина II, стараясь дать флотоводцам самостоятельность, заявила адмиралам:

– Что служба флотская знатна и хороша, то всем известно, но, насупротив того, столь же трудна и опасна, почему более милость и почтение заслуживает. На все преобразования даю вам мильон двести тыщ рублей ежегодно, но более не просите. Как тратить их, думайте сами, на то вы во главу флота поставлены*.

А чтобы адмиралам много думать не пришлось, приставила Екатерина к коллегии генерал-поручика и камергера Ивана Григорьевича Чернышева, лично ей хорошо известного.

Сесть-то в кресло граф Иван сел и из генерал-поручиков в вице-адмиралы по указу переделался, но грамотнее от этого в деле морячком никак не стал. Однако, будучи человеком умным, выход граф все же нашел. Дела морские оставил он за Мордвиновым, а сам занялся вопросами политическими, в которых чувствовал себя как рыба в воде...

За воспоминаниями незаметно промелькнуло время. Катер входил в Неву. Ветер поменялся на противный, и гребцы теперь что есть силы налегали на весла. На набережной адмирал пересел в поджидавший его возок. Потянулись по сторонам прямые, будто очерченные штурманской линейкой, петербургские улицы. Плавно качались кожаные рессоры. Вот наконец и арочный проезд Адмиралтейства. Над каменной башей в вышине, распустив паруса-крылья, парил золоченый кораблик. Территория Адмиралтейства была сплошь изрыта каналами, застроена мастерскими и складами. Пушечные станки и такелаж, компасы и рангоут – все изготовляло Адмиралтейство. У среза воды высились остовы будущих кораблей.

Поднимаясь по мраморной лестнице, столкнулся Спиридов с пожилым офицером в выдавшем виды камзоле. Шагнул было мимо. – Здоров, Гриша! Али не признал?

Обернулся вице-адмирал – и остолбенел: перед ним стоял Ваня Синд, друг юных мичманских лет. Только черным от пройденных дорог стало лицо да разбежались по нему во все стороны глубокие морщины, будто трещины от удара. Обнял друга Спиридов, расцеловал троекратно. – Здравствуй! – сказал. – Откуда ты? – С берегов Восточного. – Надолго ли в столицу? – Через несколько дней в путь обратный.

Синд спешил сдавать привезенные бумаги в архив, Спиридов – в заседание, и друзья договорились встретиться вечером.

Когда вице-адмирал вошел в совещательную залу, все были в сборе, поджидая лишь графа Чернышева. Негромко переговариваясь промеж собой, адмиралы обсуждали последнее донесение кавторанга Креницына о ходе экспедиции по камчатским рекам*, рассуждали о недавних случаях морского разбоя на Каспии*, однако более всего разговор шел, конечно же, о войне с Турцией.

Вокруг огромного, в форме якоря, стола нервно расхаживал худой и болезненный вице-президент коллегии Семен Мордвинов, хмуро поглядывая на окно, где нудно жужжала последняя осенняя муха. Небрежно расчесанный парик да усталые, в красных прожилках глаза говорили о бессонных адмиральских ночах. Завидев Свиридова, Мордвинов жестом подозвал его к себе и без всяких вступлений принялся чинить обстоятельный допрос о состоянии Кронштадтской эскадры.

Еще неделю назад участвовал граф Иван Чернышев в секретном совещании по поводу разрыва отношений с Высокой Портой. Помимо Чернышева и его брата Захара, на нем присутствовали императрица, Григорий Орлов да вице-канцлер князь Голицын. На совещании было решено, что необходимо создавать сильную флотилию на Дону и Азовском море. Иван Чернышев задачи будущей флотилии резюмировал так:

– Для завоевания моря Азовского, а затем для нападения на Керчь с Таманью и овладения оными. Дабы зунд Черного моря получить в свои руки, а тогда уже пойдем до самого царьградского канала и устья дунайского!

На должность командующего флотилией имелось два достойных кандидата – адмиралы Спиридов и Сенявин*. Первый из них знал Дон и Азовское море как свои пять пальцев, воевал в тех местах ранее изрядно. Второй был моложе, честолюбивее, Дон тоже знал неплохо, а в делах хозяйственных мог заткнуть за пояс любого. Да и фамилия сенявинская на флоте российском всякому известна. Когда-то царь Петр говорил об отце Алексея Науме Сенявине: – Прилежание и верность превосходят!

То же теперь можно было сказать и о сыне. Против кандидатуры Спиридова категорически высказалась Екатерина, и выбор был остановлен на флагмане Кронштадтской эскадры.

– Уж коли решили ставить Сенявина на Донскую экспедицию единогласно, – подвела итог азовскому вопросу императрица, – то прошу всех вас сего ревностного флагмана снабжать всем, в чем только он может иметь нужду и надобность. Затем слово взял дотол молчавший Григорий Орлов:

– Есть у нас с братом Алексеем задумка необычайная! Ежели нам отряд корабельный к Геллеспонту отрядить в виде вояжа, чтобы турок пугнуть хорошенько диверсией да эллинов на восстание против османов поднять. Но боюсь, не доплывут флотские, перетонут дорогой.

К мысли своей, высказанной в этот день впервые вслух, фаворит пришел давно, бывая по делам службы в конторе опекунов иностранцев и беседуя там с выходцами из Греции. О том же писал ему находившийся в Италии Алексей Орлов, главный автор этого проекта. Екатерина вздохнула:

– Тут, друг мой, думать крепко надо, чтоб перед всем миром не осрамиться! Сие есть дерзкая политическая акция, доселе неслыханная! Так ли Иван Григорьевич? Чернышев, застигнутый врасплох, заявил честно:

– Матушка, ничего не могу сказать тебе сейчас. Вот соберу адмиралов, обмыслим мы все, тогда и доложу по всей форме и расчету, а без оного сие просто авантюра будет.

Императрица помолчала, затем подняла на Чернышева свои голубые, близорукие глаза:

– Прodelывали ведь мы вояж фрегата «Надежда Благополучия» до берегов италийских весьма удачно, но целый флот посылать дело иное. Вопрос сей надобно всем нам обмыслить государственно. Мы должны взвесить все до мелочей!*

Совещание продолжалось, и чем дольше члены высокого совета говорили, тем больше обнаруживалось, что о Греции и о самих греках они не имеют практически никакого представления. Невероятно, но это исторический факт.

Вице-канцлер князь Голицын, напряженно морща лоб, вспомнил, что греки по вере своей есть православные христиане. А сама императрица после некоторого раздумья припомнила древнюю Спарту:

– Сии греки – потомки воинственных спартанцев, и доблесть оных должна быть им присуща...

Повторно совет по «греческому проекту» Григория Орлова собрался спустя неделю. За окнами уже стояла холодная балтийская осень, моросил дождь, и ветер носил по булыжникам мостовой последние листья.

Теперь разговор шел уже по-деловому, с обсуждением всех тонкостей проекта. Прежде всего послушали Голицына, сообщившего о состоянии различных народов, желающих по единоверию идти под российский скипетр. Далее горячо говорили Григорий Орлов и Захар Чернышев. Его брат Иван больше отмалчивался. Не теряя времени понапрасну, Захар тут же подал императрице проект об учреждении особого греческого легиона. Против проекта и в целом против греческой затеи высказался лишь президент иностранной коллегии Никита Иванович Панин, приглашенный Екатериной на это совещание. В своих убеждениях Панин был тверд:

– Идея сия сумасбродна и погибельна для нас по самой своей сути!

Но императрица уже все для себя решила и теперь сама с жаром нападала на строптивца:

– Одна наша морская диверсия, с подкреплением ее маинскими портами для морского убежища, уже сама по себе довольна привести Высокую Порту в ужас и потрясение!

После слов таких остался у президента иностранной коллегии последний, но весьма веский довод:

– Каково англичане отнесутся к проекту орловскому, то нам еще не ведомо, а ведь шкадре балтийской плыть мимо их берегов придется?

– Над этим, Никита Иванович, я и сама все время думаю, но ведь многое здесь будет зависеть от нас с вами!

Екатерина подошла к набычившемуся Панину и заговорщически подмигнула.

– Конечно, ваше величество, я сделаю все, что смогу! – с неохотой согласился хитромудрый политик.

– А вы, Иван Григорьевич, – обратилась императрица уже к младшему Чернышеву, – представьте мне самый подробный мемуар о предполагаемой эскадре от адмиралтейств-коллегии да поспешайте, дело не ждет! На том и закончили.

С того времени Иван Чернышев покой и сон потерял. И так думал и эдак, с глазу на глаз совещался с Мордвиновым. Но как они не крутили, а получалось одно – посылать в южные воды эскадру надо, да не простую, а линейную, чтобы можно было противодействовать огромному турецкому флоту.

С чисто военной точки зрения задуманная экспедиция была бы серьезным ударом в спину Высокой Порты. Политических выгод в случае успеха предприятия Россия тоже получала немало. Но Екатерину II волновало главное: как отнесутся европейские державы к проходу мимо их берегов русского флота? Не будет ли каких угроз и запретов? Сможет ли союзная Англия противостоять враждебно настроенной к России Франции? Помимо союзнических обязательств Великобритании по «Северному аккорду» расчет был и

лично на нового английского посла в Санкт-Петербурге лорда Каскарта, находившегося под очарованием Екатерины, которую не в меру впечатлительный посол именовал в своих депешах не иначе как «совершенная Дидона».

Увлеченный своей идеей, Григорий Орлов немедленно пригласил лорда к себе во дворец. Изложив суть дела, Орлов спросил посланника прямо: – Да или нет?

Каскарт мгновенно переменялся в лице: куда вдруг девалась недавняя восторженность и романтичность... Ответил холодно:

– На подобные дела у меня нет полномочий, но обещаю вам, граф, что, как только будет ответ, я сразу же уведомя о нем ваше правительство... На том и расстались.

Ответ из Лондона пришел, на удивление, быстро. Министр Рочфорд давал своему послу указание вырвать у русских за проход эскадры как можно больше выгод. Разговор об условиях прохода лорд Каскарт попытался было продолжить с Григорием Орловым, в политических делах не искушенным. Но Екатерина этот ход предусмотрела. Английского посла пригласил к себе сам Никита Панин. Разговор шел в словах крепких...

В своем донесении Каскарт писал: «Я сказал ему (Панину) с той откровенностью, на которую меня вызвали его выражения, что считаю себя обязанным относительно Англии, чем ей самой о том известно; затем я пояснил причину, побудившую к высылке эскадры в Архипелаг, опасения, возникшие в Англии, касательно возможного оборота тамошних дел...»

Панин нажимал, Каскарт отчаянно сопротивлялся, сам нанося колкие ответные удары. Граф Никита Иванович настаивал, чтобы Англия поддержала русскую эскадру своим флотом, как и положено настоящему союзнику. Услыша это, посол сразу же замахал руками:

– Что вы, что вы! Господин президент и не представляет, как нам трудно. Британия переживает сегодня нелучшие времена. Волнения в Америке, голод в Ост-Индии, трон подвергается сильнейшим нападкам со стороны палаты лордов и парламента, а палата общин вызывает ненависть народа. За десять последних лет у нас сменилось семь министерств!

– Хорошо! – остановил посла Панин. – Все это я знаю. Меня интересует сейчас иное – на что мы можем твердо рассчитывать?

– Новая война сегодня Британии не по силам, – гнул свое Каскарт, – но мы готовы оказать вашей эскадре всемерную помощь. Мы предоставим вам свои гавани и доки, обеспечим продовольствием и материалами, снабдим морскими картами и дадим хороших лоцманов. Ведь вашей эскадрой интересуется сам Георг Третий...

Теперь уже английский посол, перейдя в наступление, выгадывал своей стране все новые и новые уступки в торговле. Буквально впившись в Панина глазами, он загибал один за другим пальцы, подсчитывая трудности английских купцов. Наконец Панину надоело.

– Торгуетесь, как лавочник! – рявкнул он по-русски и уже на английском добавил: – Все! Больше ничего уступать не будем! Решайте, лорд, да или нет! И Каскарт, поморщив лоб, ответил: – Да.

В своем послании министру иностранных дел Англии Рочфорду лорд Каскарт написал следующее: «Честолюбие императрицы сделать Россию морской державой весьма сильно; в настоящую минуту ничто не занимает до такой степени ее мысли... как стремление довести до значительных размеров морские силы России, о чем я вовсе не сожалею... невозможно, чтобы Россия сделалась соперником, способным внушить нам зависть как военно-морская держава, и я всегда рассматривал подобные виды России весьма для нас счастливыми, ибо до тех пор, пока это будет выполнено, она должна будет зависеть от нас и держаться за нас...» Касаясь выгод, которые Англия могла бы извлечь для себя от похода русской эскадры в Средиземное море, английский посол писал: «В случае ее успеха успех этот лишь увеличит нашу силу, а в случае неуспеха – мы утратим лишь то, что не могли иметь».

Вскоре из Лондона был получен положительный ответ британского правительства на возможность прохода русских эскадр мимо английских берегов. Сразу же после этого в Петербурге начались переговоры, которые велись весьма интенсивно. Григорий Орлов, однако, от непосредственного участия в них был отстранен Екатериной II, ввиду полного отсутствия дипломатических способностей. На переговорах русскую сторону представлял Н.

И. Панин, английскую – лорд Каскарт. Обстановка на переговорах складывалась весьма непросто. В бумагах Панина, относящихся к тем дням, то и дело встречаются такие записи: «торгуются как невоспитанные лавочники», «торгаши», «ведут дело по-торгашески» и т.д.

Английская позиция была следующей: получить при минимуме затрат и забот о русских эскадрах максимум выгод от их пребывания в Средиземном море. При этом Каскарт, отвергая требования русской стороны о союзнической помощи, ссылаясь то на трудности британской экономики в связи с последствиями Семилетней войны и непопулярности палаты общин в народе, то на волнения в американских колониях и голод в Индии. Для лучшего понимания тона и духа переговоров весьма характерно письмо Каскарта министру Рочфорду от 30 июня 1769 года: «Я сказал ему (Панину. – В. Ш.) с той откровенностью, на которую меня вызвали его выражения (?), что Ее Величество имеет более оснований считать себя обязанной относительно Англии, чем ей самой о том известно(!); затем я пояснил причину, побудившую к высылке эскадры в Архипелаг, опасения, возникшие в Англии касательно возможного оборота тамошних дел и намерения ее, в последствии которого, в случае если бы один из флотов встретил неприятеля в лице нейтральной державы (под «нейтральной державой» имелась ввиду Франция. – В.Ш.) и был действительно атакован в присутствии нашей эскадры, то последняя не осталась бы праздной зрительницей подобного нарушения нейтралитета... Речь эта достигла желаемого действия. Он (Панин. – В. Ш.) сказал, что передаст мои слова императрице...»

В конце концов договоренность в переговорах была достигнута. Лорд Каскарт, подводя итог принятому соглашению, не без самодовольства доносил в Лондон: «Кажется ничто не произвело такого сильного и приятного впечатления, как согласие короля с мнением императрицы относительно ее флота и той формы, в которой это соглашение было согласовано».

Сообщения за август – сентябрь 1768 года из Первой наступательной армии генерала Голицына под Хотинком:

«22 августа. Утром по мосту у селения Алай-бей переправилось до четырех тысяч турок, которые немедленно были обращены в бегство стремительным штыковым ударом. Неприятель потерял при этом более 500 человек. У нас же убито 18.

29 августа. С рассветом неприятель начал по мосту переходить на нашу сторону реки и выстраиваться для генеральной атаки. В седьмом часу турки открыли пальбу и атаковали конницей, но были отбиты артиллерией полковника Мелисина и бежали так стремительно, что опрокинули стоявшую позади пехоту. В конце 8-го часа неприятель атаковал вновь, завладел двумя нашими пушками и окружил полки Санкт-Петербургский и 4-й гренадерский. Но генерал Салтыков, собрав разрозненные отряды, отбил турок и освободил оба полка. Несмотря на ярость, неприятель всякий раз был отражаем. Атакованный нашей кавалерией, он растерялся и потом, осознав свое бессилие, бросился врозь, спасаясь кто где может. Кавалерия наша преследовала неприятеля и тем еще более довершила его совершенное поражение.

6 сентября. Отряды полковников Кашкина, Сухотина, Игельстрема, Кречетникова и Вейсмана атаковали турецкое предместное укрепление у крепости Хотин и выбили неприятеля оттуда штыковым ударом. Урон турок – в несколько тысяч человек. Наши потери – 94 человека.

Все решила энергичная деятельность Алексея Орлова, и прежде всего его особое положение в отличие от других, гораздо менее влиятельных эмиссаров. Следует отметить, что письма с наиболее своими смелыми «прожектками» Орлов слал на имя своего брата-фаворита, чтобы уже через него влиять на решения императрицы. Помимо этого Алексей Орлов в донесениях не скупился на обещания, так в одном из своих первых писем из Италии он с уверенностью заявлял: «Труд сей будет для нас очень мало стоить, чтоб повести греков против турчан и чтоб они у меня в послушании были. К весне будем иметь войско в сорок тысяч».

В другом письме на имя брата Григория Алексей Орлов рисует еще более захватывающую перспективу: «Если ехать, так уж ехать до Константинополя и освободить всех православных и благочестивых из-под ига тяжкого... Вы ступайте с одного конца, а я с другого зачал». Подобные письма были для Екатерины II как нельзя кстати, и она обращает самое пристальное внимание именно на Грецию. О принятии своего решения она незамедлительно сообщает Алексею Орлову: «Мы сами уже... помышляли о учинении неприятелю чувствительной диверсии со стороны Греции, как на твердой земле, так и на островах Архипелага (имелись ввиду острова Эгейского моря. – В. Ш.), а теперь и тем более...»

По изначальному плану прежде всего предполагалось согласовать время прибытия эскадры в Средиземное море с началом восстания маниотов и сфационов.

Самой эскадре предлагалось первоначально сосредоточиться у мыса Матапан, островов Кандия и Цериго, а затем, установив связь с повстанцами, следовать в Эгейское море.

Первый, самый внезапный и решительный, удар предполагалось нанести высадкой десанта на Коринфский перешеек, отделяющий полуостров Морею от материковой Греции. Этим предполагалось обеспечить прежде всего быстрое освобождение Морей, а также невозможность проникновения туда турецких войск. Для этого безымянный автор предполагал занять Коринфскую крепость, а затем, усилив ее артиллерией и укрепив дополнительно, удерживать от неприятельских нападений любой ценой.

Второй, еще более ошеломляющий удар, по мысли автора, должен был быть нанесен по Салоникам. Отряд русских судов с большим десантом на борту должен был, действуя аналогично «Коринфской операции», высадить десант у Фермопил, чтобы затем, укрепясь там, наглухо перекрыть туркам доступ в Грецию и тем самым обеспечить там полный успех восстания.

Изложенный проект поражает своей стремительностью, смелостью и масштабностью и, безусловно, при его хотя бы даже частичном выполнении туркам наносился бы удар такой силы, от которого они не скоро могли бы опомниться.

Однако события повернулись иначе, и от столь дерзкого плана пришлось отказаться.

Граф Чернышев не вошел, а вбежал в залу, отбросил в кресло шляпу и трость. Гордо вскинув голову, он оглядел собравшихся:

– Господа адмиралы и кавалеры, в связи с войной турецкой велено государыней возродить флотилию для действия на море Азовском, а после завоевания оно и на море Черном!

Речь Чернышева вызвала всеобщее ликование. Адмиралы кричали «виват», жали друг другу руки.

Иван Чернышев политик тонкий: чтобы до времени не будоражить необычной средиземноморской перспективой адмиралов, начал он заседание с того, что было давно уже на уме у каждого, оставляя главный вопрос на потом. Когда первые восторги улеглись, прикинули члены коллегии сроки приготовления флотилии. Затем решали голосованием, кому доверить пост командующего. Хитрый Чернышев сразу же предложил кандидатуру Сенявина, не забыв прибавить, что тот рекомендован на сей пост самой государыней. Гидрограф Нагаев лишь пожал плечами:

– Уж коли матушка решила, чего тут обсуждать. Лешка Сенявин кандидатур подходящий!

Голосовали единогласно. Лишь старый Льюис, склонившись к уху рядом сидевшего Нагаева, прошипел ядовито:

– Двинули кверху этого проходимца, а за какие, спрашивается, заслуги? Но Нагаев не поддержал, отмахнулся:

– Будет тебе, как порешили, так и порешили. Алексей Сенявин, сухощавый и подтянутый, встал во весь рост. О своем предполагаемом назначении на новую должность он уже знал, так как третьего дня имел секретную беседу с императрицей. Заявил контр-адмирал

без лишних слов, что костями ляжет, а через три года выйдет с новостроенным флотом в море Азовское, а там и далее двинет*.

Слыша речи такие смелые, покачал напудренными буклями отставной адмирал Милославский, бурча недоверчиво:

– Вот ведь как нынче такие дела решаются. Раньше бы уж точно с полгода заседали, а тут раз – и флот строить в полчаса. Да возможно ли такое? В конце концов было решено следующее:

«1. Употребить оной коллегии всевозможное старание примыслить род вооруженных военных судов...

2. К рассуждению и сочинению в силу сего указа призвать вице-адмирала Спиридова и контр-адмирала Сенявина, ибо первый в нужных местах сам был, а второму действовать...»

После этого председательствующий на заседании Семен Мордвинов объявил перерыв.

Алексей Сенявин принимал поздравления, как вынужденные, так и искренние. Подошел поздравить своего помощника со столь почетным назначением и Григорий Спиридов. Пожал руку.

– Григорий Андреевич, у меня к вам просьба, – негромко, почти шепотом, произнес Сенявин. – Давай! – улыбнулся вице-адмирал.

– Поднатаскали бы вы меня по особенностям тамошним, вам ведь в тех краях, почитай, все знакомо.

– Хорошо, душа моя, за этим дело не станет, лишь бы на пользу пошло!

Отобедали в соседней зале. Выпили по маленькой для аппетита. Неторопливо похлебали ухи стерляжьей, затем похлебку из рябцов с пармезаном и каштанами. На каштаны особо налегал Мордвинов.

– Эка жалость, что в наших краях сей фрукт не произрастает! – говорил, сожалея.

Не зря, видно, шесть лет на французском флоте практиковался по молодости лет.

После каштанов подали к столу печенку, в меду размоченную, да цыплят обжаренных. Водку пили по-стариковски, корочками хлебными закусывали. Поев, набили трубки...

После перерыва вновь председательствовал Мордвинов. Адмиралы дружно утвердили штаты новой флотилии, прикинули, сколько денег и припасов потребуется на всю экспедицию.

Когда со всем этим покончили, слово попросил Чернышев. Дельно и коротко изложил он свои мысли на плавание к берегам эллинским.

– Цель сей экспедиции, – сказал, – в том, чтоб произвести диверсию и беспокоить турок в той части их владений, где они менее всего могут опасаться нападения.

Страсти разгорелись мгновенно. Взбудоражились члены адмиралтейств-коллегии: шуточное ли дело, куда замахнулись.

– Не осилим мы плаванья к агарянам до моря Мидитерранского!* – кричал, раскрасневшись, толстый Льюис. – Многие за моря покушались, да не многие ворочались!

Надрывая жилы, ярился сенатор Милославский, кулаками по столу грохоча: – Красен посул, да тощ, вилами по воде писан! Взвешивая все за и против, хмурил кустистые брови гидрограф Нагаев:

– В теориях-то оно все хорошо, а вот что практик покажет?

За плавание горой встали Мордвинов, Спиридов да азовский командующий Алексей Сенявин. Особенно ж злился на чересчур осторожных соратников всегда спокойный и сдержанный Мордвинов. Дальнее плавание было давней мечтой этого сгорбленного болезнями адмирала. Когда-то, более двадцати лет назад, счастье едва не улыбнулось ему, но поход тот отменили, и мечта навеки осталась мечтой*. Конечно же, адмирал Семен Мордвинов и сердцем и душой был за! Вслух он изъяснялся так:

– Сие путешествие есть дело многотрудное, но верное, а потому кто супротив оного выступает, того изменником почитать надлежит! Перекричав всех, попросил атенции Иван Чернышев:

– Эскадру, ежели мы к согласию придем, велено государыней изготовлять к плаванью немедля. Что решать будем?

Большинством голосов члены коллегии проголосовали отправить в Средиземное море и далее, в греческие и архипелагские воды, эскадру крепкую с деташаментом сухопутного войска, с парком артиллерии и другими военными снарядами.

– Теперь надлежит решить, кого во главу предприятия сего ставить будем, – не давая опомниться адмиралам, напирал Чернышев.

Члены коллегии приумолкли. Думали сосредоточенно.

Поразмыслив немного, поинтересовались у графа, какие даны будут флагману полномочия и не приберет ли всю власть фаворитов брат Алесей Орлов, что сейчас на берегах италийских «болезни лечит».

Чернышев пожал плечами, ответить он ничего не мог. Льюис, большой и грузный, вытирал ладонью вспотевший от треволнений лоб:

– Старые мы на такое. Кабы пораньше дело было, и я бы решился, а сейчас какой с меня флагман, дышу едва...

– Предлагаю вице-адмирала Спиридова, – подался вперед розовощекий Нагаев, – и не стар еще, и опыт немалый! Нагаева поддержали остальные:

– Во, во! Лучше Григория Андреевича на сей пост у нас поставить некого.

Чернышев с Мордвиновым кивали одобрительно. Но Спиридов отказался наотрез:

– Не пойду! Не хочу на побегушках у Орловых состоять.

– А ежели свобода полная в действиях государыней будет дана? – уныло поинтересовался Чернышев, раздосадованный таким поворотом дела.

– А вот когда будет дана, тогда и разговор будет! – встал из-за стола Спиридов.

– Ладно, Гриша, не кипятись, мы еще с государыней все обсудим, – остановил его Мордвинов, – а пока ж мой тебе ордер таков: осмотреть и отобрать суда, в плавание годные, а далее поглядим.

В Кронштадт Спиридов возвращался вместе с Иваном Синдом, которого он пригласил на пару дней погостить. Расположившись в кормовой каюте, пили друзья шартрез, годы юные вспоминая. Когда-то, в самом начале сороковых годов, бегали они мичманами глазеть на знаменитого Витуса Беринга. В то время и посчастливилось Ивану попасть в новую экспедицию командора. Чего только не пережил на своем веку бравый беринговец Ваня Синд: кораблекрушения и землетрясения, голодные зимовки на необитаемых островах и смерть друзей, но были еще и неповторимые мгновения открытий. И ради этого стоило жить. Лишь недавно завершил он очередное плавание к американским берегам, открыл остров, назвав его именем Святого Матвея, и сейчас привез в Санкт-Петербург отчеты об экспедиции, журналы и карты. Отчитается – и снова туда, к себе, на самый край России, где дрожит земля и вздымаются волны Великого океана.

– Значит, скоро дороги наши разбегутся вновь: ты к берегам восточным, а я к средиземноморским. – Спиридов был грустен и задумчив.

– Да ну? – Синд чуть не выронил трубку изо рта. – Тебя уже и с флагманом поздравить можно?

– Рано, да и не знаю, радоваться мне назначению сему или печалиться?

– Что ты, Гриша, ведь о плавании таком мечтать только можно, это же на века!

– Знаю, потому и сомневаюсь, – Спиридов вздохнул, – а душа на простор, Ваня, ой как просится!

И, подсев ближе, он обнял друга. Впереди прямо из воды вздымались форты Кронштадта. Еще ничего не было решено, все еще только начиналось...

16 декабря 1768 года Екатериной II был подписан секретный высочайший указ адмиралтейств-коллегии, гласивший: «Из адмиралтейской коллегии немедленно подать рапорт: 1-е, сколько она к будущей весне кораблей и прочих судов надежно в море нарядить может, какой бы вояж ни был предписан; 2-е, заложенные здесь и у города Архангельского 4 корабля поспеют ли к будущей кампании, и буде не поспеют, то зачем именно». Именно 16

декабря 1768 года можно считать датой начала подготовки Первой Архипелагской экспедиции русского флота. А 24 января 1769 года в своем рескрипте об этом решении императрица уведомила А. Г. Орлова: «Сверх всего сего имеем мы еще в виду по предложению брата вашего генерал-фальдцейхмейстера (Г. Г. Орлова. – В. Ш.), отправление эскадры нашей в средиземное море, ежели только возможность к тому представится...»

Итак вопрос об организации Архипелагской экспедиции был решен положительно.

Тогда же об окончательном решении организации морской экспедиции был оповещен пребывающий в Италии Алексей Орлов – автор сего необычайного для россиян проекта.

Сообщения за сентябрь – октябрь 1768 года от Первой наступательной армии генерала Голицына под Хотинном:

9 сентября. Посланные вплавь ни правый берег Днестра казаки донесли, что турки отступили от крепости. Переправившись к Хотину, мы нашли крепость со всех сторон запертой, влезли на стену и водрузили знамя на главном бастионе. Крепость была пуста. Причиной столь внезапного бегства было возмущение войска постоянно претерпеваемыми поражениями.

21 сентября. Отрядом арнаут подполковника Каразина изгнаны турки из Бухареста, там же захвачен господарь Валахии князь Григорий Гику. При Галаце пленен господарь Молдавии Маврокордато.

29 сентября. На рассвете шеститысячный отряд турок атаковал наш форпост при деревне Шербешти и окружил его. Гарнизон форпоста штыками пробил себе дорогу и вышел из окружения, а соединившись с гренадерским батальоном и гусарами, обратил неприятеля в бегство. Турки приписывают победу себе. Абды-паша – начальник турецких войск в Брангове – получил за это дело звание сераскира Молдавии и множество орденов. С нашей стороны за одержанную победу награжден орденом Св.Георгия полковник Фабрициан.

Глава вторая

В случае боя должен капитан... не токмо сам мужественно против неприятеля биться, но и людей к тому словами, а паче дая образ собою побуждать, дабы мужественно бились до последней возможности.

Из «Морского устава 1721 года»

Сразу же после Рождественских праздников 1769 года капитан 1 ранга Степан Хметевский принимал под свое начало корабль с необычным, но звучным именем «Не тронь меня». Быстро прошло назначение, весело представление, и окунулся капитан с головой в самую гущу дел.

А дел хватало. Линейный корабль – это вершина кораблестроительной мысли. Многосотенный экипаж и десятки тяжелых орудий, громада дубового корпуса и мачты, упирающиеся в небеса. Содержание подобных исполинов под силу не каждой державе, зато уж в баталиях жестоких с лихвой оправдывают они все затраты.

Чудовища, что крепости громят,
Ниспровергают стены вековые –
Левиафаны боевых армад...

Линейные корабли – это ферзи на шахматных досках морских войн. А потому и быть капитаном линкора на русском флоте – почет особый, и доверяется пост этот лучшим из лучших по именному указу императрицы.

Нового командира «Не тронь меня» капитанская среда приняла не сразу. Российский флот не так уж велик, и все друг друга понемногу знают. О Хметевском давно ходила молва как о честном, смелом и толковом офицере.

– Этот в клеотурах никогда не бывал! – говорили уважительно.

Зимой Балтийскому флоту передышка: корабли во льдах, команды в казармах, столица под боком, чем не жизнь! Но Хметевский должность свою исполнял с такой великой ревностью, что вечерами валился за мертвое, а следующим утром вновь засучивал рукава. Торопился капитан корабль свой к предстоящей кампании как можно лучше изготовить, нутром чувствуя скорые перемены.

К капитанству шел Степан Петрович Хметевский двадцать пять лет флотской службы. Дворянства он был самого захудалого. Отец умер рано, не оставив семье ничего, кроме неоплаченных долгов да забытой Богом и людьми деревеньки Хомяково, что затерялась где-то в глуши лесов за Переславль-Залесским.

Вместе с ребятами деревенскими гонял в детстве Степка к реке, по грибы да по ягоды, мчался зимой на санках с горок снежных. Когда же стукнуло ему четырнадцать годков, забеспокоилась мать – куда недоросля своего пристроить, у кого помощи искать да протекции? Был, правда, у Степки дядя развеселый и бравый, лейб-кумпанский гренадер, иногда заезжавший отойти у сестрицы от запоев. Но на дядюшкину помощь рассчитывать особо не приходилось. Кроме того как пить крепко да кричать матерно, кулаками стол дубася, дядюшка приучен ни к чему не был.

Насоветовал матери отставной гвардейский капитан Роставлев, обитавший по соседству. Приковылял как-то на своей деревянной ноге:

– Ты, матушка, сдай-ка Степку своего в шляхетский корпус морской, глядишь, там и люди выйдет!

Дело говорил ветеран баталии Полтавской – в морской корпус брали самых худородных, служба флотская была не в почете. Подслушивая разговор под дверью, плакал с перепугу Степка. Шутка ли – по окиянам плавать! А он и речку переплыть боялся!

Но мать решила твердо, и плач уже не мог ее остановить. Весной того же 1744 года Степана, сына Петрова, записали в ученики Морской академии.

Шли годы. Спустя семь лет упорного труда получил он первый свой унтер-лейтенантский чин. В прусскую войну успешно откомандовал потрепанным линком «Вологда», возил к Мемелю осадные орудия. А закончилась война – и отправили Степана Хметевского на Волгу, в далекую от моря Рыбную слободу. Грузил там усердно дубы казанские для будущих кораблей. Старался крепко, чуть жилы себе не надорвал; зато исполнил все добросовестно и в срок.

Погрузив лес, пошел Степан на барках вверх по рекам в Петербург. Но не дошел: стал лед, и пришлось зимовать в занесенном снегами селе Леонтьевке.

Стоял в тамошнем Новгородском уезде полк драгунский. Офицеры жен своих попривозили, весело было. Степан дамам нравился. Голос зычный, силы через край, сожмет ручищами – аж корсеты трещат! Ну и умный, конечно: о звездах говорит, о странах да землях, что за морями расположены, интересно – страсть! Не то что драгунские, те лишь усы крутят да в вист режут. Приглашали Степана в гости часто. Каждому приятно, чтобы у него на десяток дураков хотя бы один умник был.

Как-то на одном из вечеров познакомился он с девицей Шишковой. Была Маша Шишкова хороша собой: пухленькая, розовая, как колобок, на щеках ямочки – смешливая. Влюбился Степан. Походил-походил да решил предложение сделать. Напудрил парик, отгладил мундир, спитым чаем почистил шляпу и, прицепив шпагу, с дрожью в сердце пошел.

Вытопанная в глубоком снегу тропинка вилась над застывшей рекой. Там, где деревенская ребятня облюбовала себе ледовые горки, услышал он вдруг смех и визг женский. Подошел ближе – и остолбенел: каталась на санках с горы его Маша, а рядом с ней офицер драгунский. Офицер Машу к себе руками прижимал, а Маша хохотала без умолку. Перевернулись санки, упали драгун и Маша в снег, целоваться начали, Пальцы Степана невольно эфес сжали. Развернулся он и побрел прочь...

Прошел ледоход, вскрылись реки, и привел лейтенант Хметевский свой отряд в Санкт-Петербург. С началом же кампании ушел в море. А на следующий год избрала адмиралтейств-коллегия толкового офицера в адъютанты к наследнику – великому князю Павлу Петровичу. Завидовали многие: шутка ли, без всяких протекций, а куда прыгнул! Карьер сам в руки идет, только лови момент!

Степан же пребывал в сомнении великом. Слов нет, назначение льстило, но сколь ко двору он придется – Хметевский не знал, как вести себя в высшем свете – понятия не имел, а что родом не вышел для должности такой – это уж точно!

В обязанности морского адъютанта входило помимо иных сопровождение четырнадцатилетнего генерал-адмирала в морской корпус на прослушивание курса флотской тактики и корабельной архитектуры. У парадного крыльца «высочайшего ученика» встречал всегда сам директор Голенищев-Кутузов, кланялся низко, пудру с парика ссылая. Рядом караул почетный при барабанах и знамени. На знамени герб корпусный – руль и градусок со шпагою, короной увенчанный.

Голенищев-Кутузов, усадив Павла в кресло рядом с собой, увлеченно рассказывал о своем крушении на корабле «Москва», когда его носило в штормовом море от Рюгена до самой Либавы, как рубили мачты и спасались на самодельных плотках, тонули и мерли с голоду. Великий князь слушал рассказы старого морского волка не дыша... Голенищев знал, чем завлечь романтического мальчика!

Пока глава российского флота слушал уроки, Хметевский гулял по гулким коридорам, вспоминая былые корпусные шалости и проказы. При удобном случае заглядывал к учителю своему Гавриилу Курганову. Курганов – знаток наук многих, ученик Ломоносова и Эйлера, воспитатель не одного поколения русских моряков. Сиживали с ним в учительской, пили чай с вареньем вишневым, сетовали на беспорядки флотские и корпусные...

Бродя как-то по этажам в ожидании наследника, услышал Степан звуки флейты. Кто-то неумело, но весьма старательно играл штуку танцевальную. Удивился капитан-лейтенант, вроде бы не тяготело никогда разудалое кадетство к музыке. Пошел посмотреть. Подойдя к одной из жилых камор, увидел кадета, сидящего на койке, с флейтой в руках. Лицо у кадета простое, нос картошкой. Заметив офицера, вскочил он и доложил по всей форме: – Кадет старшей роты Ушаков Федор!

– Садись, дружок. К музыке охоту имеешь? – кивнул Хметевский на флейту.

– Есть малость, да не всегда время свободное бывает, – отвечал Ушаков.

– На что же ты его трапишь, время-то? – еще больше удивился адъютант великого князя, воспитанный на славных традициях корпусной вольницы.

– На то наук морских хватает! – отвечал невозмутимый кадет.

– Ну, коли так, быть тебе, Федор Ушаков, флагманом знатным!* – улыбнулся Хметевский и зашагал прочь.

Иногда встречал в корпусе племянника директора, розовощекого капитана Михаилу Кутузова. Любил Степан перекинуться с ним парой-другой фраз. Адъютант ревельского губернатора Гольштейн-Бекского, бывая по делам в столице, непременно заезжал к своему дядюшке и, в свою очередь, всегда был рад потолковать с приятным собеседником. Особой, впрочем, дружбы меж ними не было, просто встречались два симпатичных друг другу человека, обменивались новостями и, пожав руки, расходились. Каждому судьба уготовила свою дорогу и место в истории...

Летом решила императрица Екатерина катать сына по Финскому заливу на яхте, к морю приучая. Обрадованный таким известием, корпусный директор Голенищев-Кутузов вручил Степану на память книжицу, им самим с французского переведенную. Тонкие белые листы еще пахли типографской краской. То было «Искусство военных флотов» сочинительства Павла Госта, книга, для каждого моряка нужная. Поблагодарил Хметевский генерала за столь щедрый дар, Голенищев на это отвечал мудро:

– Тебя благодарствую, что увозишь цесаревича от сель, глядишь, и не вернется боле!

Все лето проплавал Степан вдоль и поперек залива Финского. Надоело дозарезу, но зато за услуги оказанные произвел его наследник в капитан-поручики своего комнатного флота – честь немалая!

Морским адъютантом наследника императрица была не особенно довольна.

– Моряк он, может, и хороший, – заметила она при случае Мордвинову, – да на вид уж больно свиреп, а о манерах я уж и молчу: что слон в лавке! Поищите Павлуше кого-нибудь пообходительнее да лицом приятнее, а этого забирайте обратно.

На следующий год вырвался Хметевский из дворца, помчался на перекладных в Архангельск принимать новостроенный фрегат и перегонять его из Белого моря в Балтийское. Дорогой остановился отобедать в одной из деревушек у местного помещика-хлебосола Куприянова. Едва сели за стол, в комнату вошла девушка. Степан как глянул, так и понял – это судьба. – Дочь моя Анна, – представил девушку хозяин.

А она стояла, не смея поднять на бравого кавторанга своих серых глаз. Никуда Хметевский в тот вечер не уехал, дал себя уговорить и загостился, благо время свободное у него еще было. Бродили вечерами они с Анной средь берез, слушали щебет птичий и стук сердец своих. Волнуясь, читал Степан избраннице своей стихи сумароковские:

Мы друг друга любим, что ж нам в том с тобою?
Любим и страдаем всякий час,
Боремся напрасно мы с своей судьбою,
Нет на свете радости для нас.
С лестною надеждой наш покой сокрылся,
Мысли безмятежные отняв,
От сердец зажженных случай удалился,
Удалилось время всех забав...

Счастьем сияли огромные серые глаза девушки. Вскоре и сговорились, а на следующий год по возвращении Степана из плавания и свадьбу сыграли.

Но недолгим было семейное счастье Степана Хметевского. Спустя год умерла при родах его любимая Аннушка, и все переменялось. Осталась лишь непроходящая тоска по любимой да море, без которого не мыслил Степан жизни своей. В окне экипажной казармы, несмотря на поздний час, – свет. В капитанской каморе трое: Александр Круз» Степан Хметевский и Федор Клокачев. Все однокашники по выпуску из корпуса, а ныне капитаны кораблей. Курили они трубки, коротали время и резались в юрдон, игру карточную. Беседы вели о политике высокой. Больше всех, как обычно, горячился Круз, вспыльчивый и крикливый капитан «Евстафия»:

– Как так? Татары опять в Крыму в набег подались. А мы все глаза пучим. Щипками не больно с них урвешь, здесь в мах лупить надо!

– Экий ты шустрый, Саша! – крутил головой рассудительный Клокачев. – Пока флота на Азове не будет, не видать нам Крыма как своих ушей!

– Не о том толкуем! – сорвался в крик капитан «Евстафия». – Флот мало-мальски создать – года три надо, а мы наставим пушек на суда партикулярные и ну в каперы, поди, гололобый, догони!

Сидевший подле спорщиков Хметевский молча чесал пальцем свой тяжелый подбородок, в дискуссии горячие не встречая да поглядывая, как багровеет разгорячившийся Круз. Клокачев, не подумавши, нарушил негласную заповедь капитанской среды: с Крузом не спорь, ибо кончиться это может весьма печально и больно. Слишком уж крутой был нрав у капитана «Евстафия»! Опомнившись, Клокачев пошел на попятную.

– Правильно! – сказал примирительно. – Надо и воевать и строить одновременно!

– Понял наконец-то! – хлопнул себя по толстым ляжкам Круз. – Лишь бы дело дали. Мы поднажмем, армейские навалятся – и конец басурману. Эх, скорее бы! Надоело шляться меж островов Березовых!

– Не руби с плеча, Саша! – молвил Степан Хметевский, откладывая в сторону надоевшие карты. – Высокая политика есть дело особ высоких, без нас там разберутся...

– А я в адмиралы и не мечу, – разобиделся сразу Круз, зло тараща водянистые глаза, – это вы все норовите, а мне и на моем «Евстафий» неплохо. Лишь бы дело побойчее дали. А что языком треплюсь, так то за дело радею! – Каперанг опять начал горячиться. Со скрипом отворилась дверь.

– Ну и кричите вы, аж на лестнице слышно. – В комнату с клубами морозного воздуха ввалился замерзший Яков Сухотин, капитан фрегата «Сергий».

– Опоздал, бери штрафную! – кивнул раздосадованный внезапным вторжением Круз.

И, наполнив до краев осмериковый мутно-зеленого стекла штоф, он сунул его стучавшему зубами Сухотину: – Хлебни, сердешный. Да и к огню садись.

– Ну, разве что по маленькой, – ухмыльнулся хитро Сухотин, поднимая тяжелый штоф. – За виктории наши на морях южных! – сказал он, посуду сию враз ополовинив.

– За какую это викторию пил? – заинтересовался сразу почувывший что-то Хметевский. – Давай, Яша, выкладывай!

– Вот что значит в столицу не ездить. Сидите здесь по берлогам и ни черта не знаете! – заулыбался отогревшийся немного кавторанг, сбрасывая тулуп бараний.

– Не томи, злодей, говори! – дружно задвигались заинтересованные капитаны. Сухотин важно и не спеша откашлялся, оглядел сидевших взглядом, полным превосходства. Те, затаив дыхание, не спускали с него глаз.

– Ну, не томи! – не выдержав, застонал со своего кресла Круз. – Помилосердствуй!

– Так вот, – насытившись вниманием к своей особе, молвил наконец-то Сухотин. – С сего дня велено приступать к созданию Донской флотилии. Во главе экспедиции поставлен Алексей Сенявин. Я ж к нему в помощь определен и прибыл сейчас в Кронштадт для отбора служителей. А кроме всего этого, – кавторанг понизил голос до шепота, – велено снаряжать еще одну экспедицию секретную на море Средиземное против турок, чтоб туда вокруг всей Европы плыть! – Это дело! – вскочил с места Круз.

– Садись ближе, – велели Сухотину, – завтра начнешь набирать, а ноне уже поздно, так что давай выкладывай все по порядку...

Вскоре подошли на огонек капитан Корсаков с «Европы» да капитан Барш со «Святослава», заставили Сухотина все по новой рассказывать.

Потом подходили по одному капитаны Борисов, Поливанов, Шубин и другие. Сухотин начинал свой рассказ сызнова, только теперь ему дружно помогали собравшиеся в каморе. Снова и снова слышались восторженные возгласы кого-то из пришедших, и все, в который раз, радовались вместе с ним.

К утру Сухотин лишь хрипел, силясь вымолвить что-либо. А капитаны, раскатав по столу карты, взору непривычные, ожесточенно водили по ним пальцами.

Давно погас камин, нетронутой стояла водка. Сухотина подбадривали весело:

– Не бойся, Яша. В заботах твоих мы тебе помощники, но будь другом, как же все-таки у них на коллегии дело-то было?...

Раннею весною, едва сошел лед, ушли из Кронштадта корабли и суда Ревельской эскадры. Вместе с ними покинул кронштадтский рейд и линейный корабль «Не тронь меня». Впереди была морская кампания 1769 года.

На юге тем временем шла подготовка к предстоящим сражениям. Турки укрепляли свои крепости, готовили к походу четырехсоттысячную армию.

В Крыму седлали коней, предвкушая скорую добычу, татары.

Русские армии собирались у Киева и Кременчуга. Во главе их стояли генералы Голицын и Румянцев. Все ждали лета. Сообщения с театра военных действий за январь – март 1769 года:

15 января. Войска крымского хана вторглись в нашу Елисаветградскую провинцию, а две партии татар направились из Крыма и к Волчьим водам.

16 января. Пятитысячный отряд татар у Бахмута опрокинут и рассеян отрядом генерал-майора Романиуса. Неприятель бежал за реку Терновку.

Февраль 1769 года. Для снабжения флотилии, назначенной действовать от Азова в Азовское и Черное моря, приступлено было к заготовлению в Павловске и Воронеже судов. К весне ее императорским величеством велено заготовить и спустить по Дону к Новочеркасску до 75 судов разной величины с 12400 человек команд при 1035 орудиях, начиная с малого до 24-фунтового калибра.

26 февраля. В крепость Св.Дмитрия на Дону прибыл Вологодский пехотный полк под командованием генерал-поручика Бернеса, назначенный для предварительного занятия Азова и Таганрога.

6 марта. Взяв в прибавок к Вологодскому полку 1000 донских казаков, Вернее подступил к Азову, и так как крепость эта была оставлена турками еще гораздо прежде, то она и была занята нашими войсками без выстрела.

Из Восточной тайной экспедиции:

Зима 1768-1769 годов. Произведя обследование Аляски (Аляксы) и открыв ряд островов, суда Восточной экспедиции стали на зимовку. Галиот «Святая Екатерина» под командованием начальника экспедиции капитана 2 ранга Петра Креницина – у острова Унимак, а гукор «Святой Павел» под началом капитан-лейтенанта Михаила Левашова – у острова Уналяска в бухте, названной им в честь своего судна. В отчете о зимовке Левашов писал: «Пищу худую имели и малую, а от стужи и дождя нигде не сыскать покою». К концу зимовки от цинги и прочих болезней умерло шестьдесят пять человек. Исследования продолжались...

Глава третья

*Собирайтесь-ка, матросушки, да на зеленый луг
Становитесь вы, матросушки, во единый вы во круг,
И думайте, матросы, думу крепкую.
Заводи-ка вы да песню новую, которую пели вечор,
Да на синем море. Мы не песенки там пели – горе мыкали.
Горе мыкали – слезно плакали...*

Из старинной матросской песни

Боцманская должность на флоте – одна из самых хлопотливых. Надлежит боцманам содержать в целости канаты и якоря, анкер-штоки и буи. Отвечают они за отдачу и выборку якорей, содержание мачт, производят разводы на вахты и работы. Да мало ли обязанностей у корабельного боцмана!

Боцман Евсей, что с «Не тронь меня», на флоте уже за тридцать лет. За это время, наверное, только что у черта на рогах не побывал! Рекрутом в Минихскую кампанию воевал под Азовом. Две тяжкие раны там получил. Несколько лет спустя тонул на фрегате «Гектор» у Гогландского рифа*. Позднее отважно сражался со шведами на праме «Дикий бык» в Аландских шхерах*. В войну с пруссаками дрался под Мемелем, ходил в кольбергский десант, опять был ранен. На пути домой еще раз попал в крушение, на этот раз на корабле «Астрахань»*. Всякое было на долгом веку Евсея, пока до боцманской дудки Дослужился.

Евсея весь флот знает, и он всех. С новым капитаном «Не тронь меня» тоже судьба раньше сводила. Перегоняли они несколько лет назад фрегат «Гремящий» из Архангельска в Кронштадт. Знал Евсей, что Хметевский только с виду суров, на самом же деле душа-человек: линьки с мордобоем не жалуется, зато о последнем матросе рачится, как о сыне родном. Таких капитанов на флоте по пальцам пересчитать можно.

Евсей драться тоже не любил, хотя кулаки имел увесистые. Самого по молодости лупили – это да, было дело, и в минуты откровенной беседы боцман с удовольствием

демонстрировал желающим свой щербатый рот. Вот, мол, как в старину-то было, не то что нынче!

Всю зиму Евсей с малой частью команды на корабле. За ним, что за дитем, каждодневный уход нужен.

В апреле остальная команда на корабль перешла, а в начале марта и рекрутов в пополнение прислали. Принимал вновь прибывших Евсей. Осмотрел их с вниманием и недоволен остался. Рекруты как рекруты – рожи глупые, а в глазах тоска и страх.

– Ну, – сказал им, – новая жисть нонче для вас начинается. Учиться всему будете заново: и ходить, и по дереву лазать, и говорить. Вот ты кто таков? – ткнул он пальцем в грудь тщедушного веснушчатого парня.

– Я-то? – шмыгнул тот простуженным носом. – Васька, Митрофана Никонова сын. Евсей махнул рукой безнадежно:

– Не Васька, Митрофанов сын, ты будешь отныне, а самый что ни на есть служитель флота российского! И все запомните, – обернулся он к испуганно жавшимся рекрутам, – что вы теперь не Васьки да Ваньки, а русские матросы!

Построив по ранжиру, повел Евсей новоявленных матросов по черному весеннему льду на корабль. Пронзительный ветер рвал с голов треухи и завертывал полы дырявых армяков.

На корабле рекрутов встретил дежурный офицер в бараньей шубе и надвинутой по самые уши треуголке. Мельком оглядел прибывших, кликнул писаря да лекаря – осмотреть, нет ли болезни или заразы какой. Пришли, осмотрели и записали.

Затем одежду каждому выдали. Чего там только не было: рубахи и порты, башмаки и сапоги, кафтаны со штанами на подкладке холщовой да на подкладке сукна сермяжного, бастроги, шапки и даже по галстуку пышному впридачу.

Повеселели немного рекруты: ишь-то богатство какое! Однако надевать ничего не позволили, а повели на берег в баню. Лупцевали там себя рекруты вениками березовыми, из шаек окатывались до одури. Кричали прибаутки, друг перед дружкой храбрясь:

– С гуся вода, с тебя хуоба, на густой лес да на большую воду!

После баньки накормили сытно. Щей густых дали и каши овсяной с маслом коровьим. Затем уж и по местам приписным развели.

Рекрута Ваську Никонова определили к громадной 30-фунтовой пушке, что стояла в самом нижнем доке. Глянул он на нее – и дух захватило! Шутка ли, такое страшилище: голова в дырку в лазит...

К пушке привел Ваську веселый рябой канонир. Похлопав ладонью по казеннику, приободрил:

– Ничего, матрос-удалец что огурец какой вырастет! Здеся отноне будет тебе и дом, и поле бранное на всю твою жисть! Всему обучайся прилежно, лодыря не корчь, но и вперед не суйся, знай всему черед! Разумей одно: кто в море побывал, тот и лужи не боится.

Остаток дня пролетел для Васьки в тумане. Что-то заучивал, где-то ходил. Наконец рябой канонир Леха Ившин сообщил, что пора и ко сну. Спустившись на свою палубу, развесил Васька по примеру Ившина койку и, едва раздевшись, провалился в тяжелый сон. Противно пищали по углам наглые корабельные крысы, но Васька их не слышал. Снилось ему родная изба на Псковщине, отец усталый, с большими руками, снилась сестра, смешливая балаболка, худенькая и жалкая. Мать сидела рядом и горестно причитала, гладила его по голове... Тишину оборвал пронзительный свист дудки.

– Подъем! Койки вязать и умываться! – кричал, свешиваясь в люк, страшный боцман Евсей.

Ничего не соображающий Васька спросонья никак не мог попасть в штанину портов.

– Живее, живее, – подгонял его уже вязавший свою койку Ившин, – на флоте мух не ловят!

Начинался новый день, начиналась морская жизнь рекрута Васьки Никонова...

Рекрут – это еще не матрос, еще много пота пролить и мозолей нажать надобно, чтобы стать им. Сразу же с приходом в команду поступает рекрут под опеку «дядьки» – старого,

опытного матроса, верой и правдой отбарабанившего на флоте полтора десятка лет. «Дядька» отвечает за рекрута головой – это и понятно: рекрут он и есть рекрут. Ничего не умеет и не понимает, а боится, почитай, всего.

Перво-наперво выучивает рекрут, как зовут его «дядьку», а потом – отделенного и капрального унтер-офицеров, ротного, капитана, а затем – флагманов и уж после всего зубрит длинные и непонятные титулы и звания особ августейшей фамилии.

Торжественно перед строем принимают рекруты присягу на верность престолу и Отечеству. Свежий ветер треплет флеры офицерских треуголок и бороду корабельного иеромонаха. Дрожа от волнения, кладут рекруты левую руку на Евангелие, правую поднимают с двумя простертыми перстами. Слова присяги тяжелы и суровы:

– «И должен везде и во всех случаях интерес... государства престоерегать и охранять, и извещать, что противное услышу, и все вредное отвращать...»

Целуют рекруты крест православный и в строй становятся. Все, теперь им с флота назад пути нет! А учеба настоящая только начинается.

Матрос должен знать и уметь многое. Изучить компас: что это за штука и зачем нужна; вязать многие узлы хитрые; грести на шлюпке; травить якорь в крепкий ветер и действовать при орудиях. Если определен рекрут в марсовые, должен он, помимо всего прочего, уметь поднимать стеньги и реи, ловко работать на марсе, накладывать и обтягивать такелаж, лихо взбираться в шторм по вантам. Определенные к пушкам изучают их так, что с завязанными глазами проделывают все как надо. Особый отбор – в рулевые. Туда берут самых толковых и расторопных, учат их грамоте и счету. Рулевые должны как «Отче наш» знать все румбы, уметь по ним править, бросать лот и развязывать линии.

Много забот у матроса на корабле, но не меньше на берегу. Едва становятся корабли на зимовку, как превращаются матросы в солдат – несут караульную службу, стоят на часах, ходят в обходы и в конвой. Гоняют их строем по заснеженному плацу. Гремят барабаны. Учатся матросы шагать в ногу, стойке правильной, чтобы грудь колесом и глаза не мигая. Приемы ружейные проделывают, учатся ружье держать, «на караул» его вскидывать да прикладом об землю стучать, чтобы все разом и красиво выходило.

Только освоив корабельную, артиллерийскую и солдатскую службы, становятся рекруты настоящими моряками.

Ваську определили в артиллеристы, и поэтому пушки для него – дело наипервейшее. Чин дали ему готлангер-ский, а отвечать велено за фитили. Ох и намучился Васька с ними!

Фитили – это тонкие пеньковые веревки, вываренные в дьявольском растворе из серы и селитры и по-хитрому намотанные на деревянных штоках-пальниках, что втыкаются при стрельбе подле пушек в палубу железными остриями. Хранит их Васька в медном бочонке с двумя дырками по бокам. Бочонок – чтоб не отсырели фитили, дырки – чтоб вонь от них наружу выходила.

Васька уже пообвыкся малость. Корабль большой, народу тьма! Название смешное – «Не тронь меня». Почему «не тронь»? Чудно!

Вечерами слушает Васька с замиранием сердца истории разные о войне с пруссаками, о плаваниях и бурях морских. Жутко, но интересно – страсть! Увидь его сейчас матушка – вот реву-то было бы. А он ничего, будто так и надо.

Домой тянет – это да. Собираются иногда рекруты кучкою, вспоминают деревеньки свои, и такая тоска тогда нападает, что хоть о борт головой бейся...

Офицеров Васька почти не боится, робеет только. Офицеры все красивые, важные, в бантах и перьях. Ходят по палубе туда-сюда. Сами ничего не делают, только командуют. Капитан – тот вообще Ваське не понятен. Выйдет на подъем флага, зыркнет по сторонам, соберет вокруг себя офицеров и водит их по кораблю за собой, везде пальцем тычет. Офицеры потом унтерам за нерадивость выговор учиняют, а те с матюгом и кулаками на матросов накидываются.

Кого боится Васька, так это унтеров. Они всегда рядом, все видят, все знают, от них не укроешься. Кричат, ногами топают, в дудки свистят, чуть щеки не лопаются, а ругаются – аж

мурашки по спине бегут. Никогда еще не слышал Васька, чтоб мужики в деревне так ругались, куда им! Эти такие словеса вворачивают, что чертям в аду, наверное, тошно становится.

С Ившиным Васька подружился. Многому научил его опытный канонир. Кроме работ корабельных, ежедневно с утра устраивались артиллерийские экзерциции. Ровно в восемь часов взрывались дробью барабаны, плечистые констапели кричали в надрыв: – Готово! – Люди, ступай в корабль! Бери с порохом рог! Наступал самый ответственный момент. Канониры быстро протыкали затравками запалы, ссыпали в них черный искристый порох. – Целься верней! – несло по орудийным декам.

Щуря глаза, канониры руководили наводкой. Прислуга, обливаясь потом, приподнимала ствол, орудуя железными правилами. – Годится! Бей клин! – командовали канониры.

Правила быстро убирались, вместо них под казенную часть вбивали клинья. Теперь пушку наводили по горизонту правилами деревянными.

– Левее... левее... – шептали канониры, – ишшо чуток... Во, теперь порядок!

– Готово! – докладывали они констапелям, поднимая руку. – Пали!

От чадающих паяльников разом воспламенялись запалы. Грохот наполнял корабль: то, изрыгнув ядра, рвались в судороге назад пушки...

Общая артиллерийская экзерциция – вершина мастерства. Чтобы достигнуть ее, нужно долго и с толком учиться. Вначале артиллеристов обучают стрельбе из мушкетонов по неподвижной цели: как целиться, вернее, как мушку на цель наводить. Когда промахи исчезают, переводят матросов к качелям. На качелях мушкеты стоят в гнездах специальных.

– Пальба на качке! – объявляют офицеры. Сначала раскачивают качели понемногу, затем все сильнее и сильнее, и цель начинает двигаться. И только когда все пули летят метко, артиллеристов допускают к пушкам.

При подготовке к кампании на «Не тронь меня» выявился большой комплект орудий. По этой причине каперанг Хметевский послал на арсенал наряд присмотреть годных пушек. Во главе наряда исполнительный лейтенант Мельников*. Назначили на арсенал и Ваську. Добралась туда матросы по растаявшему снегу. Казенные башмаки противно хлюпали в сочной весенней грязи. У арсенала часовой, спасаясь от дождя, накинул на себя дырявый мешок. Человек не человек, пугало не пугало.

На складах пушек пропасть, но, почитай, все перепорченные. Васька пушек не выбирал (не его ума дело), 8 таскал в телегу то, что уже было выбрано. Но таскать пришлось до удивления немного. Офицер дело свое знал отменно, каждый ствол ощупывал, достав зеркальце, высматривал, нет ли изнутри раковин или ржавчины какой: – К употреблению опасно! Волоките обратно!

Знак годности – адмиралтейский якорь – накладывали редко. Ругался офицер, кулаками начальнику арсенала грозя:

– Ты, глянть, такой-разэтакий, что у тебя творится! Ты же тыщи стволов губишь, сволочь! Краснел чиновник от злости, огрызаясь в ответ:

– Не оскорблять! Я дворянин потомственный и оскорбительств чести своей не потерплю!

– Ах, ты еще о чести вспомнил! – разозлился вконец офицер и хватил за шпагу.

Начальник арсенальный не стал ждать, чем все закончится, а, живот немалый подобрав, дал деру.

Наохотались матросы, глядя, как прыгает через лужи чиновник.

А Ваське обидно стало, что не побежал за складским их офицер. Вспомнилось вдруг далекое: их деревня, барин толстый, точь-в-точь как этот. Чай любил во дворе пить да смотреть, как мужиков насмерть запарывают. А на Пасху созовет, бывало, сирот яичками крашеными одаривает, слезится... Жалко, что не побежал за складским офицером!

Так и вернулись, почти без пушек. Ившин потом говорил, будто лейтенанта ихнего здорово капитан ругал. А Васька так понял, что ругался капитан потому, что тоже, как и он, толстых не любил.

Как ни странно, но так оно и получилось. Когда, вернувшись с арсенала, доложил лейтенант Мельников, что отобрал лишь неполный десяток стволов, не сдержался Хметевский:

– Что же ты, дружок, по мордасам не выдал чиновнику складскому за все содеянное в благодарение от флота российского?

Потупился лейтенант Миша Мельников, сказал, желваками играя:

– Виноват, боле сей конфуз не случится! Вечером перед самым отбоем собирались обычно на «Не тронь меня» матросы подле фок-мачты, где место для курения и разговоров уставом определено. Травили они байки флотские, пели песни любимые:

Уж мне надобно сходить
До зелена луга...
Уж мне надобно навестить
Сердешного друга...

Вначале распевали песни грустные, неторопливые, потом побойчее да повеселее. Наконец кто-то не выдерживал:

– Эх, веселое горе – матросская жисть! Давай круг, робяты!

Расступались тогда матросы, подвигались, давая простор плясуну. А тот как присвистнет, притопнет и пошел наяривать, только доски палубные гнутся! Вот еще двое не выдержали, тоже в круг повыскакивали.

– Давай, «фока», жарь, наша мачта завсегда впереди всех стоит!

– Митька-то, Митька дает, даром, что ль, бизаньский!

И вот уже понеслась над притихшим рейдом, над волнами и кораблями удалая матросская плясовая:

Тпру ты, ну ты,
Ноги гнуты...
Попляши, попляши,
Ноги больно хороши,
Еще нос торчком,
Голова крючком...

А вскоре пришел на «Не тронь меня» ордер адмиралтейств-коллегии, коим предписывалось списать часть команды на корабли и суда, уходящие в Средиземное море в составе эскадры адмирала Спиридова. Разлучила судьба моряцкая Ваську Никонова с Лехой Ившиным. Ваську определили на линейный корабль «Три Святителя», Ившина же – на корабль «Святой Евстафий». Перешел туда же, на «Евстафий», и старший боцман Евсей. Кто знает, доведется ли им еще свидеться...

Сообщения с театра военных действий за март – май 1769 года:

17 марта. Отряд бригадира Жедерса из 500 казаков при 4-х фальконетах выступил на Таганрог из крепости Св.Дмитрия!

19 марта. Отряд Жедерса занял Таганрог. По совершении молебствий на главном валу со стороны Крыма поставлено русское знамя и расставлены караулы.

31 марта. Двухсоттысячная турецкая армия начала свое движение от Андриополя к Дунаю.

Апрель. Кошевой запорожский атаман предпринял набег в Крым и разбил сильную партию татар под Очаковым, взяв в плен самого татарского начальника Бешлей-ага-Османа.

15 апреля. Начало боевых действий Первой армии генерала Голицина.

18 апреля. Русские войска под командованием генерала Голицина подошли вплотную к турецкой крепости Хотин и открыли по неприятельскому лагерю сильную пальбу. После трех часов канонады турки вынуждены бежать, заперевшись в крепости. Взято в добычу 3

знамени и 7 пушек, урон убитыми, которых неприятель забрал с собой, значителен. С нашей стороны урон состоял из 5 человек.

5 мая. 1-я дивизия 2-й армии, при которой находился и граф Румянцев, переправилась у Кременчуга через Днепр по мосту, составленному из плотов, и расположилась у Крюкова шанца.

2-я дивизия генерал-аншефа князя Долгорукова переправилась у крепости Переволочны на плотах и мелких судах и стала при Мишуриногском укреплении.

3-я дивизия генерал-поручика Берга продолжала стоять у Бахмута.

Глава четвертая

*У далеких немских стран
Есть, ребята, окян.
По тому ли окяну
Ездят только басурманы;
С православной, же земли
Не бывали николи
Ни дворяне, ни миряне
На поганом окяне.*

П. П. Ершов

С последнего заседания адмиралтейств-коллегий дел у вице-адмирала Спиридова заметно прибавилось. Прежде всего осмотрел он самым тщательным образом весь корабельный Балтийский флот. Старые корабли забраковал для дальнего плавания сразу. Построенные еще в пору бывшего «недосмотрения», были они кое-как сбиты гвоздями, отчего даже на малой волне грозили рассыпаться.

Взвесив все, решил Спиридов отбирать в секретную экспедицию корабли и суда, отслужившие не более пяти лет. Эти были вполне надежны. Посовещавшись меж собой, предложили адмиралы императрице отправлять флот в Средиземное море не разом, а постепенно, эскадра за эскадрой, чтобы успевать с починкой и подготовкой к плаванию. Екатерина согласилась с доводами. Определили и состав передовой эскадры: семь линейных кораблей, фрегат, бомбардирский корабль, пара пакетботов да несколько транспортов с припасами и десантом. Хотели было адмиралы еще немного эскадру усилить, но императрица более ни одного вымпела не дала, опасаясь шведских провокаций на Балтике.

А в адмиралтейств-коллегий не утихали споры: кому вести передовую эскадру? По всем статьям выходила эта Должность Спиридову, но тот упорно отказывался, говоря сердито в своем кругу:

– Не пристало мне, вице-адмиралу и кавалеру российскому, в услужении у цареубийцы Алехана пребывать! Честь свою превыше всех других наград почитаю! Екатерина тем временем торопила Чернышева:

– Кого ставит коллегия над флотом, в южные моря идущим?

– Спиридова хочу, флагмана кронштадтского, – вздыхал граф Иван, – но сомневается он, будет ли власть ему в руки дадена.

При упоминании имени Спиридова Екатерина поморщилась. Неприязнь императрицы к своему адмиралу началась давно, еще с флотских маневров 1763 года. Тогда, глядя на неудачное маневрирование Кронштадтской эскадры, Екатерина заявила во всеуслышание:

– У нас в излишке кораблей и народа, но нет ни флота, ни моряков!

Услышав слова такие, стоявший рядом контр-адмирал Спиридов ответил Екатерине дерзко, не убоясь гнева:

– Дело, ваше величество, не в кораблях и моряках, кои честно и не щадя живота своему Отечеству любимому служат, а в тех, кто о флоте заботу иметь должен!

И сейчас, выслушав графа Ивана Чернышева, императрица ответила раздраженно:

– Полноту власти обещаю твердо! Графу Алексею дела земные, Спиридову твоему морские. Каждому стихия своя!

А на следующий день Екатерина лично приняла будущего флагмана Первой Средиземноморской эскадры. В разговоре с ним была любезна и предупредительна. Обещала исполнить все, что Спиридов ни пожелает. Уговаривала ласково:

– Зная верность вашу и усердие, к Отечеству любовь, хотела бы я поручить вам главную команду над отправляемой к грекам эскадрой!

Прощаясь, возложила на адмирала значеный образ воителя Иоанна на ленте голубой Андреевской. Сказала, улыбаясь ласково:

– Даю сей сильный талисман. Он залогом побед ваших будет! Экспедицию ж по всегдашней к вам договоренности препоручаю под ваше ведение.

Все, беседа окончена. Арапы в белых чалмах, распахивая двери, скалили ослепительные зубы.

– Давай в коллегию! – выйдя из дворца, бросил Спиридов кучеру. Приехавши туда, Ивану Чернышеву он заявил так:

– Уж коли государыня слово дала, то, будучи в полной самостоятельности, я все, что надобно, исполню!

– Слава те, Господи! – перекрестился облегченно Чернышев. – Поздравляю с назначением на сей пост высокий, Григорий Андреевич!

Отмолчался вице-адмирал и тотчас отбыл к себе в Кронштадт.

В тот же день Екатерина II писала в Ливорию Алексею Орлову: «Будучи совершенно надежны в вашей к нам верности, в способности вашей и в горячем искании быть Отечеству полезным сыном и гражданином, охотно соизволяем мы по собственному вашему желанию поручить и вверить вам приготовление, распоряжение и руководство сего подвига».

Одновременно отписала она и ордер о производстве доверчивого Спиридова в полные адмиралы. Пусть до поры до времени пребывает в счастливом неведении и тешится малым. Окончательно задабривая Спиридова, определила Екатерина ему четыре тысячи на подъем и семьсот столовых, больше, чем кому-либо в прежние времена.

20 марта 1769 года Екатерина II подписала указ: «Мы поручили нашему вице-адмиралу Спиридову некоторую экспедицию, чего ради адмиралтейская коллегия имеет к споспешествованию оной чинить ему по его требованиям возможные вспоможения».

Императрица торопилась. Воображение ее подстегивали послания «тайного главнокомандующего» из Италии: «Эскадра наша от восьми до десяти военных кораблей и на которые несколько войск наших посажено будет, если достигнет до наших мест, чем скорее, тем лучше. Слыша о неисправности морской турецкой силы, о слабости их с сей стороны, надежно донести могу, что она... более страшна им быть может, нежели все сухопутное войско».

Было адмиралу Спиридову в ту пору шестьдесят, и злые болезни уже одолевали его подорванное долгой службой здоровье.

Сам адмирал происходил из рода древнего. Деда и прадеды его издавна воеводствовали в подмосковных городках, пока не вырвался в лихое петровское время на балтийские берега сын димитровского воеводы Андрюшка Спиридов. Сам связавший жизнь с морем, он и сыновьям своим, Василию и Григорию, указал стезю морскую.

Старший Василий, быстро дослужившись до лейтенантского чина, нелепо погиб в самом конце войны со шведами.

Десятилетним волонтером ступил на корабельную палубу и младший, Григорий. Довелось ему поплавать по морям Балтийскому и Каспийскому, даже на Волгу-матушку судьба заносила. В войну с турками был в адъютантах при командующем Донской флотилией адмирале Бредале. Учил его старый моряк мыслить толково, решений смелых не бояться. Обучая, говаривал смышленому адъютанту слова петровские, что в уставе морском на века: – Порядки писаны, а времен и случаев нет!

Затем были моря и походы иные. Прошел адмирал по всем ступеням службы морской: штурмовал крепости и рубил вековые леса, преподавал науки и водил эскадры. Все было на долгом веку адмиральском!

Учителей он имел именитых: Апраксина, Бредаля да Мишукова. Друзей верных: Семена Мордвинова, Харитона Лаптева* да Нагаева Алексея.

Но так уж распорядилась судьба, что все проделанное ям ранее стало лишь подготовкой к великому делу, которое предстояло совершить теперь. Отныне имя его прочно и навсегда входило в историю – имя первого флагмана России, на долю которого выпала честь вести эскадру к далеким берегам южных морей.

Перво-наперво отобрал Спиридов в состав Средиземноморской эскадры следующие корабли: «Святой Евстафий Плакида»*, «Святой Иануарий», «Северный орел», «Три Иерарха»*, «Три Святителя»*, «Святослав» и «Европа». Фрегатом определил «Надежду Благополучия», уже побывавшую в средиземноморских водах. Бомбардирским кораблем решил адмирал брать «Гром»*. Он хоть и был поменьше своего собрата «Страшного», но зато исправнее и крепче его.

Капитанов адмирал подбирал себе сам. Брал самых достойных и в деле морском искусных. Такие фамилии, как Круз, Клокачев, Барш и Хметевский, говорили сами за себя.

Флаг-капитаном по совету Мордвинова назначил капитана 1 ранга Федора Плещеева, удачно сходившего несколько лет назад на фрегате «Надежда Благополучия» в Средиземное море. В свое время Плещеев командовал фрегатом, на котором проходили практику сыновья Мордвинова. Капитан дал им блестящую аттестацию, и оба они вне очереди были произведены в мичманы. Спиридов рекомендованным флаг-капитаном остался доволен. Плещеев являлся не только опытным и образованным капитаном, знавшим дюжину европейских языков, но и одним из лучших гидрографов русского флота.

Однако когда капитанский вопрос был уже утрясен и Утвержден на коллегии, прибывший из Петербурга в Кронштадт Чернышев потребовал, чтобы помимо уже назначенного в экспедицию шотландца Грейга был определен в капитаны и англичанин Роксбург. Таково было желание императрицы. Узнав о приказе, Спиридов ругался страшно. Иностранцев он не любил, справедливо полагая, что каждый должен служить своему Отечеству. Но делать было нечего, и адмирал скрепя сердце подписал гербовую бумагу о назначении Роксбурга капитаном «Трех Святителей» вместо недавно определенного туда Степана Хметевского. Незаслуженно обиженному каперангу сказал:

– Помню, ценю и люблю! Приплывешь ко мне со Второй эскадрой – отдам «Святителей», приплывешь с третьей – все одно они твои!

Все дни Спиридов пропадал на снаряжавшихся кораблях, а ночами вместе с Алексеем Сенявиным просиживал за чертежами, изобретая для Азовской флотилии особые суда. На сон, еду и семью времени не было!

Несмотря на грозный приказ Екатерины: «Всего давать в экспедицию щедро!» – каждый гвоздь, каждый фунт солонины вырывался со скандалом, с боем.

– Воистину: у нас легче украсть, чем получить положенное, – мрачно шутили моряки. Без задержки выдавали одни чугунные балясины...

Целыми днями обивали пороги бесчисленных портовых контор бравые капитаны. Сыпались в кошельки складских толстосумов звонкие офицерские червонцы...

Спиридов издергался, стал вспыльчив и криклив. Что не мог взять законно, вышибал горлом. Но все равно дело двигалось медленно. Кончилась весна, а корабли еще не имели ни команд, ни пушек, ни припасов. Только метались из конца в конец взмыленные курьеры и торопили, торопили, торопили...

По совету флаг-капитана Плещеева уходящие корабли обшивали просмоленным войлоком, набивая поверх него дюймовые доски, чтоб от древоточцев предохраниться. Процедура кропотливая! Вначале команды освобождали от грузов трюмы, наглухо законопачивали все люки, затем корабли килевали, очищая попеременно борта и днища от

ракушек, и только затем обшивали корпуса. Работая не покладая рук, к весне все корабли Цервой эскадры привели в надлежащий порядок.

Хватало забот и с провизией: на такой большой срок ее еще никогда не заготавливали. Особенно много набирали морских сухарей тройной закалки, которыми доверху засыпали брот-каморы, да любимой русскими моряками архангельской трески. От цинги грузили мешки с еловой хвоей. Не хватало матросов, и корабли комплектовали солдатами и рекрутами. Капитаны ругались до хрипоты, наотрез отказываясь от такого пополнения, но не видя иного выхода, брали, ругались – и брали вновь. Не имелось навигационного инструмента и лекарств...

Не хватало многого, но ждать более было нельзя, время поджимало.

– Торопь такая, что некогда и чихнуть, – мрачно шутили матросы, таская на взмокших спинах съестные и питейные припасы.

Из штатов Кронштадтского порта Спиридов вытребовал мастеровых из цехов: корабельного, ластового, мачтового, блокового, котельного, литейного, компасного, малярного и печного. Позабирал адмирал с верфей плотников и конопатчиков, парусников и прядильщиков, кузнецов и пильщиков, хлебников и даже мясосольных учеников. Выгреб все под метелку.

Уступив просьбе Спиридова, Екатерина II пожаловала офицеров и всех корабельных служителей с уходящих кораблей четырехмесячным жалованием «не в зачет». Особенно радовались выдаваемым деньгам женатые матросы: их матроски с ребятишками не будут нищенствовать хотя бы первое время.

Каждое утро, еще затемно, адмирал проводил скорые консилиии с капитанами кораблей и знатными корабельными мастерами, давая им задания на день.

– Из кораблей всех боюсь я более за «Северный Орел», уж больно он не крепок в сравнении с остальными, – делился он своими сомнениями с корабелями.

– До берегов аглицких корабль сей доплывет. За то головы свои кладем смело. Но уж в Англии «Орел» чинить будет надобно, – отвечали ему старшие из мастеров, Селянинов и Афанасьев.

– А каково будут безопасны от пожаров возможных крюйт-каморы корабельные? Не будем ли гореть на виду всей Европы, как наши «Паша» с «Сашей»*?

– Каморы обобьем добротно листом свинцовым, а дерево пропитаем составами негорючими, так что будьте покойны, Григорий Андреевич! – успокоили его седые мастера.

Политическая обстановка, однако, оставалась сложной. Непокойно было в Швеции. Профранцузски настроенный наследный принц Густав (будущий король Густав III), поощряемый своим воспитателем бароном Шеффером, готовился нанести удар по «Северному аккорду» и выступить в январе 1769 года на сейме с речью о реванше итогов Северной войны.

Екатерина II с Никитой Паниным были встревожены выходкой шведского принца не на шутку. Ситуация молниеносно обострялась, возникала реальная угроза новой войны. Из-за необходимости усиления Балтийского флота затрещал весь «греческий проект» Орловых.

Воспользовавшись обстановкой, принялся Никита Панин отговаривать Екатерину от Архипелагской экспедиции:

– От сей затеи, государыня, одни неприятности да склоки по всей Европе. Вот и швед уже зашевелился, пересмотра трактата Абосского требует, нынче корабли спиридовские нам и здесь сгодятся!

Но Екатерина, проявив выдержку, от проекта и на этот раз не отступила.

– Флот к берегам греческим, Никита Иванович, посылать будем, а против замыслов шведских выставим свою эскадру Резервную, – заявила она президенту иностранной коллегии. – Вам же предстоит купить с потрохами сейм шведский. Денег не жалеть: сколько запросят – столько давайте, кровь денег дороже!

Русский посол в Стокгольме граф Иван Андреевич Остерман затребовал у Панина на подкуп двести тысяч рублей, затем еще и еще. Узнав о «финансовой диверсии» Екатерины II,

французский министр иностранных дел Шуазель сделал ответный ход и одарил, со своей стороны, золотом «французскую партию» сейма. Но и Панин не отступал. Русское золото щедро текло в карманы не только сторонников России, но и ее противников. Результат не замедлил сказаться. Сейм проголосовал против предложений принца Густава. Шведская Конституция 1720 года оставалась в силе, и Россия смогла наконец-то вздохнуть спокойно.

В русском правительстве упрямо продолжал борьбу против экспедиции одинокий Никита Панин. И если в борьбе со шведскими реваншистами он действовал под жестким контролем Екатерины, то когда представлялся случай чем-либо помешать «орловской затее», а императрицы не было рядом, тут уж президент иностранной коллегии своего не упустил. Его ненависть порой доходила до смешного. Так, просматривая черновик высочайшего рескрипта Спиридову и вычитав там фразу «рассудили воспользоваться случаем к освобождению греков», граф Панин немедленно перечеркнул слово «освобождению» и, брызгая чернилами, со скрипом размашисто начертал сверху: «облегчению жребия». Свое неприятие экспедиции он распространил и на Спиридова, ставшего для него конкретным виновником всей этой затеи...

В эти дни английский посол Каткарт получил секретную депешу от министра иностранных дел Рочфорда, которая в пути была, впрочем, уже тщательно перлюстрирована агентами Екатерины. Лорд Рочфорд писал: «Несмотря на то, что король заявил полнейшую и искреннюю готовность оказать всю желаемую императрицею помощь морской экспедиции, которой она так интересуется, тем не менее его величество желал бы, чтобы было обращено большее внимание на препятствия, могущие встретиться при исполнении этой мысли».

Сообщения с театра военных действий за июнь 1769 года:

9 июня. Двухсоттысячная турецкая армия во главе с великим визирем перешла Дунай и двинулась к Бендерам, имея целью вторжение в Новороссию.

24 июня. Генерал Голицын вновь начал переправу через Днестр к Хотину, чтобы привлечь к себе турецкую армию.

29 июня. Значительный отряд неприятеля, шедший из Ясс к Хотину на подкрепление, атаковал наш авангард. Перестрелка продолжалась до самой ночи, и турки вынуждены были отступить за Прут. В тот же день при местечке Надворном отряд капитана Тотовича разбил наголову сильный отряд польских конфедератов под предводительством Твардовского, положив на месте 45 человек. Сам Твардовский был взят в плен.

30 июня. Турки выступили из Хотина силою до 30 тысяч человек, которые выстроились к бою, показывая вид решительного нападения. Тогда армия наша тоже построилась в боевой порядок, намереваясь опрокинуть противника. Но едва сделано было несколько пушечных выстрелов и брошено две-три бомбы, как все неприятельские войска поспешно отступили в Хотин.

Из Восточной тайной экспедиции:

Июнь 1769 года. К острову Умнак, где зимовал Креницын, прибыл гукор «Святой Павел». Покидая место зимовки, Креницын велел поставить на берегу деревянный крест. Под крестом в скважине оставил памятную записку. Суда двинулись в Нижне-Камчатск. В течение трех последующих дней были описаны все острова группы Креницына. Отделяясь от галиота «Святая Екатерина», капитан-лейтенант Левашов на гукуре искал южнее острова Умнака землю, но не нашел. Описал четырехсopочные острова, лежащие между Умнаков и Амухтой. Затем «Святой Павел» прошел проливом между островами Амухта и Амля в Берингово море и после тяжелого двадцатидневного плавания достиг острова Медный. Исследования продолжались...

Обойдя еще до подъема флага эскадру на катере, капитан 1 ранга Плещеев велел грести к «Трем Святителям». Там с портовых баркасов перегружали груды овчинных шуб. Разгневался флаг-капитан, такое увидевши: – Чей это приказ – овчины нагружать? С квартердека словоохотливо пояснили: – А Роксбурга, капитана нашенского! Скривился Федор Плещеев:

– От шуб сих токмо дух вонючий да вошь расплзается. Кидайте обратно в баркас!

От «Святителей» велел он квартирмейстеру править катер к арсеналам, куда сегодня должны были доставить вытребованные для эскадры единороги. Ставить эти новейшие орудия на корабли долго не решались, опасаясь, как бы сноп огня из коротких стволов не вызвал пожара. Однако Спиридов на единорогах настоял, и их наконец-то привезли. Подле орудий нашел Плещеев и самого адмирала. Спиридов наставлял цейхмейстера Ивана Ганнибала:

– Однорогов дадено нам самая малость, посе му ставить будем на гон-дек по паре картаульных, на опер-дек по паре полукартаульных, а на полудеках станем крепить трехфунтовые фальконеты.

Широкоскулый, смуглый Ганнибал лишь кивал согласно.

Завидев Плещеева, пригласил его Спиридов в портовую конторку ознакомиться со скопившимися бумагами. Там же велел он флаг-капитану заготовить ордер на то, чтобы такелаж корабельный для большей прочности немедля начинали обливать тиром – смолой древесной, с салом перемешанной. В дверь заглянул адмиральский адъютант Кумани:

– Ваше превосходительство, к вам офицеры на прием просятся! – Давай! – Спиридов оторвал голову от бумаг.

Скрипнула входная дверь, и перед адмиралом вытянулись два бравых офицера в зеленых, с белым подбоем, корабельных кафтанах. – Слушаю вас! – Спиридов глядел ласково.

– Офицер корабля «Святая Екатерина» капитан-лейтенант Извеков! – доложил старший из вошедших.

Рыжие космы его упрямо торчали из-под короткого мастерового парика.

– Не надворного ли советника Степана Извекова сынок будешь? – спросил адмирал. – Точно так, ваше превосходительство.

– Мы с батюшкой твоим еще с Донской экспедиции знали, отчаянный был капитан, Царство ему Небесное! – Спиридов перевел взгляд на второго из явившихся.

– Офицер того же корабля мичман Ильин! – представился тот. Мичман был худ, курнос и застенчив.

– Ну-с, с чем же вы пожаловали ко мне? – поднялся из-за стола адмирал.

Он подошел к офицерам и, встав рядом, приободрил растерявшегося Ильина: – Не робей, мичман, выкладывай смело!

– Ваше превосходительство! – густо покраснев, отвечал Ильин. – Мы горячо желаем быть в полезности Отечеству нашему в сей трудный для него час. Просим оказать нам великую честь, зачислив в экспедицию. – Он перевел дыхание. – Все!

Каперанг Плещеев, полистав записную книжку, покачал головой: – Вакансий нет! Спиридов немного помолчал.

– Хорошо. Ступайте! – Он махнул рукой, давая понять, что разговор окончен.

Офицеры, лихо развернувшись на каблуках, так что шпаги описали на отлете приличный полукруг, вышли, печатая шаг.

Глядя на них в окно, Спиридов почувствовал, как остро завидует этим молодым ребятам, у которых все еще впереди.

«Черт знает что, – подумал он. – Давно ли я сам вот так же напрашивался под ядра у Азова, и годов мне было не более, чем этим просителям, а вот теперь они хотят одного: чтобы им позволили умереть за Отечество!»

А Извеков с Ильиным еще долго бродили, сбивая ботфорты о брусчатку Кронштадта, силясь понять, что значили спиридовские слова.

Через сутки на линейном корабле «Святая Екатерина» огласили ордер, коим предписывалось капитан-лейтенанта Извекова определить капитаном уходящего в экспедицию линка «Лапоминк». А мичмана Дмитрия Ильина – командиром мортирной батареи бомбардирского корабля «Гром».

В преддверии плавания в южные воды остро встал вопрос о предохранении кораблей от морских червей-древоточцев. По совету бывшего капитана фрегата «Надежда Благополучия»

капитана 1 ранга Федора Плещеева, уже побывавшего на Средиземном море, было решено обшить корабельные корпуса дополнительным предохранительным слоем досок. Обшивка корпусов при всей ее необходимости еще больше задерживала подготовку кораблей. В марте 1769 года адмиралтейств-коллегия докладывала по этому поводу императрице: «Высочайше В.И.В. благоволение есть, чтоб показанный флот по первому всевысочайшему В.И.В. повелению немедля в море выступить мог, то за сим коллегия собою к выше-писанному предприятию приступить смелости не имеет, и всеподданнейше испрашивает о сем всевысочайшего В.И.В. указа». Скрепя сердце, Екатерина II наложила на прошение резолюцию: «Быть по сему, а обшивать сколько успеют».

Корабельному офицеру времени для сборов к новому месту службы надо немного, Вещей нажитых – раз-два и обчелся.

В тот же вечер Ильин вкуче с Извековым давали в близлежащей от порта фортыне отходную. Скинув парики и отстегнув шпаги, пили бравые мореходы водку перцовую с вином красным, вспоминая прошлое, гадали о будущем.

Моряков всегда связывает между собой нечто большее, чем просто служба. На корабле все на виду. Радости и горести каждого становятся здесь общим достоянием, вызывая то шутки, то осуждение, то сочувствие.

– Кто знает, друзья, соберемся ли еще вместе! – обвел глазами собравшихся Извеков. – Так разошьем же прощальную братину!

– Эх, края италийские да мальтийские, неблизкий путь до вас, а с басурманами биться и того не легче. Удачи вам! – пожелал покидающим «Екатерину» офицерам лейтенант Григорий Козлянинов*. На безымянном пальце лейтенанта золотой перстень. На перстне крест ордена Мальтийского – четыре наконечника стрел, остриями сомкнутые.

Корабельная молодежь искренне завидовала счастливицам, более старшие просто радовались удаче товарищей. Гардемарин же Ваня Фомин чуть не плакал от отчаяния: как-никак он по выпуску из корпуса проделал уже три кампании, всегда старался во всем быть первым, мечтал о путешествиях, дальних плаваниях, открытиях, а тут такой конфуз! Самое обидное, что с эскадрой уходили его однокашники: Сашка Бордуков, Андрюшка Растопчин, Володька Ржевский. Вчера, проходя мимо по набережной, гордый своим назначением на «Трех Святителей», Андрюха Растопчин даже не поздоровался, отвернулся, будто и не заметил вовсе. Когда счисление навигацкое в корпусе списывал, первый друг был, а теперь зазнался. А он до последнего дня, пока набирали команды на уходящие суда, надеялся, что кто-нибудь о нем вспомнит. Напрасно! Прощайте, дальние моря и загадочные греческие острова, жестокие сражения с турками и улыбки освобожденных наложниц! Вместо этого опять нудные практические плавания подле Красной Горки.

От духоты кабацкой и дум безрадостных распахнул Ваня зеленый корпусной мундирчик с лацканами белыми и, подперев рукой подбородок, глядел на всех горестно.

– Ничего, Ванюша! – угадав гардемаринские думы, подбодрил его Извеков. – Придет и твой черед!

Да, так оно и будет. Через год на линейном корабле «Всеволод» уйдет Ваня Фомин в Средиземное море. Будут бои жестокие и кровавые, плавания дальние и опасные. Через много лет воплотит он в жизнь мечты своей юности, приняв под команду Удинский порт, что на далеком Охотском море. Откроет новые берега и земли, отдав Великому океану пятнадцать лет службы. И на склоне лет, отставным адмиралом, будет вспоминать с теплой улыбкой тот далекий вечер и друзей, чьи имена давно уже стали легендой. А пока Ваня Фомин с печалью смотрел на своих товарищей, и слезы горькой мальчишеской обиды стояли в его глазах.

Корабли эскадры по одному подтягивались в Среднюю гавань и грузились порохом.

Сообщения с театра военных действий за июль 1769 года:

2 июля. Утром обе стороны у Хотина приготовились атаковать друг друга. В 5 утра многочисленная неприятельская конница бросилась на наш левый фланг и смела стоявшие там легкие войска, а потом устремилась на карабинер, которых тоже опрокинула. Вслед за

тем были расстроены и окружены войска генерала Штофельна, стоявшие на правом фланге. В этот критический момент два батальона наших гренадер, стоявшие в резерве, атаковали в штыки и отбросили неприятеля. Последующие атаки турок успеха не имели. Гренадеры просили идти вперед на неприятеля... Вскоре новые огромные силы турок до 70 тысяч человек под начальством румелийского сераскира Магомет-паши стремительно напали на нас со всех сторон. Сильный ружейный и пушечный огонь вырывал из рядов неприятеля множество жертв; но, несмотря на это, атаки возобновлялись одна за другой в продолжение нескольких часов. Тогда Апшеронский полк, гренадеры и артиллерия взошли на господствующие высоты и открыли меткий продольный огонь по густым массам пехоты. Турки частью отошли в ретраншемент, устроенный при крепости, частью удалились за Прут. На другой день генерал Голицын намеревался атаковать хотинский ретраншемент, но неприятель, боясь нападения, сам оставил его. Захвачено 7 знамен и большой обоз, на поле боя найдено более 300 убитых турок. Наши потери 55 убитых и 128 раненых.

3 июля. Русские войска полностью обложили крепость.

4 июля. Начата бомбардировка Хотина. Многочисленность скопившихся в крепости войск увеличивала потери. Сам Сераскир-паша не успел ускакать за Прут и укрылся в Хотине, что, как доносили пленные, ему очень не нравилось. Притом же войска были более безопасны только в замке, который буквально был набит ими. Остальные же подвергались большой потере от наших выстрелов. Тем не менее неприятель решился отчаянно защищаться. Хотинская крепость была взята в блокаду.

В это самое время, проделав семитысячемильный путь от тихоокеанских берегов, добрались до Санкт-Петербурга смертельно уставшие мореходы Тимофей Шмелев и Федор Лобашков. Привезли они описание земель, дотоле неизвестных, от реки Камы до Медвежьих островов. Доставили и первого американца – крещеного алеута Осипа.

Опрос чинили мореходам адмиралы Нагаев и Мордвинов. Дотошный Нагаев все услышанное записывал тщательно, опрашивал обстоятельно, со знанием дела.

Вскоре Шмелев с Лобашковым отправились обратно, а бумаги их, опечатанные красным сургучом, легли в секретные архивы.

Адмиралтейств-коллегия непрерывно направляла экспедиции на север, восток и юг – русский флот спешил осваивать океанские просторы.

Глава пятая

Ступай и встань средь окіяна

И брось своих гортаней гром.

Г.Р.Державин

Бомбардирский корабль «Гром» невелик собою, всего в девяносто пять футов длиной, а шириной в двадцать семь. Полсотни матросов и пять офицеров составляют всю его команду.

Для эскадренного боя корабль этот не приспособлен. Его дело – бомбардировать приморские крепости.

Еще в конце семнадцатого века французы первыми установили на шаткую корабельную палубу тяжелые мортиры для навесной стрельбы по берегу. Так был создан новый тип судна – бомбардирский галиот.

Главное оружие «Грома» – две огромные мортиры, что стоят на свинцовых поддонах, чтобы палуба при выстрелах не проседала. Палят мортиры эти будь здоров да и бомбы бросают немалые, пудов на пять-шесть! Помимо мортир на случай нападения неприятельского корабля в море вдоль бортов еще десяток шестифунтовых пушек расположено. На первый взгляд вроде бы и немного, но если капитан с головой да команда лихая, этого вполне хватит, чтобы отбиться.

«Что ж, – решил мичман Ильин, добираясь попутной шлюпкой к стоявшему на рейде «Грому», – будем считать, что мне повезло».

Взобравшись по штурмтрапу на борт корабля, представился он капитану «Грома» лейтенанту Перепечину.

Иван Михайлович Перепечин был личностью на флоте известной. Славился капитан «Грома» двумя особенностями: пристрастием к пальбе бомбами и любовью к сказкам. Служителей своих по этой причине именовал он, в зависимости от настроения, то добрыми молодцами, то соловьями-разбойниками, корабль – Горынычем, а заведовавшего корабельной комиссарской частью мичмана Василия Машина за худобу и должность занимаемую – Кашеем.

Нового командира мортирной батареи Перепечин встретил приветливо:

– Знакомься с Горынычем, добрый молодец, – сказал, руку пожимая, – денька два тебе на то определяю, и за дело!

Однако уже через час Ильин встал на погрузку. А спустя день заменил убывшего в столицу ревизора. Ему капитан корабля и поручил перечесать все погруженные припасы.

Захватив с собой матроса с фонарем, спустился Ильин в трюм. В лицо сразу же пахло затхлостью. В углах возились крысы.

– А ну-ка, подсвети! – Мичман с трудом пробирался среди завалов провизии.

Шедший сзади служитель поднял над головой фонарь. Серые твари разом смолкли, шмыгнув в стороны. Но ушлый матрос, изловчившись, все же пнул одну из них вдогонку. Здоровенная крыса с облезлым хвостом, взвизгнув, отлетела далеко в сторону и исчезла во тьме.

– Эка сволочь, – пробурчал матрос, почесывая босую ногу, – все же, подлая, грызнула!

– Свети ближе! – Ильин принялся пересчитывать провизию.

Слева от прохода громоздились тяжелые кули с овсяными крупами.

– Всего сто двадцать один пуд, – записал он, капая чернилами.

Далее шли дубовые бочки, перехваченные обручами, – там солонина. Рядом соль и масло, но уже в бочках дерева соснового. За ними внавалку гора пятипудовых мешков, в них мука, ржаные и пеклеванные сухари. Подле борта бочонки с красным вином, уксусом и сбитнем.

Из интрюма перешли в каюту шкиперскую. Там Ильин подсчитал сало и парусину, брезент и кожи. Оттуда сразу в крюйт-камеру.

Крюйт-камера на «Громе», как и на других небольших судах, была одна и располагалась в кормовой части, недалеко от камбуза.

У тяжелой дубовой двери сдал мичман часовому ключи, отстегнул шпагу и снял башмаки. Сопровождающий его констапель вставил в особый фонарь сальную свечу, дно фонаря залил водой и, не торопясь, отпер дверь. В середине крюйт-камеры помещался обитый свинцом бассейн, туда перед боем сыпали порох для набивки картузов. Вдоль стен на решетчатых полках были расставлены бочки с порохом и пороховой мякотью, разложены картузы, кокоры, фальшфейеры и прочие артиллерийские снаряжения. Меж ними ящики с углем от сырости.

Покончив с крюйт-камерой, доложил Ильин капитану:

– Порох сухой и готов к действию. В каморе порядок добрый.

– Ну и ладно, – отвечал Перепечин, таким докладом Довольный, – пора нам и откусать чем Бог послал.

В тот день по приглашению офицеров капитан обедал в кают-компани. Похлебав супца и отодвинув в сторону оловянную тарелку, Ильин обратился к Перепечину:

– Дозволено ли нам, Иван Михайлович, жалование будет женам частично оставлять?

– Намедни флаг-капитан обещал таковой ордер на подпись адмиралу изготовить. Кстати, жена твоя ноне где обитает? – Да здесь, в Кронштадте.

– Тогда съезжай сегодня с обеда домой, боле времени не будет!

Но отбыть днем на берег Ильину так и не удалось. Навезли баржами гаубичных и мортирных бомб, погрузкой которых он и занимался. Каждую обмерял, сходны ли диаметры бомбовые с калибрами мортирными. За отсутствием свободных помещений велел раскладывать бомбы в сбитые из досок ящики, которые матросы ловко крепили прямо к палубе между грот и фор-люками...

Шлюпкой Дмитрий добрался на Кронштадтскую, набережную уже затемно. На звон колокольца выбежала девка-прислужница.

– Ой, барин приехали! С прибытьцем вас! – затара торила она, пропуская в переднюю.

Скинул Ильин шляпу, шпагу отставил. А навстречу уже бежала радостная Екатерина Никитична, его единственная и несравненная Катя, Катюшенька.

– Митенька мой! – только и смогла произнести, утонув в его объятиях...

Утром следующего дня Дмитрий Ильин был уже на корабле, не ведая, что впереди разлука с любимой на шесть долгих лет.

Несмотря на все прилагаемые старания, уходящая в Средиземное море эскадра смогла вытянуться на рейд только к середине июля.

Четырнадцатого числа адмирал Спиридов поднял свой флаг на корабле «Евстафий» и отдал ордер:

«Все суда эскадры должны быть готовы к походу сего числа, дабы, когда повеление дано будет, не мешкая ни получаса, могли вступить под паруса...»

На другой день на свежем кронштадтском ветру весело заполоскались длинные косицы трехцветных вымпелов и огромные полотнища андреевских флагов. Эскадра рапортовала флагману о готовности к походу.

Тогда же был проведен командам и судам депутатский смотр, на котором представители адмиралтейств-коллегий лично убедились в справедливости письменных докладов. Спиридов, правда, пытался выпросить еще две недели на окончательное приготовление к отплытию, ссылаясь на то, что стали на эскадре множиться от великой тесноты хворые и немощные...

Но депутаты просьбе не вняли, а, надвинув парики на лбы покрепче, отвечали доверительно:

– Плавание нам задерживать ноне никак нельзя, сама государыня каждодневно торопят, а что народ хворать стал, не такая уж и беда. Хворые перемерут, а здоровые останутся. Осьмнадцатого числа императрица лично изволит прибыть на проводы в Кронштадт. Так уж, если что не так выйдет, пеняй на себя, Григорий Андреевич!

И, заскрипев перьями, депутаты размашисто подписали бумагу о полной исправности спиридовских судов.

Меж тем разговоры о повальных болезнях среди уходящих в плавание команд достигли Екатерины. Обеспокоенная возможными последствиями, императрица тотчас отписала вице-президенту коллегии Мордвинову письмо следующее:

«Слыша, что в Кронштадте число больных морских служителей гораздо умножилось, послала нарочно своих двух лейб-медиков Круза и Шилинга, дабы они, осмотря сих больных, испытали причины болезни... Прикажете показать им все госпиталя и всех больных...»

Получив письмо, всполошился Семен Мордвинов, опрометью бросился в Кронштадт, лейб-медиков опережая. А когда те прибыли, то госпитали были пусты, хоть шаром покати! А кавалер и адмирал Мордвинов делал круглые глаза да плечами пожимал недоуменно – мол, что есть, то есть! Покрутились туда-сюда медики и в Петергоф с докладом утешительным уехали.

Семен Мордвинов больных не излечил, он их просто-напросто разогнал по эскадре. Суда еще не двинулись в путь, а в чревах их уже гнездилась смерть... Спиридову вице-президент коллегии объяснил:

– Не печалься, хворых непременно сниму перед отплытием, зато на свой страх и риск дам тебе еще не сколько деньков после государственного смотра. Перейдешь на рейду Красногорскую и там постоишь спокойно, в порядок приводясь. Но уж государыне рапортуй, что готов следовать в путешествие хоть сегодня!

Ох и хитер был флотский главнокомандующий, адмирал, генерал-аншеф и кавалер Мордвинов. Да и то – иначе в его кресле не усидишь, вмиг сковырнут, вот и вертелся Семен Иванович ужом скользким.

– Что ж поделать, согласный я! – смирился Спиридов. – Куда ни глянь, везде дрянь!

Над Финским заливом гуляли крепкие остовые ветра, выгоняя мутный поток из Кронштадтской гавани.

Наконец наступил день восемнадцатого июля 1769 года, когда уходящих в дальнее плавание должна была посетить сама Екатерина II.

На ней простое, без особых вычурностей платье, на голове маленькая модная шляпка «бонне а ля нотабль».

Экспедиция секретная, потому и визит императрицы устроен без лишней огласки. В предшествующую визиту пятницу Екатерина под предлогом прогуливания покинула столицу и переехала в Ораниенбаум. При ней Григорий Орлов, Иван Чернышев и неболтливая фрейлина Полянская. В два часа пополудни от тихой и неприметной пристани Ранинбома отошли и быстро заскользили по глади залива две шлюпки. Дюжие гребцы в зеленых кафтанах разом закинули за плечи пышно завязанные тафтяные галстуки и мощными гребками погнали шлюпку на север, к виднеющимся вдалеке деревянным фортам Кронштадта.

Зрелище стоявшей на якорях эскадры было великолепно. Борта кораблей блестели свежей краской, рангоут выпрямлен, снасти обтянуты, команды по реям, офицеры во фронт. На матросах новые фуфайки, широченные белые брюки, все в круглых шляпах и в башмаках: ни дать ни взять – франты!

Екатерина, сидя на застланной коврами кормовой банке, любовалась своим флотом. И было на что посмотреть! Что ни корабль, то шедевр. Вычурные изгибы и извивы барокко, резные балюстрады кормовых балконов, затейливость бесчисленных завитков и раковин – все слепило золотом. Кариатиды и амурсы, дельфины и сирены. Каждая деталь неповторима.

Шлюпка проходила под бортом новейшего «Трех Иерархов». На корме линейного корабля вольготно возлежали сразу четыре соблазнительные в своей наготе нимфы, на княвдигеде хмурил брови свирепый римский легионер...

«Трех Иерархов» был памятен императрице особо – год назад она самолично спускалась на нем со стапелей. Екатерина приветливо помахала команде знакомого корабля платочком.

Стоявший вахтенным офицером на «Громе» Дмитрий Ильин записал в шканечном журнале: «В 4 часа пополудни на корабле «Святой Евстафий» поднят был с фор-стенги флагштока красный флаг с белым андреевским крестом; в 4 часа видно нам... идущие под парусами 4 придворные яхты к Кронштадтскому порту, в то же время изволила прибыть на 2-х шлюпках Ея Императорское Величество на корабль «Святой Евстафий».

Гремели оркестры. С царской яхты палили семикратно. Крепость тем же числом отвечала. Шлюпка с Екатериной подошла к правому парадному трапу флагманского корабля. На трапе по случаю торжества натянули новые обвесы – шканцклейдеры, красные с белой каймой. На верхней площадке фалрепные бережно, но крепко подхватили запнувшуюся было о балясину царицу. Наградой им был ее великодушный взгляд. Подле трапа замер взвод матросов с барабанщиком и офицером во главе. Все молодец к молодцу, ребята статные! Едва лишь Екатерина вступила на палубу, матросы лихо сделали «на караул», а барабанщик забил дробь.

Адмирал Спиридов в парадном, шитом золотом мундире, в шляпе «с поддишпанием» и пышным плюмажем, отсалютовал шпагою, доложил по всей форме. За адмиралом в строю капитаны кораблей и судов, офицеры эскадры и команда «Евстафия».

Подставив для поцелуя командующему пухлую руку, императрица уселась в приготовленное кресло. Подле теснились Орлов, Чернышев и Мордвинов. Не переставая улыбаться, Екатерина медленно и с достоинством отпила из бокала несколько глотков вина за здоровье отплывавших и жестом подозвала к себе Спиридова. Когда же подошедший адмирал, с трудом сгибая больные ноги, опустился на колени, надела ему орден Святого Александра Невского и муаровую ленту через левое плечо, сказала:

– Девиз сего ордена: «За труды и Отечество!» Всегда помни о том и подражай на водах эгейских славе и храбрости угодника Александра!

– Благодарствую, Ваше Величество, в плаваниях и баталиях не пощажу живота своего! – молвил адмирал, с колен поднимаясь.

Началась церемония приложения офицеров эскадры к руке – первая жалованная им монаршья награда, данная вперед. После того как последний мичман, с подкашивающимися от волнения ногами и трясущимися губами, чмокнул кисть императрицыной руки, Екатерина безглаголиво обтерла ее о бархат кресла и произнесла напутную речь, закончив ее словами:

– Желая сердечно, чтоб всех зол течение и бури вас оставили и допустили исполнить желанное! Дай Бог вам счастливый путь и добрый успех!

Тысячный строй ответил дружным «виват»! Музыканты, натужно надув щеки, рванули марш.

– Пора бы, матушка, и в путь обратный, а то как бы тебя не хватились! – нагнулся к императрице Григорий Орлов.

– И то верно, друг мой. – Екатерина обошла строй и направилась к трапу. За ней Орлов и адмиралы. У борта императрица обернулась:

– Григорий Андреевич! Я прошу вас как можно скорее поспешить на помощь графу Алексею.

Спиридов, помня мордвиновский наказ о молчании, лишь утвердительно кивнул головой.

Уже собираясь спускаться в шлюпку, Екатерина вдруг опять обратилась к нему: – Может, просьбы какие будут напоследок? И адмирал не сдержался:

– Просьба старая, ваше величество. Прошу самостоятельности полной во всех начинаниях и действиях моих!

– На сей счет я уже говорила! – недовольно поджала губы императрица. – Вам для того и чин адмиральский жалован, чтоб с графом Алексеем сравняться. Моему слову могли бы и верить.

И, не попрощавшись, она сошла с корабля. Шедший следом Григорий Орлов, свидетель разговора, с ненавистью зыркнул на Спиридова, прошептал злобно:

– Чтобы назавтра и духу твоей эскадры в Кронштадте не было! А разговор сей ты у меня еще попомнишь!

Шлюпка с императрицей и сопровождающими ее особами взяла курс к стоявшей отдельно придворной яхте.

В шканечном журнале бомбардирского корабля «Гром» осталась следующая запись: «В начале пятого часа с корабля «Евстафий» изволила отбыть Ея Императорское Величество на яхту «Екатерина». С корабля «Евстафий» отдавали подобающую честь постановлением команды по вантам и штангам, игранием музыки и кричали «Виват» 11 раз, а со шлюпки Ея Императорского Величества ответствовали 3 раза.

Проводив царицу, Спиридов вновь собрал офицеров и команду флагманского корабля на шканцах. Сглотнув горечь обиды, он обратился к строю с краткой речью:

– Я хочу не токмо поздравить вас с выходом в первое столь дальнейшее путешествие флота нашего, но также изъяснить те обстоятельства особые, в коих нам находиться предстоит. Я говорю не о вашем рвении службе, которое мне несомненно, а о том, чтобы каждый из нас кроме сего рвения нес в сердце своем любовь к Отечеству нашему. Мы плывем в далекие моря, нас ждут баталии и смерти. Будем же достойны величия России, наказов Великого Петра и славы флота нашего! Не посраим чести моряков российских! Ура!

Затем адмирал Мордвинов согласно повелению Екатерины пожаловал капитанов Самуила Грейга и Ивана Барша бригадирскими чинами. Тоже авансом!

Сразу по роспуску строя засобирался Мордвинов на берег, ссылаясь на неотложные дела.

– Говорил тебе, прикуси язык, так все-таки ляпнул на свою голову! – сокрушался он. – Себя жалеючи, кверху не плюют, Гриша!

– Говорить бедственно, но и молчать тяжело! – Спиридов был зол. – Осточертело угодничество гнусное!

– Ладно, – перевел опасный разговор на другое осторожный Мордвинов, – назавтра поутру выгоняй эскадр свой к Красной Горке, сам же ко мне в Кронштадт, будем ждать инструкции секретные по сношению с державами европейскими, мимо коих тебе плыть надлежит.

Проводив Мордвинова, задержался Спиридов у фальшборта. Раскрыл табакерку, не торопясь набил табаком трубку, пальцем его уплотнил. На серебряной табакерке маслом писанный портрет царя Петра в венках лавровых, по сторонам от него сцены из баталий громких: Нева, Гангут, Эзель и Гренгам. Табакерка эта Спиридову еще стариком Бредалем дарена. Рядом с адмиралом капитан «Евстафия» Круз, багровый и потный от пережитых волнений. Захлопнул Спиридов табакерочку любимую, в карман положил.

– Что ж, – обернулся он к Крузу, – дело царское повелевать, а наше моряцкое по морям плавать. Подымай, Александр Иванович, сигнал к съемке с якорей!

Сообщения с театра военных действий за июль 1769 года:

19 июля. Утром турки в количестве 20 тысяч человек начали переходить вброд через Днестр, чтобы воспрепятствовать предполагаемой нашими войсками переправе. Начальник передовых русских войск князь Прозоровский неожиданно ударил по неприятелю с двух сторон – гусарами и егерями и опрокинул его. Картечный огонь артиллерии dokonчил поражение противника, который, не думая уже более об отпоре, старался только со всею поспешностью убраться, причем значительное число его потонуло, до 400 человек было убито и много ранено, отбито 2 знамени. У нас потери состояли из 38 человек убитыми и 42 ранеными. В деле отличился генерал-майор и камергер Потемкин.

2 июля. Русскими войсками, блокировавшими крепость Хотин, отбита попытка крымского хана пробиться в крепость.

26 июля. Сильный турецкий отряд после ожесточенного сражения прорвался в Хотин, доставив туда обоз с припасами.

Глава шестая

Колумб российский через воды

Спешит в неведомы народы...

М. В. Ломоносов

В тот же день, повинувшись приказу, эскадра покинула Кронштадтскую гавань и, подойдя к Красной Горке, стала там на якорь. В Кронштадте оставался теперь лишь спешно догружавшийся припасами «Святослав» да ожидавший командующего пакетбот «Летучий».

На время отсутствия адмирала начальствовать над эскадрой было велено бригадиру Самуилу Грейгу.

Стоя у Красной Горки, приняли корабли на борт Кексгольмский пехотный полк и армейскую артиллерию, погрузили быков черкасских. Кексгольмцы грузились весело, с полковой песней:

Вновь нам турки угрожали,
Вновь кексгольмцев к ним послали

Власть султана расшатать,
Греков к бою поднимать!

Дополнительно загрузили в трюмы линейных кораблей пять полугалер и два плашкоута в разобранном виде.

Помимо стоявшей на якорях эскадры, распустив паруса, прошел в гудении парусов отряд кораблей контр-адмирала Андрея Елманова. По плану, соединившись с зимовавшими в Ревеле кораблями, он должен был образовать так называемую Резервную эскадру, которой надлежало поджидать Спиридова, крейсируя между Дагерортом и островом Гогланд, а потом сопровождать его через все Балтийское море.

Сидя в кресле, Грейг рассматривал проходящие мимо корабли сквозь линзы зрительной трубы. Настроение у бригадира было великолепное. Порученную ему амбаркацию он провел успешно, и теперь оставалось лишь ждать дальнейших указаний. Мимо в гудении парусов промчался концевой елмановский фрегат «Святой Сергей», с него махали руками.

– Все! – Грейг сложил трубу и, поднявшись, принялся прохаживаться, тяжело ступая по дюймовым палубным доскам. Незаметно для себя он начал напевать под нос старую песню английских моряков о боцмане Булле, которому сам черт не брат в любви, пьянстве и абордажных драках от Ливерпуля до самой Ост-Индии.

– Йо-хо-хо и бочонок рома! – забывшись, бригадир что есть мочи притопнул в конце припева ногой.

Вахтенный лейтенант с удивлением поглядел на своего капитана, но Грейг уже с каменно-равнодушным лицом спускался в каюту. Там, откушав любимого порриджа – жидкой овсяной каши – и скинувши камзол, он развалился на диване. Закрыв глаза, бригадир предался раздумьям.

В России ему определенно нравилось. Здесь Грейг получил должность и почет, высокий чин и хорошие деньги, все то, к чему ему, сыну бедного шотландского моряка, было невозможно пробиться в Англии. Здесь, наконец, он встретился с юной дочерью владельца Петербургского канатного завода Сейрой Кук, двоюродной сестрой его старого товарища, известного кругосветчика Джеймса Кука. Россия дала ему все: карьеру, признание и любовь...

Еще в неполные пятнадцать лет записался Самуил Грейг волонтером в королевский флот. Исходил все моря и океаны, дрался во многих сражениях, стяжал себе славу первого храбреца в памятном для англичан бою у Бель-Иллы. Но за тринадцать лет службы дослужился лишь до лейтенантского чина. Так бы и прозябать ему до конца службы своей на каком-нибудь худом суденышке, если бы не внезапное известие из далекой России о том, что императрица Екатерина приглашает к себе на службу морских офицеров. Терять Грейгу было нечего, и скоро, получивши разрешение на переход от короля Георга, он отбыл в неведомую страну вечных снегов.

Екатерина иностранцев ценила высоко, на деньги не скупилась. Сразу по приезде в Петербург получил Грейг от нее чин капитана 1 ранга и новейший фрегат под команду.

Толковый и опытный моряк, он сразу развернул в России кипучую деятельность: то и дело составлял прожекты по нововведениям в парусах и корабельной архитектуре, предлагал изменения и улучшения в морской службе, в образцовой исправности содержал вверенное судно. Благоволили к Грейгу сами братья Орловы.

Смущало бригадира в России лишь одно: в здешней флотской среде царили свои, непонятные ему традиции. Нет, русские тоже верили в порядок ведения баталий в линиях кильватерных колонн, также чтили основы линейной тактики монаха Госта. Однако когда речь заходила о неукоснительном соблюдении линейных догматов, моряки российские только рукой махали:

– Всего наперед не угадаешь. Биться следует, исходя из случаев имеемых, то нам еще Петром Великим завещано!

Этого-то Грейг понять никак не мог, а потому и мрачноват бывал частенько. Вот и сейчас он рассуждал сам с собою, пытаясь докопаться до истины.

Морские войны во все времена требовали особого искусства. В древности триеры и триремы крушили друг друга таранами. С появлением парусных флотов самым главным в сражении стало умение вовремя поймать ветер. Поначалу на флоте бились кому как Бог на душу положит, каждый корабль сам по себе. Затем голландцы придумали кильватерный строй, когда каждый корабль следует «в струе» идущего впереди. С этих времен и начался знаменитый «гусиный марш» парусных флотов, растянувшийся на долгие века. В конце концов от капитанов стали требовать только одно – сохранить свое место в общей линии. Всякая инициатива была объявлена крамолой и каралась нещадно. Первыми зашли в тупик англичане. Запуганные наказаниями, британские флотоводцы стали бояться хотя бы на букву отступить от инструкций адмиралтейства, но и это не помогло: вместо побед следовало одно поражение за другим.

Навсегда запомнил Грейг дождливый мартовский день 1757 года, когда он, совсем еще юный мичман, присутствовал при расправе над адмиралом Бингом. Адмирал исполнил все параграфы данной ему инструкции, но, несмотря на это, бездарно проиграл сражение французам у острова Минорка. Состоялся суд, и флотоводец был приговорен к смертной казни.

Ровно в полдень из отведенной ему каюты на линейном корабле «Монарх» появился осужденный. Приподняв шляпу, он раскланялся с капитанами судов, собранных в шлюпках на Спитхедском рейде.

На шканцах его поджидал взвод морских пехотинцев с ружьями к ноге. Бинг, не торопясь, встал на колени и с минуту молился. Солдаты взяли ружья наперевес. Затем адмирал последний раз взглянул на серые волны и такое же серо-пасмурное небо и резко подбросил кверху платок – сигнал к залпу. Грохнули выстрелы, и шесть пуль изрешетили сердце...

«За что?» – не мог найти ответа оглушенный произошедшим Самуил Грейг. «За что? – задавали себе вопрос английские моряки. – В чем причина зла?»

Позднее, уже перед самым убытием в Россию, будучи проездом в Бедфордшейне, родовом имени Бинга, Грейг пришел на могилу расстрелянного адмирала, под флагом которого плавал в молодые годы. Хмуря белесые брови, вчитался в выбитую на камне надпись: «К вечному стыду общественной справедливости. Джон Бинг, эсквайр, адмирал синего флага, пал жертвой политического преследования 14 марта 1757 года, когда храбрости и верности было недостаточно, чтобы обеспечить жизнь и честь морского офицеру».

Возложив цветы, он в тягостных раздумьях покинул могилу. Самуилу Грейгу так и не суждено было узнать истинной причины трагедии адмирала Бинга, трагедии всего английского флота...

А жизнь не стояла на месте. В то время когда англичане в бессилии расстреливали своих лучших флотоводцев, русские моряки в жестоких баталиях громили вражеские флоты, с моря штурмовали неприступные крепости, пешком по льду целыми армиями переходили моря. «Небывалое бывает!» – выбивали они на своих медалях в назидание потомкам...

Сразу по приезде в Россию попытался Грейг поучать кронштадтцев всем тонкостям английского морского искусства. Говорил долго. Капитаны российские слушали молча, не перебивая, а когда он закончил, так же молча поднялись и разошлись. С тех пор с поучениями Грейг стал осторожен. Но это в прошлом, а сейчас капитан бригадирского ранга, лежа на диване, прикидывал, как лучше зарекомендовать себя в предстоящей экспедиции.

Сообщения с театра военных действий за август 1769 года:

8 августа. Отряд секунд-майора Зорича, высланный к Дубоссарам, захватил это местечко. В то же время, увидев за рекою неприятельские табуны, человек сто наших удалцов бросились вплавь через реку и перегнали с собою несколько табунов.

12 августа. Кошевой запорожский атаман захватил деревню Гаджан-Гассан, лежащую в 15 верстах от Очакова, при этом было освобождено 64 пленных христианина.

13 августа. Узнав о появлении у стен Очакова запорожцев, турки выслали против них из Очакова сильную партию. В тот же день между Джеснарлею и Янчокраком произошло сражение турок и запорожцев. Неприятель был разбит, потеряв убитыми до 200 человек и 8 знамен. Наш урон составил всего 8 казаков.

24 августа. Граф Румянцев получил высочайшее назначение его главнокомандующим Первой армией на место князя Голицына и о назначении главнокомандующим Второй армией графа Панина.

30 августа. Татары напали на один из наших форпостов на Орели и окружили его. Но стоявший на форпосте Харьковского гусарского полка капитан Климеев пробился через неприятеля и отступил к крепости Св.Парасковия.

Почти целую неделю проторчал Спиридов в Кронштадте, поджидая обещанные инструкции. Наконец их доставили. Накануне выхода Средиземноморской эскадры на внешний рейд Кронштадта адмирал Г.А. Спиридов распорядился всем готовым к плаванию судам поднять* прежде восхождения солнца... военные обыкновенные вымпела, а по восхождении солнца флаги и гюйсы», не готовым к плаванию ни вымпелы, ни флаги поднимать не разрешалось. Уже садясь в шлюпку, увидел адмирал вечно пьяного кронштадтского коменданта Шванвича, давнего недруга братьев Орловых. Не раз выкидывал их здоровенный Шванвич из кабаков, а как-то и шпагой к лицу Алексея Орлова приложился хорошо.

– Прощайте, Григорий Андреевич! Да при встрече поклон мой Алехану. Не дорубил я его, так, глядишь, на радостях, что жив остался, он и басурманина одолеет!

И, неуверенно ступая, комендант побрел куда-то по одному ему ведомым делам.

Шлюпкой Спиридов добрался до пакетбота. При адмирале адъютантами два его сына: старший – Андрей и младший – Алексей*. У Алексея в руках связка книг: Квинт Курций и Тацит, Ливий и Вольтер. Младший Спиридов не только книгочей заядлый, но и сам изрядный сочинитель.

Пакетбот «Летучий», воздев паруса, помчал адмирала с сыновьями к эскадре. Над форштевнем пакетбота распростер крылья летучий конь – Пегас.

Секретные политические инструкции надлежало вскрыть не ранее как выйдя из Финского залива. В высочайшем же ордере, объявленном адмиралу перед самым убытием на пакетбот, приказывалось: «Провести сухопутные войска с парком артиллерии и другими военными снарядами для содействия графу Орлову, образовать целый корпус из христиан к учинению Турции диверсии в чувствительнейшем месте; содействовать восставшим против Турции грекам и славянам, а также способствовать пресечению провоза в Турцию морем контрабанды».

Корабли встречали командующего орудийным салютом. Спиридов привез с собою на эскадру и некоторое количество греков, взятых в плавание переводчиками и лоцманами. Передавая их на корабли и суда, велел адмирал зачислить греков на унтер-офицерскую порцию, обходиться с ними ласково и насмешек не чинить, а капитанам наблюдать, на что эти греки способны.

На бомбардирский корабль «Гром» доставили уроженца Морей Дементария Константинова, молодежавого и подвижного грека. За отсутствием свободных мест под- селили его в констапельскую, где обитали мичмана Дмитрий Ильин и Василий Машин.

Матросы громовские, знавшие, что плывут спасать единоверцев-греков от окаянных басурман, ходили за Дементарием толпой, говорили, каждый в свою «кашу» приглашая:

– Мы, брат, к тебе не на блины плывем, а с туркой поганой биться. Когда приплывем, будешь нам подмогу чинить, а пока ешь, пей да силов набирайся!

Меж тем присутствие больных на эскадре и большая скученность уже давали себя знать. Вскоре на «Громе» обнаружили и первого покойника. Им оказался молоденький рекрут. Берег был рядом, потому покойника свезли туда и предали земле. Зарывая могилу, матросы горестно вздыхали: – Лежи, земля, на нем легким перышком!

– Эко паре повезло, в своей землице, что в перинке, а нас где в воду покидают, один Господь ведает!

В тот же день подошедший из Кронштадта бот снял с кораблей тяжелобольных. Мордвинов слово свое сдержал, но болезнь уже пустила глубокие корни

Утром следующего дня на фор-стенгге «Евстафия» подняли молитвенный флаг – сигнал «К походу быть в готовности». Теперь эскадра ждала лишь попутного ветра. Люди с надеждой поглядывали на длинные косицы вымпелов. Адмирал вызвал к себе капитанов бывших при эскадре лоцгалиотов «Кронштадт» и «Кронверк».

– Гнать вам по всем фаросам, вплоть до Дагерорта, – строго наказал он, – и мой ордер передавать, чтоб в ночное время все огни зажжены были ярко!

– Есть! – дружно ответили плечистые капитаны и тотчас рванули в открытое море.

Наконец-то на их долю выпало настоящее дело. Не весь же век солонину с сухарями возить!

«Грому» Спиридов поставил задачу особую. Не дожидаясь остальных, сниматься с якоря и идти в Балтику искать Резервную эскадру.

– От сих и до сих! – царапнул он карту ногтем от Дагерорта до Гогланда.

Когда Перепечин вернулся от адмирала, Ильин усердно командовал натяжкой вант и штагов.

– Кончай живее! – бросил ему капитан «Грома». – Будем сниматься! – Наконец-то, – обрадовался Ильин, – дождались! И уже матросам громко: – А ну, навались, служивые!

На исходе девятого часа пополудни, выбравши якорь и обождав посланную на «Евстафий» шлюпку с рапортом об уходе, «Гром» наполнил грот-марсель и, неся все попутные паруса, покинул Красногорский рейд. За бортом плясали серо-зеленые волны.

– Ну, господа, двинули! От всей души поздравляю! – обратился к офицерам Перепечин. Те отвечали вразнобой, но весело:

– Прощевай, матушка-Русь, я к теплу потянусь! Поодаль с тоской всматривались в исчезающий, и для многих навсегда, родной берег, сбившиеся в сиротливую кучку матросы.

– Поплыли, видать, к басурманам в гости, а землицы нам своей и не видывать боле! – делились они промеж себя. Над мачтами пронзительно кричали чайки.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ Путеплавание

Глава первая

*В шумящих берегах Балтийских
Веселья больше, нежели вод,
Что видела судов Российских
Против врагов счастливый ход.
М. В. Ломоносов*

Нечасто вырывались в то время российские корабли на просторы дальних морей. Первым проложил курс к чужеземным берегам петровский фрегат «Армонт», посланный царем по посольским и торговым делам в Венецианскую республику. Одновременно готовилась и экспедиция к Мадагаскару-острову.

А у Пиренейских гор уже маячили корабли Ивана Кулешова. Махнул канонирам Кулешов: – Давай!

Ударили, переполошив чаек, чугунные пушки, салютуя крепости Гибралтарской. Подивились флагам Андреевским англичане, призадумались...

С тех пор прошли десятилетия. И вот теперь русская эскадра покидала балтийские воды, чтобы громить в далеких морях ненавистных врагов державы. Они уже плывут, воздев свои белоснежные паруса, не ведая, что ждет их впереди, но готовые ко всем испытаниям.

До десятка раз за вахту будут взбираться матросы по обледенелым вантам и, яростно балансируя на головокружительной высоте, делать свое нелегкое дело. Четыре часа в поднебесье. Короткий отдых – и вновь они наверху у проносащихся мимо туч. Какая сила, какая воля нужна, чтобы в неистовстве шторма взять рифы на гроте? Какое мужество и вера в победу должны быть у людей, которые, отчаянно барахтаясь в такелаже, упрямо лезут наверх?

Им будет тяжело, ох как тяжело! И все же никто из них ни за что не покинет своего поста, куда будет биться его сердце. За трусость – смерть. Таков суровый, но справедливый закон палубы.

На каждом шагу отважных мореплавателей будут подстерегать бури и рифы, смертельные болезни и беспощадные враги. Они будут валяться в горячечном бреде среди мириад крыс, рвущих изо рта последний кусок солонины, пить зловонную воду и, харкая кровью, выплевывать последние зубы. Европа назовет их безумцами, но они все равно будут направлять форштевни своих кораблей к заветной цели!

Итак, отслужив по стародавней традиции прощальный молебен, эскадра начала плавание.

Главным, лоя в паруса попутный брамсельный ветер, шел флагманский «Евстафий», на грот-стенге его полоскался адмиральский флаг. Следом в крутом бейдевинде – остальные.

Осталась позади песчаная коса Котлинская, отступили в даль ораниенбаумский и сестрорецкий берега. За Гогландом моряки бросали Нептуну медные полушки -дань за благополучное плавание. Впереди была Балтика!

На выходе из Финского залива с передового корабля увидели лежащий в дрейфе «Гром». Невдалеке от него переваливалась с волны на волну «Азия» – линейный корабль Резервной эскадры вице-адмирала Андерсона*.

– Алло! На «Азии»! Где эскадр Резервный? – в рупор запросил капитана корабля Спиридов, едва они сблизилась на голосовую связь.

– Намедни в шторм разминулись! – бойко ответили с «Азии».

– М-да, негоже получается, – поморщился адмирал, – не успели отплыть, как все уже порастерялись. Ну, да делать нечего, будем до кучи собираться.

На шканцах флагманского корабля наскоро посовещались, как быть дальше.

По хитроумному замыслу Екатерины II, обе эскадры должны были обязательно встретиться в море и только после этого вместе следовать до Копенгагена. Но море внесло свои поправки. На момент выхода Средиземноморской эскадры в море корабли вице-адмирала Андерсона, выдержав два жесточайших шторма, приводились в порядок в бухте Тагелахт, что в северной части острова Эзель.

– Где думаете искать корабли ревельские? – прокричал на «Азию» флаг-капитан Плещеев.

– Должны к норду держаться! – помедлив, доложили с линейного корабля.

– Ладно, – решил Спиридов, – будем искать Андерсона к норду. На «Азию» ж передайте, – адмирал обратился к флаг-капитану, – плыть на зюйд-вест да смотреть там обстоятельно! А к Гогланду пошли фрегат «Гремящий», пусть там еще разок глянет!

Скрипя штуртросами, «Евстафий» плавно лег на развороте. За ним в кильватер, забирая парусами ветер, поворотила на норд и вся эскадра. На месте недавнего randevу остался лишь «Гром» да транспортные суда. Им надлежало сторожить Резервную эскадру здесь.

Пока Спиридов безуспешно искал потерявшиеся корабли у Гогланда, бомбардирский корабль, лежа в дрейфе, ждал дальнейших указаний. Было свежо, «Гром» мотало из стороны в сторону.

– Эко буйны ветры, море глубокое пораскачали, душе тошно! – вздыхали матросы, на мутные волны глядячи.

Едва выпадала свободная минута, собирались они послушать, как поет песни свои грек Дементарий. Пел грек большей частью песни длинные и грустные, пел их и плакал.

– Чегой-то плачешь, сердешный? – участливо спрашивали его. – Да и об чем песня твоя?

– Эта такая песня, – смахнул слезу Дементарий, – что всяк, кто ее поет, плачет за свое отечество. А поется в ней, как одна птица сидела, а потом полетела далеко- далеко: летит через горы, через море, через лес и туман и все летит, летит, далеко летит, и опять летит... – Это-то ясно, дале что? – допытывались матросы.

– Как что? – немало удивился грек Дементарий. – Потом и прилетела! – Ну а потом что? – Ничего, дальше конец песне. – Так что ж тут грустного?

– Э! – махал рукой разобиженный Дементарий Константинов. – Я ж говорю, что по-русски ничего, а по-нашему очень даже жалко! Так время и коротали.

А спустя двое суток подошел присланный адмиралом фрегат «Надежда Благополучия». Капитан фрегата, как старший по званию, поднял отрядный брейд-вымпел и, велел зарифиться, повел суда к Борнхольму.

До конца вахты оставалось совсем немного времени, и мичман Ильин с удовольствием любовался занимающимся восходом солнца. В лицо ему хлестал упругий ветер, тонко свистели обтянутые ванты, над головой нервно бился длинный и узкий вымпел.

Восемь раз пробил судовой колокол – смена вахт. С последним ударом на палубе появился и сменщик Василий Машин. Не торопясь, сдал ему Ильин курс и паруса, рассказал, сколько миль пройдено за вахту да сколько воды из трюма натекло. Позевывая в кулак, глянул Кащей-Машин в шканечный журнал. Там все записано и подбито исправно. Хорошо!

Заступающий матрос подошел с наветренной стороны к колесу и, встав позади рулевого, положил левую руку на рукоять штурвала. – Курс? – Вест! – Как ходит руль? – Полтора шлага под ветер!

– Есть курс вест! Руль ходит полтора шлага под ветер, – скороговоркой повторил заступающий и принял штурвальное колесо из рук в руки.

Ильин еще немного постоял с Машиным. Негласные корабельные традиции не позволяли офицеру, сдав вахту, сразу покидать шканцы.

– Ну, ладно, друг любезный, паруса и снасти в твоей власти! Пойду-ка я сосну часок.

В тесной и сырой констапельской тускло мерцал сальный огарок свечи. У стола, сгорбившись сидел Дементарий Константинов. Перед ним книга с затертыми до дыр листами. Стараясь не шуметь, присел Ильин на скамью рядом.

– Почитай вслух, – попросил погодя, – ничего, что по-вашему писано, я душой пойму!

– Тогда слушай, – оторвался от книги Дементарий, – здесь обо мне сказано:

...Сам ты избегаешь смерти.

Но бедственно в дом возвратишься, товарищей в море
всех потеряв на чужом корабле.

И не радость там встретишь: буйных людей там найдёшь ты,
твое достояние губящих...

Дементарий поднял на мичмана свои грустные глаза: – Это Гомер, певец наш несравненный!

Ровно без минуты шесть на квартердеке «Грома» замаячила коренастая фигура корабельного боцмана.

– Дозвольте побудку отсвистать? – Боцман подошел к вахтенному начальнику.

Машин молча кивнул, просьба эта излишняя, но таков порядок.

Поднес боцман дудку к губам и, страшно надувая щеки, пронзительно засвистел:

Боцман встает и дудку дает

Мигом всем вставать и койки закатать!

Сразу полезли из люков матросы, зашлепали босыми ногами.

Опять отсвистела дудка, но теперь команду иную:

Иван Кузьмич, бери кирпич, Драй, драй, драй!

Началась малая утренняя приборка. Порошком кирпичным драили матросы до блеска медь, доски палубные до желтизны янтарной. Качество работы проверялось просто. Бросал небрежно вахтенный офицер платок свой, затем поднимал, если чист – хорошо, грязный – переделать.

Не успели дух перевести, снова дудка. На этот раз свистел боцман к кашнице. Побежали артельные с бачками на камбуз. Сегодня вторник, а значит, положена служителям на завтрак каша густая, мясом заправленная. На брезенте разложили артельщики сухари ржаные, расставили чайники со сбитнем горячим, посреди медный бак с кашей. Расселись матросы «по кашам», вынули ложки и, достоинство соблюдая, за еду принялись. Котел общий, потому и черпают так, чтобы всем поровну. Едят матросы вроде бы не спеша, а все же поторапливаются. Вот-вот дудка к учению свистнет, тогда не до еды будет...

С попутным ветром транспортный отряд быстро добежал до Борнхольма. Поджидая главные силы, суда лавировали в оконечностях острова, близко к нему не приближаясь.

Тем временем, уйдя к северу, Спиридов крейсировал с кораблями взад-вперед от Гогланда до Фаре.

– Не могли же они враз потопнуть? – злился он. – Хоть кто-то да должен объявиться?

Подле адмирала крутился, заглядывая в глаза, капитан-лейтенант Виллим Фондезин. Спиридов подхалимов не терпел и теперь искал предлог, чтоб избавиться от не в меру услужливого адъютанта:

– Стоняй шлюпкой на «Орел» и извести Клокачева о моем неудовольствии от его маневров!

Фондезин пожал плечами – совсем старик из ума выжил, – стоит ли за этим гонять шлюпку. Но, встретив тяжелый адмиральский взгляд, опрометью кинулся исполнять приказание.

Так, в эскадренных делах и заботах, проходили дни. Уже догнал эскадру задержавшийся у Красной Горки «Святослав», а Андерсона все не было. Адмирал почти сутками пропадал наверху. Расхаживая по шканцам, он вглядывался в даль: не мелькнет ли где долгожданный парус?

Наблюдая как-то за работами корабельными, заметил Спиридов пожилого боцмана с серьгой в ухе, что, собрав подле себя в кружок рекрутов, терпеливо учил их вязать морские узлы. Лишь мгновение какое-то морщил адмирал лоб, припоминая. – Здорово, Евсей, поди-ка сюда!

– Здравия желаю, ваше превосходительство! – вытянулся, подбегая, старый марсофлот.

– Будет тебе, старина! – махнул адмирал рукой. Знались Спиридов и Евсей еще с азовских славных дел. Был тогда нынешний адмирал в чинах скромных лейтенантских, а боцман евстафиевский и вовсе рекрутом зеленым. Затем несколько кампаний отплавали они вместе на Балтике. Еще раз повстречались уже под Кольбергом-крепостью, где оба в десанте морском сражались. Там Евсей и рану тяжелую получил, но первым на бастион вражеский взобрался, а Спиридов на том бастионе самолично флаг Андреевский водрузил...

Подошел к боцману адмирал, обнял его и расцеловал троекратно:

– Спасибо, Евсей Нилыч, за Кольберг! Непонимающе смотрели на происходящее офицеры, изумленно – матросы. Нечасто такое видеть доводилось!

– Как здоровьице-то твое, старина? – поинтересовался, выпуская из объятий старого соратника, Спиридов.

– Ничего, иногда лишь хватанет спину, а так дотянем помаленьку. С флота все одно иттить некуда. Родня в деревне вся, почитай, перемерла, да и от землицы уже поотвык я, так что буду на кораблях помирать!

– В годы-то молодецкие не такие разговоры водили мы с тобой, а? – Адмирал подобрал живот, подбоченясь. – У меня, почитай, то же самое: как стрельнет поясницу, хоть волком вой. Да и ноги слабы стали, по трапам бегать тяжело.

– Стареем, видать, ваше превосходительство Григорий Андреич, – покачал головой Евсей.

– Вот дотянем путешествие сие, покажем молодым, как воевать должно, и с чистой совестью в кущи райские подадимся. Как мыслишь, Ёвсей Нилыч, осилим?

– А чего его не осилить-то? – искренне подивился боцман. – Мы ж расейские, как-никак!

– Ну коли ветераны таковы слова говорят, знать, и впрямь выдюжим! – рассмеялся адмирал.

После встречи той Евсей что на крыльях летал. Шутка ли, такой почет ему при всех от самого Спиридова вышел!

Погода меж тем с каждым днем ухудшалась. По небу проносились низкие лохматые тучи. Вытянулись в нитку вымпела. А корабли вовсю швыряло на разгулявшихся волнах.

– Придется штормовать, – загрустил Спиридов и велел поднять сигнал «Держаться всем по способности».

А ветер крепчал. На кораблях спешно спускали брам-стенги и брали рифы у марселей, торопливо затягивали парусиной люки. Приседая в глубоких разводьях, «Евстафий» валился с одного борта на другой. Ветер уже не стонал, а ревел во весь голос. Под его напором гнулись стенги, дугой выгибались реи.

Сам Спиридонов, прописным азом ноги растопыря, подле штурвала. При нем флаг-капитан Плещеев и капитан Круз. Сразу шесть человек, выбиваясь из сил, ложились грудью на рулевое колесо, стараясь не дать кораблю стать лагом к волне.

– Держать у меня в бейдевинд, едрена корень! – кричал рулевым осипшим голосом Круз, скользя бот фортами по палубе.

– Вон еще один смерти ищет! – показал он адмиралу на шкафут.

Там, держась руками за штормовые леера, пробирался от мачты к мачте боцман Евсей. Рискуя быть смытым за борт, он придиричиво оглядывал, все ли в целости. Внезапно огромный вал накрыл корабль. Мимо ухватившегося за фальшборт боцмана, в потоке сходящей воды, пронесло за борт молоденького матросика. Безумное лицо с полуоткрытым ртом – лицо покойника. В последнее мгновение Евсей все же, изловчившись, ухватил матросика за ногу. Вокруг клокотала вода. Силы боцмана были на исходе, еще немного – и он не выдержит...

Корабль будто вздохнул и медленно, а затем все быстрее и быстрее стал валиться на другой борт. Очнувшись, матросик неистово запричитал: – Спаси и помилуй, Пресвятая Богородица!

– Не поклоны бить надобно, а башкой своей непутевой думать, герой! Ну, давай, ползи скоренько, не то с другого борта вылетишь.

С трудом разжал Евсей занемевшие пальцы и поспешил к грот-мачте, где рвало ветром во все стороны штормовой стаксель.

По батарейным декам вовсю гуляла вода. Укачавшись с непривычки, валялись вповалку солдаты и армейские артиллеристы.

– Чтой-то, сердешныя, раненько вы онучи сушите! – жалели их матросы. – Ползти бы наверх да «ура» царю морскому покричали, авось полегше бы стало.

Но отводили взор мутный солдаты, слюну горькую глотая:

– Господи! Дай нам силы дожить до дня светлого, когда ступим на землю мы твердую!

А флотским стонать недосуг. Канониры с орудийной прислугой непрерывно крепили пушки таями да брюками. Не приведи Господь Бог, сорвутся, тогда беды не оберешься. В расходившиеся пазы хлестала вода. Плотники и конопатчики наскоро заделывали их пенькой и салом. Обтер лицо рукавом канонир Леха Ившин:

– Эх, море – что горе, красно со стороны! Слушай, ребята, загадку. Что милее ста рублей? Двести!

– Ну, Леха, – улыбались матросы, у пушек орудия, – достанется тебе на орехи когда-нибудь за язык твой! – Ничего, кому первая палка, тому и первая чарка.

– Давай, давай не расслаживайся! – пробежал мимо озабоченный батарейный офицер.

«Как Васька-то мой там сейчас? Выдюжит ли малец?» – думал Ившин, подкладывая под колесо лафета клинья.

Вдруг резкий удар с силой накренил корабль, фальшборт ушел в воду. Бывшие на верхней палубе замерли: встанет ли «Евстафий»? Скрипя всем корпусом, линейный корабль все же выровнялся. Люди облегченно вздохнули.

– На фок-мачте топ свернуло! – закричал адмиралу бывший рядом Круз. – Рубите мачту к черту!

У фок-мачты уже возились офицеры и матросы. Обязанный крепким концом, с топором за поясом, упрямо лез вверх по вантам Евсей...

Лишь на следующие сутки к вечеру ветер стал стихать понемногу. Но бед шторм принес немало. Повреждения имели все. «Евстафий» нуждался в смене мачты, а «Святослав» едва не тонул. От ударов волн у него треснули кницы и сильно потек трюм. В дальнейшее плавание линейный корабль уже не годился. Скрепя сердце Спиридов отпустил поврежденные корабли в Ревель: первый – на кратковременную починку, второй – на длительный и серьезный ремонт. Сам же командующий со всем своим штабом перебрался на «Европу». На «Европе» сразу стало тесновато, там, помимо экипажа и десанта, плыл греческий архиерей с изрядной свитой.

Прошло еще два дня. На третий с марсов закричали долгожданное: – Паруса с зюйда!

То в томительной лавировке спешила на соединение Резервная эскадра Андерсона. Впереди под вице-адмиральским флагом линейный корабль «Екатерина», за ним «Кир-Иоанн» и «Город Архангельск». По причине малочисленности своей эскадры вице-адмирал Андерсон держал флаг на крьюйс-стеннге, а младший флагман Елманов шел под одинарным вымпелом. Играя захождение, Резервная эскадра заняла согласно диспозиции место в арьергардии.

– Курс – Копенгаген! – поднял общий сигнал Спиридов.

Корабли послушно клали рули на вест, а в лоб им хлестал крепкий «мордавинд». Ложась поочередно то на правый, то на левый галс, эскадры едва продвигались вперед.

А вскоре новая беда... Ни с того ни с сего начал палить из пушек концевой «Иануарий». Прибывший с него к адмиралу каперанг Борисов был растерян.

– Пресной воды не имею ни пинты, все бочки полны водою морскою! – огорошил он Спиридова.

– Как? – не понял адмирал. – Что ты мелешь, каперанг!

– Так и есть, – переминался с ноги на ногу Борисов, – как выпили первый ряд бочек да взялись за второй, так все и обнаружилось.

Спиридов молчал, лицо его быстро покрывалось красными пятнами.

– Корсаков! – едва сдерживаясь, подзвал он капитана «Европы». – Ступай в трюм, разбей бочки и опробуй воду. Мне ж чарку сюда на пробу.

Корсаков стремглав бросился вниз. В ожидании известий адмирал не ходил, а метался по шканцам. Наконец появился и капитан «Европы».

– Ну? – Спиридов грозно смотрел из-под кустистых бровей.

Вместо ответа Корсаков молча протянул ему чарку воды. Адмирал взял, щуя глаза, поглядел на содержимое, плотнул и, сморщившись, вышвырнул чарку за борт. Все в нем кипело от бешенства. В таком состоянии Спиридова еще никто не видел. Топая ногами, он костерил всех подряд. Остальные подавленно молчали. Немного успокоившись, велел командующий проверить питьевые запасы на всех кораблях своей эскадры.

Пооткрывали капитаны бочки малой руки, что сверху в интрюмах от крьюйт-каморы до ахтерлюка понаставлены, – везде вода морская. Вскрыли бочки средней руки, что ниже

располагались, – то же самое. Глянули наконец в бочки большой руки, что у самого днища камнями обсыпаны для балласта, – и там в такт качке плескалась зловонная соленая жижа. Морская вода была везде.

Так с опозданием вскрылось страшное преступление. Кронштадтские подрядчики, не утруждая себя поездками за пресной водой, наполняли бочки соленой, которую черпали тут же в гавани. Расчет был прост: пока дойдет эскадра до датских проливов, пресной воды хватит, а уж там пусть наливают заново. Кронштадт далеко, Петербург еще дальше, бумаги в исправности, чего еще бояться?

Последствия не замедлили сказаться. Буквально на следующий день пошли от зловонной воды по эскадре болезни и смерти. Вскружило и самого адмирала. Непросто было в те дни Спиридову. Однако, кривя душой, слал он с оказиями в Петербург бойкие депеши: «Люди... здоровы и веселы; даруй, Боже, чтоб всегда таковы были; да теперь по состоянию погод между учением и дела нет, как только песни поют и играют. Пищу ж имеют все свежую...»

Почему поступил так не привыкший к обману и интригам адмирал, непонятно. Может, хотел поднять свой авторитет в глазах Екатерины, может, наоборот, избавиться наконец от ее упреков и выговоров в свой адрес. Известно одно: письма эти скоро обернулись серьезным обвинением против него самого. Императрица обмана Спиридову не простила.

А на кораблях становилось все тяжелее и тяжелее. Чтобы как-то жить, капитаны кораблей самолично изобретали новые способы получения сносного питья и пищи. На «Иануарии», к примеру, говядину с полдня варили в забортной воде, «дабы с положенным мясом взяла добрый вар», а потом уже ссыпали в этот «балтийский бульон» кашицу и горох, перемешивали все и хлебали, перекрестясь. На «Святителях» делали иначе: разбавляли тухлую воду забортной и употребляли единым духом. Но пить все одно хотелось.

– Деды живали – мед пивали, мы ж живем – и воды не пьем! – печалились мучимые жаждой матросы. – Каково житие, таково и питье!

Несмотря на болезнь, Спиридов самолично опробовал всяческие приемы употребления воды. И в конце концов порешил так:

– В сутки давать каждому офицеру и матросу по кружке воды соленой. А чтобы горло не драло да желудки наружу не выворачивало, сию дрянь доливать исправно двумя чарками доброго рому. На раздачу ж назначить офицеров поглазастей!

«Северный Орел» поинтересовался: что делать с порционным вином? – А что хотите! – ответили с флагмана. Но Клокачев не унимался: – Что пить, ежели ром скоро кончится?

– Пейте водку! – был ему лаконичный ответ. Вновь учрежденный напиток по нраву не пришелся никому. И если офицеры, пример подавая, пили молча, то матросы роптали:

– Петр-царь нашему брату шестнадцать чарок на месяц даровал, так пошто туды тухлятину всякую льют? Питье потребляли с прибаутками: – Пьем досуха, чтоб не болело брюхо! – Эй, Кирила, не отворачивай от чарки рыла!

Самые же ловкие умудрялись порой кружку воды выливать наружу, а ром внутрь. Так было куда приятнее и животу и душе.

Несмотря на все переносимые лишения, ежедневно на всей эскадре проходили всевозможные учения. Спиридов торопился сколотить команды и подготовиться к предстоящим баталиям.

То там, то здесь тишину вспарывала гулкая барабанная дробь да трели боцманских дудок, сопровождающих все корабельные экзерциции. Желтые флаги на флагштоках – учения парусные, красные вымпела над флагами – учения пушечные.

Не желая терять понапрасну ни единого часа, распорядился адмирал играть капитанам тревоги по своему усмотрению, когда кому способней будет. Надзор за артиллерийскими экзерцициями осуществлял Иван Ганнибал – цейхмейстер эскадры. Его смуглое лицо с крючковатым, немного приплюснутым носом мелькало по всем кораблям. Разбор учениям проводя, наставлял цейхмейстер капитанов:

– Надлежит дело артиллерийское знать каждому крепко, дабы быть искусным, когда случится против не приятеля действовать!

Орудийную прислугу больше учили примерно, потому как в плавании орудия были по-походному растянуты на таях. Канониров вначале практиковали в пальбе мушкетной, выдавая на каждого по дюжине пуль. Затем, раскрепив по нескольку пушек на каждом корабле, обучали вспышкам без пальбы, лишь посыпая порох в затравки.

Плавание продолжалось. У Борнхольма к эскадре присоединились бомбардирский корабль и транспорта. Погода снова испортилась, пришлось отстаиваться за островом на якорях.

– Созывай консилию! – приказал флаг-капитану Спиридов.

Собрав капитанов, зачитал он им императрицын рескрипт. Призадумались все. Рескрипт был начертан столь премудро, что одна его половина противоречила другой.

Первым попросил слово худой и болезненный капитан «Европы» Корсаков:

– Никак нельзя эскадр Резервный нам отпускать. В Копенгаген плыть надлежит вместе и там припасы перегружать. Хотя параграф сей придется нарушить.

– Ничего, Иван Алексеевич, – утешили его тут же, – этот параграф нарушим, зато исполним другой...

Всех выслушал адмирал с вниманием, затем огласил «инструкцию секретную по королевству Датскому, собственноручно Екатериной составленную».

«Относительно к сей короне можете вы на нее совершенно надежными быть и, если бы крайняя нужда была, смело можете входить в ее гавани, ибо мы находимся с Его Датским Величеством в теснейшем союзе».

– Нужда у нас крайняя, закончив читать, подвел итог Спиридов, – посему повелеваю всем плыть в Копенгаген вместе. Будем пополнять у датчан припасы не достающие. А умники кабинетные пусть потом себе разбираются на здоровье, что да как!

А Балтика все продолжала штормить, несмотря на август месяц. Порывистый ветер отчаянно кренил корабли. Так, без сна и отдыха добрались до берегов Ютландии. За время этого перехода скончалось еще двадцать семь человек.

– Все, – говорили на кораблях, – прощевай, море Балтическое!

Из-за противного ветра корабли стали в бухте Кеге, что неподалеку от датской столицы к югу. Хотели водой из ближней речушки налиться, но не сумели, лишь два палубных бота на накате потеряли. А едва развернулись вымпела и флаги в нордовую четверть, пошли эскадры на рейд Копенгагенский.

Копенгаген, Копенгаген – ты раскинулся на перепутье морских дорог, омываемый солеными водами Атлантики и пресным течением балтийских вод.

Русские корабли смело побросали многопудовые становые якоря в муть Эресундского пролива и спустили шлюпки для первого визита на берег.

Глава вторая

Господа, я рад вам в Эльсиноре...

В. Шекспир

Копенгаген, славный город! Стоял когда-то на здешних берегах мрачный замок воинственного епископа Абсалона. Шли годы, и из крепости-убежища превратился Копенгаген в столицу маленького, но крепкого северного королевства. Со стороны моря город примечателен: острые иглы кирх, бесчисленные флюгера над красными черепичными крышами. Хорошо видны замки Шарлоттенбург и Розенбург, здание биржи, сады и мельницы.

Российские корабли спустили паруса. Течение в Зунде бурное, поэтому на якоря встали кучно. Невдалеке на рейде датский королевский флаг в восемь двухдечных кораблей. На

крюйс-брам-стеннге флагмана – контр-адмиральский флаг. Подле форта «Тре крунор» еще корабли: то новопостроенные «Ростислав» и «Всеволод» под командой братьев Василия и Лаврентия Лупандиных, идущие из Архангельска в Кронштадт с транспортами.

Не теряя времени, велел Спиридов пополнять эскадру водой. В залитые по плану шлюпки вставляли парусиновые хоботы ватер-шлангов, водица шла – только качать успевай!

С берега датским катером прибыл на «Европу» российский посланник при здешнем дворе генерал-майор Михаил Матвеевич Философов. В адмиральском салоне, распечатав бутылку мозельского, принимал его сам командующий.

Передал Философов адмиралу бумаги о производстве ряда офицеров в следующие чины по линии. Затем, сочувствуя, приоткрыл адмиралу глаза на интриги, плетущиеся вокруг эскадры. Слушал Спиридов речи такие и изумлялся. Клевета, которую обрушил на адмирала президент иностранной коллегии Никита Панин и его прихлебатели, была чудовищна. Смертельный враг Орловых и противник всей войны с турками, Панин вымещал теперь зло на Спиридове только за то, что Екатерина II так и не вняла его советам об отмене Архипелагской экспедиции. Дело дошло до того, что адмирала обвиняли уже не только в обманных депешах, в неумелости, трусости – по столице уже ползли, множились слухи о его измене...

Алексей Орлов меж тем настаивал на скорейшем прибытии в Средиземное море эскадры Спиридова. Он писал: «Если паче чаяния крыла-ветренне (так А. Г. Орлов именовал линейные корабли. – В. Ш.) не пошли, то постарайтесь как возможно поскорее отпустить. Боюсь, что нетерпеливость не преодолела и что назревает, не прорвалось бы к большему беспорядку...

...Если паче чаяния не уехал еще наемщик (имеется в виду Г. А. Спиридов. – В. Ш.), то отправляйте как возможно скорее, и оный может прямо ехать в порт Витула; оный лежит в Майне...»

Екатерина II писала в эти дни ему относительно Спиридова не без злости: «Наш первый мореплавателю уже, чаю, далеко уехал, он из-за Ревеля ко мне пишет, что ветры весьма ему способны и что он очень весело плавает, а я в догоню к нему послала трех курьеров, чтоб скорее шел вперед...»

Свое нетерпение императрица выплескивала в эти дни в письмах к командующему Дунайской армией Румянцеву. В одном из них она писала: «В Леванте все в огне и только, что флота ждут». В другом: «В Леванте, сказывают, все готово к свержению ига нечестивого».

Передал посланник командующему и письмо самой императрицы. Пробежал его глазами Спиридов и побелел от негодования. Екатерина писала: «Когда вы в пути съедите всю провизию, тогда экспедиция ваша обратится в стыд и бесславие ваше и мое».

– Черт с ними! – зло сплюнул адмирал. – Цыплят по осени считают! Меня волнует нынче... Философов со Спиридовым держался доверительно:

– Добился я за недолгое свое здесь пребывание известных льгот для судов наших, датскими проливами проходящих. Сейчас же веду переговоры тайные о предоставлении нам пользования флотом датским на время войны. Как мыслишь, Григорий Андреевич, не прогадаем ли?

– А что король Христиан взамен себе требует? – заинтересовался новостью адмирал.

– Просит снабдить его флот лесом на десять лет вперед!

– От лесу нас не убудет, а договор сей будет хорош, коли флот датский с умом употребить сможем себе в пользу!

Философов наклонился к самому уху Спиридова. Заговорил шепотом, будто кто-нибудь мог услышать:

– А еще мыслит Христиан вслед за нами выслать в Мидитерранское море противу барбарийцев восемь своих кораблей. Желал бы я искренне, чтобы оные соединились с нами или по крайней мере удержали разбойников морских от вспоможения Порте Османской, посему с договором сиим я и тороплюсь ныне.

Собеседники вышли на кормовой балкон. Там, не стесняясь выражений, поведал командующий о своих бедах, в первую очередь – о порченной воде:

– Всю ее менять, – подытожил он, – это пять-шесть дней стоянки, как ни крути. В Петербурге ж сразу шум поднимется, там мыслят государственно!

– А что, коли в сию гадость рому прибавлять? Ром он не только крепость духу дает, но и заразу всякую враз отшибает начисто, да и закупить его по дешевке я вам всегда помогу. – Философов был человеком дела.

– Пробовали мы и с ромом, и с водкою, по-всякому, а вот коли в покупке поможете, за то благодарны будем!

– Тогда по рукам, Григорий Андреевич! – улынулся посланник.

Быстро темнело. Над кормовым балконом тяжело нависал зажженный фонарь. Провожая министра до трапа, Спиридов долго тряс ему руку.

К чести Философова, слово свое он сдержал. При его посредничестве уже на следующий день было закуплено триста оксов крепчайшего рома. Оке – мера не малая, а в восемнадцать хороших ведер. Кроме того, по случаю взяли изрядное количество лучшего рейнского уксуса. Погрузку начали с подъема сигнала – голландского флага. Матросы работали с огоньком: ром – это дело!

В период стоянки Средиземноморской эскадры в Копенгагене произошло первое столкновение между Спиридовым и Грейгом. Поводом к недовольству Спиридова стали самовольные действия капитана бригадирского ранга. Дело в том, что Грейг, узнав о том, что среди датских обывателей ходят разговоры о «тяжелом духе», исходящем от стоящих на якорях русских кораблях (что могло быть вызвано испорченными продуктами и большой скученностью личного состава), превысил права младшего флагмана и в обход командующего отдал приказ по эскадре, где в довольно грубой форме приказал капитанам кораблей и судов принять срочные меры, чтобы нижние чины «в шлюпках не пьянствовали, заслуженные мундиры не продавали, не дрались с датчанами и не лаялись с их офицерами». Узнав об этом приказе, Спиридов немедленно в самой резкой форме его отменил, указав при этом Грейгу на превышение им своих прав. В новом адмиральском приказе было указано лишь на то, что капитанам кораблей и судов следует назначать гребцами в шлюпки из наиболее здоровых матросов, одевая их при этом как можно престижней.

На бомбардирском корабле «Гром» указ о производстве зачитывал флаг-капитан Плещеев:

«Известно и ведомо будет каждому, что мы Дмитрия Ильина, который нам мичманом служил, для его оказанной в службе нашей ревности и принадлежности в наши лейтенанты все милостивейше пожаловали... Всем нашим помянутого Дмитрия Ильина за' нашего лейтенанта надлежащим образом призывать и почитать...»

Вместе с Ильиным получил лейтенантский чин и Василий Машин. Капитану «Грома» Ивану Перепечину было присвоено звание капитан-лейтенанта. Вновь произведенных офицеров торжественно привели к присяге. Снимая треугольные, расшитые золотым галуном шляпы, целовали они поочередно крест и Евангелие. После чего флаг-капитан съехал, а команда продолжила погрузку.

А вечером заскочил на «Гром» попутной шлюпкой Евграф Извеков. Капитану пинка срочно требовался старший офицер взамен заболевшего. Просил он Перепечина отпустить к нему Ильина, но тот заупрямился. – А я с кем плавать буду? – отвечал он недовольно.

В конце концов удалось уговорить капитана «Грома» на перевод к Извекову просившегося туда Машина. На том и порешили.

На берегу Дмитрию Ильину удалось побывать за все время стоянки лишь раз. На «Громе» повредилась грот-мачта и потребовалась кой-какая кузнечная работа. Сняв вместе с корабельным мастером лекала, Ильин свез их в кузню. Только-то и видел, что собаку у порога да мокрые от пота спины кузнецов. Все остальное время участвовал в погрузке.

А Спиридову становилось все хуже и хуже. Адмирал уже не вставал. У изголовья его постели безотлучно сидели сыновья, старший Андрей и младший Алексей, меняли полотенца

на воспаленном лбу отца. Здесь же читал молитвы эскадренный обер-иеромонах. Спиридова душил жар, невыносимо ломило суставы, но думал адмирал об ином. Старшим после него на эскадре сейчас оставался бригадир Грейг. Спору нет, Грейг – моряк знающий, но он иноземец. Как доверить ему славу и честь флота? Что скажет Россия, потомки? Адмирал приподнял голову, повел тяжелым взглядом.

– Зовите ко мне Елманова – младшего флагмана ревельского, – велел он сыновьям.

Прибывший контр-адмирал Андрей Елманов, стараясь не греметь шпагой, осторожно присел на дубовый стул подле адмиральской койки. Сыновья деликатно удалились.

– Вот что, Андрюша, – открыл глаза Спиридов, приподнимаясь на подушках, – я, как видишь, едва дышу, а эскадр оставить не на кого. Так что, душа моя, собирай вещички да перебирайся на «Орел», далее поплывем вместе.

– Ясно, Григорий Андреевич, – невозмутимо ответил сразу все уяснивший умница Елманов, – коли надо, о чем разговор!

Вернувшись к себе на корабль, чиркнул он жене письмецо, чтоб в этом году его домой не ждала и на будущий тоже, а вернется он обратно годов этак через пять-шесть.

Через несколько часов контр-адмирал уже поднял свой флаг на линейном корабле «Северный Орел».

А тут из Санкт-Петербурга депеша срочная. В ней черным по белому – взять с собой в плавание контр-адмирала Елманова Андрея Власьевича. Такую же бумагу и Елманову вручили. Улыбнулся Спиридов, усмехнулся Елманов. Что мы, дитяти неразумные? И сами все понимаем!

После ужина работы на кораблях и судах прекращались, капитаны давали командам отдохнуть. Вахтенные офицеры командовали:

– Фитиль открывать. Команде песни петь и веселиться!

А матросы уже вокруг кадок с водой, что за фок-мачтами ставят для курева.

На «Евстафий» за главного балагура Леха Ившин. Подле него всегда толпятся: знают матросы, что у Лехи на все случаи жизни прибаутки имеются. За то и прозвище достойное получил – Кот-бахарь. Сегодня Ившин, собрав вокруг себя молодых кексгольмских солдат, вел с ними разговор умный.

– Все в море-окияне от ветру! – подняв кверху палец указующий, разъяснял он. – Откель же сам ветер-то? – вопрошали солдаты.

– А вишь, сверху небо, снизу вода, а с боков-то и не ту ничего, вот оно и продувает! Солдаты в знак понимания дружно закивали.

– Но самое страшное на водах морских, братцы, так то туман, – пояснил им далее Леха. – От него все напасти! Рекруты полка кексгольмского сразу загалдели:

– В деревне тоже завсегда туман поутру, и странного в ем ничего нетути!

– Нетути! – Леха аж глаза выпучил от негодования притворного. – Морской туман – то совсем иное дело, – сказал наставительно, – и сравнивать нечего! Вот лежали мы как-то в дрейфах подле Сескара-острова, – начал он новую байку, – а туман там – во!

Для пушей важности представил Леха на всеобщее обозрение свой жилистый кулак. Рекруты, оглядев кулак уважительно, с таковой силой тумана согласились.

– Постирались мы там, значит, – продолжал Леха, – да портки свои с рубахами для обсушки и поразвесили. А я возьми да гвоздь в туман вколоти, чтоб на него сподручней вешать было. Да хурду свою на шкерту и повесь.

Солдаты недоверчиво меж собой переглянулись. Увидев сомнение, Леха не растерялся:

– Это у вас в деревне туман как кисель, а у нас – во! – И он снова выставил свой кулачище.

Вид кулака рассеял зародившееся было недоверие к правдивости рассказчика, и солдаты теперь уже с опаской озирались на сгущавшуюся вокруг корабля мутную пелену.

– Так вот, не успели мы посушиться, – рассказывал ободренный успехом Леха, – как кричит капитан: давайте-ка, мол, такие-растакие, паруса ставить. Разбежались мы по реям, подняли паруса и поплыли. Гляжу, мать моя родная, а порты с рубахами на тумане так висеть

и остались. Через месяц у Сескара-острова галеры наши стояли. Я уж потом спрашивал ихних. Нет, говорят, ни туману, ни портов не видывали. Во как у нас-то бывает!

– Так и не нашли? – поинтересовался участливо один из солдат.

– Куды там! – махнул рукой Леха. – Поди, к свеям унесло. Носят счас, выставляются! Сзади хохотали по надсаду матросы: – В твоих-то портах не шибко навывставляешься! – Ну, Леха, ну, бахарь, врет и не поплеывает!

– Ничего, ребята, – подмигнул солдатам Ившин, – каждая побаска хороша прикраской!

Пожилые матросы, в кружок собравшись, вели разговоры степенные, солидные. Обсуждали увиденное.

Удивлялись здешним тучным хлебам, жнивью густому. Все ухожено, опрятно. Каждая десятина заботливо канавой с водой окружена. По валам, что вокруг полей, кустарник густой да бук с рябиной. Будто и не земля вовсе, а картинка нарисованная.

– Эх, кабы нам своей землицы хоть чуток, мы с ней бы и не такой конфект сделали! – печалились вчерашние мужики.

Подошел, трубку покуривая, боцман Евсей. Покачал головой неодобрительно.

– Не о том думу имеете, матросы. Вы б какую песню лучше затянули. Поутихли матросы. – Можем и песню, – ответили и завели любимую:

Плакала-рыдала,
Русою косою
Слезы утирала...

Подхватили ее солдаты, и понеслась она над вечерним рейдом от корабля к кораблю. А откуда-то издалека, где в глубинах порта под ржавой вывеской расположился плохонький трактир «Сердитый петух», вторила ей старинная песня датских мореходов, такая же протяжная и печальная.

Скрылось солнце. На рейд заходил, убирая паруса, догнавший эскадру «Евстафий». Кончались еще одни сутки стоянки.

За день до отплытия король датский Христиан VII пригласил русских моряков на прощальный обед в летний дворец Фридриксберг. Сам командующий, сославшись на недомогание, от визита отказался, а послал контр-адмирала Елманова. С ним отправились и капитаны кораблей. Сыновья спиридовские тоже просились на прием, но отец сказал строго:

– Нечего вам по ассамблеям шляться! Не флагманы вы еще и не капитаны. А должностей таких, как сыновья адмираловы, на флоте нет и быть не может! Уж коли за мной увязались, так будьте при деле, а не при безделье! И выставил обоих за дверь.

Королевская резиденция – дворец Фридриксберг – строг и величав. Остриями шпилей пронзает он низкое скандинавское небо. Представителей российского флота принимали с почтением. Король самолично показывал капитанам свою кунсткамеру, водил по картинной галерее, рассказывая о каждом из полотен.

– Вот, господа, портрет кисти непревзойденного Эриксона. Не правда ли, изумительная работа?

– Конечно, ваше величество, добрый мастер! – кивали головами капитаны, следуя за королем по длинным коридорам.

За обедом Христиан посадил подле себя Елманова. Тут же пристроился фаворит короля Струэнзе, бывший альтонский лекарь, а ныне всеильный лейб-медик и неофициальный глава датского правительства. Королеву Матильду выпало развлекать Грейгу. Остальные расселись вперемежку с королевскими вельможами. Угощали гостей любимым датским кушаньем – фледегредом (пшеничной кашей с малиной). На фарфоровых тарелках, покрытых меланхолической глазурью, уныло брели задумчивые коровы, плыли суда с парусами, полными ветра.

Король Христиан VII молод и азартен. С пухлых щек еще не сошел мальчишеский румянец. На короле свободный камзол, через плечо белая орденская лента. Королева в шитом золотом платье с райфроком «а ля франсез» и с модной высокой прической «пуф о сантиман» была под стать своему супругу.

– Первый тост, -поднял Христиан бокал, – я предлагаю в память о царе Петре, государе мужественном и неутомимом. Мы, датчане, хорошо помним его смотр нашему флоту у Грейфсвальда и совместный поход к Борнхольму. С ответным тостом встал Андрей Елманов:

– А мы, моряки российские, хорошо помним и чтим благородный подвиг храброго Турденшолда!* Христиан расцвел улыбкой:

– О, да, маленькой Дании есть чем гордиться на морях. Наш флот не так уж и велик, но зато крепок!

Склонясь к контр-адмиралу, король шептал доверительно:

– Я знаю, что Европа злословит над вашим плаванием, но я верю, что русский медведь разорвет турецкого осла! – Пьяно подмигнув Елманову, он вытащил из-за обшлага кафтана бумагу. – Вот перехваченное послание министра версальского Шуазеля посланнику при моем дворе Жерару. Слушайте, что он пишет о вас: «Предприятие сие может иметь столь же несчастный исход, как сама идея его романтична». Каково, а?

Христиан громко и весело хохотал. Он был всей душой за Россию, ибо только в тесном альянсе с ней видел защиту от враждебных намерений Швеции с Пруссией...

За дальним концом стола величественно восседала мать Христиана старая королева Юлианна, исподлобья поглядывавшая на лейб-медика. Пройдет всего полтора года, и по ее приказу Струэнзе будет казнен за любовную связь с невесткой...

У Самуила Грейга с молодой королевой меж тем шел разговор вполне светский. Бригадир, напрягая память, с натугой обсуждал последние парижские моды на кружева и атлас. Молоденькая королева была очаровательна, и Грейг не скупился на комплименты.

– Вы прекрасны, как бегущая по волнам яхта,- вдохновенно басил он. – Я – яхта? – Королева звонко смеялась.

Уже прощаясь с галантным капитаном, Матильда сказала, обмахиваясь веером:

– О, мы любим Россию! И в знак дружбы между нашими державами вот уже несколько лет стоит в столице храм Святого Александра.

Далеко за полночь вернулся Елманов с капитанами с приема. Спиридов, выслушав его отчет, только хмыкнул:

– Ладно, дела салонные позади. Завтра с утра на свои моряцкие навалимся. Иди спи, дипломат!

Наутро, не теряя времени, началась передача с Ревельской эскадры последних грузов, обратными рейсами свозили больных и немощных. Лишившись сильнейшего восьмидесятипушечного корабля, распорядился Спиридов вместо «Святослава» готовить в плавание новостроенный архангельский линейный корабль «Ростислав». Перетряхнул адмирал и офицерский состав. Одиннадцать самых буйных и бестолковых разогнал, вместо них набрал двадцать семь толковых и исправных.

Ну вот, кажется, и все. Последние шлюпки вернулись с берега. С кораблей доложили о готовности к продолжению плавания. Можно и трогать.

Европа еще злословила над походом русской эскадры, которая только что выбрала якоря из мути Копенгагенского рейда, когда король Пруссии Фридрих II уже понял все...

По приказанию короля его секретарь де Катт доставил в Сан-Суси средиземноморские карты. И теперь непривычные взору зеекарты валялись в королевском кабинете вперемежку с чертежами Польши.

За окном дворца стоял теплый август, в кронах старых дубов щебетали птицы. Фридрих собирался в поездку в Нейсу.

В самом конце августа там состоялась встреча прусского короля с сыном австрийской императрицы Марии-Терезии Иосифом. На ней Фридрих намеревался окончательно

склонить наследника венского престола к идее раздела польских земель. И главным козырем в этом деле предстояло стать русской Архипелагской экспедиции.

– Союз Габсбургов и Гогенцоллернов – залог могущества наших держав над славянами, – внушал Фридрих неопытному Иосифу при первом свидании. – Поверь мне, что нынешняя война России с Высокой Портой – наш единственный шанс, и упустить его было бы непростительной ошибкой!

– Да, я понимаю вас, – кивал головой Иосиф. – Но ведь венский двор находится вне вашего «аккорда» с Россией?

– Мой молодой друг, – улыбнулся Фридрих, – аккорд всего лишь звук и не более! Надо быть готовым схватить за волосы счастливый случай. Сегодня интересы наших держав совпали, и было бы предательством перед историей, если бы мы, немцы, не протянули друг другу руки в этот решительный момент. Россия – это страшное могущество, от которого скоро затрепещет весь мир, ждать осталось недолго. Екатерина уже нанесла кинжальный удар в подбрюшие Европы, ее корабли сейчас на пути в Средиземное море!

– Но ведь это очень далеко и не опасно для нас? – удивился наивный Иосиф.

Фридрих, вздохнув, покачал головой. Затем, встав с кресла, он некоторое время расхаживал по комнате.

– Да, – наконец обернулся он к Иосифу, – это уже не опасно, это страшно! Я даже не берусь предсказать, чем может обернуться для всех нас эта морская экспедиция. Европа еще смеется над русскими морями, но скоро она заплачет слезами кровавыми... И пока они все будут заняты дракой за Средиземное море, мы отломим себе по хорошему куску польского пирога!

– Много ли ваше величество желает отломить? – поинтересовался Иосиф.

– О, нет, мой дорогой, аппетит у меня всегда весьма умерен! Всего лишь Померанию, Вармию, Куявию, часть Великой Польши да еще Поморье с Данцигом.

До первого раздела Польши оставалось всего три года.

Глава третья

*Хвала вам, росски Аргонавты,
Дерзали вы по безднам плыть,
Ревнуня добычи богаты
С своим Отечеством делить.*
Д. И. Хвостов

Последняя ночь стоянки побаловала наконец мореплавателей более-менее приличной погодой. Ветер упал. Однако уже с утра раннего над Копенгагеном начал скапливаться туман. Призрачно-легкий вначале, он час от часу становился все гуще и гуще. Низкое северное небо затягивалось тучами. Накрапывал дождь.

12 сентября 1769 года русская эскадра покидала Копенгаген. Вдали от толп зевак, там, где кончалась столичная эспланада и высились кроваво-красные кирпичные стены морского арсенала, остановилась карета российского посланника. Облокотившись на трость, Философов с грустью всматривался в расплывчатые силуэты кораблей.

– Господи! Спаси их и сохрани. – Посланник широко перекрестил эскадру. В глазах его стояли слезы.

На «Евстафии» распустили фор-марсель и выстрелили один раз, сигнализируя о подъеме якорей.

Съемка с якорей на парусном флоте – дело чрезвычайно трудоемкое и опасное. На каждом корабле по пять больших станковых якорей: плехт, дагликс, бухт, шварт и той. По команде шкипера сразу несколько десятков матросов, упираясь в вымбовки, медленно начали выхаживать стодвадцатипудовый чугунный якорь. Толстый пеньковый канат гигантским питоном вползал в свинцовый клюз. Потоками стекал грязный ил. Спустя час из волн

показался якорный шток. Началось самое сложное – выборка якоря. Этой непростой операцией руководил уже непосредственно старший боцман. Вначале якорь взяли «на кат», зацепив и подтащив талями под крамбол, затем крепкими фиш-талями, захватив один из якорных рогов, подтянули его вверх, пока якорь не завис горизонтально. Только после всего этого его закрепили цепями и концами. Наконец вахтенные офицеры доложили капитанам: – Якорь взят на фиш! Последовала новая команда: – По марсам и реям! Паруса ставить!

Эскадра быстро покрывалась белыми облаками парусов. Один за другим корабли и суда покидали копенгагенский рейд. Гремели залпы прощальной салютации, порты заволакивало клубами дыма. Датские форты «Провистейн» и «Тре-Крунор» палили в ответ холостыми залпами.

На выходе из гавани в последний раз сошлись бортами флагманские корабли обеих русских эскадр.

– Ну, как говорится по-русски, Григорий Андреевич, дай Бог вам удачи! – Швед Андерсон медленно, но чисто произнес всю фразу. Сняв с головы треуголку, помахал ею.

– До встречи, Петр Петрович! Главное сейчас – проливы проскочить, а в море Немецком уже polegшее будет!

Старый сотоварищ Круза капитан «Архангельска» Петр Глотов кричал ему задорно:

– Саша! Удачи тебе на водах и в гареме султанском да семь футов под киль!

– Спасибо, уважил! – Толстый Круз расплылся в улыбке.

Протяжное и дружное «Ура» заглушило пушечные залпы. «Город Архангельск», содрогаясь от выстрелов, грузно ворочал на зюйд-вест, за ним, как бы нехотя, – остальные корабли Резервной эскадры. Эскадра Андерсона уходила в Россию. Обрывалась последняя нить, связывающая средиземноморцев с родиной.

– Ваше превосходительство, на «Архангельске» подняли «Желаю доброго плавания». – Вахтенный офицер молод, голос резок и взволнован.

– Вижу. Передайте мое благодарение. – Спиридов подошел к Крузу, встал рядом.

– Теперь поплыли окончательно, – произнес задумчиво капитан, надевая шляпу. – Да, кажется, поплыли.

За Алексеем Орловым слава громкая, хотя и страшная. Это он 28 июня 1762 года ранним утром влез через окно в спальню Екатерины и поднял ее словами: «Вставай, матушка, у меня все готово!» Это он несколькими часами позже первым примчался в Ораниенбаум и арестовал растерянного Петра III, и, наконец, именно он 6 июля самолично удушил опального императора офицерским шарфом.

Теперь же Алексею Орлову предстояло дело иного рода – возглавить русские войска на Средиземном море и поднять на восстание угнетенные турками народы.

Выбор Екатерины II был удачен. Для этого гиганта со страшным шрамом через все лицо (памятью о пьяной драке) не существовало ни физических, ни политических, ни моральных препятствий. Граф Алексей ради достижения заветной цели был готов абсолютно на все...

Получив рескрипт Екатерины о назначении его командующими всеми вооруженными силами России на Средиземноморье, Алексей с младшим братом Федором под видом «графов Островых» перебрался в Ливорно. Порт этот был им выбран не случайно. Во-первых, тосканское правительство доброжелательно относилось к России. Во-вторых, туринское купечество имело от торговли с тульскими купцами весьма большие выгоды.

Едва разместившись в Ливорно, Алексей Орлов сразу же развернул бурную деятельность: рассылал агентов, заготавливал оружие, налаживал связи с греческими повстанцами.

В помощь ему из Санкт-Петербурга под видом купцов были присланы опытные армейские офицеры во главе с «купцом первой гильдии Барышниковым» (генерал-майором князем Юрием Долгоруким). Ненадолго задержавшись в Ливорно, «купцы» разъехались по всему Средиземноморью. Эмиссаров своих перед отъездом Орлов наставлял весьма основательно:

– Ежели ехать, так уж ехать нам надлежит до самого Царьграда и освободить всех православных да благочестивых из-под ига тяжелого. Румянцев ударит с одного конца, а мы подпалим Порог Счастья с другого! Труд сей для нас очень немного стоить будет, чтоб повести греков против турчан и чтоб они у меня в послушании были. Запомните, люди торговые, что к будущей весне должны мы иметь войско в сорок тысяч!

Восстание набирало силу с каждым днем. «Торговые дела графов Островых» шли успешно.

Длинной чередой проливов связана Балтика с океанами. Большие и малые, они, как пуповина, питают ее живительной водой великих просторов. В гигантском водовороте сталкиваются здесь встречные потоки. Никто не в силах дать описание здешним течениям. Самые опытные лоцманы, слыша подобные вопросы, лишь пожимают плечами, говоря, что течения местные весьма неправильны, а потому и опасны.

Штиль – редкость в этих местах. Днем и ночью режут в проливах, пронизывая сквозняками матросские души, ветра. Обволакивают берега густые туманы. Коварные песчаные отмели Ютланда и мшистые камни шведского побережья видели не одну трагедию. Опасность подстерегает здесь везде!

Впереди эскадры шли форзейли: пинк «Лапоминк» и линейный корабль «Иануарий». За ними в составе авангардии: «Северный Орел», «Летучий», «Надежда Благополучия», «Ростислав», «Сатурн», «Три Святителя», «Соломбала», «Почталион», «Три Иерарха», «Венера» и «Европа».

Эскадра продвигалась в сплошном тумане. Вся видимость ограничивалась лишь баком. На сердце у Спиридова было тревожно: не оправившийся от недавней болезни, он постоянно находился на верхней палубе, как, впрочем, и все капитаны. Каперанг Круз, не доверяя никому, самолично вел счисление. От недосыпания и тревог лицо его осунулось, под глазами нависли черные мешки.

Шторма выматывают силы, туманы же вынимают всю душу. Прошли остров Анхольт.

Флагманский корабль палил ежечасно, а если увеличивал или уменьшал паруса, то каждые полчаса. Делалось это с одной целью – чтобы на остальных кораблях и судах знали: догонять или отставать.

На третий день у Спиридова вновь начались сильные боли. В каюте адмирал впал в беспамятство. Корабельный эскулап, ощупывая его белое худое тело, только качал головой. Рядом с койкой – флаг-капитан, сыновья.

– Не знаю, – прикрыв адмирала одеялом, молвил лекарь, взгляд потупя, – может, и осилит, а может, и всякое случится...

Впереди эскадры пинк «Лапоминк». У капитана Извекова задача особая – вести за собой остальных. Сам Извеков все время подле рулевого. То и дело, сверяясь с картой и компасом, расспрашивал он датского лоцмана об особенностях здешних вод. Бородатый датчанин, нахлобучив по уши клеенчатую зюйдвестку, лишь оправдывался на плохом русском: – Не карошо видать, а угадать трудно.

– Ничего, – хмурился осунувшийся Извеков, над компасной картушкой колдуя, – хоть на брюхе, но проползем!

Рядом ежился от холода сигналист с туманным рогом. Часовой что есть силы колотил в рынду. Протяжный и печальный гул висел в серой мгле. Подошел лейтенант Василий Машин: – Где мы сейчас? – На крамболе Эльсинорский замок. – Почти по Гамлету: To be or not to be?

Кают-юнга подал офицерам чашки с горячим чаем. Пили, не сходя с места, широко расставив ноги, чтобы не расплескать на качке.

Кончились третьи сутки «слепого плаванья». Вокруг по-прежнему было сплошное молоко. Бородатый лоцман, не находя себе иного применения, долго рассказывал Извекову о том, что воды Балтики текут Бельтами, а у Скагенского рифа, сталкиваясь с противным, стремятся вместе к зюйд-осту. «Лапоминк» огибал Скаген... Страшнее места в проливах нет.

Рифом «тысячи смертей» прозвали его моряки. Течением пинк незаметно сносило к восточной оконечности рифа.

– На Шкагене фарос изрядный! – известил вперед смотрящий Извеков. – Должен быть огонь, глядите зорче!

Маяк в ту ночь не горел... Почему – это осталось тайной. За несколько минут до полуночи резкий удар потряс судно... – Слева камня! – Голос кричавшего сорвался.

К Извекову подскочил Машин, с лейтенанта ручьем текла вода.

– В рюйме воды по пояс. Корпус крошится – гниль. Помпы разбиты вдрызг! Извеков остался спокоен:

– Спускайте шлюпки, грузите в них оружие. На камнях еще продержимся!

В интрюме гуляли волны. Матросы поочередно ныряли туда, доставая бесценный груз – ружья для греческих повстанцев. – Прислуге к пушкам! – распорядился Извеков.

Вася Мишин, сняв команду и загрузив припасы, с последней шлюпкой отвалил от борта. Разбитый пинк быстро заполнялся водой. – Залп! – скомандовал капитан.

Дружный залп шестифунтовых пушек дернул с камней погибающее судно. – Залп! Треск и скрежет. Это полетел к черту такелаж.

– Неужели на эскадре не слышат? Почему молчат? Куда делся шедший в струе «Иануарий»? – Извеков превратился в слух. Со шлюпок, размахивая руками, отчаянно кричали:

– Прыгайте, ваше благородие! Не ровен час, погибель примете! – Залп!

Раздерганное судно поползло с камней и стало на глазах рассыпаться. Пробираясь по колено в воде, артиллеристы, не торопясь, забивали очередной заряд... Глухие отрывистые залпы, раздавшиеся вдруг вдалеке, были им лучшей наградой за мужество. Эскадра отворачивала на безопасный курс... – Ура! – кричали что есть силы артиллеристы. – Ура! – несло со шлюпок.

Оглядев останки родного судна, последним прыгнул за борт капитан. Грохот сокрушаемого корпуса на мгновение заглушил шум прибора. Пинка «Лапоминк» более не существовало. Неприметный трудяга, отплававший не один десяток кампаний, исходивший вдоль и поперек всю Балтику, он погиб на боевом посту как настоящий воин. Вечная память и низкий поклон тебе, пинк «Лапоминк»!

Команду погибшего судна подобрало шедшее позади эскадры наемное датское судно.

Эскадра продолжала плавание. К утру следующего дня, обогнув Скаген, она вырвалась на долгожданный простор. Дремотно ворочались тяжелые свинцовые волны, крепкий ветер срывал с гребней пену и стелил ее полосами. Вытянулись в нитку многометровые вымпела.

– Люфт попутный! Идем полный бейдевинд! – доложил адмиралу спустившийся к нему Плещеев.

На палубах кораблей и судов царило оживление. Кажись, проскочили!

Рваные остатки тумана рассеялись окончательно, и взору российских моряков предстало мрачное Немецкое море. Сообщения с театра военных действий за сентябрь – октябрь 1769 года:

9 сентября. В крепости Хотин, осажденной русской армией, начался бунт. В тот же день турецкий гарнизон покинул крепость. Хотин был занят нашей армией без выстрела.

22 сентября. В годовщину коронации императрицы Екатерины II генерал Голицын за взятие Хотина произведен в генерал-фельдмаршалы и отозван в Санкт-Петербург. Командующий Первой армией назначен генерал Румянцев.

26 сентября. Отряд Первой армии под началом генерал-поручика Эльмпта занял город Яссы, Русская армия стала на зимние квартиры, однако мелкие отряды продолжали движение вперед к югу, вышли к Дунаю, заняли крепости Галац и Бухарест.

1 октября. Партия запорожцев при старшине Сафронии Черном настигла при деревне Хаджи-бей партию турок в 200 человек, шедших из Очакова в Аккерман. Запорожцы атаковали и разбили ее наголову. Отбили 2 знамени, булаву и литавры.

13 октября. К крепости Бендеры подошел отряд графа Витгенштейна. К коменданту с письмом о сдаче был выслан майор Тырко. Приняв письмо, турки скрылись в крепости. Спустя два часа завязалась живая перестрелка. Ночью Тырко предпринял со своей партией отчаянное нападение на предместье и, взяв богатую добычу, спокойно отступил, наделав в крепости тревогу, так что до самого рассвета производилась сильная канонада.

14 октября. С рассветом сильный неприятельский отряд начал выходить из предместья. Напав на казаков и гусар Тырко, он вышел из-под выстрелов крепости и был разбит. Турки потеряли 200 человек и 1 знамя.

1 сентября. Из Польши. Эскадрон драгун, гренадерская рота и 2 единорога под началом бригадира Александра Суворова, пройдя за ночь тридцать шесть верст, вышли в тыл крупному отряду конфедератов братьев Пулавских под Ореховом, решительно атаковали и разбили его, несмотря на шестикратное превосходство неприятеля. «По разбитии пулавцев под Ореховом вся провинция чиста», – доносил Суворов в штаб 3-й армии.

Глава четвертая

В шуме их надежд я полн.

Белы горы идут мимо:

Реет между черных волн,

Судно по морю носимо.

Г.Р.Державин

Попутный зюйд-вест вздувал паруса. Теперь корабли держали путь к берегам союзной Англии.

Когда-то в здешних водах фрегаты Петра, следуя из Архангельска в Кронштадт, захватили целую флотилию шведских каперов. Известие о той победе вызвало в Европе переполох небывалый*.

От резких порывов ветра корабли валило во все стороны, но шли лихо, парусов не убавляя. Чтобы не привлекать к эскадре излишнего внимания, Спиридов велел спустить вымпела и идти под флюгерами. Сам адмирал – под белым флагом, Елманов – под синим, а Грейг – под красным.

Миновали банки Фиш и Допер. Небритые рыбаки, побросав сети с задохшейся треской, тревожно взирали на проходящую эскадру.

Одни сутки сменялись другими. Через каждые восемь склянок – смена вахт. На случай потери в море адмирал определил местом сбора скалистый мыс Фламбаро-Хид на восточном побережье Англии.

Вот наконец и долгожданный мыс. На фок-мачте «Евстафия» подняли ординарный гюйс и пальнули из пушки, вызывая лоцманов. Тщетно. Лишь эхо от выстрелов было ответом. Спиридов с обидой выговаривал Крузу:

– Пилоты сии давным-давно наняты Иваном Чернышевым для проводки эскадры нашей Каналом, и плаче но за то им золотом щедро. Где же их носит нелегкая! На «Трех Иерархах» Грейг убеждал офицеров:

– Британские лоцманы – лучшие в мире! Причина их отсутствия – неточно составленная инструкция. В России такое не редкость.

Офицеры иерарховские слушали хмуро, но помалкивали. Не сдержался лишь за ужином в кают-компании лейтенант Петр Карташев*. Горяч был лейтенант, обид не терпел:

– Коли все для Грейга в Англии хорошо, чего же он к нам заявился? Сидел бы на своем острове да пиво хлестал. Мы его не звали!

Услышав неосторожные слова, уткнулся носом в тарелку грейговский любимец капитан-лейтенант Дугдаль, защищать в споре бригадира было опасно.

Грейга на «Иерархе» не любили, несмотря на его всегдашнюю приветливость и глубокие познания в морском деле. Бригадир буквально изводил офицеров, часами держа их

у себя, нудно внушая правила одоления противника, а если прибавить к этому весьма скверное знание им русского языка и огромную самонадеянность, то иерарховских офицеров понять было можно.

Поджидая лоцманов, на кораблях и судах занимались одним – погребали покойников. Хлестко полоскались приспущенные Андреевские флаги. На эскадре начался самый настоящий мор. Умерших считали уже десятками... У Фламбаро-Хид было потеряно четверо суток.

Европейские газеты тех дней пестрели сообщениями о трудностях похода русской эскадры; статьи полны были злословия и обидных слов. Обсуждение исхода экспедиции стало едва ли не самым модным в велико- светских салонах. Особо азартные даже заключали пари. На то, что эскадра не дойдет, ставили пять против одного!

Одним из немногих, кто искренне желал успеха русским морякам, был великий Вольтер. Узнав о трудностях адмирала Спиридова, фернейский старец обратился к просвещенным европейцам с посланием. «Благословите Петрополийский флот, зависть, умолкни, народы, дивитесь!» – писал мыслитель.

Однако политическая обстановка вокруг эскадры продолжала накаляться. В конце октября 1769 года испанский посол по поручению своего двора представил герцогу Шуазелю соображения Мадрида об опасности появления русских в Средиземном море для французской и испанской торговли с Востоком.

– Наши соединенные флота должны воспротивиться этому, а дворы обязаны сделать зарвавшейся России соответствующую декларацию, – настойчиво внушал он французскому министру иностранных дел.

Но Шуазель поначалу лишь посмеивался над испугом испанцев и безрассудством русских.

– Екатерининский флот – новый феномен! – куражился он на публике. – Романтично, красиво, но... дорого и бесполезно!

Веселость Герцога сняло как рукой, когда Спиридов довел свои корабли до британских островов: только теперь Шуазель ощутил всю опасность петербургской затеи. Взвесив все «за и против», он решительно выложил перед Людовиком XV свой мемуар, где как дважды два доказал, что русских следует уничтожить, прежде чем они вступят в Гибралтар.

– Это вернейший и единственный способ восстановить сегодня французский престиж при Порте и во всей Европе. Мы не можем подставить щеку под оплеуху Екатерины! – заявил он королю.

Людовик слушал своего напористого министра в некотором смятении, ведь за спиной Петербурга стоял весь «Северный аккорд»: Англия, Дания и Пруссия... Задирать их было опасно! Шуазель же продолжал настаивать:

– Я, ваше величество, презирал и презираю Россию, и пока я стою во главе иностранного кабинета, ни одного шага к сближению с ней делать не намерен. Я уверен, сир, что ненависть Екатерины гораздо почетнее для нас, чем ее дружба! Мы не можем оставаться невооруженными среди столь критических обстоятельств! Людовик, однако, был сдержан в оценках.

– Говорят, что русские вельможи не далеки от мысли свергнуть деспотию и устроить республику, – произнес он в задумчивости. – Все, что в состоянии ввергнуть эту империю в хаос и заставить ее вернуться в мрак, выгодно нашим интересам.

Шпионы «королевского секрета» в своих оценках несколько ошибались. До первой русской революции было еще долгих сто тридцать шесть лет, зато до французской оставалось всего двадцать...

После долгих уговоров король все же решился на первый шаг и отдал приказ о незамедлительном снаряжении Тулонской эскадры в восемнадцать 100-пушечных кораблей. Одновременно был собран и королевский совет, чтобы окончательно решить вопрос истребления русских. Однако результат совета оказался неожиданным для Шуазеля – министры единодушно проголосовали против нападения на эскадру Спиридова. Причину

своего решения они объяснили одним – Франция еще не готова к столкновению с такой грозной силой, как «Северный аккорд», а плавание нескольких русских кораблей еще не повод для начала новой большой войны. Людовик XV по итогам совета вынужден был нападение отложить и еще раз хорошо обдумать все возможные последствия этого шага.

Эскадра адмирала Спиридова устало втягивалась в Английский канал, когда русский посланник во Франции Хотинский напросился на аудиенцию к герцогу Шуазелю, желая выведать возможность враждебных действий французского флота.

Испытывая нетерпение Хотинского, Шуазель долго держал его в приемной, но это на посланника впечатление не произвело, и к Шуазелю он входил с улыбкой сияющей.

– Моею государыней велено испросить у вас дозволения входить кораблям нашим в случае бури в гавани французской короны, – начал он неожиданно.

Хотинский действовал на свой страх и риск, никаких указаний на этот счет он из Петербурга не получал и получать не мог. Франция была для России враждебной державой, и входить в ее порты русским судам строго-настрого запрещалось. Но тем внезапней был нанесенный посланником удар!

Шуазель находился в явном замешательстве. Лицо его быстро покрывалось красными пятнами. Еще бы, ведь «королевский секрет» пропустил это сообщение, и теперь ему предстояло принимать решение на ходу.

– Мы никогда не отказывали в должной человечеству помощи и, конечно же, разрешим пребывание у нас, ведь с Российской державой мы состоим сейчас в добром согласии. Но в гаванях наших тесно, и впускать туда мы сможем только по одному кораблю, да и то не во все порты. – Герцог говорил медленно, стараясь выиграть время для обдумывания.

– Но этого недостаточно, – напирал на него Хотинский, стараясь ему этого времени не дать. – Ведь ежели целый эскадр будет застигнут бурей, то неужели вы примете лишь один корабль, оставив остальные на верную погибель?

– У России сейчас большой флот, и потеря одной эскадры для вас не Бог весть какая трагедия. – Шуазель все никак не мог понять, куда же клонит русский посланник, поэтому отвечал зло и необдуманно. – Если бы мы были союзниками, то впустили бы десяток ваших эскадр – таков морской закон. Но при настоящих условиях сказанное вам решение изменить невозможно. Чтобы противостоять Британии, мы вынуждены готовить свои корабли, а ваша эскадра – это сброд пиратов, жаждущих легкой добычи на Средиземноморье, но не будет...

Шуазель умолк. Он наконец понял, чего от него добивался Хотинский; понял он и другое: эту словесную дуэль он безнадежно проиграл.

– Что ж,- широко улыбнулся довольный результатами беседы Хотинский, – позвольте откланяться!

Вернувшись в посольство, он сразу же отправил в Санкт-Петербург зашифрованное донесение: «Известие, что Франция и бурбонские державы намереваются выслать эскадры, вновь подтверждается».

При переходе морем бомбардирский «Гром» поотстал от остальных и шел в одиночку.

Дул свежак. Гуляла приличная волна. Опасаясь за перегруженный корабль, Перепечин спустил паруса.

Но беда, как говорится, одна не приходит. Ночью из-за недосмотра рулевого корабль развернуло бортом к волне. Зажатый водяными валами, «Гром» скрипел и трещал. Команда, однако, держалась стойко. После полуночи, не выдержав напора ветра, рухнула грот-мачта. – Фалундер! – крикнул кто-то.

Но было поздно, работавших на палубе завалило такелажем. Выволокли из-под грот-стенги зашибленного Ильина. Лейтенанту придавило ногу, разбило лицо. Остальные отделались синяками.

В торчащем из палубы обручке мачты, в самой ее сердцевине, чернела гниль...

Взятый в Копенгагене лоцман советовал, пользуясь попутным ветром, идти чиниться в ближайший норвежский порт. Но капитан «Грома» отказался наотрез:

– Не по пути нам туда, чай, не в Архангельск плывем.

А вскоре задул попутный норд-ост, и спустя несколько суток бомбардирский корабль входил в речку Гумбер, на которой стоит английский порт Гулль.

Ильину к тому времени немного полегчало, однако ходить он еще не мог. Ухаживал за лейтенантом грек Константинов, ходил за ним как за родным сыном. Сидя у изголовья, рассказывал о своей далекой Родине:

– Сам я с Лемноса, а когда османы учинили там резню, семья наша бежала в Морею. Отец открыл лавку в Виттуло, торговал товаром скорняжным. А мы с младшим братом Варвацем пошли в рыбаки. В море меня и схватили османы: за что, про что – кто знает! Два года плавал матросом на их судах. Били страшно. Христианин ведь для османа хуже последней собаки, и убийство его за благое Аллаху дело у них почитается. Не снес я жизни такой и в Очакове бежал. Пробрался в Россию. Скорняжил в Астрахани. И вот теперь с трепетом в душе плыву к родным берегам. Ах, поймешь ли ты чувства мои, Митя? Ильин слабо улыбнулся:

– Ничего, скоро дома будешь! Недолго ждать осталось. Дементарий покачал седой головой:

– Эхе-хе... Сколько лет прошло... Кто знает, что ждет меня там? Жив ли отец с матерью, где брат родной? Людовик, однако, эскадры не разоружил...

Тем временем на находящейся в Гуле эскадре Спиридова число тяжелобольных перевалило за седьмую сотню. Лечить же их было нечем. Посланный в город штаб-лекарь Пфефер привез каких-то порошков. Молва о них мигом облетела суда и корабли. Чудодейственные порошки распределял лично Спиридов, но и они помогали мало.

За несколько дней стоянки было погребено в пучине восемьдесят человек, а поносы и флюс-феберы укладывали в койки все новых и новых.

Корабельные секретари измучились от переписки и раздачи вещей умерших. Иеромонах с красными от недосыпания глазами устало переступал через больных:

– Не лекарь спасет ваши души, а Господь! Молитесь, люди православные!

Поздними вечерами, оставаясь один в каюте, Спиридов взывал о помощи Николе Угоднику, тускло освещенного лампадкой:

– Образумь меня, дай совет, как спасти мне воителей моих, как довести суда до берегов Левантских?

Но молчал Николай Чудотворец, глядя равнодушно. И, вздыхая, поднимался с колен адмирал...

В донесении в Петербург он писал с явным раздражением: «Но виноват ли я в том, что в Гумбер к Гулле зашел? Причиною же тому не выезд ко мне, в прибытие мое к английским берегам четырехсуточном, лоцманов. Оных я уже получил через посланного от меня берегом к Гуллю, не имея никогда помышления заходить к Гуллю, как то значится в данных... инструкциях».

От Лондона до Гулля путь неблизкий, но члену адмиралтейств-коллегий и российскому посланнику в Англии Ивану Чернышеву понадобилось всего два дня. Скоро он был на «Евстафии». С недавнего времени Чернышев не только член коллегии, но и ее вице-президент вместо занемогшего окончательно Мордвинова.

Приезду Чернышева адмирал обрадовался искренне. Умница-граф сразу заметил удрученность командующего. Первым делом рассеял сомнения относительно помощи англичан:

– Лондон с нами сейчас в одной упряжке тащится, а с нашей экспедицией он еще поболее выгод возьмет, чем мы! – Чернышев посмотрел на Спиридова и, уловив тень сомнения, пояснил: – Да, да. Намедни Вильям Потт молвил, что готовы они нам Минорку со всеми ее потрохами всучить, лишь бы пробудить интерес к средиземным водам. А зачем? Да затем, чтобы не только Версаль, но и Мадрид на нас зубами клацал. Торговля ж и альянс с Россией им сейчас поважнее всякого равновесия европейского будут! О политике Версаля разъяснил так:

– Французское вооружение в Тулоне и Бресте должно заставить тебя, Григорий Андреевич, то же самое сделать к тому весьма скрытым способом!

– А каковы намерения французские? – мрачно поинтересовался адмирал.

– Намерения, прямо скажу, Гриша, поганые! – Чернышев нервно барабанил по столу пальцами. – Недавно первый министр Шуазель на совете королевском настаивал на истреблении нашей эскадры. Однако совет пока последствий политических убоился. Хотя по истощенному состоянию Версаля ему и нужен разве что покой, превозносчивые амбиции их Дюка Шуазеля могут ввергнуть его в войну разорительную!

– Нам от этого легче не будет! – вздохнул Спиридов, огорченный новыми неприятностями.

Осмотрел Чернышев в присутствии Плещеева корабли. Огорчился увиденному. Велел созывать капитанский консилиум.

Консилиум решил, не теряя времени, добираться каждому судну по способности до Гибралтара и далее к Порт-Магону. На судно определили по два английских лоцмана. Чернышев взял плату за них на себя.

Пока заседали – новая неприятность. При свежем остовом ветре и отливе сел на мель «Три Святителя». В тот же день потеряла левый становой якорь-дагликс «Европа».

Но всему плохому когда-то приходит конец, и к вечеру получил адмирал радостное известие о славной победе российской армии над турками под Хотинном. В честь виктории палили из пушек, жгли фальшфейеры, пили вино и пели песни. Уезжая, Чернышев предостерег Спиридова:

– Министр версальский Шуазель, враг нам смертельный, умыслил новую пакость против нас. Высылает сейчас суда с грузом подозрительным, чтобы они промеж кораблей наших плавали, а ежели вы кого остановите или арест учините, сразу затеет он скандал и плавание задержит. Потому, как завидите флаг французский, обходите его стороной.

Спиридов, из кресла тяжело поднимаясь, ответил зло:

– Сторониться много чести будет! А рыться в дерьме ихнем нам недосуг. Пушай себе вертятся, сколь влезет!

О своем впечатлении от посещения эскадры Чернышев писал в Петербург следующее: «Не так худо нашел я все сделанные адмиралом распорядки, как слышал, но опять и не так, чтобы оные лучше быть не могли, ну да уж что же делать, быть так! Более всего неприятно мне было видеть его самого несколько в унылости, отчего и подчиненные были тоже не веселы, что я ободрением его и хвалою всего того, что уже сделал, ибо поправить было невозможно, разговором с солдатами и матросами, объездом на все корабли сколько можно поправить старался. Унылость его произошла от встречи великих препон в плавании, которые то ускорить не позволили, чему главная причина великое множество больных, ибо число оных простирается до 700 человек... чему удивляться не должно, ибо половина экипажа состоит из рекрут, которые жительство близь Москвы имели... которые несколько месяцев как соху покинули, но и к пище ни мало привычки не сделали, изнурены были при вооружении великими работами,... от излишнего экипажа великая теснота на кораблях...»

Капитанов своих тем временем собрав, адмирал Спиридов наставлял так:

– Бурбонов не задирать, но и честь свою не срамить! До Порт-Магона плыть будете в одиночку, посему учтите, что не только с Версалем, а и в лице большинства держав средиземноморских имеем мы скрытых неприятелей, да и остальные нам завистны и рады будут иметь повод к явному обнажению недоброжелательства.

Фискальная служба на эскадре – тоже прямая забота командующего. Помогали ему в этом флаг-капитан Плещеев, греческий обер-боцман Марко Лукович в чине подпрапорщиком. Лукович с Плещеевым уже лет пять неразлучны, вместе ходили на «Надежде Благополучия» в Ливорно. Обер-боцман все Средиземное море как свои пять пальцев знает. От него на эскадре польза большая. Дел по этой части не переделать! Попробуй уследить за всем, когда англичане у кораблей день и ночь толкутся. Что ни день, то докладывает обер-фискал все новые случаи разбойные. То сверток подкинутый с

британскими фунтами нашли на «Иануарии», то на стоящей в гавани «Европе» кто-то пытался ночью вскрыть канцелярию судовую, а услыша шаги часового, убежал с корабля на шлюпке. Зачастил в порт и главный шпион британского флота Стефенс, всегда норотивший засвидетельствовать адмиралу свое почтение... Помимо английских агентов подлавливали офицеров и матросов в порту и шпионы короля Людовика. Однако все попытки завербовать русских моряков кончались в лучшем случае синяками да шишками. Спиридов на этот счет мог быть спокоен – ни один из пяти тысяч российских офицеров и матросов изменником не стал.

Нелегко приходилось в Лондоне и Ивану Григорьевичу Чернышеву. Граф Шуазель, узнав о том, что один из главных вдохновителей русской морской экспедиции перебрался в Англию для помощи Спиридову, был вне себя.

– Вам надлежит повсюду настаивать перед русским послом на вашем первенстве! – наставлял он своего посла Шателя. – А где можно, унижать всячески!

– Русский посланник, насколько я извещен, строптив безмерно! – отвечал Шатель мрачно.

– Тогда бейте! – сжал свои сухие кулаки министр, глаза его яростно сверкали. – Бейте! Никто вас за это не осудит! Честь Франции и короля нам дороже всего!

Французский посол был исполнителен. На первом же придворном балу в Лондоне в момент выхода к собравшимся короля Георга он грубо оттолкнул Чернышева в сторону, чтобы занять первенствующее место. Так, по мнению французского министра иностранных дел, отстаивалась честь Франции и унижалась честь России.

На официальный запрос русского правительства о недостойном поведении графа Шателя Шуазель надменно ответил, что полностью одобряет поступок своего подопечного.

Ну а что же сам Чернышев? Как он, известный гордец, мог стерпеть такое? Современники утверждают, что уже на следующий день граф Иван Григорьевич дрался с обидчиком на шпагах, был ранен, но поставил французского наглеца перед собой на колени, предварительно мастерски выбив у него из руки шпагу.

Сам граф Чернышев об этом никогда и никому не рассказывал. Эка невидаль для российского дворянина, да и дела поважнее были.

Вскоре часть русских кораблей и судов оставила Гулльский рейд. В окутанном туманом Английском канале мореплавателей встретил нестерпимый визг: то подавали друг другу туманные сигналы, крутили хвосты. свиньям практичные англичане...

Поменяв в гулльском адмиралтействе грот-мачту, «Гром» спешил вдогонку эскадре. Вскоре бомбардирский корабль нагнал «Северный Орел», который едва тащился, шатаясь, как пьяный, из стороны в сторону.

Еще недавно вполне исправный линейный корабль «Орел» являл собой груды развалин: в трюме сильная течь, рангоут сгнил, камбузная печь развалилась по кирпичикам. «Орловцы» мрачно шутили, откачивая воду кетенс-помпами: – О еде не хлопочи: нету нашенской печи!

Если в Гулле корабль имел всего три-пять дюймов воды за вахту, то за мысом Лизард в интрюме было уже двенадцать дюймов!

С молчаливого согласия капитана Клокачева команда переоделась в чистое платье.

Вскоре стали отходить пазы и обрыватья обшивные доски. Появление «Грома» было как нельзя кстати. Бывший на «Северном Орле» за старшего контр-адмирал Елманов велел Перепечину сопровождать их до ближайшего порта. Корабли повернули на Портсмут. На горизонте со всех румбов белели паруса: то рыскали английские и французские наблюдательные эскадры...

А у линейного корабля уже расходились «с великим движением» борта. Их кое-как связывали, чтобы доползти до гавани. Воды в трюме было за сорок дюймов...

Оставив покалеченный «Орел» в Портсмуте, «Гром» в тот же день продолжил плавание.

За Дувром поменяли лоцманов, а за мысом Зюд-Фордленд попали в шквал. Пришлось переждать. Подойдя к берегу, «Гром» отдал якорь. Под килем восемь саженой воды, в самый раз для безопасной стоянки.

Через двое суток вокруг бомбардирского корабля отстаивалось, пережидая непогоду, уже более полутора десятка судов.

– Гляньте, ваше благородие, никак наш тащится? – окликнул вышедшего на верхнюю палубу Ильина матрос.

Опираясь на твердую руку Константинова, Ильин обернулся. Точно, на рейд заворачивало маленькое облезлое суденышко с российским бело-голубым флагом.

– Вроде этакой лягухи у нас не имелось! – подивился Ильин. А с «лягухи» уже орали что есть мочи:

– Мы датский наемный пинк с командами разбившихся у Копенхафена ботов. За капитана Корсаков-второй!

Лейтенанта Корсакова-второго на Балтийском флоте знали хорошо. Был он из плеяды отчаянных ботовых капитанов. Тех, что гибнут каждую кампанию в количестве огромном, чудом оставшись в живых, клянутся, что «больше в море ни ногой», а по весне снова просят на свои гибельные боты.

Едва пинк стал на якорь, как Иван Корсаков уже съехал на «Гром». Вскоре слабо упирившийся капитан бомбардирского корабля был усажен им в шлюпку и свезен на пинк.

Вахтенный офицер «Грома» князь Костров отметил в вахтенном журнале:

«В третьем часу капитан-лейтенант Перепечин вместе с лейтенантом Корсаковым поехали на датский пинк».

Принявший у него вахту унтер-лейтенант Афанасьев дописал:

«В 8 часов капитан-лейтенант Перепечин вернулся на корабль».

Томительно тянулись дни ожидания. В конце каждого суток в журнале бомбардирского корабля появлялась одна и та же запись: «Стоя фертоинг на якорях, за противным ветром, против местечка Диль, на рейде Доун всякие случаи». Было скучно.

Зато не скучал развеселый Корсаков-второй. На «Девиге Казарин» (так игриво именовался датский пинк) без передыху палили из пушек, лейтенант праздновал свои именины. Но вскоре и «громовцам» выпал случай встряхнуться.

Зашедшее в одну из ненастных ночей на рейд тяжело груженное трехмачтовое английское судно, не сумев встать на якорь, навалилось на «Гром». В шканечном журнале «Грома» сохранилась следующая запись: «В 1/2 1-го часа... судно при ветре SWZN и среднем волнении продрейфовало мимо «Грома», на котором стали отдавать канат плехт; в 1/2 1-го часа судно навалило на «Гром» и сделало повреждение с левой стороны в крамболе и в гаубичном порте; на «Громе» в 1 час ночи отдали все канаты, а судно продолжало дрейфовать на «Гром»; «с общего согласия командира и прочих офицеров» отрубили на «Громе» канат плехт, «чтобы не сделать кораблю большего повреждения», и остались на даглисте; судно еще несколько дрейфовало и остановилось поблизости не более 20 саж.; в половине 2-го часа с «Грома» стали палить из 3 пушек «по минутно» и подняли с кормового флагштока фонарь с огнем для призыва лоцманов...»

К немалому удивлению русских моряков, на все их крики на английском судне отвечали молчанием. На палубе же «купца» было вызывающе пустынно.

– И что это за кикимора-то на нашу голову? – злился капитан «Грома» Перепечин. – Чуть было не утопила нас, окаянная!

– Сдается мне, что перепилась эта кикимора изрядно! – мрачно констатировал Ильин. – На трезвую голову так не плавают!

Тем временем к борту бомбардирского корабля подошла шлюпка с берега.

– Какое это судно и кто его капитан? – перегнувшись всем телом через борт, прокричал Перепечин.

– Откуда мы знаем! – отвечали со шлюпки. – Здесь многие плавают! Если хотите все узнать, езжайте на берег к королевскому комиссару! – Кто поедет? – обернулся к офицерам Перепечин. Князь Костров, замывшись, отступил за спину Ильина. – Видать, мне придется! – развел руками лейтенант.

– Перво-наперво разузнай все о сей кикиморе, а кроме того, и о вспоможении нам в отыскании каната да плехта-якоря!

– Шлюпку будем спускать? – поинтересовался Ильин.

– Куда там! – махнул рукой Перепечин. – Ишь как разгулялось!

Дмитрий глянул за борт. Волнение и вправду значительно усилилось. Корабль то и дело ложился попеременно то на левый, то на правый борт, крутясь волчком вокруг положенного на грунт якоря.

– Да, шлюпку на такой волне спускать затруднительно. Не ровен час опрокинет! – согласился он.

В журнале «Грома» вахтенный штурман тотчас написал: «Свою шлюпку за большим волнением и с боку на бок качанием спустить было никак не можно».

– Езжай с английцами! – распорядился Переиечин. – Да будь поосторожней, очертя голову никуда нелезь. Мне мортирный капитан живехонький нужен. Понял, добрый молодец?

Прикинув, когда пришедшая с берега шлюпка в очередной раз ударится волной о борт корабля, Ильин ловко прыгнул в нее. Следом за ним кубарем полетел лекарь Брюммер, рассчитывавший посмотреть в деревенской аптеке каких-нибудь лекарств.

Очутившись на берегу, лейтенант сразу же отправился в деревеньку Диль к местному королевскому комиссару Бельжаменту. Но тот принять русского офицера отказался, сославшись на позднее время. (На самом деле представитель британского адмиралтейства жестоко страдал от глубокого похмелья.)

– Господин комиссар примет вас не ранее восьми утра! – объявил Ильину величавый лакей.

Дмитрий вытащил из кармана часы. Открыл крышку, глянул. Шел четвертый час утра.

– Дотеле ждать здесь не могу! – объявил он лакею. – Будем все делать сами!

Вскоре с помощью местных жителей ему удалось разыскать домик голландского агента, который любезно предоставил русскому лейтенанту своего лоцмана. И снова впереди штормовое море. Волны захлестывали насквозь продрогших гребцов. Сидя на кормовой банке, Ильин твердо правил прямо на принесшую столько забот и волнений «кикимору».

Через неполных два часа, стоя на палубе «Грома», лейтенант уже докладывал Перепечину, что судно, навалившееся на бомбардирский корабль, именуется «Ком-мерком» и идет из Вест-Индии в Лондон, шкипера зовут Вильмсоном, и он обещал с рассветом отыскать канат и якорь, прося лишь помочь ему людьми с «Грома», а за все повреждения непременно заплатит.

Свое обещание английский шкипер исполнил. Канат в тот же день был найден. Его доставили на «Гром», где тут же соединили с оставшимся на корабле концом. Вынужденная стоянка бомбардирского корабля продолжалась.

«Утро 25-го октября было уделено на подвертывание даглиста... В 4 часа дня задул шторм... и с «Грома» отдали другой якорь...

26-го октября... шторм продолжался с дождем; стоящих на рейде 62 судна разных наций.

27 октября... пришел с N английский военный фрегат...; стоящих на рейде 58 судов; на «Громе» тянули грот-стенг-ванты.

28-го – ветер SW средний...; пришло... разных наций купеческих судов 12.

29-го -...к полудню ветер средней силы, идет дождь, стоит на рейде 60 судов; пришло... разных наций 4 судна.

30-го октября... «Гром» пошел к югу, вместе с ним пошло к S разных наций 55 судов. В 2 часа сделался противный ветер, и... «Гром» опять повернул к Дилю, а в половине 6-го часа стал на якорь опять на рейде Доунс».

А дувшие в лоб русскому кораблю ветра все не меняли направления.

Неделю проторчав за мысом Зюйд-Форленд, «Гром» вернулся в Портсмут.

Спустя несколько дней туда пришла и «Европа», которую при входе на Спитхедский рейд английские лоцманы ловко посадили на мель. Повреждения были серьезные. Чуть

позже прибыл и нанятый датский пинк «Святой Иоанн» с доблестной командой пинка «Лапоминк».

Так стихийно образовался «Портсмутский отряд», командование которым возложил на себя контр-адмирал Елманов.

Сообщения с театра военных действий за октябрь – ноябрь 1769 года:

27 октября. Граф Витгенштейн с главными силами отряда подступил к Бендерам. Весь день шла сильная пальба с обеих сторон. И хотя турки потеряли много убитых и несколько раз зажигалась крепость, вечером граф Витгенштейн получил приказание следовать на зимние квартиры.

13 ноября. Замечена была сильная партия татар около места у вершины Кальмиуса. Находившийся там донской полковник Колпаков с 200 доброконными казаками отправился за ними в погоню.

14 ноября. Казаки нагнали татар и совершенно их разбили, положив на месте более 100 человек. В числе убитых находился сам предводитель татар Шатимир-ага и славный наездник Хозбагач. У нас убитых ни одного. В тот же день другая партия татар напала на наш пост и захватила 5 человек в плен. Из Бахмута тотчас была выслана команда пикенеров, но полковник Колпаков еще прежде разбил противника, освободив пленных.

Портсмут состоит из трех городков, которые располагаются между морскими заливами. Первый город – сам Портсмут, второй – Комон, а третий – Гаснут.

Портсмутские улицы ухожены, выложены тесаным булыжником, поэтому даже в самый сильный дождь на них чисто. Вдоль моря громоздятся форты, с пушками на чугунных колесах. Все ладно и прочно, но мрачно и тяжеловесно. Нет ничего, чтобы радовало глаз!

«Гром» оттащили портовым ботом в дальний угол Портсмутской гавани, где он приткнулся у списанного на дрова старого английского фрегата. «Смоляные куртки», свесившись с говейла, кричали: – Рашен – вел, водка – вел, Архангельск – ка-ра-шо!

Непонятно, каким образом, но через час все громовские матросы уже знали, что пашня начинается здесь с января, а цены на хлеб высокие и с нашими ни в какое сравнение не идут.

На «Европе» и «Северном Орле» – больной на больном. Однако портовые власти сход на берег запретили всем. Лечились как умели. От простуды кидали в бочку пару каленых ядер и лили с ведра уксус, хошь пей, а хошь не пей! От всех других болезней – камфора, на вине настоящая.

Прикинул Елманов, что дальше еще хуже будет, и письмо графу Чернышеву в Лондон отписал возмущенное. Посол тут же потребовал от британского правительства выполнения союзнических обязательств. Побегав изрядно, выхлопотал он и разрешение на пользование Гослазским морским госпиталем.

Теперь больных свозили туда. За полгинеи в неделю наняли переводчика. Спустя несколько дней госпитальный доктор Джон Линдер с возмущением выговаривал Елманову:

– Среди ваших больных есть и такие, беспрестанно хотят есть и съедают вдвое больше обычного, что очень неприлично! Контр-адмирал ответил невозмутимо:

– Наши матросы и работают за семерых. Издержки мы вам оплатим.

Курс русских червонцев был в тот год в Англии чрезвычайно низок, и закупать любую мелочь приходилось с трудом. Свободно продавали лишь черное английское пиво по 13 копеек за ведро.

Решив вопрос с размещением больных, поехал Елманов к начальнику порта адмиралу Муру.

Английский адмирал принял русского холодно, мрачно попивая пиво с яичком. За руку не здоровались. От прямых ответов Мур уклонялся – выполнял инструкцию адмиралтейства. Но и Елманов не уступал:

– Всякая помощь со стороны вашей была меж правительствами нашими оговорена. Коль так, потрудитесь все исполнить. Нам нужен для починки кораблей сухой док, лес, припасы да добрые корабельные мастера. Услышав про доки, Мур замахал руками:

– О, нет, нет! При нынешних больших ветрах это не возможно. Вы, господин адмирал, видимо, не знаете, что такое док?

– Нет, – отвечал Елманов в сердцах, – что такое док, я знаю не хуже вашего, а вот что такое совесть, вы, наверное, позабыли! Я буду писать в Лондон и Санкт-Петербург! Сказал – и вышел, хлопнув дверью.

Вновь получив тревожное послание из Портсмута, вступил в борьбу граф Иван и добился разрешения на пользование адмиралтейскими доками. Это было последнее, что он сделал. Чернышева отзывали в Россию на должность вице-президента адмиралтейств-коллегии.

Адмиралтейские корабельные мастера, осмотрев останки «Северного Орла», были изумлены:

– На таком самоходе не то что в море, на Спитхед выйти страшно. Вы, русские, или бесстрашные львы, или безумцы, не ведающие, что творите!

Чинить «Орел» англичане отказались наотрез, сказав, что могут купить только лишь на слом.

– Нет-нет! – отказался недоверчивый Елманов. – Поломать это завсегда успеется, отволоките его в сторонку, и пусть себе стоит, может, еще на что и сгодится. «Европу» все же в док поставили.

Для ускорения ремонта ежедневно отряжали на разоружение «Европы» матросов со всех кораблей эскадры, находившихся в Портсмуте. В один из дней попал в такую рабочую команду и комендор с «Евстафия» Алексей Ившин. Еще в Гулле был переведен он временно на «Северный Орел» с боцманом Евсеем для доукомплектования. Работали матросы на «Европе» в охотку, после духоты и сырости батарейных палуб дело спорилось. Бухнула полуденная пушка – уже и к обеду пора. Вооружился Леха ложкой, черпнул варева, в портовой кухне приготовленного, и выплюнул, чертыхаясь. Не едал он отродясь гадости подобной. То был знаменитый английский потаж – гнилая сборная мет шанина. Англичане, работавшие тут же, хлебали невозмутимо.

– Притерпелись, бедолаги, – пожалел их комендор, доставая припасенные ржаные сухари, – а мы к такому пойлу не приучены.

За ним повытаскивали сухари и остальные. Обедали молча: какой разговор на пустой желудок? Леха уж на что балагур, и то приуныл.

Искося поглядывали на английских матросов. Несладкая жизнь у них тоже, видать. Особенно поразили евстафиевцев их спины, сине-багровые от сплошных рубцов. На русском флоте тоже линьками наказывали, но чтоб живого места на теле не было – такого россиянам видеть не доводилось.

Откуда было знать Лехе и его товарищам, что менее чем год назад доведенные до крайности английские матросы Лондонского порта отказались выводить в море свои суда. Бастующих поддержали в других портах. Забастовка была подавлена жестоко. Во всех портах помимо морской полиции разместили крупные подразделения войск, готовых в любую минуту расправиться с бастующими экипажами. Условия жизни матросов стали еще хуже.

Англичане Лехе нравились: сноровистые, боевые дай дело свое знали (дай Бог каждому). Одно лишь неприятно было: уж больно свысока на наших они поглядывали. Мол, мы-то моряки знатные, а вы так, сбоку припека.

Съели англичане свой потаж, облизали ложки и ну через одного своего, что в Архангельске раньше бывал и по-русски понимал немного, приставать: давайте, дескать, пари держать, кто сноровистей по вантам лазит. Наши поначалу отмалчивались, англичане мореходы известные, боязно соперничать с ними в лихости. Англичане засмеялись, слезы вытирая. – С-ла-по! – хохотали.

Обидно сделалось Лехе за честь свою матросскую, будто ком в горле стал. Обратился он к своим:

– Что ж мы, братцы, струхнули, расейские матросы мы али зайцы дрожащие?

Подошел к одному конопатому, что больше других насмехался:

– Давай-ка хоть с тобой об заклад ударимся на вина кварт?

Уразумев, в чем дело, англичанин обрадовался, закивал согласно головой: – Йес, йес!

Гурьбой, предвкушая интересное зрелище, повалили матросы на «Европу». У не разоруженной еще грот-мачты начал конопатый деланно приседать, руками размахивать. Намахавшись вдосталь, послал англичанин своим поцелуй воздушный и под одобряющие крики полез по вантам. Быстро взобрался на гrotовый флаг-шток и, к всеобщему изумлению, встал на самом его краю с ног на голову, затем перевернулся и ловко спустился вниз. «Смоляные куртки» ревели от восторга. К месту поединка сбегались все новые и новые толпы русских и англичан. Подошел и евстафиевский боцман Евсей, встал в отдалении, покуривая трубку да молча поглядывал на происходящее.

Наглядевшись на английские выкрутасы, наши приуныли. – Конопатый ихний – хват, тяжело с ним тягаться!

– Давай, Леха, коль груздем назвался, полезай в кузовок, – ободряли неуверенно.

Ответное слово теперь было за Ившиным. Алексей держался гоголем, хрустнул костями, поплевал на руки.

– Ладно, братва! – махнул своим. – Ежели что, чаркой помяните!

Скинул бастрог свой полосатый, до прорех заношенный, и полез наверх. Леха Ившин – комендор, а не марсовый, и по этой причине лазанье по вантам дело для него не совсем привычное. Карабкался Леха кое-как и думал с тоской: «Что делать, шут знает. Выше клотика все одно не влезешь. Ногами кверху отродясь не стоял. А делать нечего, до слова крепись, а давши – держись!»

Снизу свистели и улюлюкали англичане. Взбирался комендор тяжело, по-медвежьи, без той ловкости, что настоящим марсофлотам присуща. Кричали «смоляные куртки», что не по правилам матросским русский лезет, хохотали, аж по палубе катались. Наши, наоборот, печалились крепко, на все это глядячи, Леху Ившина за позор такой втихаря материли. К одному из сквернословов подошел Евсей, прикрикнул, брови насупя:

– Цыть ты, мореходец знатный! Не спрашивай сначала, жди конца!

Леха меж тем до клотика добрался. Дух перевел. Вниз поглядел. «Что делать доле, пес знает! А, была не была, – решился, – авось сдюжу!»

Ухватился комендор за клотик обеими руками да перевернулся ногами вверх. Толпа ахнула. А Леха зацепился ногами за бом-брам-ванты и лихо съехал до бом-салинга. Затем ухватился руками за марса-фал и живо спустился вниз.

Над палубой «Европы» гремело дружное «ура». Англичане безмолвствовали. Конопатый будто сразу меньше стал, поглядывал хмуро. Леха, как спустился, сразу к нему:

– Ну, англичец, видал мою штуку? Вот выучишься по-моему, тогда и об заклад бейся, а счас тащи сюды квартиру!

Набежали свои, схватили, начали в воздух подкидывать. Когда страсти понемногу утихли, подошел и Евсей, руку пожал.

– Спасибо, Ившин, – сказал, – но не за то, что козлом по мачте прыгал, а за то, что чести нашей матросской не уронил перед иноземцами! Потупился Леха, такой похвалой польщенный: – Благодарствуйте на добром слове, Евсей Нилыч! А с крыльца портовой конторы махал рукой дежурный офицер: – Эй, на «Европе», кончай перекур, ходи работать! Взглянул Леха на свои ладони в пузырях кровавых, вздохнул и пошел вслед за всеми. До конца работ было еще далеко.

Уже после убытия из Портсмута главных сил эскадры прибыл туда новый российский посол в Англии граф Александр Семенович Мусин-Пушкин. Привез он с собою святые дары для причащения умирающих. Выслушал со вниманием все просьбы да претензии, услышанное в книжечку записал и в тот же день укатил. Все осталось по-прежнему.

В течение ноября общими силами «Европу» ввели в строй. А в первый день зимы линейный корабль всплыл в доке.

В тот же день скончался его капитан Иван Алексеевич Корсаков. Хоронили каперанга здесь же, в Портсмуте. Контр-адмирал Елманов самолично забил крышку гроба и бросил первый ком земли в могилу. А вернувшись с похорон, отписал в Петербург прошение о выдаче вдове и дочерям покойного причествующей пенсии.

Матросы Корсакова жалели. Был капитан незлобив и заботу о подчиненных имел.

– Смерть – она, брат, чинов не разбирает, – вели они разговоры печальные, – был полковник, а стал покойник! С погосту пути обратного нету!

Среди матросов эскадры уважение Корсаков заслужил своим знаменитым «съестным приказом». Еще во время стоянки в Копенгагене собрал капитан «Европы» офицеров и обратился к ним:

– Господа! Не ради удовольствий, а ради Отечества нашего плывем мы в дальние пределы. И в этом едины с нижними чинами, равны с ними пред Богом и государыней! Так не совестно ли нам набивать чрева свои разносолами, когда служители от скорбутов околевают?

Собранные офицеры, не понимая, к чему он клонит, лишь недоуменно переглядывались.

– А посему, пользуясь властью, данной мне уставом морским, – продолжал Корсаков, – велю я отныне офицерам нашим питаться по раскладке матросской, а припасы кают-компанские давать лишь хворым. Деля поровну опасность смертную, должны мы делить поровну и тяготы наши!

Приказ Корсакова вызвал у офицеров эскадры разные толки: одни возмущались громогласно, узрев в этом подрыв власти и дворянских привилегий, другие посмеивались над юродством капитана «Европы», третьи отнеслись с должным пониманием.

Спиридов, которому о происшедшем на «Европе» незамедлительно доложил услужливый адъютант Фондезин, мер, однако, к своевольнику никаких не принял, ограничась репликой:

– Пусть поступает, как вздумается. На корабле он хозяин полновластный, ему и решать, как чему быть!

Так до самых английских берегов офицеры корсаковские вовсю хлебали матросские щи да уныло выколачивали за обедом из сухарей бесчисленных червей. Крепче всех колотил своим сухарем о дубовые доски сам капитан и кавалер Иван Алексеевич Корсаков.

Смерть застигла каперанга при выходе корабля из дока прямо на палубе. Лекаря, осмотрев тело, определили, что, не выдержав натуги, разорвалось сердце...

Осиротевшую «Европу» принял под свое начало Федот Клокачев.

В начале января нового, 1770 года Алексей Орлов наставлял в итальянском порту Ливорно грека Алексиано:

– Определяю тебя, Федор, в консулы российские. Будешь в Порт-Магоне встречать корабли наши, отдыхом и пищей мореплавателей снабждать. Сноситься о всем происходящем надлежит тебе только со мною и нашим посланником в Англии Мусиным-Пушкиным. Для представительства жалую тебе патент, а в канцелярии получишь инструкции подробные да цифровой шифр. В делах и разговорах своих будь осторожен, отныне каждое слово твое имеет вес государственный! Помни и о том, что шпионы, почитай, всех держав европейских станут подле тебя крутиться. Письма посему пиши мне цифирью по известному только тебе одному ключу. Саму же цифирь составляй на итальянском языке.

Алексиано скрутил в трубку протянутую ему патентную бумагу, засунул за обшлаг кафтана.

– Сделаю все от меня зависящее, чтобы остров Магонский стал истинным местом отдохновения мореплавателей нашим! Орлов троекратно поцеловал новоявленного консула:

– Езжай с Богом, голубчик!

Порт-Магону предстояло стать основной тыловой базой русских эскадр на долгие годы. Впереди у Федора Алексиано был непочатый край работы! В тот же день попутной шебекой он убыл на Минорку.

А в орловской приемной уже топтался курьер полковник Вдомирович с пакетом от Мусина-Пушкина.

Посол, успокаивая нетерпение графа, писал: «Христианские дворы предъявляют о намерении быть спокойными на войну нашу зрителями, хотя и завистливыми на знаменитые успехи всероссийского оружия глазами...»

До настоящих успехов на Средиземноморском театре военных действий было еще далеко...

Федор Алексиано в Магоне развернулся широко: закупал провизию и канаты, морские карты и гвозди, подкупал англичан и интриговал с французами. Сам в недавнем прошлом известный корсар, собирал он в Магонской гавани морских повстанцев со всего Средиземноморья. Имена и подвиги их знала вся Греция: Ламбро Качиони, Антон Псаро, Яни Рейз и многие другие.

Корсары держались воинственно. В нетерпении ежедневно посылали к консулу представителей узнать, нет ли вестей от русского адмирала?

Один из славных «туркоедов», как они себя гордо именовали, грузный и усатый Ламбро Качиони быстро углядел в гавани знаменитую своей быстроходностью венецианскую яхту «Джелло». Решительный корсар тут же отправился к Алексиано.

– Федор, эта красotka должна стать моей, и если ты не поможешь мне ее получить, то сегодняшней ночью я возьму ее силой!

– Нет, нет, – замахал руками Алексиано, – выкинь эту глупость из головы!

– Я не узнаю тебя, мой старый боевой товарищ, твои ли это слова? Когда мы боялись тщедушных венециан и считались с ними? Ведь ты же грек! – накинулся на него корсар.

– Да, я грек, – невозмутимо отвечал Алексиано, – но сейчас я еще и консул в здешних местах от российской короны и поэтому считаю, что пиратский захват «Джелло» – любимой яхты дожа – может привести к нежелательным осложнениям с Венецией. Нам это ни к чему! – Кому это нам? – еще больше удивился Качиони. – Греции и России!

Тем временем в Лондоне в адмиралтействе шло внеочередное совещание. Обсуждался вопрос обстоятельств плавания русской эскадры и возможных вариантов его исхода. На совещании председательствовал первый лорд адмиралтейства Гаукс. Ввиду чрезвычайной важности решаемого вопроса прибыл на него и герцог Кумберлендский.

Прежде всего первый лорд зачитал секретное послание контр-адмирала Джона Эльфинстона из Санкт-Петербурга. Состоящий на русской службе англичанин подробнейшим образом описывал все обстоятельства подготовки к плаванью Средиземноморской эскадры. К письму агент прилагал списки капитанов кораблей и судов, их послужные списки и формуляры.

Затем слушали доклад капитана Портсмутского порта контр-адмирала Мура о состоянии русской эскадры в настоящее время. Мур был категоричен: русские находятся на пороге полной катастрофы. Свой вывод адмирал аргументировал веско:

– Джентльмены! Все до одного корабля России, дошедшие до моего порта, едва держатся на плаву. Я побывал под различными предлогами на большинстве из них и убедился в этом лично. Это же подтверждают и сами офицеры эскадры, в частности, наш соотечественник капитан Роксбург. Один из их флагманских кораблей тонет прямо в гавани и представляет собой груду дров. Я, джентльмены, как вы знаете, не одно десятилетие провел на палубах кораблей «летучей рыбы», но, поверьте слову старого моряка, ни за что на свете не вышел бы в море ни на одной из подобных посудин. Корабли русских рассыпаются даже на малой волне. Их капитаны безумно храбры, но настолько же и самонадеянны, что неминуемо обернется гибелью в море. Они забывают, что ходить с рогатиной на медведя и заниматься мореплаванием – суть разные вещи.

– Что можно сказать о командах? – оживился дотоле откровенно грустивший герцог Кумберлендский, подвигая к себе списки спиридовских капитанов.

– Смертность матросов огромна. Ежедневно они выкидывают в море до десятка-полутора трупов. В соответствии с союзническим договором я вынужден был

предоставить им Гослазский госпиталь. По моим подсчетам, тяжелобольных у них – каждый пятый. Сами команды состоят сплошь из вчерашних крестьян, опытных моряков крайне мало. Бунтов пока нет, но люди изнурены до последней крайности. Офицеры большей частью держатся дерзко и решительно, говорить стараются о предстоящих боях с турками, а не о своем настоящем положении.

– Они еще говорят о боях? – удивленно поднял брови герцог Кумберлендский. – Вот уж воистину перепутали рогатину с мореплаванием!

Собравшиеся сдержанно посмеялись, по достоинству оценив шутку.

– Ну, а впечатление об их адмиралах? – выждав, пока стихнет шум, задал вопрос первый лорд.

– Спиридов как моряк опытен, но упрям и, что самое главное, не пользуется поддержкой петербургского двора. Елманов более гибок, хотя и груб. В экспедицию попал случайно, в последний момент, по прихоти Слиридова, что может сказаться в будущем в их взаимоотношениях.

– Достаточно! – Первый лорд жестом остановил Мура. – Садитесь! Кто желает высказаться, джентльмены?

Слова попросил высокий и худой вице-адмирал Сандерс, командующий эскадрой метрополии:

– По-моему, здесь все ясно. Корабли у русских тонут, люди умирают, а ведь они не прошли еще и половины пути. Впереди Бискай! Если даже часть из них доберется до Средиземного моря, то там их быстро добьют турки, флот которых сейчас вполне боеспособен. Сандерса дружно поддержали остальные.

– Понятно, – остановил дебаты лорд Гаукс. – Теперь о наших отношениях с русскими. Вчера я имел длительную беседу с Вильямом Питтом, который рекомендовал нам не слишком усердствовать в своей помощи им, а делать только то, что не сделать уже никак нельзя. Согласно договору, мы должны прикрывать русских от французского флота, но кто упрекнет нас, если мы случайно разминемся с ними и французы окажутся один на один с кораблями Спиридова? В море ведь всякое бывает... Наша цель – не обеспечить победу русских на Средиземноморье, а лишь хорошенько ткнуть туда всей их медвежьей мордой, да так, чтобы они там ее и разбили! Поэтому вам, Сандерс, предстоит идти вслед за русскими и следить за каждым их шагом. – Моя эскадра готова! – вскочил тот с места.

– Но учтите, сражаться вам, возможно, придется не с французами, как будет официально объявлено в парламенте о целях вашей экспедиции, а с русскими.

Первый лорд знал, что говорил. Свою карьеру он начал именно с этого, напав вероломно перед Семилетней войной на французский торговый конвой и уничтожив его. Сандерс был тоже из решительных.

– У меня 11 кораблей, это более 800 орудий, я перетоплю всех, кто будет стоять у меня на пути, как котят! – Нужна ли помощь, адмирал?

– Единственная, сэр. Я хотел бы видеть под своим флагом вице-адмирала Джона Байрона* и капитанов, на которых мог бы положиться в трудную минуту.

– Я подумаю над этим, – кивнул лорд. – Теперь дальше. На днях я обговорил с новым русским послом Мусиным-Пушкиным вопрос о присутствии на эскадре Спиридова нашего представителя лорда Эффингема, который будет информировать вас обо всем, что происходит у русских. В дальнейшем эти обязанности возьмет на себя контр-адмирал Эльфинстон. Я верю, что мы ведем беспронигрышную игру...

В карете с резными якорями на дверцах контр-адмирал Мур возвращался в Портсмут. Другая карета с такими же адмиралтейскими якорями уносила в Плимут, где готовились к выходу в море ударные силы метрополии, вице-адмирала Сандерса. Настоящая политическая игра только начиналась!

Через двое суток поздним вечером из Лондона на север по направлению к старому Медменхемскому аббатству выехала карета. Окна ее были плотно зашторены от лишних

взглядов. Далеко за городом в пещерах под аббатством собирались по ночам рыцари элитного клуба «Адского огня». Туда и спешила обитая клеенкой карета.

Первый лорд адмиралтейства адмирал Эдуард Гаукс прибыл вовремя. «Рыцари» и «рыцарши» как раз выстраивались для начала ритуального шествия под предводительством бывшего канцлера казначейства, а ныне уэст-уайкомбского помещика Фрэнсиса Дэшвуда. К нему-то и направлялся первый лорд за советом: ведь скромный «рыцарь» Дэшвуд имел за плечами три десятка лет шпионской деятельности, в том числе при дворе русской императрицы Елизаветы.

Надев маску и зажегши свечу, Дэшвуд жестом пригласил Гаукса присоединиться к шествию. Цепочка рыцарей потянулась под сень центральной пещеры Духов. Чинно вышагивали министры и банкиры, члены парламенты и герцоги. Были здесь лидер радикалов Джон Уилкис и даже всемирно известный французский шпион кавалер-девица Д'Эон.

– Что привело тебя к нам, Эдвард? – подошел к Гауксу Дэшвуд, когда они достигли центральной подземной залы.

Блики факелов и свечей металась по стенам, над головами бесшумно кружили потревоженные летучие мыши. Члены клуба развели костер и начали свою полушутливую мессу. Дэшвуд увлек Гаукса в дальнюю галерею.

– Так что привело тебя к нам, Эдвард? – спросил он адмирала еще раз, когда собеседники оторвались от остальных на почтительное расстояние.

– Мне нужен твой совет по созданию сети осведомителей на русской эскадре.

– Но ведь у тебя под руками вся секретная служба, Эдди!

– К сожалению, там нет такого специалиста по России, как ты, Фрэнс, поэтому я и прибыл к тебе на мессу!

Из центральной залы доносилось нестройное пение гимна Святого Фрэнсиса Уайкомбского.

– Хорошо, – подумав, ответил Дэшвуд, – не позднее чем завтра я буду у тебя, а теперь нам пора немного поразвлекаться. – Он подал первому лорду новую свечу взамен догоревшей...

На следующий день в кабинете адмирала Гаукса встретились трое: сам хозяин, уэст-уайкомбский помещик Дэшвуд и глава секретной службы британского флота секретарь адмиралтейства Филипп Стефенс.

Секретарь без бумаг, на память, излагал свой план организации разведки:

– На каждом судне необходимо иметь осведомителя. Прежде всего я рассчитываю на наших офицеров, находящихся на русской службе. Здесь трудностей не будет. Мною предусмотрен также подкуп русских офицеров и матросов. Самое сложное, на мой взгляд, – пересылка депеш, поэтому думаю от них отказаться.

– Резонно, – кивнул Дэшвуд, – русская контрразведка хороша, и пересылка почтой равносильна публикации в газете.

– Но ведь у нас надежнейшие шифры, а декан Уиллес – лучший шифровальщик мира? – поинтересовался первый лорд.

– Это так, сэр, но самый дешевый шифр обходится казне не менее чем в полтора ста фунтов, и при этом нет никаких гарантий, что русские и французы его не раскусят, – разъяснил Стефенс. – Так как же мы все-таки поступим?

– Думаю, помимо шифров следует писать тексты не видимыми чернилами на краях газетного листа. Депеши будут пересылать в Роттердам к местному нашему резиденту Уолтерсу, а уж от него – в Лондон. На весь путь не более месяца, так, думаю, будет безопаснее.

– Весьма разумно, – поддержал его уэст-уайкомбский помещик, – но это крайний случай. Лучше будет передавать сообщения устно, через доверенных лиц.

– Кроме того, – продолжал секретарь адмиралтейства, – нами предусмотрена перлюстрация всех писем, идущих обычной почтой из Ливорно в Петербург. Почтовая служба давно куплена и проверена в деле.

– Кто же будет резиденствовать на русской эскадре? – продолжил расспросы Дэшвуд. – Лорд Эффингем, которого мы уже готовим! – Я хотел бы с ним побеседовать, Эдди! – О, ты читаешь мои мысли! – Нет, сэр, я лишь служу в секретной службе!

В эти дни глава английского правительства граф Чатам Биллем Питт Старший во всеуслышание заявил перед обеими палатами парламента:

– Джентльмены! Я не слишком поскромничаю, если скажу вам, что ныне в мире не должен быть произведен ни один выстрел без того, чтобы британский кабинет не знал, для какой цели!

Слова его утонули в аплодисментах. Что ж, лорд Чатам имел для таких слов все основания...

Поздней осенью «Гром» предпринял еще одну отчаянную попытку прорваться сквозь полосу осенних штормов к Гибралтару.

Пятнадцать суток непрерывного урагана! Корабль метался среди разъяренной стихии, как жалкая щепка. Рвались паруса, в трюме хлестала вода. Рухнула (в третий раз за время плавания) грот-мачта. Изнуренные люди едва держались на ногах. Штормом корабль сносило на север. Шестого декабря, насилу вырвавшись из яростных объятий моря, «Гром» вернулся в Портсмутскую гавань. С трудом признав в истерзанном бродяге бомбардирский корабль, матросы и офицеры эскадры качали головами: – Эко его расчихвостило!

Для помощи в починке была послана команда погибшего пинка «Лапоминк» с капитаном во главе.

Осунувшийся, заросший щетиной Ильин, встречая Извекова, пожал ему руку:

– Дай Бог нам, Евграф, не видеть более сей преисподней! – И, подумав, прибавил с решимостью: – И все же мы прорвемся к Гибралтару, назло всем чертям!

Сообщения с театра военных действий за декабрь 1769 года:

1 декабря. Войска Второй армии расположились на зимние квартиры и занимались заготовлением магазинов. Зима 1769-1770 годов ушла на приготовление к новой кампании, обучение новобранцев, пополнение припасов и исправление обоза. Вместе с тем между передовыми отрядами русской и турецкой армий периодически происходили столкновения.

5 декабря. Отряд капитана Зорича произвел поиск в районе татарских жилищ. У местечка Тераклия отряд был атакован 4 тысячами татар под командой молодого султана. Татары были разбиты. Затем отряд наш преследовал их до реки Великий Елтух.

8 декабря. Войска Сулеймана-аги окружили у монастыря Комани отряд подполковника Каразина, опрокинули его и нанесли значительную потерю арнаутам. Отряд Каразина укрылся в монастыре.

12 декабря. К монастырю Комани подошел отряд майора Анрепа и, несмотря на малочисленность, атаковал Сулеймана-пашу. Более хладнокровные советовали не подвергаться неравному бою, а подождать помощи. Бой продолжался несколько часов кряду, и неприятель не смог овладеть монастырем. Но Анрепу пришлось отступить к Бухаресту. В пути следования он был окружен турками. Сам Анреп был убит, вместе с ним погибло 153 человека и 2 орудия. Сулейман-паша ушел от монастыря к Фокшанам. Наши войска отступили из монастыря и присоединились к отряду генерал-майора Замятина, который стоял в то время близ Бухареста.

14 декабря. Отряд майора Апрея (из Первой армии), шедший из Бухареста к Карушу, проходя ущелье, был окружен двухтысячным турецким отрядом. Жестокая рукопашная схватка продолжалась несколько часов. В бою пали сто тридцать пять егерей и сам майор Апрей. Остатки отряда штыками пробившись к Бухаресту. Турецкие потери – две тысячи человек.

Из Восточной тайной экспедиции:

Зима 1769-1770 годов. Отряды капитана 1 ранга Креницына и капитан-лейтенанта Михаила Левашева зимовали в Нижне-"Камчатске, постоянно испытывая крайнюю нужду, так как не получали ни порционных денег, ни «сухопутного провианта». Чтобы дожить до

лета, организовали рыболовный промысел. Несмотря на трудности и лишения, готовились к плаванию и продолжали исследования...

Глава пятая

Быть гонимым ударами свирепствующего моря, страдать от зноя, жажды, голода, изнуряться лихорадками, встречать смертоносную заразу и даже безумию подвергаться, не зная притом верного убежища и отдохновения в каком-либо порте, – это то же, что при жизни соприкоснуться со смертью.

М. В. Ломоносов

В то время пока корабли Елманова стояли на ремонте в Портсмуте, адмирал Спиридов с «Евстафием» и «Надеждой Благополучия» спешил вперед на всех парусах. Вот уж пропал за кормой Зюйд-Форлендский маяк. Вскоре дубовые форштевни передовых кораблей с ходу врезались в штормовые бискайские воды.

Бискай штормит почти всегда, но в период вестовых ветров в нем творится нечто невообразимое. Вал за валом в бешенстве несутся к берегу волны и, отхлынув, наталкиваются на идущие следом. Трудно передать, что делается тогда с кораблем.

Ветер ударил внезапно, он рвал паруса и гнул стеньги. Скоро с салингов линейного корабля потеряли из виду «Надежду Благополучия». Волны, подхватывая корабль, поднимали его на головокружительную высоту и, расступаясь, швыряли куда-то вниз. Компасная стрелка металась в картушке как безумная.

– Григорий Андреевич, люфт поменялся на зюйд-вестовый! – Капитан евстафиевский Круз кричал Спиридову прямо в ухо. Тот пожал плечами: какая, мол, разница.

– Прошу позволения не приводиться к ветру. Осилит! Адмирал махнул рукой: – Действуй! Круз решился на шаг отчаянный: не ложась в бейдевинд, как в подобных случаях предписано, спуститься в фордевинд. Предприятие рискованное, но каперанг в успехе маневра был уверен.

Пуча штормовые паруса, «Евстафий» мчался на юг. Борту черпали воду, в корму били наступающие волны. – На руле не зевать! – кричал капитан.

– Есть не зевать! – хрипели рулевые в ответ. – Зевать нонче недосуг, всем пузом на штуре висим!

Зажав в зубах парусные ножи, карабкались по вантам сорвиголовы-марсофлоты, резали обрывки рваных полотнищ, крепили новые.

– Александр Иваныч, обошел бы ты корабль, глянул, что в деках творится, а я пока тут догляжу! – Адмирал склонился к Крузу.

– Есть! – Грохоча по трапу коваными ботфортами, Круз скатился вниз.

В деках пушечных смрад и вонь. В наглухо законопаченные люки сочилась вода.

– Эх, Бискайка, край света гиблого! – плевались матросы.

Каперанг едва пробирался в темени среди скученных тел и разбросанных вещей. Нрав у Круза свирепый, о том последний корабельный дек-юнга знает. Зубы кулаком прочистить для него – плевое дело.

– Ишь, развалили чрева свои, – зло ругался капитан «Евстафия», расталкивая ногами укачавшихся. – Лодыри!

И вдруг замер, изумленный. Впереди, верхом на пушке, восседал матрос-артиллерист и, не торопясь, остругивая ножом с кости солонину, смачно ее жевал. От бешенства у Круза округлились глаза:

– Скотина! – затопал он ногами. – То ли время жрать теперь! Райны захотел, негодяй!

Бывшие неподалеку матросы испуганно прижались к борту в ожидании скорой развязки. Артиллерист соскочил с пушки:

– Я, ваше высокоблагородие, думаю, теперь-то и поесть соленького, может, доведется вскоростях пить много!

Общий хохот был ему ответом. Опешивший Круз невольно улыбнулся. Злость прошла.

– Смотри у меня, шельмец языкатый! – погрозил он мясистым пальцем. – Еще попадешься – велю профосу выдрать нещадно!

Проводив глазами капитана, артиллерист вытащил из-за пазухи еще один «мосол» и, залезши на пушку, продолжил прерванное занятие.

– Матрос я ражий, да язык мой вражий! Слушай присказку, ребята:

На море-окияне,
На острове Буяне
Стоит бык копченый,
В боку чеснок толченый,
А ты с одного боку режь,
А с другого мажай да ешь!

– Ну, Леха, ну, Кот-бахарь! – смеялись повеселевшие матросы. – Эко ты Круза бешеного отшил ловко!

Рискованный маневр «Евстафия» полностью оправдался, и скоро корабль вырвался из штормовых объятий. Сменившись с вахты, офицеры горячо обсуждали ближайшее будущее. Ворочаясь на своих зыбких ложах, мучились в догадках.

Офицерам, как и матросам, постоянного места жительства на корабле не положено. Отдельные каюты были непозволительной роскошью и полагались лишь адмиралам и капитанам. Поэтому ютились, кто где приткнется.

Штурманы и констапели располагались в глухой констапельской, там же размещалась и судовая канцелярия. Мичманы и гардемарины квартировали под шканцами в перегороженных досками каморках. Чтобы как-то создать в своих убогих жилищах уют, оббивали они переборки пестрым сукном. Там же, под шканцами, по правую сторону, отгораживался обычно закуток для священника да втискивался увесистый корабельный образ. Капитан-лейтенантам и лейтенантам, как старшим по чину, дозволено было спать по ночам в кают-компани.

Упираясь головой и ногами в дощатые стенки своих клетух, чтобы не вылететь из койки на качке, евстафиевские офицеры рассуждали:

– Английцам ноне не в пользу наше истребление флотом бурбонским. Не допустят они, чтобы всю торговлю в Ливорно прибрал к рукам Версаль, сдохнут, а не допустят! Посему Шуазель, министр французский, недерзнет идти с нами на спор пушечный только из-за спасения турецкой морской силы. Всякому своя шкура дороже!

Кувыркаясь на крупной океанской зыби, «Евстафий» продолжал свой путь. Едва поубавилось волнение, велел Спиридов собрать подле себя гардемарин и мичманов, приказал денщику вынести из каюты своей величайшую ценность – Гадлеев квадрант, подаренный самим Михаилом Ломоносовым. Офицерская молодежь глядела и не дышала. Не каждый день доводится видеть столь редкостный инструмент.

– Ну-ка, – окликнул штурмана Спиридов, – тащи мне карту меркарторскую, синусы со склонениями солнечными да таблицы майеровские*. Буду сих господ обсервациям учить!

Ровно в полдень измерил он и рассчитал самолично широту, а в сумерках, измерив лунное расстояние и поколдовав над майеровской казуистикой, высчитал и долготу.

– Вот, – сказал не без гордости, – учитесь, как надо! Это вам не по проспектам с барышнями шлындрачь. Чтобы каждый из вас до прихода в воды Эгейские щелкал задачки навигацкие, аки орешки!

– Ежели люфт «мордавинд» не повернется, на завтра будем у скалы Гибралтарской! – прикинул Круз, нанеся обсервованное место на карту.

Следующим утром «Евстафий» плыл Гибралтарским проливом.

Заходить в Гибралтарский порт Спиридов отказался наотрез.

– И так уже наотдыхались по всей Европе более чем надобно, плывем прямо на Минорку! – объявил он офицерам.

Последнее время адмирал держался в стороне от всех, был, как никогда, молчалив и мрачен. Внизу в духоте каюты у него умирал сын. Младший, Алексей, не отходя, сидел подле брата, метавшегося в горячечном бреде, а сам адмирал мог позволить себе лишь изредка спускаться туда и, крепясь из последних сил, ободрять сына в его предсмертных муках. Андрюша Спиридов быстро таял ночными потами. Лекарь отводил взгляд, надежд на выздоровление не было. Умирая, первенец адмирала плакал, но не от жалости к себе, а от обиды жгучей.

– Отец! – шептал он черными, потрескавшимися губами. – За что так несправедлива ко мне судьба? Почему умираю я не в баталии жестокой, а в постели пуховой, не от ран смертельных, а от горячек проклятых? Что мог ответить отец?

В несколько дней Спиридов постарел на добрый десяток лет. Легли на лице глубокие морщины, потух взор, щедро обметало сединой голову. Есть ли на свете что-либо более горькое, чем видеть, как угасает любимое дитя?

Гибралтар прошли без задержки. На траверзе мыса Альмина разминулись с потрепанным французским судном. Опасаясь подвоха, Спиридов был крайне осторожен, но все обошлось. Судно, отсалютовав российскому кораблю спусканием марселя, проплыло мимо. Французский капитан в знак приветствия приподнял шляпу. На корме русские моряки прочли: «Адур». Имя капитана было Жан Франсуа Гало де Лаперуз и никому ничего не говорило...

И вот наконец перед «Евстафием» – Средиземное море. Адмирал велел играть сбор. Став перед строем, он обратился к собравшимся со следующими словами:

– Господа офицеры и доблестная команда! Обошед Европу, видим мы себя в водах здешних. Вам, опытные путеводы, принадлежит теперь благодарность наших сородичей. День сей будет знаменит в Отечестве нашем тем, что сыны его впервые проникли в столь дальние моря могучим флотом и победоносный флаг российский ознакомился со здешними берегами. Вам, достойные сотрудники мои, предстоят новые достохвальные подвиги. Соединим же сердца и души наши к исполнению оных.

Из письма Екатерины II Вольтеру 29 октября 1769 года: «Надеюсь, государь мой, скоро получить через Вас известие о моем флоте. Это новое зрелище в Средиземном море. Надо будет смотреть, что он делает».

Неся все паруса, «Евстафий» широко забирал ветер. У борта резвились дельфины, вдалеке маячили фелюки греческих корсаров. Корсары встречали флагманский корабль Спиридова торжественно. Окружив его, трубили они в медные сигнальные рожки, дымно палили из пушек и мушкетов, закрепленных на бортах.

Шлюпками к Спиридову прибыли их предводители: Ламбро Качиони и Псаро. Офицеры и матросы «Евстафия» с любопытством глазели на вычурно разодетых корсаров. Особенно выделялся Качиони. На первом арматоре Греции была широкая красная рубаша и подвернутые до колен широченные шаровары. За шитым золотом поясом торчало с полдюжины пистолетов и ятаган богатой работы. На голове красовался роскошный шлем с белоснежными страусиными перьями. Обуви, однако, корсары не признавали и гордо шлепали босыми пятками по палубе. Рассказав адмиралу о последних событиях в Море, показали ему на картах опасные течения и подводные скалы, удобные стоянки и сильные турецкие крепости. Дали они и лоцмана своего наилучшего, Анастасия Марко.

– Каково вы турков щиплете и насколько боятся они дерзости вашей? – поинтересовался, как всегда, дотошный Спиридов.

– Нет мыса в Море и острова в Архипелаге, где бы не слышали наших выстрелов, а именами нашими пугают османы детей своих! – гордо отвечали ему Качиони и Псаро.

На семнадцатые сутки плавания «Евстафий» шумно бросил якоря у обрывистых берегов Минорки. То было место сбора всей эскадры – английская крепость Порт-Магон. В

тот день Спиридов лишился сына... В дневнике оставил он скорбную запись: «До сего дня еще ни один час не прошел, когда бы я без прискорбности пробыл».

Удар был тяжелый, но, увы, не последний. В Магоне догнал адмирала рескрипт с очередным выговором от Екатерины за медлительность плавания и множество больных.

А через несколько дней приплыл из Ливорно на попутной английской бригантине младший из братьев Орловых – Федор.

Из всех пяти братьев младший Федор был и самый бесталаннейший. В нем не было житейской мудрости Ивана и академического ума Владимира, не было и здорового авантюризма Григория с Алексеем. Даже после восшествия на престол Екатерины II, когда все Орловы получили от щедрот ее в полной мере, Федора так и не смогли приставить к сколько-нибудь серьезному делу. Историки пишут об этом обтекаемо и невнятно: «Был непрерывно в правительствующем сенате при текущих делах». И вот теперь Алексей, забрав «младшего» к себе в Италию, решил использовать его хотя бы своим доверенным курьером. Привез Федор с собой Спиридову конверт, печатями засургученный. Кинул его на стол перед адмиралом: – Читай!

В бумаге гербовой черным по белому значилось, что с приходом в Средиземноморские воды весь флот поступал под команду графа Алексея Орлова, отныне главнокомандующего «всей экспедицией на море и на сухопутном пути». В мгновение ока Спиридов лишился всего, чем жил, о чем мечтал, на что надеялся. Отныне он становился адмиралом без флота, начальником без подчиненных.

Солнце играло бликами на подволоке каюты. Спиридов сидел, уставившись в одну точку. Случилось то, чего он больше всего боялся, – его постыдно обманули. Федька тем временем уже вихлялся по шканцам.

– Велено адмиралу вашему сдать немедленно команду над флотом братцу моему! – сообщал он всем словоохотливо. Офицеры отводили взгляды – противно!

А на следующий день Орлов еще одну бумаженцию вытащил. Прочитали ее Плещеев с Крузом и ахнули разом. Сколько жили оба на свете белом, ни разу такой ерундовины не слышали. Велел в своей бумажке Алексей Орлов на страх неприятелю именовать впредь фрегат «Надежда Благополучия» линейным кораблем, а все пинки и пакетботы, при эскадре находящиеся, – фрегатами, дабы турок утратить и силы эскадры увеличить.

– Вот дела! – шептались в кают-компаниях. – Кабы еще и пинки в корабли линейные переделать, тогда бы турка окаянный уж точно в шальвары свои наложил!

Несмотря на смерть сына и официальное отстранение от должности, внешне Спиридов трудился как ни в чем не бывало. Ни разу ни словом, ни жестом не выдал адмирал своих чувств. По-прежнему оставался он предельно собранным и занятым с утра до глубокой ночи бесконечными эскадренными делами: осматривал с консулом Алексиано склады с продуктами, вел переговоры с британским губернатором и посланцами мальтийского ордена, лично встречал все прибывавшие один за другим корабли и суда эскадры. Собрав вокруг себя греческих арматоров, адмирал выдал им патенты на право захвата судов неприятельских. Затем наставлял их тщательно:

– Задачу вашу вижу не в пленении шебек грузовых, а в выискивании вестей знатных о флоте агарянском. Чем больше выведаете, тем легче будет нам с ним управиться. Посему не лезьте на рожон, а вейтесь за басурманином, аки ласточки за коршуном!

– Что с врагами нашими заклятыми – берберийцами – делать? – поинтересовался Ламбро Качиони. Спиридов ненадолго задумался, потом сказал:

– Разбойников африканских, ежели пакостей делать не станут, не трогать, а коль случится застать их в нападении на судно христианское, тогда бить без пощады!

Наполнив паруса свежим ветром, легкие фелюки устремились на поиски турецкого флота: Псаро – к берегам Морей, Качиони – в Архипелаг, Яни Рейз и братья консула Паниотти – с Антоном Алексиано к Дарданеллам*.

Адъютантом к себе адмирал назначил сорокалетнего греческого морехода Николая Кумани*, которого раньше держал переводчиком в мичманском чине. Во всей отчаянной

плеяде греческих корсаров Кумани выделялся особо. Еще десятилетним мальчишкой, убив турецкого карателя, бежал он с родного Крита. Плавал юнгой на купеческих судах, много лет служил матросом в английском флоте, храбро сражался с турками, а затем бежал в Россию, где и поступил на флот. Кумани в совершенстве владел семью языками, но был неграмотен. Память его была феноменальной и поражала современников. Такой адъютант был Спиридову совершенно необходим.

А впереди у Спиридова были иные неотложные заботы. Адмирал умел переступить через личное ради Отечества.

«Три Иерарха» проскочил Бискай на редкость удачно, залив к тому времени уже штормил. Присоединив к себе по пути «Святой Иануарий», Грейг завернул в Гибралтар. На рейде британской крепости качались фрегаты английского командора Проби. Пригласив к себе Грейга, он за кружкой доброго грога выговаривал бригадиру:

– Экспедиция эта есть авантюра, и весьма прискорбно, что славные британские моряки участвуют в ней. Можешь поверить мне, Самюэль, что мы, англичане, еще пожалеем о нынешней нашей близорукости. Русским не место в Средиземноморье, лучше всего было бы их перетопить по дороге, но, думаю, за нас справятся турки. Флот у них весьма приличный, над его подготовкой хорошо потрудились французы, и не русским недоучкам с ним тягаться! Грейг, попивая грог, больше помалкивал. Тогда командор Проби перешел к самому главному:

– Самюэль, помнишь ли ты славного старшину Стефанса, с которым мы вместе плотали свинец при Бель-Илле? Стефан весьма сожалеет, что не смог повидать тебя в Портсмуте, и кланяется тебе.

Лицо Грейга разом окаменело, лишь бился предательски под глазом нерв.

– Что же ты не рад, старина? – засмеялся командор Френдрик Проби. – Нехорошо забывать старых друзей!

– Что ему от меня нужно? – наконец выдал из себя Грейг.

– Стефане, если помнишь, никогда не был зловредным малым. Он и сейчас просит тебя о немногом – всего лишь регулярного извещения о планах вашей эскадры, пересылать ничего на надо, джентльмены из секретной службы отыщут тебя сами. Ну а Родина тебя не забудет!

– Я не шпион, а моряк! – отрезал капитан «Трех Иерархов», вставая.

Руки его дрожали от волнения. Чтобы не выдать себя, Грейг засунул их в карманы камзола.

– Ты же англичанин, Самюэль, опомнись! – встал рядом Проби.

Мгновение бывшие товарищи стояли друг против друга. Лицо в лицо, глаза в глаза.

– Нет, Френд, ты забыл, что я шотландец и родина моя не Лондон, всего лишь Инверкидзинг! – Тебе не будет дороги назад, предатель! – Что ж, я буду с честью служить России. Уже уходя, Грейг обернулся:

– Прощай, Френд! Как жаль, что сегодня умер мой боевой товарищ!

В Гибралтаре «Иерархов» нагнала «Надежда Благополучия», за ней следом «Соломбала» и «Венера». Пополнив припасы, бригадир нанес прощальный визит местному генерал-губернатору Бойдому, и русские корабли устремились в лазурные воды Средиземноморья.

Скоро в Порт-Магоне собралась почти вся эскадра. Невзирая на личные обиды, Спиридов денно и ночью обмысливал верный план поиска и уничтожения турецкой силы. Да не тут-то было. Алексей Орлов в очередном письме велел делить эскадру на отряды. Одному из них под началом адмирала велено было идти в греческий порт Виттуло, другому под брейд-вымпелом Грейга в Ливорно, чтобы там принять на борт самого главнокомандующего. Братца Федора Алексей Орлов оставил при Спиридове, для догляду.

Спустя несколько часов Магонская гавань опустела, там остался лишь переполненный больными транспорт «Сатурн».

В эти дни Екатерина II писала Вольтеру: «Мустафа запрещал верить в возможность прибытия моего флота в Средиземное море. Он говорил, что это слух, распространяемый

неверными для устрашения служителей Магомета. Блистательная Порта, несмотря на свою блистательность, не отгадала этого...»

Пока Первая русская Средиземноморская эскадра пробивалась через шторма к берегам Греции, далеко на востоке среди бескрайних степей создавалась Азовская флотилия.

Тянулся к Дону бесконечной вереницей работный люд. Шли целыми артелями: мастеровые и кузнецы, конопатчики и плотники, парусники и канатчики. Вдоль Азовского побережья, рискуя угодить под татарские пули, лазили дотошные гидрографы адмиралтейств-коллегий. Осматривали старые причалы, замеряли глубины, описывали берега и отмели.

Алексей Сенявин уже побывал зимой 1769 года на Дону и в Таганроге, но пребывание то было непродолжительным. Едва командующий Азовской флотилией покинул Петербург, как сразу там застопорилась вся работа. Пришлось ему вскорости возвращаться и вновь заниматься бумагами, складами и обозами. Но, едва досидев до весны, он засобиравшись на юг, теперь уже окончательно. Перед убытием Сенявина приняла Екатерина II.

– Ваша и Средиземного моря экспедиции есть детища мои, под сердцем лежавшие, исход их благополучный вижу я во снах своих! – говорила ему императрица, поглаживая лежащего на коленях лохматого английского пуделя. – Таганрог и Азов – эти два драгоценных камня должны получить достойную оправу – вашу флотилию, адмирал. Разумеете ли вы это?

– Уразумею, государыня, только тесно мне будет среди берегов азовских!

– Придет время, – улыбнулась Екатерина, – и увидит российский флаг не только море Азовское, но и Понт Эвксинский с Боспором. Но уж очень медленно плывет адмирал Спиридов. Может, нерадивость его всему виной?

На Сенявина внимательно смотрели четыре глаза. Первые – с собачьей злобой, вторые – с нетерпеливым ожиданием ответа.

– Нет, Ваше Величество, – ответил контр-адмирал твердо, – Григорий Андреевич моряк искусный, а что плывет не скоро, так только по причине, что суда его починки требуют и служители болеют да мрут...

– Про то мне известно! – перебила его императрица. – Но от чего же они мрут?

– От горячек и поносов разных, – не моргнув, тут же разъяснил Сенявин.

– Фи! От поносов хороша можжевелевая водка. Могли бы набрать побольше да и пить понемногу! – Екатерина поморщилась и, встав, скинула колченого пуделя с колен. Шурша шлейфом по паркету, подошла к контр-адмиралу: – Гибралтар нашим морякам казался концом света. Ничто на свете нашему флоту столько добра не сделает, как ваша и Спиридова экспедиции. Все гнилое и закостенелое наружу выйдет, и будет он обточен круглехонько. А я и все россияне будем ждать от вас подвигов на морях южных! Ведь на вас вся Европа смотрит. Вот что вчера я из Франции получила от одного из своих друзей. – Екатерина неторопливо подошла к стоявшей на низком столике шкатулке и, открыв ее, вынула письмо. Щуря близорукие глаза, зачитала по-французски: «Дай Бог, чтобы Ваше Величество успели завести на Черном море сильный флот. Вы, конечно, не удовольствуетесь продолжением оборонительной войны, и я весьма уверен, что Мустафа будет побит на суше и на море». Это пишет наш друг Вольтер, – проговорила она, положив письмо обратно, – мы все будем молиться за ваш успех!

– Не пощажу живота своего! – склонил голову Сенявин и, печатая шаг, покинул залу.

Вице-президент адмиралтейств-коллегий Иван Чернышев, сам собиравшийся убыть послом в Англию, напутствовал командующего Азовской флотилией с теплотой душевной:

– Бога ради, постарайся быть достойным имени сына Наума Акимовича. Дерзай, чадо!

Через несколько часов перекладной возок уже всюду колотил Сенявина по ухабам российских дорог.

За Калугою завернул контр-адмирал в деревушку Комлево к двоюродному брату Николаю.

Был Николай помещиком руки средней, жил скромно. Служил он когда-то, как и все Сенявины, на флоте, но карьеры особой не сделал и рано вышел в отставку.

Встретились братья радостно. Сколько лет не виделись! Говорили несколько часов кряду, за столом сидя.

– Покажь-ка, Колька, мне недоросля тваво, – попросил наконец брата Алексей, от разговоров и угощений притомившись. Николай возражать не стал: – Митька, подь сюды! Прибежал Митька, худой и рослый мальчик.

– А чего, Колька, не сдать ли тебе недоросля своего в корпус? – потрепал по щеке племянника Алексей.

Сенявины в своей деревеньке едва перебивались, и выбирать не приходилось.

– Устроить помогу, – продолжал Алексей, – за этим дело не станет, сенявинской же породы малец!

– Премногим обяжете, Алексей Наумович, коль какую протекцию сделаете. Он спит-то у нас, весь раскидавшись, да руки за голову закидывает, не иначе, в чины высокие выйдет! – встряла в разговор хозяйская супружница. – Ладно тебе, помолчи! – рыкнул на нее Николай.

– Ну а сам-то ты как, в моряки желаешь? – поинтересовался у мальчика Алексей чуть погодя. – Хочу, дядюшка, ведь я ж сенявинского роду! Адмирал аж крикнул от удовольствия. – Решено, – сказал, – вези его в корпус!

На следующую зиму отвез Николай сына в Санкт-Петербург, переговорил с ротным командиром, распил с ним бутылку водки, вышел, молча бухнулся в сани:

– Прости, Митюха*, спущен корабль на воду, отдан Богу на руки! Пошел!

Но все это еще будет год спустя, а пока, трясясь в возке по заснеженным дорогам, продышал Алексей Сенявин в замерзшем окошке «глазок» и смотрел на убегающую дорогу.

– Ну-ка, Микола, – толкнул он в бок сочно храпевшего денщика, – раскинь умом, что для предохранения обшивки корабельной от древоточцев надежней будет: шерсть со стеклом толченым вперемешку или мазь смоляная с порохом в пропорциях известных?

Сонный Микола нехотя высунул из-под душного тулупа голову.

– Не, пороху не надоть, от енттой гадости завсегда одна беда!

Так и ехали, за Москвой – Калуга, за Калугой – Воронеж.

Воронежский губернатор Маслов настойчиво отговаривал Сенявина от дальнейшей поездки в одиночку, ссылаясь на шайки бродящих по степи татар. Но контр-адмирал был в своих намерениях тверд:

– Мне флот строить надобно, а не ждать, пока война кончится!

Пара заряженных пистолетов, резвые кони да российская удаль, что еще надобно? Вперед!

На татар все же напоролись, но отбились и от погони оторвались. Через несколько дней Сенявин был уже в Таганроге. Спрыгнул из возка на черный весенний лед, скинул с плеч шубу, лом в руки – и за дело. Пока местные начальники сбегались, он уже с дюжину лунок прорубил. Тщательные промеры гавани подтвердили предварительные данные – корабли базироваться на Таганрог могут, хотя и с трудом.

А настоящая работа только начиналась. Сенявин трудился днем и ночью, ел в седле, спал, где придется. Заготовливал лес для будущих фрегатов, создавал гавани, выбивал пополнения экипажам кораблей, обговаривал с купцами барташевскими условия поставки орудий... Да мало ли дел у человека, создающего целый флот!

Всякий раз, получая послание из столицы, с жадностью вчитывался он в скупые строки известий о Средиземноморской экспедиции: «О Спиридове известно, что из Магона вышел января 24 числа, в Мальте был и Сицилию проехал, сие верно. Слухи ж есть, что уже в Морее высадка сделана и некоторые крепкие места заняты, но подлинных рапортов нету...»

1 марта 1770 года был спущен на воду первый новоизобретенный корабль* первого рода, через две недели – второй, затем еще и еще. Имена им давали со значением: «Модон», «Корон», «Морея»... К концу апреля на волнах качались уже десять готовых к плаванию

кораблей. Готовя их к походу в Азовское море, Сенявин в разговоре с капитаном 1 ранга Сухотиным сетовал на мелкость Таганрогской гавани:

– Вот ты, Яша, как гидрограф наш наипервейший, скажи мне: можно ли оную гавань углубить? А то будут наши новострой не стоять, как порядочным кораблям положено, а карасями в грязи валяться!

– Всю гавань углубить сил не хватит, – отвечал всегда невозмутимый Сухотин, – надо фарватер рыть!

– Вот ты этим и займись, а я отправлюсь глядеть крепость и порт Азовский!

Но выехать в Азов Сенявину не удалось – свалила лихорадка и пошла горлом кровь. Отправляя в Санкт-Петербург адъютанта Апраксина с отчетами о проделанной работе, командующий наставлял его:

– О сей болезни жене моей, Анне Никитичне, не сказывай, а ежели она от кого о том сможет проведать, то прими на себя труд уверить ее, что я здоров!

Выходя, адъютант столкнулся в дверях с армейским офицером. То был курьер от командующего Второй армией. Генерал Румянцев перед убытием к новому месту службы ставил перед флотилией первые боевые задачи: «Операции вашей флотилии весьма бы споспешествовали военным действиям нашим, если вы пройдете со своими судами в Черное море и отрежете всю помощь к крепостям неприятельским, что лежат при берегах морских в Крыме».

– Пиши ответ! – тут же велел курьеру Сенявин. – Отходя от Таганрога при остовых ветрах, можно прийти до крепости Еникале в трое суток, ежели надо будет идти далее, то при тех же ветрах до Константинополя ходу нам дней на семь...

Контр-адмирал прикрыл глаза. За морем Азовским виделись ему уже просторы моря Черного.

Год 1770-й – время славного подвига Средиземноморской эскадры. Победы Азовской флотилии еще впереди, ее год следующий 1771-й.

Азовское море – самый дальний угол Европы. И, казалось бы, кому до него дело, кроме Петербурга и Стамбула? Но нет, «союзники» России проявили к экспедиции Сенявина самый живой интерес. Государственный канцлер Кауниц выговаривал турецкому послу в Вене:

– Разве Порог Счастья не может не чувствовать, что с потерей берегов Черного моря в Европе вы потеряете и отдадите России выгоду драгоценную – обладание устьями значительных рек, по которым приходят из отдаленных краев материалы для постройки их южного флота! – Что Аллах даст! – философски отвечал посол.

В тот же день он оповестил султана: Австрия негласно всячески готова поддержать нас в борьбе за Крым и Азов...

Сообщения с театра военных действий за январь 1770 года:

3 января. Отряд Абды-паши в две тысячи человек конницы и 800 пехотинцев перешел реку Рымник и напал на русские передовые посты. Навстречу противнику бросились три гусарских полка генерал-майора Подгоричани и сбросили его в реку. Опомнившись, турки возобновили наступление и заставили Подгоричани отойти к реке Мильке. Попытка Абды-паши преследовать гусар обернулась для него поражением. Подгоричани контратаковал и опрокинул противника. Наши потеряли 28 человек, турки – более ста.

4 января. Сильный отряд Сулеймана-аги, соединившись с отрядом Абды-паши на реке Рымник, атаковал наш фокшанский отряд. Пехота встретила противника, выстроясь в каре, кавалерия разместилась сзади. Первым ударом туркам удалось рассеять несколько гусарских эскадронов. Однако сильным ружейным и картечным огнем они были отбиты. В это же время две тысячи конных татар со страшной силой ударили по каре, но после непродолжительной и жестокой схватки были отбиты. Все последующие попытки неприятеля обойти каре с тыла были отбиты огнем. Турки отошли, потеряв весь свой обоз и два знамени.

14 января. Турки предприняли нападение на Бухарест и с трех сторон внезапно окружили оборонявшийся город отряд генерал-майора Замятина, пытаясь ворваться в защищаемые им редуты. Но, встречаемые сильным огнем, отступили. Смело контратакуя,

Замятин обратил неприятеля в бегство до реки Ааржиш. Наши потери – двое убитых. Захвачена одна пушка и несколько повозок с порохом.

18 января. Отряд генерал-поручика Штофельна двинулся к занятому турками Браилову. Неприятельская конница атаковала наступавших с оглушительным криком. Турок отбило каре генерал-майора Потемкина. Попытка неприятеля нанести удар с тыла была отражена кавалеристами генерал-майора Подгоричани и бригадира Текели. Карей Потемкина и князя Трубецкого продолжали движение вперед. Турки укрылись в крепости Браилов.

19 января. Утром генерал-поручик Штофельн убедился в хорошем состоянии укреплений Браилова и отступил от крепости. В ходе поиска уничтожено более тысячи турок, захвачено 3 пушки, 6 бунчуков, 3 знамени и... 1 дервиш.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ Архипелаг

Глава первая

*О Петр, когда бы век твой длился,
Ты сам бы здесь возвеселился,
У зря на сих зыбях свой флаг.*

Б. И. Майков

Радостная весть о прибытии русского флота в Средиземное море летела впереди спиридовских кораблей. Во славу российского оружия молились в Боснии и Сербии, Македонии и Герцеговине, Черногории и Греции.

– Они уже пришли, великие и могущественные братья по вере, из далеких северных земель, ведомые рукой провидения. Они пришли во имя нашей свободы и не оставят нас. Да сбудутся все пророчества! И падет навеки проклятое владычество османское! – гремело под сводами православных храмов.

Греция восстала. Все выплеснулось разом: извечная ненависть к угнетателям и любовь к Родине, патриотизм и свободолюбие. Доблесть и храбрость повстанцев были беспредельны: они изгоняли турок. Громили отборные отряды янычар, освобождали города и обширные области.

Особенно доставалось туркам от горцев-маниотов. Потомки древних спартанцев, маниоты были неукротимы в своей ненависти к врагам. Спускаясь с гор, они дерзко нападали на турецкие отряды, не давая пощады никому.

Одно лишь упоминание о бесстрашных сыновьях Пелопонесских гор вызывало дрожь у наместника султана. Ведь даже название племени – маниоты – происходило от греческого «манио» – ужас.

Ложатся тени скал густые
На волны моря голубые,
И очертанья тех теней
Пугают мирных рыбарей
Майнота призраком ужасным...

Незадолго до прибытия русского флота в Левант высоко в горах состоялся совет греческих вождей. Председательствовали на нем известные предводители Мауро-Миколи и его брат Иовани.

– Пришла пора спуститься в долины и перебить проклятых османов! – заявили они решительно. Их поддержали остальные: – Будем хозяевами земли своей!

Правитель Каламеты седоусый Бенаки клятвенно обещал выставить сто тысяч повстанцев, прося для них лишь оружие, и тут же передал все свои деньги на общее дело.

Богатый грек Заим, владелец огромных поместий в Аркадии, отдал все свое состояние на заготовку провизии для русского флота...

На совете было решено скрытно готовить припасы для российских моряков в Тоскане, на Сардинии и Минорке. Галеры греческих корсаров были посланы навстречу русскому флоту к Болеарским островам.

В те дни Екатерина II писала Алексею Орлову: «Пускай веками поработанные греки изменят своему собственному благополучию: одна наша морская диверсия с подкреплением ее маниотскими партиями... уже довольна привести Турцию в потрясение и ужас».

Дороги Южной Италии тряски, но живописны. Коляска легка, и пара хороших лошадей резво несет ее туда, где плещется голубое море, – в Ливорно.

В коляске бравый преображенец князь Федор Иванович Козловский. На груди под цивильным кафтаном у него скрепленный сургучом пакет – письмо императрицы Екатерины II главнокомандующему всеми российскими войсками на Средиземном море генерал-поручику Алексею Орлову. Князь торопит кучера, и так много времени уже потеряно.

Ведь вначале был еще неблизкий путь из Санкт-Петербурга в Париж, куда он отвозил екатерининское послание Вольтеру, и только после этого – в Ливорно. Слов нет, князь Федор почти счастлив: ведь он стал одним из немногих смертных, удостоенных чести общения с великим мыслителем. Имел с ним продолжительную беседу. Вольтер хвалил русскую императрицу, рассуждал о турецкой войне. Затем они непринужденно обсуждали новую пьесу Бомарше. Сошлись на том, что пьеса плоха, для трагедии недостаточно умна, а для комедии мало веселья. Перед расставанием же философ доверительно сообщил Козловскому, что создает сейчас проект «конного танка», который, безусловно, принесет победу россиянам на придунайских равнинах.

И все было бы прекрасно, если бы не одно. Он, Козловский, всей душой вот уже более полутора лет рвался на войну, а его упорно не отпускали, он требовал, а в салонах посмеивались:

– У Козловского от излишних литературных занятий и сочинений поэтических в голове помутилось изрядно!

– Я не столько пиит, сколько офицер! – устало отбивался он от насмешников, – поймите же, что стыдно марать бумагу, когда льется кровь! – Екатерина самолично рвала его рапорта о переводе в Дунайскую армию... И вот теперь этот неожиданный подарок судьбы – оказия в Ливорно, его последний шанс.

Почему-то вспомнились оставшиеся в России друзья: генерал и литератор Александр Бибииков, поэты Василий Майков и Михаил Херасков. Припомнил, как лет семь назад, обсуждая с Майковым стихи в караулке, заметил он подслушивавшего их солдата-преображенца, разозлился и прогнал:

– Поди-ка ты, братец служивый, с Богом, что тебе попусту зевать, ведь ты ничего не смыслишь!

Сейчас тот солдат Гавриил Державин – сам уже известный поэт. А случай давнишний вспоминается всеми как смешная нелепость...

– Из-за холмов сверкнула серебром морская гладь. Слава Богу, Ливорно!

Орлов принял Козловского весьма радушно. Долго выпрашивал светские новости, хохотал от души над последними анекдотами. Полученное письмо читал улыбаясь, видно, новости были весьма приятные.

А подарок Козловского – картина Николы Дюфура «Упорный пастух» – привел его в настоящий восторг. На картине среди живописной полянки молоденький пастушок хитростью и настойчивостью добивался взаимности очаровательной пастушки...

Воспользовавшись хорошим настроением главнокомандующего, князь Федор рискнул попроситься на службу. Орлов просьбе, однако, даже не удивился, лишь усмехнулся, отчего

лицо его, и без того обезображенное сабельным шрамом, приняло уж совсем злодейское выражение:

– Оставайся, коли не можется, только, чур, потом не плакать. Генеральс-адъютантом не возьму. Нет вакансий. Хочешь, иди волонтером!

Козловский онемел от радости. Сбылась его самая смелая мечта – он при настоящем деле! – Согласен! – единственно, что смог ответить.

– А раз согласен, ступай в канцелярию! – подвел итог беседе Орлов.

А в канцелярии, что расположилась в нескольких комнатах орловского особняка, новая неожиданность. За огромным столом среди вороха бумаг восседал старинный сотоварищ князя Сергей Домашнев* – известный российский литератор, философ и наук многих знаток. Это о нем писал восторженно Вольтер: «Любимец чистых Муз, питомец Аполлона». Сейчас же Домашнев в чине майора Новгородского полка и в должности унтер-шталмейстера артиллерийского фурштата руководил деятельностью всей орловской канцелярии: ведал официальной и секретной перепиской, перлюстрировал перехваченные шпионские письма, составлял и печатал мятежные листки для восставших греков, занимался формированием легиона из албанских добровольцев.

– Как я рад тебе, Феденька, – обнял он Козловского. – Ты и не ведаешь, каковы нескончаемы труды здесь. Отдохни пока с дороги, а вечером прошу к себе отметить твой приезд да послушать новостей петербургских. – Где же отдохнуть мне? – поинтересовался князь.

– А вон чуланчик с топчанчиком, там и отдохновишься! – показал Домашнев на покосившуюся дверь. – А где же ты обитаешь?

– Да здесь. Бумаги со стола сгребаю и сплю калачиком,

Вечером, когда вся текущая работа была переделана, собрались вчетвером: хозяин канцелярии Домашнев, князь Козловский, прибывший в Ливорно на инструктаж к Орлову российский посланник в Сардинии Нарышкин и известный греческий «партизан» граф Джика.

На столе было более чем скромно: несколько бутылок дешевого виноградного вина, сыр и хлеб.

Читали стихи. Козловский живо и смешно рассказывал о своей поездке во Францию.

Затем Домашнев полез в ящик стола и вытащил оттуда пухлую пачку бумаги, перехваченную голубой лентой.

– Вот, – сказал гордо, – сие есть любимое детище мое – книга о всех именитых российских пиитах с подробным разбором их главнейших сочинительств.

– Когда же ты успеваешь делать все? – удивился Козловский.

– По ночам, Феденька, по ночам. Ночи-то они мои! – ответил с хитрой улыбкой хозяин канцелярии, передавая князю свои бумаги. – Думаю вскорости при помощи издателя английского сэра Блэкфорда отпечатать труд свой прямо здесь.

– А озаглавить-то как решил? – спросил посланник Нарышкин, отодвинув от себя пригубленный фужер. – Известия о некоторых русских писателях*.

Затем долго и горячо спорили о природе поэзии, рассуждали об истинной и ложной славе. Переводчик канцелярии главнокомандующего Бортнянский* музицировал на стареньком потрепанном клавесине. Граф Джика, багровый от выпитого, стучал ножнами об пол в такт музыке. Разошлись далеко за полночь.

А утром началась работа. На князя-волонтера сразу же легла львиная доля обширного орловского делопроизводства. Поэт работал с желанием, скоро предстояли жаркие бои, и он был уверен, что теперь-то в стороне не останется!

Алексею Орлову в Ливорно приходилось нелегко. Но граф держался весело. Известных ему шпионов иностранных разведок он зазывал к себе и, напив почти до бесчувствия, устраивал обстоятельный опрос. Если у гостя язык развязывался, то Орлов отправлял его домой в своей карете. Если же тот и в непотребном виде продолжал упорствовать, граф

выкидывал его из окна на улицу. Вскоре местные резиденты стали обходить орловский особняк стороной...

Своему секретарю Сергею Домашневу Орлов диктовал послание в Санкт-Петербург: «Правду сказать, тяжело мне очень доходить, иногда не знаю, куда свою голову приклонить, шпионов превеликое множество во всех местах и во всех портах, и за мною очень все примечают и ко мне многие в гости ходят».

Но генерал-поручик от кавалерии справлялся со шпионами как заправский контрразведчик. Орлов действовал споро и умело. Перво-наперво он лишил британскую разведку удовольствия читать свои письма. Когда в Дрездене агенты «Форин Офиса» перлюстрировали его очередное послание, их взору предстал лист бумаги, на котором красовался здоровенный кукиш и размашистая надпись: «Накось, выкуси!» Отныне почту граф Алексей слал через курьеров не ниже чина полковничьего.

Затем настал черед и королевского секрета. Расправа с «бурбонами» была жестокой и короткой. Буквально через несколько недель перекупленные агенты ведомства графа де Бойля уже всю работу под диктовку орловской канцелярии.

Чтобы еще больше обезопасить себя от утечки секретной информации, Екатерина II велела Алексею Орлову: «Для корреспонденции вашей с нами, которая по важности предмета своего требует непроницаемой тайны, повелели мы приложить... нарочно для оной сочиненный цифирный ключ. Нужные к производству оной служители канцелярские будут выбраны из людей надежных и способных, а затем и к вам немедленно отправлены». Тогда же Орлов начал пользоваться одноразовыми шифрами, причем каждый раз на другом языке. С тех пор всякая утечка важных сведений прекратилась совершенно. Русские шифры, составленные с широким применением народных выражений, дешифровке кабинетных умников не поддавались...

А граф уже пытался купить в Генуе подержанный линейный корабль. Не удалось: сработала британская и французская разведки. – Куражу занимать не стало! – жаловался Орлов.

Граф не был до конца искренен: мог он дельно потрудиться, умел и отдохнуть... Вокруг Орлова все время крутились всевозможные авантюристы и прохвосты, искатели приключений и просто жадные до российских денег.

Мечтая о скором приходе флота, Орлов не раз говаривал:

– Ежели ехать, то уж ехать до самого Константинополя и освободить всех православных и благочестивых, а особенно греков из-под ига османского. Брат Григорий наступит с одного конца, а я с другого зачну!

А однажды зимним утром перед секретарем канцелярии Домашневым предстал изысканно одетый человек лет сорока, холеные пальцы его еще хранили следы недавно снятых перстней.

Уставший от подобных посетителей, Домашнев отодвинул в сторону утреннюю корреспонденцию и оценивающе осмотрел раннего посетителя.

– Я желал бы получить аудиенцию у графа Орлова! – заявил тот. – Кто вы такой?

– Я Джакомо Казанова! – Незнакомец торжествующе глядел на орловского секретаря.

– Это мне ни о чем не говорит, – недовольно заметил Домашнев. –?!!

– Кто вы такой, каков род ваших занятий и о чем вы желали говорить с их сиятельством?

– Я – известный путешественник, любитель муз и всего прекрасного. С графом Орловым я бы хотел иметь разговор о помощи русской короне!

– Их сиятельство сейчас занят, однако я непременно доложу о вашем визите. Ждите и дайте адрес. В случае нужды вас найдут.

Домашнев сухо попрощался и вновь погрузился в бумаги. На вечернем докладе он рассказал графу о визитере.

– Очередной прощелыга! – отмахнулся Орлов. – Некогда мне с оным о музах толковать!

Так бы эта история и закончилась, если бы через несколько дней Алексей Орлов не был приглашен на один из балов местного высшего света, где невольно стал свидетелем обсуждения несколькими дамами весьма важного для Ливорно события.

– К нам приехал сам Казанова! – перешептывались между собой юные девицы и почтенные матроны. – Говорят, что он устал от любви и хочет воевать с турками!

– Казанова! Он же живое воплощение красоты, мужества и ума!

– Ах! Ах! Неужели он не осчастливит нас своим вниманием? Вернувшись домой, Орлов вызвал Домашнева.

– Вот что, – сказал. – Про того Казанова, что подле нашего крыльца давеча отирался, болтают, что весьма мужествен и умен! К тому же у здешних дам весьма в почете! Разузнай мне, Сергей Герасимович, про сего просителя поподробнее!

Спустя день Домашнев уже мог обстоятельно доложить Орлову, что Джакомо Казанова по происхождению венецианец, от роду ему сорок четыре года, ранее был аббатом, офицером неаполитанской армии, скрипачом в знаменитом театре Сан-Самуэле. В последнее время ведет свободный образ жизни и, разъезжая по всей Европе, сожительствует со множеством женщин – от дам высшего света до монахинь и горбатых старух. В начале 1769 года Казанова был посажен за свои похождения в испанскую тюрьму, бежал, долго болел, а затем, спустив в Турине деньги, прибыл в Ливорно.

– Имел ли сей шельмец какую-либо связь с нашим Отечеством? – поинтересовался Орлов, не без основания опасаясь возможных шпионов.

– А какой искатель легкой жизни проезжал мимо нас, ваше сиятельство! – резонно заметил секретарь. – Однако прежде него самого у нас побывала его мать – актриска Занетта Казанова. Она играла при дворе императрицы Анны Иоанновны. Сам же он не так давно посещал Петербург, где пытался устроиться библиотекарем к государыне или воспитателем великого князя, но, получив афронт, был выгнан.

– Ну что ж,- заметил граф Алексей, – человек вполне достойный. Пусть прибудет завтра к чаю, приму. У меня сей Казанов большой интерес вызывает!

На следующий день Джакомо Казанова предстал перед графом.

– О вас говорят, – начал разговор Орлов, – что вы пользуетесь особой любовью женщин? – О да, в этом моя сила! – гордо ответил посетитель.

– Но разве можно одновременно и искренне любить такое множество женщин? – продолжил граф.

– Любовь – это только любопытство, а я от природы весьма любопытен!

– Что ж,- зевнул в кулак Орлов, – сие утверждение старо как мир, в нем нет ничего оригинального!

Лицо графа стало скучным. Он сразу же потерял к визитеру всякий интерес. Ожидание увидеть нечто необычное было обмануто. Перед Орловым стоял самый обычный искатель легкой поживы, каких граф на своем веку перевидал не счесть сколько.

– Что вы желаете нам предложить? – сменил Орлов тему разговора.

– Я желал бы помочь вашему сиятельству в овладении Константинополем! – Ого! – Орлов усмехнулся. – Что же вы умеете?

– У меня светлая голова и трезвый рассудок. Я храбр и удачлив!

– Возможно, этих качеств вам и хватит, чтобы овладеть гаремом султана турецкого, но для овладения Константинополем сего, увы, недостаточно. Что вы можете еще?

– Это все! Но неужели вам, граф, не нужны люди, подобные мне?

– Милый! – Орлов от души рассмеялся. – У нас, почитай, каждый имеет и светлую голову, и трезвый рассудок, все мы храбры и удачливы да и в утехах изрядны, а потому надобности в вас не имеем!

Когда за удрученным Казановой затворилась дверь, граф Алексей повернулся к Домашневу:

– Более его не пускать! И чего они здесь бросаются на всякую дрянью! Ведь у нас последний гренадер сто очков наперед даст их Казанове!

Так бесславно закончилась попытка легендарного сердцеда стяжать себе воинские лавры во главе российского флота. Через много лет, уже седым старцем, Джакомо Казанова вспомнил о своем визите в мемуарах: «Не имея в то время сердечных дел, прискучив игрой из-за вечных проигрышей и не зная, чем заняться, я возымел фантазию предложить свои услуги графу Алексею Орлову... Читателю покажется по меньшей мере странным, что я вообразил тогда, будто был предназначен для взятия Константинополя. В моем тогдашнем возбуждении я убеждал себя, что без меня русскому графу ни за что не удастся им завладеть; действительно, он испытал неудачу, но я менее уверен сейчас, что это оттого, что меня там не было».

В русских документах сей факт за его незначительностью нигде указан не был...

Спеша к берегам Морей, корабли Спиридова держались в крутой бейдевинд. Впереди эскадры ходко бежал пакетбот «Летучий». Адмирал наставлял капитанов:

– Теперь мы вблизи супостата, а потому бить тревогу артиллерийскую, пушки зарядить, а на салинги самых глазастых!

Ночью зажженные фитили держали наготове в поварнях.

Погода стояла великолепная, а настроение у команд было самое бодрое. Вода выворачивалась под напором Дубовых корпусов изнанкой пены, будто чернозем под острием плуга.

На шканцах флагманского корабля разоткровенничавшийся Федор Орлов пояснял Крузу, что хлопья пены у бортов напоминают ему шипящее в истоме шампанское. Слыша речи такие, капитан «Евстафия» делал недоуменное лицо...

Боцманская вахта на баке. На «Евстафии» держал ее боцман Евсей попеременно со шкипером Слизовым. Оглядывая придирчиво гудящие от ветра паруса, вдыхал боцман полной грудью запах свежести и простора. Так же пахла в далеком детстве скошенная трава. Вспоминалось старику, как мальчишкой забирался он в душистый стог, а мать, бегая неподалеку, звала его голосом тревожным: – Евсей! Где ты, Евсеюшка!

Эх, время-времечко, как ты летишь! Глянул боцман вверх: никак непорядок в снастях? Кликнул матросов и полез вместе с ними устранять неисправность. На вахте отдыхать недосуг!

Еще немного – на горизонте появились крутые обрывы Морей. Впереди был порт Виттуло.

Русские моряки, конечно же, предполагали, что появление их у греческих берегов вызовет радость среди местных жителей, но того, что произошло, не ожидал никто.

Греки были восхищены прибытием российского флота. Торжественно салютовали они ему со стен монастыря Успения Пресвятой Богородицы. Протяжно звенели греческие колокола – симандры. Ночь корабли провели на рейде. А утром следующего дня адмирал Спиридов в сопровождении штаб- и обер-офицеров эскадры съехал на берег.

Встречать долгожданных друзей вышло все население от мала до велика. Во главе горожан – митрополит местный Анфим Паронаксинский, босой, но с золотым крестом на груди.

– О, Греция! – гремел митрополит басом. – Матерь всего великого и благородного! Рано или поздно ты воскреснешь, имея сынов, предпочитающих смерть рабству!

Среди встречавших – поверенное лицо Алексея Орлова в здешних местах, греческий капитан Мавромихай-леки...

После торжественной литургии адмирал привел собравшихся к присяге. Греки присягали на коленях. Подле них в парадном строю – солдаты-кексгольмцы, опустив штыки по-офицерски. Под сдержанное дыхание тысяч и тысяч людей митрополит освятил знамена повстанческих отрядов.

Спиридов зачитал обращение Екатерины II к поработенным турками народам:

«Крайнего сожаления достойно состояние, древностию и благочестием знаменитых... народов, в каком они ныне находятся под игом Порты Оттоманской... Трудно поверить, чтоб из православных христиан... в турецком подданстве живущих, нашлись такие, которые не

чувствовали бы всей цены и важности преподающихся им способов к возведению своего Отечества на прежнюю степень достоинства и к избавлению своих единоверцев, горестию и бедствиями изнуренных...

Наше удовольствие будет величайшее видеть христианские области, из поносного порабощения избавляемые, и народы... вступающие в следы своих предков, к чему мы и впредь все средства подавать не отречемся, дозволяя им наше покровительство и милость, для сохранения всех тех выгодностей, которые они своим храбрым подвигом... с вероломным неприятелем одержат».

В тот же день было создано два легиона: Восточный и Западный. Команду над ними приняли кексгольмский капитан Барков и майор князь Петр Долгорукий, приходившийся генерал-майору князю Юрию Долгорукому двоюродным племянником. Общее начальство над сухопутными силами возложил на себя Федор Орлов.

Капитан Григорий Барков никому не известен, мало ли исполнительных и храбрых офицеров в русской армии, подобных ему! Князь Петр, наоборот, известен всем как решительный и отважный военачальник.

Самоназначение младшего Орлова командующим всеми сухопутными силами воспринял князь как обиду личную. С горя такого напился крепко и кричал в угаре голосом страшным:

– Долгорукие еще при Иоанне Грозном ближе к царю сидели, нежели Романовы, а про Орловых худородных тогда никто на Руси и слыхом не слыхивал!

О непотребном поведении князя стало известно Спиридову. Вызвал Долгорукого к себе адмирал, дал взбучку.

– Не я Федьку над тобой назначал, – сказал, брови грозно сдвигая, – но ордеров евойных ослушаться не позволю! Не хочешь служить честь по чести – катись к этакой матери, без тебя начальников сыщем!

Оторопел от услышанного Долгорукий, разом хмель сошел. Стал извиняться, просить слезно, чтобы Спиридов Алексею Орлову о речах его крамольных не говорил.

– То-то, – махнул рукой адмирал, – так бы сразу. Иди-ка к себе, хлебни рассольчику да готовь легион к выступлению скорому.

Ничего не ответил майор Долгорукий, склонил голову понуро и вышел прочь.

В глубине Виттулийской бухты стояло купеческое судно. Паруса убраны, якорь отдан, на мачте венецианский торговый флаг.

С Венецией у россиян мир, ведут себя купцы пристойно, ну и стой себе на здоровье! Однако в полдень отвалила от судна шлюпка и ходко пошла к «Евстафию». Взобравшись по штурмтрапу, венецианский капитан кинулся обниматься к первому же попавшемуся матросу. Капитан плакал...

– Братья, – шептал он, – братья, наконец-то вы пришли, вняв мольбам нашим!

Встав на колени, целовал вычищенные до ослепительной белизны палубные доски. Узнав о прибытии столь странного гостя, поднялся наверх сам Спиридов.

– Адмирал! – сказал, вставая с палубы, капитан. – Я привел сюда судно, чтобы сдать его под твоё начало. У меня два десятка пушек и отчаянная команда! – Кто ты? – спросил Спиридов удивленно. – Славянин! – был гордый ответ.

Скоро над торговым фрегатом, нареченным в честь покровителя мореплавателей «Святым Николаем», был поднят Андреевский флаг. А капитан судна Александр Полекутти получил чин лейтенанта флота российского.

Едва факт перехода на русскую сторону фрегата стал известен в Венеции, Полекутти был немедленно заочно приговорен к повешению. Тогда же по указу венецианского сената весь боевой флот торговой республики с многотысячным десантом на борту был отправлен в Архипелаг к островам Занте и Кефалония. Венеция не терпела чужаков в своих водах!

А в это время с русских кораблей спешно свозили на берег припасенный еще с Кронштадта лес для постройки трех полугалер. Имена гребным судам давали сами матросы, называли их ласково и душевно: «Жаворонок», «Ласточка», «Касатка».

А на следующий день еще одна приятная новость – пришла в порт полярка «Генрих-Корон» с командой из самых неукротимых греческих корсаров.

– Адмирал! – сказали они Спиридову, плотной стеной его окруживши. – Мы приплыли сюда, чтобы победить или умереть под твоим флагом!

Пользуясь небольшой передышкой, команды приводили в порядок свои суда. С раннего утра до позднего вечера стучали топоры и визжали пилы.

Началась жесточайшая война с крысами, которых расплодилось за месяцы плавания невидимое множество.

«На корме ниже задних портов прогрызли более десяти дыр, где кучами собирались греться и пить, воду из дыр доставали, отчего в корабле течь большая и гады все жрали, были мыши, что лазили на марс, бушприт, и жрали паруса, в крюйт-каморе патроны и картузы объедали, выпустили из бочек воду, о провизии уже не говорю!» – писал позднее один из участников экспедиции.

Иногда, озорничая, ловили матросы акул, которых за свирепость нрава и ненасытность окрестили прожорами. Удивлялись без конца, до чего живучи окаянные! Иную уже и выпотрошат, а кинут за борт, так она щелкнет зубами, вильнет хвостом и в пучину уплывет.

На «Евстафий» иеромонах корабельный, проходя как-то мимо, долго зрил одну из таких прожор, а затем, подняв кверху палец указующий, изрек громогласно:

– Тварь сия от нечистого, ибо дух и суть ее зело нечисты. Не мог Господь создать этакую отвратину! Мясо акулье в пищу не потребляли, брезговали.

Чтобы роздых командам дать и здоровье немного поправить, свозили служителей в несколько очередей на берег. Греки выходили встречать шлюпки толпами, забирали матросов к себе домой и угощали во славу.

Сын Спиридова Алексей на кораблях и не показывался. Юноше казалось, что он в сказке. С детства бредящий Индией и Грецией, он наконец-то попал в одну из этих благословенных стран. С утра до вечера лазил младший Спиридов по останкам древнеэллинических строений, срисовывал их старательно. Закуток юного археолога на «Евстафий» был доверху завален осколками амфор и кусками мраморных ваяний. Алексей был счастлив, сбывались его мечты.

В первый же день съехали на берег и Ильин с Дементарием Константиновым. Дементарий был взволнован: сколько лет да дорог позади – и вот наконец отчий дом!

Уверенно вел он русского сотоварища по узким улицам Виттуло и вдруг остановился оторопело...

На месте родительского дома были одни развалины, сад порос сорной травой... Опустив голову, прошептал Дементарий горько:

– Сам ты избегнешь смерти, но бедственно в дом возвратишься...

Подошедшие соседи, признав в седом незнакомце старшего сына скорняка Константинова, поведали печальную историю его семьи.

Вскоре после бегства Дементария с турецкого судна в Очакове отец его был брошен в долговую тюрьму, где и скончался от побоев.

Мать умерла от горя, а младший брат Варваций, снарядив рыбачью шебеку, подался куда-то в корсары.

Плакал Дементарий, рассказ этот слыша. На «Гром» он больше не вернулся.

– Мне теперь одна дорога – в повстанцы! – прощаясь, сказал он Ильину. – Пока жив, буду мстить за отца с матерью. Тебя об одном прошу: ежели брата моего где повстречаешь, то передай ему низкий поклон от меня. А это тебе обо мне на память кинжал, что от прадеда в нашем роду хранится. – Дементарий вытащил из-за пояса и протянул Дмитрию красивый кинжал в расписных ножнах.

Обнялись друзья, поцеловались троекратно и распростились навсегда.

Уже на корабле разглядел Ильин кинжал внимательнее: на тускло мерцающем лезвии был выбит восьмиконечный православный крест и одно лишь слово – Свобода!

Волонтер Федор Козловский уговорил было Петра Долгорукого взять с собой и его. Но Спиридов запретил, отчитав при этом:

– На службу не напрашиваются, но и не отказываются. Не лезь куда не след, нужно будет – пошлют!

И отправил Козловского заготавливать лес для починки кораблей. – Покажи-ка себя там, князюшка!

Козловский, впрочем, нисколько не обиделся. Скинул он шитый золотом Преображенский мундир, засучил рукава и ну топором махать, только щепки полетели! Так до самого ухода эскадры под Корон на заготовках и проторчал!

Российские матросы, на берег спускаемые, вели себя там с достоинством. Прогуливались чинно по улицам, раскланивались с жителями, деликатно угощались виноградом, апельсинами и прочими померанцами. Особенно нравились апельсины – вкус слаще сахара и от жажды помогают. Греки, смеясь, советовали их от скорбута: дескать, зубы укрепляют, особенно же хвалили кожуру. Вняв их советам, пожилые матросы терпеливо ее жевали, выкидывая прочь сочную сердцевину. Предлагали греки и морские ракушки. Показывая пример, ловко вскрывали створки и быстро уничтожали содержимое.

– Вы, братцы, извиняйте, конечно, – отводили глаза офицеры и матросы, – но слизняков не потребляем!

На третий день стоянки и до Васьки Никонова дошла очередь съезда на берег. Обратился он по такому случаю чин-чинарем. Надел белого сукна камзол с обшлагами зелеными, штаны-бркжинги белые, на голову водрузил круглую шляпу с подбоем васильковым, по цвету корабля. Васька – парень общительный и языкатый. Скоро познакомился с девкой-гречанкой. Девка – красавица, черные волосы по плечам распущены. Угощала она Ваську фисташками сладкими. А потом он, как барин, восседал у нее в доме на почетном месте в красном углу, а отец девки все подкладывал ему в тарелку угощения да подливал в стакан. Васька ел и пил учтиво, откушав, благодарил вежливо. Нельзя, чтобы на чужбине люди о российском матросе думали худо.

На улицах ребята с «Трех Святителей» да с других кораблей отплясывали вприсядку.

– Эй! Василь! Давай к нам! – кричали они, завидя выходящего из дома Ваську с девкой.
– Пошли, что ли, отпляшем! – подмигнул тот девке.

– Пошли, – смеялась, тряся серьгами, гречанка. – Пошли, Вася!

Покинув Минорку, отряд Грейга прорвался сквозь шторм к берегам Италии.

Алексей Орлов встречал бригадира на ливорнской набережной самолично.

– Ты у меня наипервейший из героев! – хватал его за плечи. – Твой подвиг Россия не забудет, а я при случае отпишу матушке-государыне о всех твоих деяниях достославных!

Грейг был счастлив, сбывались его самые смелые мечты.

Сели Орлов с бригадиром в раззолоченную карету и во дворец графский поехали. Грейг в Ливорно впервые, много где побывал, а вот здесь не пришлось. По этой причине всю дорогу выглядывал из окошка, любопытствуя. Вот памятник мраморный мужу государственному в окружении четырех мавров из бронзы. – Кто таков? – спросил Орлов. – Сие изваяние есть герцог Фернандо Медичи.

Жители, усевшись верхом на ослов, беспрестанно жевали черные маслины. Лавки были забиты всякой всячиной: от оливкового масла до зеркал венецианской работы. Весенний ветер устилал мостовые лепестками первых роз, сорванных в садах.

Обедали Орлов с Грейгом под оркестр итальянской музыки. Присутствовал за столом еще и «политический агент» кавалер Дик, устало глядевший на все происходившее мутными глазами.

Орлов, хвалясь перед Грейгом силой, гнул вилки, сворачивал в трубку серебряные тарелки. Лицо его, обезображенное шрамом, краснело от натуги.

– Я, – хвастал, – в тутошних салонах наипервейший агрессор! Лакеи метались, меняя приборы.

– А правда ли пишут, что Спиридов вместо полутора десятков положенных ему по чину денщиков взял лишь семерых? – поинтересовался граф Алексей, опрокидывая в себя солидный фужер бургундского.

– Это верно, – кивнул Грейг, – говорил адмирал, что лучше на их место лекарей или мастеровых корабельных набрать.

– От скупости своей и не взял, – подумав, сказал Орлов, – а про лекарей да мастеровых для отводу глаз болтал. Я их флотскую породу знаю. За ломаную полушку удавятся! А как известие о моем главнокомандовании встретил? Злился, небось, а?

– Печалился крепко. – Грейг изучающе поглядел на графа.

– Что ж,- Орлов поднялся из-за стола, расправив плечи так, что затрещал кафтан, – то не его ума дело. Наши адмиралы российские лишь на вторых ролях хороши, а к первым и не способны вовсе. Кстати, о ролях. Ты, Карлыч, не бывал в театре италийском?

– Не доводилось. – Бригадир в недоумении поднял белесые брови.

– Ну тогда, как у нас говорят, давай с корабля на бал. Представления здесь хороши отменно, а об ахтерках и говорить нечего. Покажу заодно тебе и страсть души моей – пиитшу Мадлен Морели. Увидишь – глаз не оторвешь: очи с поволокой, ротик с позевоной. Красавица несравненная! О делах, Карлыч, завтра, сегодня гуляем!

В углу стола, уронив голову в тарелку, надсадно храпел кавалер Дик.

«Эх, не успел даже ботфорты на башмаки сменить», – думал Грейг, торопливо сбега за Алексеем Орловым по устланной коврами лестнице.

За сахар в Ливорно платили в тот год полтину за фунт, хлеб шел по гривеннику – деньги по тем временам немалые. Команды российских судов сидели на сухарях и солонине, нового главнокомандующего волновали заботы иные...

В эти дни Алексей Орлов отправил в Петербург письмо, больно ударившее по самолюбию русских моряков. Зная неприязненное отношение Екатерины II к Спиридову, граф отписал ей свои первые впечатления о прибывшей на Средиземное море эскадре: «Признаюсь чистосердечно, увидя столь много дурных обстоятельств в оной службе, так великое упущение, незнание и нерадение офицерское и лень, неопрятность всех людей морских, волосы дыбом поднялись, а сердце кровью облилось. Командиры не устыдились укрывать недостатки и замазывать гнилое красками... Признаться должно, что если бы все службы были в таком порядке и незнании, как эта морская, то беднейшее было бы наше Отечество...»

Возможно, графу Алексею было и невдомек, что условия плавания на утлых суденышках не позволяют морякам наряжаться по последней парижской моде, а гнилое дерево красят только лишь для того, чтобы замедлить его гниение; что же касается остального, то Бог ему судья!

А «незнающим, нерадивым и ленивым» российским морякам предстояло вскоре вписать новые славные страницы в историю своего Отечества!

В то время, когда русская эскадра собиралась в путь и совершала свое нелегкое плавание в Средиземное море, морские силы Высокой Порты предприняли ряд боевых походов против России.

Уже ранней весной 1769 года, миновав Босфор, турецкий флот вышел на просторы Понта Эвксинского. Жители Стамбула вздохнули с облегчением: ведь бешеного нрава и разгульного поведения турецких моряков побаивались даже янычары.

Капудан-паше предстояло разгромить зарождавшуюся Азовскую флотилию московитов в устье Дона и разорить Запорожскую Сечь. Уходящих в поход провожал сам султан. Собрав морских военачальников в каменной беседке на пристани, он еще раз призвал их исполнить волю Аллаха.

– Гяуры не должны никогда увидеть берегов Высокого Порога со своих лодий! Я не могу ждать, пока они выстроят себе огромный флот и станут путаться у меня под ногами. Беспокойного ребенка лучше убить сразу во чреве матери, чем ждать, пока он вырастет и

принесет много бед. Презренные московиты ничего не могут противопоставить великому флоту царя царей! Идите и уничтожьте их всех!

За спиной султана, облокотясь на рукоять ятагана, гордо стоял его личный кормчий Бостанжи-паша, главный советник Мустафы в морских делах. Невдалеке хищно чернела жерлом, нацеленная на Босфор, огромная пушка-амутата, хранимая еще со времен Великого Баязида как талисман былых побед.

– Аллах акбар! – кричали уходящие. – Ждите нас со скорой победой!

У Синопа флот разделился. Большая часть линейных кораблей направилась к побережью Крыма, чтобы доставить союзному хану войска и припасы. Две другие флотилии, наполнив паруса попутным ветром, устремились к северным берегам. Им предстояла задача особая...

Плывших к Очакову вел храбрый и безжалостный Асан-Кызыл-Исары. Оставив в устье Днепра три 60-пу-шечных корабля, которые за большой осадкой не могли войти в реку, он с двумя десятками судов двинулся вверх по течению.

Хорошие лазутчики были у паши, да куда им до запорожских! Едва лишь турки вошли в лиман, как попали под наблюдение казачьих дозоров.

Вскоре кошевой атаман запорожский знал все. Вызвал он в свой курень войскового старшину Филиппа Стягайлу да про новость грозную поведал.

– Нехай! – почесал бритый затылок невозмутимый старшина.

Взял он с собой казачьих полковников Логвинова и Сикуру, кликнул хлопцев побойчее. Спустили они лодки с камышом привязанным, что «чайками» за легкость и красоту звались, весла на воду – и пошли.

У Костырского урочища, где плавни обширные и река поворот делает, сели запорожцы в засаду. Коротая время, пили горилку, салом заедая, а скоро и турки появились. Уверенные в безнаказанности, шли они шумно с криками и пальбой. Две сотни пушек и тысячу отборнейших янычар имел под рукой храбрый Асан-Кызыл-Исары, ему ли таиться!

Прицелились сечевики. Свистнул зычно старшина Стягайло. И пошли палить из камышей на выбор. Метко били запорожцы. Пытался было Кызыл-Исары выстроить свои суда в боевую линию, да куда там! Первым же выстрелом из единственной пушчонки отбили казаки у флагманской галеры руль, и закрутило ее на стремнине. Вплавь спасался с нее храбрый Асан-Кызыл. А вскоре еще два разбитых судна приткнулись к мели.

– Гей, хлопцы! – выхватил острую саблю войсковой старшина.

Бросились запорожцы, закрутился бой рукопашный. Четыре знамени, десятки пушек и оба судна поврежденных захватили сечевики. Турецкая флотилия постыдно бежала в Очаков...

Уже после боя отловили казаки в прибрежных камышах с десятков янычар. Семерых отправили к генералу Румянцеву с рапортичкой о баталии, остальных же – прямо в Санкт-Петербург пред светлые очи матушки-царицы: полюбуйся, мол, как рыцари запорожских врагов державы лупят!

Вторая турецкая флотилия во главе с самим капудан-пашой тем временем пришла в Еникале. Была она огромна: четыре линейных корабля, две транспортные галеры с припасами и больше двух сотен боевых галер с войсками. Корабли, из-за мелководья пролива, остались на якорях ниже Керчи, а гребные суда, взяв в Еникале лощманов, вошли в Азовское море. У косы Долгой обе транспортные галеры на полном ходу вылезли на мель. Одну из них кое-как сняли, а вторую разбило прибоем. Пришлось возвращаться. Озлобленные неудачей, янычары зарубили своего сераскира и, бунтуя, лупили колотушками в медные котлы. За янычарами поднялись и команды галер. Простояв без толку до глубокой осени под Керчью, флотилия вернулась в Стамбул.

Весной следующего 1770 года флот султана вновь пришел в Еникале. Два месяца простояли там турки, но зайти в Азовское море так и не решились, боясь мелей и дерзких московитов. Лишь в июне прибывший из столицы новый капудан-паша Ибрагим-Хасан увел

суда ни с чем обратно. Обстановка внезапно изменилась, и теперь туркам предстояло думать об отражении русского нападения в Средиземном море.

Однако воинственный Мустафа III не терял надежд на успех в Черном море. Придворные подхалимы, поддакивая султану, сравнивали его с Александром Македонским...

– Это наше внутреннее озеро! – грозил новоявленный «Македонский» в запале своим распластавшимся ниц флотоводцам. – И нельзя пускать в него гяуров, чего бы это нам ни стоило.

Но очень скоро все изменилось. Весть о том, что русская эскадра не только достигла Средиземного моря, но и высадила в Море свои войска, была ошеломляюща. Газеты тех дней писали, что по своей неожиданности это известие было для турок таким же ударом, как в свое время вторжение Ганнибала в Италию для Древнего Рима. Раздражение султана мгновенно отозвалось яростью его ближайших подданных. Сразу же началась ужасная резня греков в Константинополе, затем массовые побоища прокатились по Кандии и Тунису. Количество истребленных греков стало своеобразным мерилем преданности султану... . Блистательная Порта пребывала в шоке. Уверенный в своем морском могуществе, султан не мог и предположить, что у московитов могут быть какие-нибудь суда, а уж о том, что с Балтийского моря есть проход в Средиземные воды, – он и понятия не имел. Вину за проход русской эскадры в Средиземное море Мустафа почему-то возложил на Венецию. Из Морей и островов Архипелага мчались гонцы, моля о помощи. Посланцев грустных вестей сажали на кол – султан пребывал в печали. И было от чего!

Нынешний, 1184 год гиджры не был похож на прошлый, 1183-й. Неудачи армии под Хотинном и флота под Еникале сделали свое дело. А тут еще эти суда московитов, нацеленные в спину! Узнав об эскадре гяуров, немедленно поднял восстание египетский паша Гаджи-Али-бей, вознамерившийся отложиться от Порога Счастья и объявить себя султаном Египта. В Черногории выискался некий Степан Малый, выдававший себя за императора Петра III и подбивавший горцев к восстанию. Взялись за оружие извечные враги – персы, грозя сопредельным с ними турецким провинциям. Даже грузинские князья, вступив в союз, дерзко отказались снабжать сераль своими прекрасными дочерьми. Восставали все обиженные и угнетенные... Быстро исчезал боевой пыл войска. Сейчас уже не верилось, что еще совсем недавно в боевом порыве янычары наносили себе кинжалами раны, крича до иступления: – Саблей Москву! Саблей! Кричали, пока не падали на улицах от потери крови.

Тогда сам султан, подавая пример подданным, велел перелить свой любимый золотой сервиз в звонкие талеры, но последователей у него не нашлось.

Войско бунтовало, отказываясь воевать. Не помогали ни щедрые посулы, ни засланные в объятия дезертиров любвеобильные девы. Посулы отвергались, дев же попросту били. Тогда начались казни... Но в первую же ночь все виселицы были переломлены, а на стенах сераля начертано яркой краской: «Доставь нам мир или будешь лишен жизни». За поимку наглецов Мустафа обещал сказочное богатство, но те как в воду канули. А тут еще дерзкое появление московитов у берегов Морей. Правда, под окнами сераля было тесно от мачт. Беспорядков флот не знал, корабли были до верхних палуб завалены припасами морских арсеналов-терсанэ. Но легче от этого на душе у Мустафы не было. Повздыхав тяжело, призвал к себе султан министра по иноземным делам, умного и хитрого Ресми-эфенди.

– О мой лев, не причиняй себе хлопот! – полз к нему по коврам прибывший министр. – Угрозы от гяуров на море тебе нет никакой. Из Путурбука послал московитянин на воды Морей и в Архипелаг лишь несколько мелких судов, чтоб вертеться меж островами. Дорогой нахватал он презренных барок и дрововозок, составил себе флот из этого хлама. Опытные знатоки моря предсказывают, о несравненный, что первая же здешняя буря истолчет в щепки и разметет по морю лабды опрометчивого гяура!

Повеселел немного Мустафа от речей таких, велел звать к себе капудан-пашу со всеми его адмиралами.

Ибрагим-Хасан-паша ехал к султану торжественно. От своего дворца в Галате до рейда на резной, красного дерева, шлюпке. Там пересел на любимую галеру «Бастарда» и на ней

поплыл к берегу Сендак-Купп. Корабли и суда провожали его пальбой, великим криком и обилием флагов. На берегу влез Ибрагим-Хасан на арабского скакуна. Следом за ним, пыхтя, залезли в седла остальные адмиралы.

В серальном саду в тени кипарисов флотоводцев поджидал сам султан, беседуя с варварийскими астрологами о счастливых днях и ночах для жителей Стамбула.

– Я мечтаю, чтобы Порог Счастья стал настоящим счастьем для моих подданных! – делился он с учеными своими мыслями.

– Слышали ли вы, что говорил мне мудрый Рейсми-эфенди? – обратился султан к капудан-паше, выходя навстречу из беседки. – Плывите и топите их дрянной флот, не зная пощады! Самих же главарей разбойничьих Спиритуфа и Орлуфа тащите ко мне, чтоб подыхали на колу пред моими глазами. – О, тень Аллаха на земле! – грохнулись разом ему в ноги флотоводцы. – Мы сдуем неверных со света, как пыль с зеркала!

– Какую хитрость задумал на этот раз ты, мой лев? – обратился Мустафа III к распростертому ниц бею, в высоком тюрбане с алмазным пером. Это был любимец султана, в прошлом алжирский пират, а ныне младший флагман – патрон великого флота и обладатель почетного титула «Крокодил морских сражений». Гассан-бей* поднял голову, глядя снизу вверх на повелителя умными, преданными глазами.

– О великий из великих, царь царей и гордость всех правоверных! Я придумал страшную хитрость. Каждое твое судно сцепится с врагом и взорвется вместе с ним во славу Аллаха. Но твой, о несравненный, могучий флот больше и грозней московитова. Потому, взорвав русские корабли, твой флот заметно не уменьшится. Пусть трепещут жалкие души недругов твоих, услыша имя твое, о могущественный!

Маленький и толстый Мустафа жмурился от удовольствия:

– Мои крокодилы! Плывите и топите. Сейчас нам нужна только победа! Будьте неукротимы и не знайте жалости к проклятым кяфирам! Молясь во славу Аллаха, я буду ждать от вас радостных вестей! Дашке!

Вновь уткнулись лбами в густую траву адмиралы и поползли назад. Первым пятился адмирал Ибрагим-Хасан-паша, в присутствии султана всегда робевший, за ним Гассан-бей Джезаирли, в присутствии султана всегда красноречивый, потом остальные флагмана, в присутствии султана всегда безмолвные. Привратники-капичи с палками в руках пропустили флотоводцев из беседки, вернув им ятаганы.

В тот же день, воздев паруса, турецкий флот покинул Стамбул. Остались позади арсеналы и верфи Галаты, роскошный дворец капудан-паши и адмиралтейство, бледно-розовые иглы минаретов и полчища кипарисов в Полях Мертвых. На рейде Галлиполи суда бросили якоря. Здесь предстояло обождать отставших и окончательно подготовиться к плаванию.

Велик флот султана. Нет ему равных в южных водах. Помимо больших кораблей, на манер «французского курула» построенных, входило в него множество всяческих флотилий разбойничьих: тунисская, берберийская, дульцинистская и египетская.

Традиции Пери Рейса и Барбароссы* турецкие мореплаватели чтут свято. Правители корабельные издавна ни к чему не касаются, их дело пить кофе и повелевать! Парусами заведуют греки-навигаторы, с их голов и спрос за все.

Должность правителя на турецком флоте стоит недешево, поэтому, получивши ее, стремятся капитаны сполна возместить понесенные убытки. Сам нынешний капудан-паша подавал тому пример достойный. Еще будучи младшим флагманом, разбил он как-то на камнях греческого острова судно: разгневавшись на такое несчастье, велел Ибрагим-Хасан, чтоб жители острова возместили нанесенные флоту убытки. Ругался, что, не будь этого проклятого острова, судно осталось бы невредимым. Забранные же деньги присвоил себе вполне законно...

Желтые обрывы Галлиполи да истошные вопли имамов с марсов, созывающих правоверных на молитву, навевали на великого адмирала скуку. Ужасно болели бока. Ибрагим-Хасан уже третьи сутки валялся в своей камере за бизань-мачтой. Мучаясь

бездельем, курил трубку и давил пальцем одолевавших его клопов. Рядом крутился карлик-шут с всклокоченной бородой и безумными глазами. Шут кувыркался и целовал полу адмиральского халата: – Вот так перевернется перед тобой вождь неверных! Ибрагим-Хасан лениво улыбался.

Команды требовали развлечений, грозя бунтом. Верными оставались лишь конопатчики-калафатчи – гвардия капудан-паши. Эти морские янычары наводили в обычное время ужас на команды, но теперь и они были бессильны перед разъяренной толпой.

– Пустите их! – велел капудан-паша, видя, что матросов все равно не удержишь. – Пусть веселятся!

На берегу в тот же день начались повальные грабежи и убийства. Заполыхали пожары. Толпы распоясавшихся матросов крушили все, что попадалось им на глаза. Бывший великий визир, а ныне галлиполийский наместник Молдаванчжи-паша, видя такой разгул, запретил морякам съезжать на берег. Но и это не помогло.

– Вставайте, друзья! – кричали по утрам турецкие матросы. – Воздадим молитву Аллаху и поплывем веселиться! Ждут нас еще не тронутые лавки, блудные девы и крепкие вина! Опальный визир велел установить на берегу пушки.

– Грязные ишаки! Только суньтесь! – грозился он. – Если ваши головы пусты, то вы вполне обойдетесь и без них!

Невежественный полководец, но храбрый воин, Молдаванчжи-паша слов на ветер не бросал. Едва только забитые до отказа шлюпки приблизились к крутым берегам Галлиполи, их встретили огнем. Разгорелось настоящее сражение. Несмотря на большие потери, турецкие матросы все же высадились на прибрежные скалы и принялись безжалостно истреблять янычар наместника. Сам свирепый Молдаванчжи едва спасся от расправы бегством; вместе с ним бежал и французский советник по военным делам барон Тотт. Узнав о произошедшем бунте, султан пришел в ярость.

– Вот, – сказал он, – моя плеть, передайте ее Молдаванчжи. И если он за три дня не подавит шулюх, я отстегаю его этой плетью как последнюю собаку!

В помощь опальному визиру был срочно выслан столичный гарнизон. Получив украшенную рубинами плеть, с несколькими тысячами отборнейших воинов наместник обрушился на бунтовщиков. Свирепый Молдаванчжи сам сек головы непокорным. И если бы не вмешательство опомнившегося капудан-паши, флот султана остался бы без матросов. Некомплект по приказу Мустафы III дополнили за счет садовников сераля. Разогнав оставшихся в живых по судам и решив больше не испытывать судьбу, велел Ибрагим-Хасан поднимать паруса.

Миновав теснины Дарданелл, турецкий флот вышел в море.

– Слава Аллаху, – повеселел капудан-паша, – в море им буйствовать будет негде!

На кораблях под бой барабанов зачитали фарман султана, призывавший гемеджей храбро сражаться с неверными.

Флаг великого адмирала развевался над 100-пушечным линейным кораблем. На палубах судов в кофейнях варился душистый кофе. Вахтенные заунывно и беспрестанно тянули песни.

Вдалеке голубели острова Архипелага. Флот Высокой Порты спешил добывать новую славу султану.

Из письма Екатерины II Вольтеру: «Этот флот турецкий, о котором так шумят, чудесно как снаряжен! Посадили по недостатку матросов на военные корабли садовников из сераля...»

Арматоры Качиони стерегли турецкий флот у острова Лемнос. В сражения с неприятельскими судами не ввязывались, держались поодаль. Корсары в точности выполняли спиридовский наказ «витья за флотом агарянским аки ласточки за коршуном». Но едва турки стали на якорь, Качиони не утерпел. Храбрый «туркоед» решил забраться в самую середину османского флота и выведать у словоохотливых мореходов планы капудан-паши.

Едва смерклось, велел он переодеться своим верным поликартам в турецкое платье и бесстрашно направил фелюку прямо к туркам.

– Един Бог и Магомет, пророк его! – окликнули с дозорного кончебаса неизвестное судно.

– Един Бог! – невозмутимо отозвался Качиони, вырубивая мимо.

– Кто вы и куда держите путь? – поинтересовались бдительные стражи.

– От морейского наместника с посланием к великому адмиралу! – ответил «туркоед».

– Ищите его корабль в первой линии с красным фонарем на грот-мачте! – Доброй ночи!

– Да пребудет с вами Аллах!

Проходя мимо турецких судов, корсары выкрикивали себе с них мнимых земляков и в разговоре выведывали нужные сведения.

– Жалко* что нет у нас хорошего щелчка для султана, мы бы славно запустили когти в его бороду! – сокрушался Качиони, оглядываясь по сторонам. Султанскими щелчками корсары именовали брандеры, а бородами – корабли Порты.

Уже на отходе окликнули отважных арматоров и велели подойти к борту.

– Ну уж нет! – возмутился Ламбро Качиони. – Нам это вовсе ни к чему! Бей их!

Залп картечи мгновенно смел с палубы ближайшего судна любопытных. Пока турки приходили в себя, выбирали якоря и ставили паруса, дерзкая фелюка навсегда исчезла в темноте южной ночи.

Спустя неделю адмирал Спиридов знал уже поименно весь турецкий флот, количество пушек и припасов на неприятельских кораблях и судах.

Глава вторая

*Радостно веяло море
Дыханьем богов,
И светозарной весной человека,
И небом Эллады цветущим.*
Г. Гейне

Уже в Виттуло Спиридов начертал следующий план действий: пока повстанческие легионы будут освобождать Морею, эскадра, пользуясь отсутствием турецкого флота, захватит главные турецкие крепости на побережье Корон, Гаварин и Модон, а затем, опираясь на них, с подходом Второй эскадры приступит к поиску и уничтожению морской силы неприятеля.

В последний день февраля главные силы Первой Средиземноморской эскадры, выбрав якоря, направились через Массиниканский залив к ближайшей от Виттуло крепости Корон.

Корон – орешек крепкий, с ходу его не раскусишь. Крепость стояла на отвесной скале, имела многочисленный гарнизон и большие запасы. Подойдя к Корону, корабли легли в дрейф, поджидая идущие берегом греческие отряды. Вахтенные офицеры в оптические трубы высматривали на прибрежных кручах знамена с ликом Спасителя. Наконец отряды подошли.

Ударилась сигнальная пушка, закрипели шлюпбалки. Срывая с волн пену, прямо в круговерть наката устремились шлюпки десанта.

– С передовой десант сошел! – сообщили Спиридову с марсов.

– Хорошо! – Адмирал наводил предметное стекло трубы на зубчатые стены Корона. – Чего же не палят-то басурманы?

Ветер доносил с берега приглушенный рокот полковых барабанов. Спрыгнув на прибрежные камни, солдаты и матросы строились в колонны и скорым шагом двигались к крепости. Во главе десанта – подполковник Лецкий, один из бывших орловских «купцов». Передовой отряд расчищал дорогу, отгонял немногочисленных турок выстрелами, остальные, напрягая силы, тащили в гору осадные орудия. Запалив предместье, турки без боя

укрылись в цитадели. Охватывая Корон в кольцо, подошли греческие отряды. Со скрипом затворились кованые ворота, грянули крепостные пушки.

Бравируя, Лецкий расхаживал под самыми стенами, высматривая слабые места. «Фортиция сия сильна крепко, приступом ее не возьмешь!» – доложил он запиской Спиридову.

– Ничего, – сказал, прочтя бумажку, без особой печали адмирал. – Кольберг куда сильнее был, а все одно пал перед штыком российским! Будем вести работы осадные по всем правилам!

Желая избежать лишнего кровопролития, послал Лецкий в Корон греков-парламентеров. Через полчаса комендант крепости Сулейман-паша выставил на стенах головы казненных послов...

Первый день осады прошел тихо, пальбы не было. С кораблей свозили на берег пушки и припасы, рыли шанцы и закладывали батареи. На второй день поутру эскадра подошла вплотную к берегу и легла в дрейф у восточного фаса крепости. Разом ударила корабельная артиллерия, сотрясая воздух тупыми короткими ударами. Вторя ей, открыли огонь и пушки осадных батарей. Турки отвечали вяло.

В гондеке «Трех Святителей» от беспрестанной пальбы дым стоял коромыслом. Готлангер Васька Никонов действовал у пушки на подаче кокоров, таскал их на плечах из кормовой крюйт-каморы. После каждого выстрела артиллеристы дружно накатывали орудия, подбадривая себя криками. Куда ни кинь взгляд, в пушечном деке всюду красный цвет: им окрашены внутренние крышки портов, артиллерийский инструмент, орудийные лафеты – сделано так, чтобы кровь, проливаемая в сражениях, не отвлекала служителей от дел ратных...

Отдуваясь, окинул Васька очередной кокор тяжеленный, дух перевел.

– Ну как, парень, страшно, поди, впервой? – окликнул его коренастый канонир, пыж в жерло приборником забивая.

– И вовсе нет! – улыбнулся чумазый Васька. – Страшно, поди, когда ядро по тебе стукнет?

– Нет, – рассмеялись в ответ, изготавливая пушку к стрельбе, – вот тогда-то как раз ничего уже и не страшно! – Пали!

Гремел очередной залп. Рвались назад, опутанные брюками, чугунные громадины. И снова бежал Васька за кокором в крюйт-камору...

Подоженный Корон пылал. Отскакивая от стен, прыгали по камням каленые ядра.

Около полудня в мутной дали забелел чей-то парус. На пересечку незнакомцу бросились дозорные суда, будто сторожевые псы на незваного гостя. Однако тревога оказалась ложной. Возмутителем спокойствия оказалась «Венера», наконец-то нашедшая эскадру.

Еще в штормовом Немецком море маленький пинк отбилсЯ от остальных судов. Английский канал капитан Поповкин проходил в одиночку на свой страх и риск, без карт и лоцманов. В Гибралтаре «Венера» нагнала отряд Грейга, но при выходе в Средиземное море вновь потеряла его из виду. Сильный норд-вест отбросил судно далеко к берегам Африки. Команда спала, не раздеваясь, у заряженных пушек. Непрерывно жгли фитили. Было тревожно. Рядом шныряли флотилии берберийских разбойников.

На Мальте, куда занесло судно, эскадры не оказалось. Поповкин повернул к острову Корфу, но и там не нашел никого. Далее курс «Венеры» лежал к Занте. Плескались у борта волны моря Ионического, двадцать две пушки грозно смотрели в горизонт. Лишь у Занте, узнав от местных моряков, что русский флот уже достиг берегов Морей, капитан пинка повернул туда. Семен Поповкин был героем дня.

– Вот, господа, – говорил офицерам Спиридов, – вам достойный пример для подражания!

Судьба этого человека была на редкость богата взлетами и падениями. Сейчас взлет – Архипелагская экспедиция, но минуют года, и начальник галерного порта капитан 1 ранга

Поповкин будет с позором изгнан за пьянство и взяточничество с флота. В жизни бывает и так...

Осада крепости продолжалась. Ежедневно русские корабли обрушивали на Корон новые сотни ядер.

Погода меж тем портилась, усиливался ветер. Крутые волны быстро наваливались шипучими пенными шапками. У якорных канатов ошалело мотало сигнальные красные буи. На третий день разразился шторм, и адмирал велел уходить в море.

– «Соломбалу», смотрите, «Соломбалу» сносит! – внезапно закричали на кораблях.

И точно, несмотря на отданные якоря, маленькое судно неудержимо волокло на камни. Вот пинк с размаху швырнуло на берег. Крик, скрежет, треск... Капитан «Соломбалы», при орденах и шпаге, ободрял команду: – Ребята, умрем с честью!

Внезапно судно приподняло на волне и с силой отбросило от берега.

– Не иначе, провиденьем Божьим спаслись соломбальцы! – крестились на кораблях.

Однако дважды чудес не бывает. Буквально в несколько минут прибоем разбило в щепки греческую полярку «Генрих-Корон»...

К вечеру вдобавок ко всему зарядил проливной дождь. Загремел гром. В полночь в «Евстафия» ударила молния. Натужно стонали обожженные и задавленные рухнувшим такелажем люди. По стародавнему обычаю пожар от молнии заливали пивом. Следующий удар пришелся в «Иануарий», а вдали, среди бушующих волн, полыхал во тьме грот-мачтой «Три Святителя». Эта ночь запомнилась русским морякам надолго.

Далеко в море, охраняя эскадру от возможных неожиданностей, несли дозор фрегат «Николай» и пакетбот «Летучий». Наполняя паруса попутным люфтом, дружно пенили они морские воды. На их долю выпало первыми встретить нагнавший эскадру отряд контр-адмирала Елманова. Встретили, проводили до Корона – и снова в дозор. Так проходили дни. Наконец утром 12 марта на горизонте появился одинокий парус.

– Дождались кого-то! – радовались матросы, разбегаясь по артиллерийской тревоге.

Несколько часов хода – и в зрительную трубу уже стал хорошо виден рангоут неизвестной шебеки.

Корабль! Корабль! – нам шлет трофеей судьба.
Чей флаг? Скажи, подзорная труба!

Но флага на шебеке не было.

– Предупредительный под ветер! – махнул рукой капитан «Летучего»

Погонные пушки пакетбота коротко ударили, испустив клубы дыма. Ядра с легким посвистом легли в воду.

В ответ с шебеки грянул полновесный залп. Прибавив парусов, обнаруженное судно пыталось оторваться от преследователей. На палубе шебеки металась, путаясь в широкой мотне шароваров, потревоженные турки. Меж ними в черных просмоленных куртках – матросы-европейцы.

– Что за чертовщина? – недоумевали на «Летучем». – Какой же они нации?

– Ничего, возьмем – разберемся! – решил за всех капитан пакетбота Ростиславский*.

Над «Николаем» и «Летучим» трепетали красные флаги погони.

– Алло! – кричал в рупор с фрегата капитан Поле-кутти. – Впереди подводные камни. Когда осман в них упрется, тогда и возьмем! – Поняли! – махнули с пакетбота.

«Святой Николай», меняя курс, заходил на пересечку. Еще четверть часа погони – и ловушка захлопнулась. Деваться беглецам было некуда: впереди камни, слева берег, справа и позади русские суда. На шебеке суматошно брасопили паруса.

– Нами одержана первая виктория на здешних водах! Ура! – выхватил из ножен шпагу капитан «Летучего». – Ура-а-а! – летело над морем. – Смотрите, смотрите!

Над притихшей шебекой медленно поднимали французский флаг, белый с золотыми лилиями.

– Тьфу-ты, вляпались! – ругались на дозорных судах. – Держава французская ведь только случая ждет, чтобы к нам придраться. Теперь скандала не оберешься!

Выход из затруднительного положения нашел решительный Полекутти:

– По нам первым палил? Палил. Османов на борту имеет? Имеет. Чего думать, будем брать!

С шебеки тем временем прибыл шлюпкой капитан. Уверенный в своей безнаказанности, он нагло грозил мстью со стороны Версаля. К крикам француза отнеслись спокойно... Посланная же на пленное судно досмотровая партия нашла в трюмах под мешками с халвой и орехами ружья и ядра. Узнав о находке, капитан шебеки поутих. Пойманный с поличным, он сознался, что вез оружие из Туниса в Смирну для нужд тамошнего гарнизона.

– Судно и товар арестованы! – забрал у француза шпагу и пистолет Полекутти. – Взять под стражу и запереть в каюте!

В тот же день приз был доставлен и сдан адмиралу. Спиридов, благодаря капитанов, вспомнил слова петровские: – Большому делу малый почин сделан!

Захват «Генрикса» (так называлось французское судно) неожиданно обернулся огромным политическим скандалом, несмотря на то, что адмирал после конфискации контрабанды отпустил капитана Журдана вместе с судном на все четыре стороны.

Неприятность с французом неожиданностью не была еще до отплытия эскадры с Балтики. Особое внимание, по мнению Екатерины II, предстояло уделять французским судам. «Поступать относительно нейтральной, особенно французской торговли с крайнею осмотрительностью...» – писала Екатерина II Алексею Орлову. В свою очередь Орлов, понимая всю сложность взаимоотношений с Францией, предложил французской стороне утвердить в Ливорно совместную комиссию для разбора всех спорных вопросов, которые могли бы возникнуть при нечаянном захвате каперами французских судов. Однако французский консул участвовать в работе комиссии не пожелал.

Теперь сразу же замаячили в Архипелаге французские фрегаты, а посол Людовика в Константинополе предложил Порте помощь королевского флота за известные субсидии. Перед эскадрой появилась угроза борьбы на два фронта.

Консул Федор Алексиано доносил с Минорки Алексею Орлову: известие, что Версаль и бурбонские державы намереваются вскоре выслать свои эскадры для нападения, вновь подтверждают!

Теперь все зависело от российских дипломатов. Сумеют или нет они спасти эту почти проигранную партию? И они с блеском выиграли ее! Мусин-Пушкин развернул бурную деятельность в Англии, взывая к союзническому долгу англичан, а Никита Панин через Берлин и Вену вышел на прусского и австрийского послов в Константинополе.

Значительно пополнив состояния за счет русской казны, послы Тугут и Пегелин свое дело сделали – великий визир отклонил предложения Людовика. Сделка не состоялась.

Теперь следовало дать понять Версалю, что Россию подобными демаршами не запугать!

Посол во Франции советник Николай Константинович Хотинский немедленно заявил решительный протест министру иностранных дел Шуазелю.

– Мы полны решимости в точности соблюдать международные правила, согласно договорам и трактатам коммерческим, но требуем, чтобы ваши суда прекратили перевозки оружия к нашему неприятелю, а равно съестные припасы в места, нашим флотом блокируемые. Бели же нет, то мы и впредь будем подобные суда отсылать обратно, а груз конфисковывать!

– Я передам ваши слова его величеству! – зло ответил Дюк Шуазель.

И Версаль отступил... Дело же с задержанием «Генрикса» тянулось еще без малого пятнадцать лет. Франция настойчиво требовала возвращения груза и возмещения всех издержек за счет российской казны. В 1785 году Екатерина II не выдержала:

– Мы ничего не нарушали, и деньги вам платить не за что! Бумаг по делу капитана Журдана более в коллегиях не принимать!

Канонир корабля «Святой Евстафий» Алексей Ившин вместе с другими артиллеристами был отряжен в десант для установки на осадных батареях кугорновых мортирок.

Под Коронном жарко, турки так и сыпали со стен пулями и ядрами. Вдобавок ко всему этому подхватил Леха где-то еще и лихоманку трясучую, спасаясь от которой пил отвар оливкового корня.

Торопясь, осаждающие работали не только ночами, но и днем, под ядрами. Глаз у Алехи острый. Разглядывая как-то неприятельский бастион, обнаружил он слабинку в обороне турецкой, кинул кирку и бегом к начальнику осадному. Подполковник Лецкий, на слово не веря, полез самолично проверить слова матроса. Долго глядел на стены и не приметил ничего.

– Где же ты слабинку-то отыскал, шельмец? – покосился на Леху недоверчиво.

– А вона, ваше скородие, ворота ихние под камень выкрашены, вона она, удача наша!

Пригляделся внимательнее Лецкий, и точно – ворота деревянные! Не имея времени на замену, раскрасили их турки под вал крепостной искусно.

– Знатно! – ухмыльнулся подполковник. – Ежели не знать заранее, ни в жизнь бы не углядел. Как же тебе удалось высмотреть сие? – обернулся он к матросу.

– Да утром по нерадивости басурманской щель была меж воротными половинками, вот я и узрел!

– Ну, спасибо, флотский! Удружил так удружил! – похлопал его по плечу Лецкий. – Теперь главное – с толком фортуной сей распорядиться.

Забывшись, высунул он было из-за камней голову, и сразу завжикали вокруг пули. Покатился кубарем вниз к своим подполковник, а за ним и Леха.

Вечером у костра, ложкой в котелке орудя, рассказывал канонир сотоварищам:

– Летит пуля, жужжит, я вбок – она за мной, я в другой – она за мной, я пузом в куст – она меня в лоб, я цап рукой – ан это жук!

Смеялись матросы, хохотали солдаты, вежливо улыбались не понимающие разговора греки.

Едва нашли в обороне противника уязвимое место, сразу стали готовиться к решительному штурму. Ночами возводили против старых ворот сильную брешбата-рею, накапливали в близлежащих оврагах отряды.

Испортил все дело Федор Орлов. Оглядев ворота, заявил он ни с того ни с сего громогласно: – Назавтра буду в сей фортеции парад чинить!

И велел среди бела дня пушки для приступа открыто готовить, к воротам подтаскивать. Столь явное передвижение, конечно же, не ускользнуло от Сулеймана. Поняв, в чем дело, велел комендант Корона тотчас оббить ветхие ворота листовым железом, а сзади завалить огромными камнями. Удачный случай был упущен.

Теперь оставался один выход – рыть под стену подкоп и заложить пороховую мину.

С кораблей доставили лопаты, заступы, и работа закипела.

В Морею грунт – сплошной камень, поэтому дело продвигалось медленно. Ночами землю скрытно вывозили, а днем, заглушая удары кирок, беспрестанно палили. Пока шла работа, Спиридов решил произвести нападение на Наварин – сильнейшую турецкую крепость на побережье Морей. Кому возглавить Наваринскую экспедицию, решали капитанским советом. Мнение было единодушно – Ивану Абрамовичу Ганнибалу!

Невысокий, но плотно сбитый цейхмейстер, выслушав приказ, вскинул курчавую голову: – Сделаю как должно!

Под команду ему определили «Три Святителя» и «Иануарий», фрегат и три транспорта с десантом. В тот же день отряд покинул Коронский рейд.

Меж тем рытье подземного хода продолжалось. Землекопы, набранные из греков-добровольцев, кротами вгрызались в каменистый грунт, пока галерея не уперлась в

подземную скалу. Перемазанный глиной Лецкий долго щупал непроходимый камень и велел рыть в сторону, а оттуда вести новую галерею. Свечи едва мерцали, от недостатка воздуха люди мучались страшными головными болями, но работа не прекращалась ни на минуту. Наконец настал день 1 апреля 1770 года, когда подкоп был введен под стену.

Дозорные, прижав к земле трубки, слушали, не замышляют ли чего турки. И верно, откуда-то сверху доносился подозрительный стук. Это, заподозрив неладное, велел Сулейман рыть вокруг крепости колодцы. Землекопы тотчас покинул подкоп, а трое из них поползли к стене узнать, что к чему. Работавшего в колодце турка они застрелили, а сами под градом пуль вернулись назад.

– Палить из пушек всею силой! – распорядился Лецкий, пытаясь воспрепятствовать турецким контрдействиям. Но было поздно, осажденные подорвали галерею...

Теперь приходилось начинать сызнова, благо галерея была разрушена лишь наполовину. А тут и радостная весть – отряд цейхмейстера Ганнибала взял Наварин.

Русский флот наконец-то обрел удобную гавань. Дух осаждающих был как никогда высок, люди рвались на приступ. В Короне, наоборот, царило уныние, у турок кончались порох и вода. Спиридов отдал ордер готовиться к решающему приступу.

Однако прибывший 14 апреля из Ливорно Алексей Орлов распорядился иначе. Он велел прекратить осаду и уходить в Наварин.

С сожалением покидали войска осадный лагерь. Вслед им торжествующе кричали турки. Настоящая война еще только начиналась...

Сообщения с театра военных действий за февраль – май 1770 года:

4 февраля. Имея целью захват Журжи, отряд генерал-поручика Штофельна при подходе к крепости был атакован многочисленной турецкой конницей, которая была отбита, а затем и обращена в бегство. Одновременно была отбита и неприятельская пехота, вышедшая навстречу русскому отряду из крепости. Несмотря на сильную канонаду, Московский пехотный полк под командой подполковника Петерсона смело атаковал передовой бастион. Перейдя ров, солдаты начали взбираться на вал, который был так высок и крут, что они принуждены были втыкать в вал штыки и на них подниматься. Овладев бастионом, московцы захватили восемь пушек. Сбитые с валов турки засели в домах и на улицах города, но вскоре были выбиты и оттуда, бежав в замок, укрытый на острове посреди Дуная.

Не имея возможности овладеть замком и испытывая недостаток в фураже, генерал-поручик Штофельн отошел к Бухаресту. Турки потеряли за время сражения более трех тысяч человек убитыми. В плен захвачено 20 пушек, 9 знамен и 276 пленных. Наши потери – 77 убитых и 294 раненых.

13 апреля. Отряд майора Зорича, находясь в поиске, напал на большой турецкий обоз и захватил его. Попытка трехтысячного отряда татар отбить обоз не удалась. Отбив все атаки, Зорич сумел вывести обоз. В плен захвачено большое количество пороха и съестных припасов, три тысячи лошадей и коров, 180 пленных. Освобождено 300 христианских семей. Убито более тысячи татар. Наши потери – 16 убитых.

23 апреля. В день Святого Георгия Первая армия под командованием генерала Румянцева выступила из зимних квартир к Хотину.

25 мая. Первая армия вышла из Хотина. Движению мешал необыкновенно сильный разлив рек. Войско беспокоила чума. Сообщения из Польши:

8 апреля 1770 года. Командир Люблинского отряда бригадир Александр Суворов с двумя сотнями солдат, сотней кавалерии и двумя единорогами, идя по следу тысячного конного отряда конфедератов под началом полковника Мощинского, настиг его у деревни Новолице и решительно атаковал. Ожесточенное сражение длилось более двух часов. Неприятель был обращен в совершенное бегство, в плен захвачены все пушки, обоз и знамя.

Глава третья

Вы в прах надменно мысль срацинов обратили,

*За дерзость их, за злость, за греков отомстили,
В Морее страждущи утешили сердца,
Достойны, Россы, вы лаврового венца!*
М. М. Херасков

20 февраля 1770 года в четыре часа утра на центральной площади Виттуло барабаны пробили вместо зори генеральный марш, и греческие повстанцы выступили в поход. Князь Долгорукий повел свой легион на Месенею, капитан же Барков повернул на Спарту. С восточным легионом покинул родной город и Дементарий Константинов.

Григорий Барков – офицер неприметный. Роста малого, худ и визглив, треугольная шляпа то и дело сползает на нос. Казалось, что кто-то ради смеха обрядил недоросля в офицерское платье. Однако репутацию капитан имел самую боевую. Раны, полученные при Гросс-Егерсдорфе, Кунерсдорфе и под Берлином, говорили сами за себя, а до перевода в Кексгольмский полк был Барков одним из лучших ротных командиров в Суздальском полку полковника Суворова.

Хорошие дороги скоро закончились, и легионеры с трудом пробирались через колючие заросли маквиса. С горных троп падали камни. Впереди до горизонта громоздились бесчисленные хребты.

На третьи сутки восточный легион достиг наконец маленькой деревушки Пассаве. Здесь было решено стать на дневку, и Барков распорядился кампироваться – разбивать лагерь. Неразговорчивые маниотские женщины в черных юбках и безрукавках угощали усталых повстанцев козьим молоком. Сам Барков с Дементарием Константиновым и известным корсаром Псаро опрашивал местных жителей о турецкой силе.

А с гор спускались все новые и новые отряды. Только за сутки стоянки к легиону присоединились семь маниотских и греческих капитанов со своими людьми.

Внизу в долине, преграждая путь легиону, располагался хорошо укрепленный Бердонский замок, обойти который не представлялось никакой возможности. Оглядев поле предстоящего боя, велел Барков своим отрядам спускаться в долину. Испуганно ржали кони, люди то и дело срывались в пропасть. А внизу на зеленой равнине их уже поджидали турецкие войска.

– Ура! – Барков выхватил шпагу и первым бросился на врага.

Следом, перепрыгивая через камни, с боевым кличем «зито!» бежали легионеры. Не выдержав стремительного удара, турки бросились врассыпную. Часть их укрылась в замке, другие спаслись бегством до самой Мизитры. Их преследовала конная полусотня капитана Занети.

Окружив Бердонский замок, легионеры взяли его в осаду. На третий день турки отворили ворота и сдались на милость победителей. Дав сутки на отдых своим легионерам, Барков выступил на Мизитру.

Мизитра – не что иное, как древняя Спарта, сильнейшая крепость горного Пелопоннеса. Когда-то спартанцы с гордостью заявляли, что их столице не нужны стены, лучшая ее защита – это доблесть гоплитов. Спустя века, не очень-то доверяя своим янычарам, турецкие наместники обнесли город высочайшими стенами.

У Мизитры располагался трехтысячный турецкий карательный корпус, прибывший для подавления восстания с Дуная. Противники встали друг против друга на расстоянии ружейного выстрела.

– Поручик! – подозвал Барков храброго Псаро. – Деплояда наша будет следующая: ты с полутысячью лучших воинов обойдешь турок и ударишь им в спину, я же с остальными буду тем временем ломить с фронта.

– Понял, капитан! – широко улыбнулся Псаро. – Считаю, что я уже там. До встречи!

Намного раньше назначенного времени Псаро ударил в тыл неприятеля. Одетый в ярко-красную куртку, расшитую черным шнуром, и зеленые шаровары, он был виден

издалека, попевал везде! Рядом с Псаро неотступно следовали шесть солдат-кексгольмцев, наводивших ужас на турок.

Избываемые со всех сторон, каратели бежали под защиту мизитрийских стен. Началась еще одна осада. В первый же день по совету местных горцев Барков велел перекопать городской водопровод. Семь дней жестоко страдали от жажды турки, а на восьмой день сдались.

– Славная виктория! – радовался малорослый капитан. – Пленных напоить и отдых дать!

Спустя неделю после отправки легионов Спиридов принял решение подкрепить их армейской артиллерией, которая пока мертвым грузом лежала в трюмах. Флаг-капитан Плещеев в два дня сформировал две батареи и отправил их в Леонтари на соединение с легионами. А потому как армейских артиллеристов от болезни в строю осталось немного, подкрепил он их флотскими.

В восточную батарею, предназначенную для легиона Баркова, попал с «Трех Святителей» и Васька Никонов. На флоте все решается скоро: раз-раз – и вперед. Даже с девкой-гречанкой попрощаться Васька не успел. Неудобно вышло как-то, будто сбежал. Удастся ли когда еще свидеться?

Шли скоро, надрываясь, тащили пушки по козьим тропам. Короткая дневка в какой-нибудь горной деревушке – и снова вперед. В пути приставали вооруженные греки, и скоро батарея обросла целым отрядом. Теперь шли уже открыто, не боясь турок, а те, в свою очередь, едва завидев пушки, отходили прочь.

– И что за страна такая, – чертыхались матросы, – хоть бы дубравка али лесок какой, сплошь кручи! А басурманы, все одно, на чужую землю зарятся.

В Леонтари наконец получили батарейцы роздых. Деревушка лежала в живописной долине, цвели сады, весело журчал по камешкам ручеек... Не место, а рай земной. Скоро и легионы подошли – вначале западный, а затем и восточный.

Почти полмесяца потерял под Мизитрой Барков, пытаясь создать из вольных маниотских ватаг подобие регулярного войска. Не получилось! Упущено было и время для быстрого захвата центральных областей Морей. Ждать более было нельзя, и, оставив сильный гарнизон в Мизитре, Барков двинулся к небольшой деревушке Леонтари, где встретился с Долгоруким.

Боевые действия у князя Петра тем временем протекали тоже успешно. Нанеся туркам сокрушительное поражение под деревней Каламента и взяв до двух тысяч пленных, он приводил теперь свои войска в порядок, готовясь к новым боям.

Там же, в Леонтари, ждал Ивана Баркова и приятный сюрприз – посланные адмиралом Спиридовым два десятка солдат и столько же матросов-артиллеристов с двумя пушками.

Ряды повстанцев все пополнялись. Скоро восточный легион насчитывал уже более восьми тысяч воинов.

Из Леонтари Барков выступил на Триполицу. Был апрель, и вовсю цвели оливки.

Морея пылала огнем восстаний, и почерневший от тревог турецкий наместник Муссин-заде метался со своими янычарами из конца в конец полуострова, тщетно пытаясь затушить разгоревшийся пожар.

После двадцатидневной осады пал перед греками сильно укрепленный город-крепость Патрос. На Коринфском перешейке македонцы, наголову разгромив турок, прорвались в Морею на помощь повстанцам.

Двенадцатитысячное греческое войско под началом вождей Метаксы и Макрозанте разгромило сорокатысячную армию наместника, заманив ее в тесное ущелье. Одна за другой пали крепости Гостуна и Арта.

Русские захватили Витулло, Наварин, осадили Корон. Их легионы брали один город за другим, заняли большую часть полуострова, а флот стал хозяином в прибрежных водах.

Не находя иного выхода, Муссин-заде засыпал дорогими подарками албанских и дульцинистских разбойников, слезно молил султана о незамедлительной помощи. С Дуная

подходили к нему все новые и новые войска. К Триполице спешили сорок тысяч отборнейших воинов Дунайской армии, отозванных по приказу султана с главного фронта. Впереди, во главе со своими капитанами и чербаджи – раздатчиками супа, двигались еничеры-секбаны, а за ними – лучшие отряды столичного гарнизона. В облаках пыли тянулась многочисленная конница – тимарлы-сипахи. Помимо регулярных отрядов «рабов августейшего Порога» – капукулу – собирал наместник по всей Морей и турецкое ополчение.

Муссин-заде скапливал силы для решающих боев за обладание Мореей. Морским разбойникам-дульциниотам турецкий наместник велел опустошать прибрежные селения, алчных наемников-албанцев бросил он на захваченный восставшими греками город Миссолунги.

Не в силах защищать свой родной город, погрузились греки со всем скарбом на стоявшие в порту фелюки, но уплыть не успели. В гавань ворвались на быстроходных барках дульциниоты, бросились на беззащитные суда, но просчитались. Дружными залпами немногих пушек и ружей горожане отбили нападение. Не растерявшись, построили фелюки полукругом и приняли неравный бой! Целую неделю длилось сражение, и дульциниоты отступили. В бухте плавали распухшие трупы, на спинах мертвецов мерно качались чайки...

Греческие фелюки уплывали на Архипелагские острова. А дульциниоты уже высадились под Патрасом. Была Страстная пятница, а разбойники, ворвавшись в город, убивали людей прямо в церквах...

Обманом была захвачена дульциниотами и Анжелика. Нарушив данное обещание, албанцы вырезали поголовно всех ее жителей.

Венеция, встревоженная выступлениями греков, распространившись на ее владения, принялась давить повстанцев своим войском.

Тем временем Муссин-заде стоял у Трипольцы, поджидая греческие легионы. Для поднятия духа по турецкому лагерю водили беглецов из-под Бердона и Мизитры. Рассказы о восстании будоражили воинственных гвардейцев султана.

– Грязные шакалы! – кричали они в исступлении. – Мы не успокоимся, пока не намотаем их кишки на свои ятаганы!

А легионы Баркова уже подходили к Триполице. Не желая кровопролития, передал капитан наместнику предложение о капитуляции на почетных условиях. Муссин-заде ответил презрительным молчанием.

– Упрямый паша! – опечалился Барков. – Придет ся биться!

Развернувшись в боевые порядки, легион двинулся на приступ крепости. Но не успел проложить и половины расстояния, как из распахнутых настежь ворот повалили тысячи турок.

– Победа! – радостно закричал храбрый Псаро. – Я поскачу, чтобы притащить проклятого Муссина за его облезлую бороду!

Обрадованные легионеры самовольно разбрелись во все стороны.

«Неужто коварный Муссин так легко дал себя одолеть?» – засомневался Барков, видя, что турки не собираются расставаться с оружием.

Попытался он было образумить повстанцев, но было поздно, легионеры не слушали своего капитана. Грянули первые выстрелы. Обливаясь кровью, помчался назад Псаро:

– Братья, к оружию! Османы вышли биться! Позади тяжело бежали янычары. Муссин-заде и не думал сдаваться: наоборот, стремительно атаковал.

– Самое главное – отрезать москвитов от остального сброда! – наставлял он своих сераскиров.

В считанные минуты турки разметали повстанцев и с яростью принялись истреблять разбегавшихся маниотов. Восточного легиона больше не существовало...

Янычары рубили головы жертвам, скидывая их в огромную кучу. Русские остались одни.

– Скорее строить карею! – скомандовал нерастерявшийся Барков.

Рядом с капитаном отбивался от наседавших турок Дементарий Константинов. Кексгольмцы и матросы, сомкнув ряды, ошетинились штыками. Их было всего пятьдесят семь против шести тысяч лучших воинов султана, но сдаваться они не собирались.

– Не запятнаем славы российской! Умрем с честью! – Барков взмахнул шпагой. – Залп!

Турки стремительно отхлынули. Сидевший в тени миртовых деревьев наместник был удивлен: – Растопчите безумцев!

И вновь толпа янычар, подбадривая себя криками, устремилась вперед. Залп, слабое, но дружное «ура» – и турки бежали вновь. Муссин-заде неистовствовал:

– У презренных гяуров помутился разум, они не хотят умирать! Но Аллах уже предопределил их судьбы!

Не приближаясь больше к каре, прячась за кустами и камнями, турки принялись расстреливать русских солдат на выбор. Каменные пули разили насмерть. Заслонив грудью русского капитана, упал тяжело раненный Дементарий Константинов.

Падали один за другим солдаты и матросы. Барков окинул взглядом поле боя.

– Имеется ли картечь? – окликнул матросов-артиллеристов.

– Есть малость! – ответил за всех Васька Никонов, загоня пыж в канал ствола. – Так палите туда, где гуще!

Развернув обе пушки, пошли матросы поливать неприятеля ближним дрейфгалем – вязаной картечью. Турки попрятались. Расстреляв последние заряды, артиллеристы заклепали стволы и, скинув орудия в глубокий овраг, встали в общий строй.

– Вперед! Только вперед! – вел своих героев маленький капитан.

Происходило невероятное – крошечное каре наступало! Муссин-заде в ярости рвал бороду! – О, Аллах! Дай мне силы, чтобы задушить эту гадюку!

Куда бы ни двигалось каре, везде турки откатывались, расширяя кольцо. Со стороны казалось, будто русские беспорядочно мечутся по долине. На самом же деле Барков рвался к узкому проходу в скалах, видя там свое спасение. А в живых оставалось все меньше и меньше...

До прохода было рукой подать, а янычары добивали последних...

В наступившей темноте спаслись немногие. Из кексгольмцев уцелели лишь сержант с двумя солдатами, вынесшие на плаще тяжело раненного Баркова и знамя легиона. Поручик Псаро, отлежавшись до ночи в овраге, пробрался в Мизитру, где возглавил оборону города от турок. Кроме них ушел в горы и один из матросов-артиллеристов с раненым греком на плечах.

Несколько суток кряду нес истекающего кровью Константинова Васька по горным кручам. Идти старался осторожно, обходя многочисленные турецкие дозоры, расставленные по всем дорогам. Укрывал его ночами от стужи, днем от палящего солнца. Дементарий от слабости не мог вымолвить ни слова, лишь иногда приглушенно стонал. Переходя ручьи, поил его Васька как ребенка, а потом, взвалив на спину, тащил дальше, туда, где шумело прибоем такое далекое, но такое родное теперь для него море. Чтобы не попасться басурманам, старался Васька идти ночью, днем же отсиживался с раненым в какой-нибудь каменной гряде. Однажды все-таки нарвался на янычар. Благо тех лишь двое было. И откуда только сила взялась у измученного матроса! Расшвырял штыком врагов, взвалил на плечи умирающего товарища – и скорее дальше в горы, пока турки не хватились пропавших.

На шестые сутки у Константинова пошла горлом кровь. Долго и мучительно прощался с жизнью греческий легионер. Лишь перед самой смертью разлепил он искусанные губы: – Счастлив я, умираю на земле родной!

Схоронил товарища Васька на вершине холма. Помянул последним глотком вина из фляги. Огляделся: далеко во все стороны до самого горизонта громоздились синеватые горы, меж ними яркими лентами зеленели долины. Смахнул матрос слезу набежавшую:

– Эх, имя и отчество спросить позабыл. Пусть земля тебе будет пухом, грек неизвестный!

Закинув фузею за спину и с трудом переставляя разбитые в кровь ноги, пошел на юг.

Уже в мае подобрал маниотский дозор на одной из троп обессиленного человека. В жалких лохмотьях, но с ружьем в руках. Когда доставили к старшему, страдалец прошептал: – Матрос я с корабля «Евстафий». Дайте воды!

Судьба западного легиона была более счастливой. Долгорукий держал под своим контролем всю Аркадию, пока не получил приказ пробиться на помощь осажденному турками Наварину. Через несколько дней войска повстанцев уже вступали в город, значительно пополнив ряды его защитников.

В память о подвигах офицеров и солдат повстанческих легионов Екатерина II велела поставить в Царскосельском саду колонну с надписью: «Капитан Барков со спартанским восточным легионом взял Пассаву, Бердони и Спарту; капитан же князь Петр Долгорукий со спартанским западным легионом покорил Каламату, Леонтари и Аркадию; крепость Наваринская сдалась бригадире Аннибалу; войск российских было числом шестьсот человек, кои не спрашивали, многочислен ли неприятель, но где он...»

Предстояло генеральное сражение за обладание Пелопоннесом. Все решалось теперь под стенами Наварина. Выстоит крепость – и восстание вспыхнет по всей Морее с новой силой, падет – и оно будет потоплено в крови...

Глава четвертая

*И был отец он Ганнибала,
Пред кем, средь чесменских пучин,
Громада кораблей вспылала
И пал впервые Наварин...*
А. С. Пушкин

Дмитрий Ильин попал в Наваринскую экспедицию Ганнибала случайно. Уже перед самым отплытием от Корона попросил цейхмейстер Спиридова выделить ему одного-двух корабельных офицеров для командования осадными батареями. Выбор адмирала пал на Ильина. Причина выбора была проста: «Гром» находился еще без боезапаса (он был на отставшем от эскадры «Святославе»), и поэтому командир мортирной батареи оказался как бы не у дел. Вместе с Ильиным направился к Наварину и бывший капитан пинка «Лапоминк».

Наконец-то встретившись, друзья получили возможность наговориться вдоволь...

Ганнибал определил Ильина для начальствования над будущей западной батареей, Извекова – над восточной. Каждому дал по две двадцатичетырехфунтовые пушки и по три десятка матросов.

Наварин – турецкая крепость на греческой земле, место русской славы. Дважды озарялась Наваринская бухта громом побед российского флота. И год 1770-й так же священ в нашей памяти, как и год 1827-й*. Иван Ганнибал разъяснял офицерам:

– В знаменитых местах воюем. У эллинов древних стоял здесь некогда славный город Пилос, а на Сфактерии-острове, что в бухте расположен, афиняне наголову разбили воинственных спартанцев. Нам же предстоит здесь подвиги новые. Но запомните: Наварин – орешек крепкий!

Оставив корабли поодаль от берега, цейхмейстер на шлюпке провел рекогносцировку крепости.

Наваринская бухта просторная, по окружности добрый десяток миль. Посреди бухты острова: Сфактерии и Кулонески. Вокруг лесистые горы. Сама крепость за отвесной скалой.

Свежий ветер трепал плюмаж на шляпе цейхмейстера. Увлечшись, Ганнибал почти вплотную подошел к неприятельским бастионам. Необычная фигура в белом мундире привлекла внимание турок, и те открыли пальбу. Пришлось уходить что есть силы на веслах.

По сигналу с «Трех Святителей» корабли вошли в бухту и с ходу приступили к высадке десанта. Тяжело выгребая в пене прибоя, устремились к берегу шлюпки. Считанные секунды

– и солдаты попеременно с повстанцами уже выпрыгивали на скользкие прибрежные валуны.

– Ружья берегите! – кричали капралы.

В последнюю очередь свозили баркасами орудия, ядра и порох.

Робкая попытка турок остановить десант провалилась. Не выдержав штыкового удара, они ретировались в крепость. Барабаны били бой крепкий и скорый. Впереди атакующих бежал сам Ганнибал:

– Пали по палисадам! Пуля виноватого найдет! Виват Екатерина!

Русский десант дерзок, но мал. Поняли это турки, да поздно! Возводились уже всюду вокруг крепости осадные батареи, устанавливались на лафеты свезенные с кораблей пушки. К вечеру спустились с гор многочисленные и шумные ватаги маниотские. Вся ночь прошла в лихорадочном строительстве укреплений. А когда первые лучи солнца скользнули кровавыми бликами по глади бухты, Ганнибал поднял на «Трех Святителях» сигнал: «Начать бомбардировку!».

Разом ударили корабельные орудия, выплюнув с клубами дыма первую порцию ядер. Вторя им, заговорили береговые батареи Ильина и Извекова. Турки ответили без промедления. Осада Наварина началась.

Маниотские отряды, прикрывавшие русские батареи, несли от турецкой стрельбы большие потери, но позиций своих не покидали. Вечерами из окрестных селений приходили матери и жены погибших, молча заворачивали тела в покрывала и, погрузив на ишаков, так же молча увозили...

Бомбардировка длилась без перерыва уже пятый день, наконец неприятельский огонь стал ослабевать. Осаждающие воспрянули духом: турки начали выдыхаться! А вскоре доставили на позиции и ордер Ганнибала – готовиться к штурму!

Лежа за большим, поросшим травой камнем, Ильин разглядывал в медную зрительную трубу крепость. Турки предприняли очередную вылазку. На этот раз они атаковали восточную батарею Извекова. Однако едва маниоты бросились на помощь извековцам – вторая партия турок так же стремительно атаковала пушки Ильина.

– Пали! – крикнул лейтенант, когда до неприятеля оставалось несколько десятков шагов.

Пущенная в упор картечь уложила на камни первые ряды атакующих. Остальные сразу же смешались и бросились вспять.

– Еще разок отбили, – утирали пот матросы. – Теперича жди гостей ночью!

По ночам со стен по веревочным лестницам спускались в поисках добычи алчные янычары. Через поросшие кустарником лощины ползли к русскому лагерю. При свете костров вспыхивали еженощно короткие, но яростные рукопашные схватки.

С рассветом 11 апреля маниотские отряды начали скапливаться в ближайших к крепости оврагах. Артиллеристы усилили огонь. Над Наварином медленно поднимался дым пожаров.

Штурм цейхмейстер Ганнибал назначил на два часа пополудни, однако ровно в полдень над цитаделью взвился белый флаг. Комендант крепости решил не испытывать более судьбу и сдался на милость победителя.

– Слава Богу, – вытер лицо грязным платком Ильин, – разгрызли-таки орех наваринский!

– Виктория полная! – радовался, сверкая глазами, Ганнибал. – Слава российская затмила славу эллинскую!

Победители вступали в город, печатая шаг. Цейхмейстер в рыжих от пыли ботфортах принимал капитуляцию гарнизона. Под ноги ему летели украшенные полумесяцами и конскими хвостами знамена и бунчуки. Поодаль, понутив головы, теснились бородастые сераскиры. Победителям достался огромный наваринский арсенал и более пяти десятков чугунных пушек. К пороховым погребам встали караулы, на городскую площадь – сильный гауптвахт, а у крепостных ворот и магазинов – пикеты. С пленными поступили милосердно: их отпустили под честное слово. Сразу же, не теряя времени, принялся Ганнибал чинить

разбитые огнем стены, определил в морской дозор шлюпки и малые суда под началом капитан-лейтенанта Извекова. Дмитрий Ильин был определен им в командование крепостной артиллерией.

Спустя неделю прибыл в Наварин на корабле из Ливорно граф Алексей Орлов. Съехавши на берег, поздравил он Ганнибала с одержанной победой.

– Отныне ты – комендант сей цитадели! – заявил важно.

– Служу Отечеству! – был скромный ответ сына арапа Петра Великого.

Деятельность свою в Наварине Орлов начал с того, что велел переделать городскую мечеть в церковь Святой великомученицы Екатерины, о чем немедленно отписал в Санкт-Петербург.

Из письма Алексея Орлова императрице Екатерине: «Сначала никто не хотел верить, что мы дошли до сего места, а еще, чтобы атаковали нашего неприятеля. Все думали: пошатавшись-де по морю и ничего не сделав, назад воротятся. Узнали теперь свою ошибку. Открыли глаза, не знают, что думать и что делать, с удивления окаменели. Все оборотились, что предпринимают, неизвестно».

А через несколько дней прибыли и корабли адмирала Спиридова. Шумно стало на узких наваринских улочках. Здесь кексгольмцы стояли, там морские артиллеристы квартировали, дальше пестрый и шумный лагерь воинственных горцев. Определенные в десант матросы расходились по своим кораблям. Дмитрий Ильин, сдав по счету крепостные пушки армейскому офицеру, вернулся на «Гром», а Евграф Извеков получил назначение старшим офицером на корабль «Три Святителя».

Произошла-таки давно ожидаемая всеми на эскадре встреча Орлова и Спиридова, которая должна была положить конец существовавшему двоевластию в экспедиции. О чем шла речь между графом и адмиралом, доподлинной неизвестно, однако можно предположить, что были там взаимная резкость, упреки и обвинения. Мира между Орловым и Спиридовым не было и не будет никогда! Оба были умны и решительны, но своенравны и обидчивы. Каждый не без основания считал себя наиболее способным к единоличному командованию. Но Алексей Орлов являлся ко всему прочему братом всесильного фаворита, а Спиридов всего лишь корабельным адмиралом. И в силу высочайшего указа Спиридов подчинился Орлову, однако нанесенной обиды не простил. Не остался в долгу и Орлов. Некоторое время оба они будут прощать какие-то слабости друг другу. Но так будет недолго. Придет время, и Алексей Орлов приберет себе вся славу будущих побед, а со своим соперником расправится безжалостно. Однако все это еще впереди...

В бывшем губернаторском доме собрался военный совет. Русские военачальники решали, что делать дальше.

Алексей Орлов ратовал за организацию экспедиции для овладения лежащей неподалеку крепостью Мод он. Против этого плана резко выступил Спиридов. Аргументы адмирал приводил веские:

– Для чего вновь огород городить? Зачем уходили от Корона, когда сия фортеция была уже к полной сдаче склонна? Лишь затем, чтоб теперь опять идти воевать Модон? Не тем занимаемся, мы, граф Алексей Григорьевич, не тем! Следует нынче нам не грады отдельные измором брать, а, помогая племенам майнотским, делать наирешительное нападение флотом на морскую силу турецкую!

Но адмиральские доводы и слушать не захотели. Алексей Орлов, ярясь, кричал в лицо Спиридову злобно:

– Ты б за командами своими догляд имел получше, а как на сухопутье воевать, и без тебя разберемся!

Под нажимом главнокомандующего решено было все же Модонскую крепость осаждать. Во главе экспедиции был определен генерал-майор князь Юрий Долгорукий. Спиридов подписывать протокол заседания отказался наотрез. – Сие есть авантюра! – заявил он, уходя.

За окном особняка сбежавшего паши били вечернюю зорю барабаны. Воздух был напоен ароматом расцветающего аргонидского жасмина. На душе у адмирала было тяжело, в успех модонской затеи он не верил.

К Модону выступило до пятисот солдат и матросов, сотня албанцев и более восьмисот маниотов. С моря их должен был поддерживать корабельный отряд под началом бригадира Грейга.

Войска пробирались к Модону горными тропами. Орудийные стволы тащили волоком на сбитых дубовых салазках. Намаялись страшно!

20 апреля Долгорукий подошел к стенам неприступной крепости. Сразу же началось строительство батарей и устройство осадного лагеря. В первую ночь удалось установить пять пушек. Укрепляться на каменистом грунте – дело не из легких. Землю копали далеко в лощине и таскали в мешках, насыпая брустверы. Сверху укладывали вязанные из шелкового дерева фашины. Грейг высадил с кораблей десант на небольшой, расположенный напротив крепости, островок и поставил на нем батарею.

Укрепившись, русские войска приступили к бомбардировке Модона. Турки огрызались зло, но палили неприцельно, наудачу. За несколько дней они добились лишь одного попадания, но какого! Шальное ядро попало в груды сложенных подле пушки зарядов. Взрыв – и не стало сразу семнадцати человек, даже тел не нашли... А скоро еще несчастье – от быстрой стрельбы разорвался орудийный ствол, погубив и перекалечив до двух десятков человек. Однако артиллеристы присутствия духа не теряли – война есть война.

Непрерывная бомбардировка крепости свое дело сделала: в стенах были пробиты огромные бреши и сбито более половины неприятельских пушек.

Князь Долгорукий, прячась от солнца в двойной офицерской палатке, сочинял диспозицию на штурм, когда со сторожевых постов ему сообщили тревожную весть о приближении турецких войск. То были три тысячи отборных янычар константинопольского гарнизона. Во главе войска находился сам морейский наместник Муссин-заде – лучший из полководцев Высокой Порты.

Спустя неполный час янычарские байраки, оглашая округу воинственными криками, взошли на ближайшие холмы. Там они разделились на три отряда. – Ля-иль-алла! – несло со всех сторон.

Положение русско-греческих войск сразу стало тяжелым. Турки одновременно атаковали лагерь и форш-тадт, прорывались к крепости. Все это случилось настолько быстро, что Долгорукий не успел ничего предпринять. Осаждающие были застигнуты врасплох. Теперь все зависело только от мужества солдат и офицеров. Сумеют ли они сдержать первый страшный натиск? Успеют ли изготовиться к бою? И они выдержали!

Солдаты и повстанцы без всяких команд строились в шеренги.

– Оправляй замки и кремни! Готовь к стрельбе! – командовали на бегу сержанты и капралы, поучая остальных. – Ежели пеший, бей в полчеловека, а коли конный наскочит, лупи евойного коня в грудь да добивай самого! Из шеренг кричали задорно: – Погоди, басурман, дай штык наточить!

Было два часа пополудни. Палило солнце. Русские артиллеристы, не растерявшись, развернули пушки и ударили картечью. Турки набегали густо, и круглые русские пули быстро находили себе жертву. Помогая артиллеристам, открыла ружейный огонь пехота, паля плутонгами, как на учениях. Оставив на камнях до сотни убитых, янычары бежали. Муссин-заде, размахивая ятаганом, носился среди бегущих, давил их конем: – Остановитесь, жалкие трусы!

Из рот и батарей Долгорукому сыпались бойкие доклады: – Потерь не имеем! – Побитых нет, лишь трое нешибко ранены! – Убиенных и пораненных не имеем!

Взяв командование в свои руки, Долгорукий послал часть войск к форштадту, где продолжался жестокий бой. Но помощь опоздала, янычары уже ворвались в предместье, захватив незаконченную постройкой мортирную батарею. Оттуда они устремились к главной осадной батарее. Главная отбивалась пушечным огнем. Оглохший от выстрелов поручик –

командир батареи – ободрял своих немногочисленных солдат: – Смелого пуля боится! Заряжай веселее!

Две бешеные атаки отбили батарейцы, третью отбивать было уже некому...

Разглядевши янычарские бунчуки над бруствером мортирной батареи, Долгорукий призвал к себе кексгольмского поручика Глотова: – Умри, но турок выбей!

Наскоро собрав вокруг себя небольшую команду, тот повел ее в штыки. Шли весело. – А ну-ка поразвернись!

Поручик Гловот приказ исполнил в точности: пал, но батарею отбил. Выбив турок из шанцев, солдаты заняли круговую оборону. За старшего какой-то капрал. Обозленные неудачей, турки лезли на приступ как ошалелые... Сераскиры ободряли атакующих:

– Гяуры стойки, но, хвала Аллаху, и янычары султана не навоз,!

Кексгольмцы держались, пока оставалась сила в руках да пули в лядунках. Последние оставшиеся в живых подожгли зарядный погреб и штыками пробились к своим.

Не упустив случая, ударил по осаждающим и гарнизон крепости.

– Ваше сиятельство, модонский сераскир контрвалацию против нас производит! – доложили Долгорукому.

На пресечение вылазки гарнизона был брошен последний резерв – две сотни маниотов, которых Долгорукий берег на самый крайний случай. Горцы дрались храбро, но устоять не смогли и были рассеяны. Тогда, собрав остаток своих войск в единый кулак, Долгорукий повел их на прорыв к кораблям. – На руку, в штыки! Коли, ребята!

В арьергарде, сдерживая наседавших турок, отходили матросы. Умирая, кричали они в лицо врагам:

– Ну, басурман треклятый, коли мало штыка, дадим приклада!

За главного у них Федор Козловский. Когда-то белая, батистовая рубаша бурела от крови, лицо в саже и копоти. Глянул Козловский вперед – до моря уже рукой подать, глянул назад – янычары скопом набегают.

– Братцы-матросы! – окликнул он шедших рядом. – Поколимся штыками, отбросим басурманина!

Ему не ответили, людей шатало от усталости. Лишь остановились да повернулись лицом к неприятелю: – Ну, кто на нас, гололобые!

И ударили, да так, что отбросили турок почти на добрую милю. И – скорее из последних сил за своими. Долгорукого Козловский сыскал на берегу, тот распорядился погрузкой раненых. Тяжело дыша от бега, поручик доложился:

– За нами боле никого! Побитых вынесли всех! Прорыв к морю дался нелегко. Особенно кровопролитной была схватка у форштадта, где, засевши в домах, янычары расстреливали на выбор прорывающихся. Обойти форштадт никак нельзя, а сзади уже напирала гвардейцы Муссин-заде...

– Выбить турецкую сволочь во что бы то ни стало! – велел Долгорукий артиллерийскому майору Внукову. – Тогда прощай, князь! – усмехнулся тот мрачно. – Прощай, майор, авось на том свете свидимся! Собрал подле себя солдат Внуков:

– На смерть пойдем, ребяташки, чтобы другие жили. Кто страх имеет – уйди от позора!

За майором пошли все. Предместье брали в рост, неторопливым шагом. Майор пал под окнами первого дома, но форштадт отбили.

Теперь перед прорывающимися было только море. Первыми шлюпками забрали раненых, а потом всех остальных. Покидая рейд, корабли дали напоследок полновесный залп.

– Еще посчитаемся, мы долгов не держим! – грозили кулаками в сторону берега солдаты и матросы.

Потери отряда Долгорукого составили двести человек убитыми и триста ранеными. Турки потеряли около двух тысяч янычар.

Всю вину за модонское поражение Алексей Орлов свалил на... греков! Об этом он сразу же известил Екатерину II. Та отвечала раздраженно: «Морейская экспедиция не

соответствует своим следствиям, мужественно от вас предпринятому ей отверстию, по причине сродной грекам трусости, легкомыслия и предательства, кои особливо под Модоном толико пакости причинили».

Звезда Алексея Орлова была по-прежнему в зените. Виновники модонской неудачи были найдены.

Отныне до самых последних дней своего пребывания на Средиземном море граф будет обвинять во всех своих неудачах греческих повстанцев. Что ж, так, наверно, ему было удобней!

Тем временем, находясь с флотом в Наварине, Спиридов с утра до вечера играл учения, изматывая людей до последней возможности.

– Жалеть никого не буду! – заявлял он капитанам. – Тут истина проста – больше пота, меньше крови!

Адмирала уже волновали Дарданелльские теснины. По его тайному ордеру Ламбро Качиони произвел необходимую разведку и собрал все нужные сведения по Дарданеллам. Вскоре, стоя перед Спиридовым, он отчитывался о добытых сведениях:

– По всему Геллеспонту имеются три фортеции старые. Пушки в них величины огромной, но все происхождения древнего, забиты в деревянные колоды, а то и вовсе в стены замурованы, отчего большое неудобство при пальбе имеют. Множество пушек вообще негодных. В передовой же фортеции при входе в пролив действует лишь одна кулеврина огромного размера в шестьдесят фунтов, стреляющая глыбами мраморными. – Насколько же сами фортеции крепки?

– Стены весьма ветхи, и диздары – начальники гарнизонные – боятся, что при первых выстрелах они рухнут. Главный же дарданелльский начальник, Молдаванчжи-паша, велел как можно скорее красить стены в белый цвет, чтобы издали казались они исправными.

Спиридов, разложив перед собой дарданелльскую карту, слушал корсара и морщил лоб.

– А каково движение вод в теснинах сих? – поинтересовался он чуть погодя. Качиони, казалось, только и ждал этого вопроса:

– Летом дует крепкий северный ветер и препятствует морскому ходу из Архипелага, но с первых дней осени он уступает место ветру южному, и тогда запирается корабельный ход из моря Черного.

Адмирал, что-то решая для себя, тщательно замерил на карте медным циркулем отстояние крепостей друг от Друга.

– А каковы твердыни басурманские в самом Константинополе имеются? – спросил, когда циркульная ножка уперлась в рисунок турецкой столицы.

– В самом Константинополе все заброшено и поросло травой, отчего крепости городские ветхи и во многих местах развалены.

– Почему же столь неразумно поступает султан турецкий? – удивился адмирал искренне.

Качиони со значением расправил свои огромные иссиня-черные усы. Знаменитому корсару льстило его особое положение в эскадре.

– Починка крепостей константинопольских почитается делом ненужным. По разумению османскому, Геллеспонт запирает дорогу неприятелю к столице крепко!

– Благодарствую тебя, капитан, за труды твои. Прошу отобедать со мной.

За обедом, где помимо Качиони присутствовали Плещеев и Круз, адмирал продолжил свои расспросы по Дарданеллам. Затем спросил неожиданно:

– А найдутся ли у тебя при необходимости пилоты надежные и искусные, чтобы довести эскадр наш в воды черноморские?

– Таковые имеются с избытком, – тряхнул головой Качиони, – я обещаю твердо!

Плещеев и Круз, пораженные смелостью адмиральских замыслов, застыли с ложками в руках. Первым опомнился Круз:

– Все верно! Главное – ударить хорошим залпом по сералю, да так, чтоб вдрызг! Вот это была бы виктория!

Флаг-капитан Федор Плещеев спросил более рассудительно: – Насколько правдоподобен сей прожект?

Спиридов положил на стол руки, на обшлагах кафтана сверкнули золотом по три пуговицы, положенные по полному чину адмиральскому.

– Все в руках наших, – ответил философски, – надобно только желание иметь. Но возможно сие будет лишь в случае нашей полной виктории над флотом басурманским. В первых числах сентября месяца, как только ветер в проливах переменится на попутный, надлежит нам плыть туда и идти в море Черное, бомбируя в пути своем Константинополь. Отчего, я мыслю, должен султан прийти в смятение полное и мира искать незамедлительно! Об этом мы еще в Кронштадте с Алексеем Сенявиным мечтали, чтобы, соединясь своими флотами, бить неприятеля нещадно. Но тому существует два препятствия: флот турецкий да... граф Алексей!

Вернулись в Наварин корабли Грейга из бесславной Модонской экспедиции. Присмиривший Орлов адмиралу больше не перечил. Не теряя времени даром, Спиридов вышел в море на поиски Второй Средиземноморской эскадры.

Не успели еще в Наварине похоронить умерших от ран, как новое известие – турки двинулись к крепости. Муссин-заде стягивал к Наварину свои лучшие силы.

– Была Триполица и Модон, теперь нас ждет слава победителей Наварина! – внушал он своим помощникам. – Весь мир опрокинется на врагов Аллаха и сделается орудием их гибели. Так предначертано в книге судеб!

Однако осаждать крепость наместник не решился, а, расположившись лагерем неподалеку, выжидал.

Алексей Орлов на турок со стены крепостной поглядывал, поплеывая: – Боятся гололобые виду нашего грозного! Однако обеспокоенные случившимся маниотские вожди отрядили своих депутатов к главнокомандующему.

– Османы не отступили, а пошли к озеру, от которого вода по канавам к крепости истекает, – сообщили они Орлову. – Хотят они перерыть канавы те питьевые.

– Далеко ли до озера-то? – поинтересовался тот не доверчиво.

– По короткой дороге дюжина миль будет, – прикинули греки.

– Нет, – покачал головой граф, – в этакую даль я войска посылать не буду. Кровь людская воды дороже!

Да по правде сказать, и сил у него для такого поиска не было.

Вернулись депутаты маниотские к своим вождям ни с чем. Посовещались те и пошли сами отбивать озеро.

Два дня и две ночи дрались повстанцы и отогнали турок от водопровода, но было уже поздно. Отступая, турки перекопали и разбили все трубы. Наварин остался без воды... В те дни Алексей Орлов писал в Санкт-Петербург:

«Великая государыня! Хотя кроме крепостей вся Мо-рея и очищена от турок, но силы мои так слабы, что я не только не надеюсь завладеть ею, но и удержать завоеванные места...»

Тяжело вздыхая, он макал перо в чернила и, скрипя им по бумаге, продолжал: «Лучшее из всего, что мне можно будет сделать, это: укрепить себя сухим путем и морем; зажечь огонь во всех местах... пресечь подвоз провианта в Царьград и делать нападение морской силой. Трудно будет и сие провести в действие, если скоро не придет Эльфинстон».

После долгих раздумий Орлов решился на шаг крайний – грузить войска на суда.

Несколькими днями ранее он отправил на поиски Второй эскадры несколько кораблей под началом Спиридова. На остальные погрузили людей и припасы и вывели на внутренний рейд.

С черными кругами – следами бессонницы – под глазами выхаживал Орлов взад-вперед по палубе «Трех Иерархов», рядом курил трубку мрачный Самуил Грейг. Наконец Орлов остановился и, взяв голландскую трубу, навел ее на далекий теперь Наварин. В предметном стекле полыхали пожары. Отложив трубу, граф Алексей обернулся к Грейгу:

– Нынче нам остается, Карлыч, только одно – стараться всеми силами прервать подвоз провианта в Царьград да постараться еще, ежели возможно, вернуть державе издержки, употребленные на сию экспедицию.

– Прежде всего следует искать Спиридова! – ответил, не вынимая изо рта трубки, практичный Грейг.

В последнюю ночь обороны часть маниотских отрядов прорвалась с боем через турецкий лагерь и ушла в горы. С собой унесли они и священные для горцев знамена повстанческих легионов.

К 23 мая 1770 года в Наварине остались лишь часовые. Расстреляв по неприятелю последние заряды, они скинули со стен пушки, взорвали пороховые погреба и шлюпками добрались до стоявших в бухте кораблей. Чтобы огонь был жарче, корабельные артиллеристы били по городу брандсугелями.

– С первым способным люфтом надлежит плыть нам с рейда к острову Цериго, а далее к Кикладам! – советовал Орлову капитан «Трех Иерархов».

Двое суток, поджидая погоду, корабли стояли в бухте, а затем взяли курс на запад.

Выше острова Сапиенца обнаружили паруса. Немедленно сыграли артиллерийскую тревогу. Орудийная прислуга, изготавливая пушки к бою, затыкала уши ватой.

На неизвестном корабле, находившемся на ветре, завидев отряд Орлова, опустили грот-марсель и подобрали фок-марсель, выстрелив при этом из пушки по ветру. Головной «Три Иерарха», находившийся под ветром, в ответ спустил свой марсель и, подобрав грот, пальнул из двух пушек против ветра. На этом ритуал опознания завершился. Неизвестный корабль оказался «Ростиславом», только что закончившим свое затянувшееся плавание вокруг Европы*.

За Сапиенцей Орлов разделил отряд. «Надежда Благополучия» с частью транспортов под флагом контр-адмирала Елманова взяла курс на Ливорно, имея на борту наваринских обывателей, больных и раненых. Остальные же отправились на поиск спиридовской и эльфин-стоновской эскадр.

Сам граф Алексей писал в эти дни императрице письма безрадостные: «Ныне не остается мне другого, как стараться запереть подвоз провианта в Царьград и стараться еще, если можно, вернуть государству издержки, употребляемые на сию экспедицию».

Глава пятая

*Он белыми взмахнул крылами
По зыблущей равнине волн,
Пошел, – и следом пена рвами,
И с страшным шумом искры, огонь...*

Г.Р.Державин

С уходом из Кронштадта Первой Средиземноморской эскадры забот там не убавилось. Теперь адмиралтейство, торопясь, готовило в далекое плавание следующую – Вторую эскадру.

Уже с 6 июля 1769 года адмиралтейств-коллегия затребовала из Ревеля три линейных корабля и два фрегата, которые надлежало снаряжать в экспедицию. В состав эскадры определили корабли: «Саратов», «Тверь», «Не тронь меня», фрегаты «Надежда» и «Африка», пинки «Чичагов», «Святой Павел», «Депровиденц».

Командующим эскадрой был назначен контр-адмирал Джон Эльфинстон, англичанин, всего лишь несколько месяцев назад прибывший в Россию в скромном звании капитана 1 ранга. Секрет назначения, однако, раскрывался весьма просто – благодетельствовал Эльфинстону не кто-нибудь, а сам президент иностранной коллегии Никита Панин.

По-русски к началу похода новоявленный командующий знал два слова. Первое – «сволош» – употреблялось исключительно для завязки разговора с подчиненными. Вторым –

«пшел» – он завершал свои беседы. Немного позднее овладел англичанин еще одним. Слово было хлесткое, как удар хлыста, а потому произносил его Эльфинстон с особым удовольствием, громко и четко выговаривая каждый слог: «Ско-ти-на!»

Назначение на столь высокий пост невесть откуда взявшегося ландскнехта глубоко оскорбляло патриотические чувства русских моряков. И если в кают-компаниях высказывали свое недовольство вполголоса, то на батарейных деках, не таясь, говорили об измене. Вдобавок ко всему добился англичанин производства «сверх комплекта» в мичманы своих сыновей, благополучно проживающих в Англии.

На прощальной аудиенции, данной Эльфинстону перед отплытием, Екатерина обещала ему полную самостоятельность в действиях...*

Толстый и важный Панин наставлял своего протеже несколько по-иному:

– Алехана Орлова не бойся. Ежели что, извещай меня, а я уж на сего душегуба управу сыщу. Отписывать мне надлежит о каждом его шаге. В том твою главенствующую задачу и мыслю!

Зная милость государыни к Эльфинстону, того наперебой зазывали в великосветские салоны. Сидя там, долго и умно рассуждал контр-адмирал о своих видах на морскую войну.

Эскадру в плавание готовил тем временем Семен Мордвинов.

Эльфинстон появился на кораблях лишь перед самым уходом. Появился – и разнос учинил капитанам неслыханный. Первым возмутился, не вынеся оскорблений, капитан «Не тронь меня» Степан Хметевский. Его поддержали все остальные.

– Здесь не пиратская лайба, а корабль российский! – бросил с вызовом Степан.

– Ско-ти-на! – ревел в ответ красный как рак Эльфинстон.

И тогда, дружно послав флагмана в весьма не близкие края, капитаны разошлись по своим кораблям. Не испугался даже трусоватый капитан «Твери» Игнатъев, по прозвищу «Дадон неуклюжий».

Взбешенный столь ярко выраженной нелюбовью к своей особе, Эльфинстон поднял шум. Скандал разразился небывалый. Разбором дела занялась сама императрица, и членам адмиралтейств-коллегии пришлось несладко.

«Мятежных капитанов» по всем законам ожидало разжалование и бессрочная каторга, но на их защиту, презрев личные интересы, встал Семен Мордвинов. Честь ему за это и хвала!

Вызванный для разбора дела к Екатерине, он заявил громогласно:

– Матушка! Накажу подлецов своею властью, а менять их не надобно, уж больно в деле морском искусны да опытны сии мореплаватели!

– И это у тебя, Семен Иванович, самые лучшие? – искренне удивилась императрица.

– Истинно так, матушка! – не моргнув глазом, ответил Мордвинов. – Одно слово – орлы!

Екатерина обещала подумать над участью «мятежников», а Мордвинов рванул к фавориту императрицы Григорию Орлову. Графа Орлова уговаривать долго не пришлось: что шло во вред Панину, то было ему по душе.

Вняв советам друга сердца, Екатерина милостиво простила капитанов.

Когда до отплытия оставались считанные дни, злопамятный Эльфинстон определил своим флагманским кораблем «Не тронь меня». Товарищи ободряли Хметевского:

– Ничего, Степан, не съест. Там кляузы строчить будет некому. Да и Спиридов нас в обиду не даст!

За день до отхода отписал Хметевский письма матери с сестрой Прасковьей да одинокому помещику Куприянову, отослал им по половине своего денежного аттестата.

9 октября 1769 года, покинув кронштадтский рейд, Вторая Средиземноморская эскадра отправилась в повеленное плавание.

Осенняя Балтика хорошей погодой балует крайне редко. И корабли сразу попали в длительную полосу штормов. В первую же ночь на Поркалаудском рифе потеряли пинк

«Чичагов»*. А по выходе за Дагерорт-остров ударил бешеный норд-норд-вест со шквалом и снегом.

На пронзительном ветру матросов бил озноб, худые голландские бастроги помогали мало.

Получив сильную течь, укрылась за Дагерортом «Африка». Не переставая, гремели цепные передачи помп на «Саратове» и «Не тронь меня».

Но наибольшее испытание выпало на долю «Твери». Корабль остался без капитана: окончательно испугавшийся и растерявшийся каперанг Игнатъев заперся в каюте и беспробудно пьянствовал. Оставшись за старшего, вахтенный лейтенант Скуратов* призвал к себе кают-юнга:

– Слетай-ка, милоч, за капитаном да волоки его наверх!

«Тверь» отчаянно мотало на крутых гребнях волн. Кают-юнга обернулся скоро: – Капитан плачут... они... в стельку!

– Тьфу-ты, Дадон неуклюжий! – сплюнул Николай Скуратов. – Оповещай команду – отныне я капитан!

Лейтенант с досадой утер лицо от соленых брызг. Сейчас он держал свой самый трудный экзамен.

На вторые сутки шторма «Тверь» едва не выкинуло на эзельские камни, а потом потащило куда-то на зюйд.

Давно рухнула грот-мачта, а левый борт зиял дырами пробоин, но команда не сдавалась. Люди держались до последней возможности. Только через четверо суток удалось лейтенанту Скуратову зацепиться якорями за грунт близ Либавы. О продолжении плавания не могло быть и речи, корабль едва держался на плаву. Лишь через несколько недель искалеченная «Тверь» кое-как дотащилась до Ревеля.

Флотская общественность требовала суровой расправы над струсившим Дадонем – Игнатьевым. Возглавлять суд был определен адмирал Мордвинов. Он-то и выступил против казни. Рассуждал адмирал, как всегда, здраво:

– Уж ежели в капитаны такой трус выбился, знать, в том и всей коллегии вина немалая!

Капитан 1 ранга был разжалован в матросы и без всякого пенсионера изгнан с флота в деревню.

Тем временем эскадра продолжала свой путь. По-прежнему выл и стонал ветер в парусах, дыбилась горбами растревоженная пучина. В Копенгагене нагнала эскадру «Африка», а в последних числах ноября – отставший от Первой эскадры линейный корабль «Святослав». И сразу новый скандал! На этот раз его невольным виновником стал капитан «Святослава» бригадир Барш.

За Иваном Баршем слава на флоте громкая. Бригадир морского корпуса не кончал, до всего своим умом дошел. Сам он на флоте с юнг, еще мальчишкой-волонтером отплавал пять морских кампаний.

Старшего брата Барша – Василия – чтит и помнит весь флот российский. Геройски пал он на праме «Оли-фант» под Мемелем в прошлой войне.

Не привык Иван Барш к хамскому с собой обращению и при первой же встрече выставил Эльфинстона тотчас со своего корабля.

В тот же день лишил его контр-адмирал бригадирского брейд-вымпела и сместил со «Святослава» на 66-пу-щечный «Саратов».

– Вырываю вредное семя из почвы благодатной! – пояснил он в кругу офицеров-англичан.

Тогда же и сам Эльфинстон перебрался на «Святослав», прихватив с собой Хметевского для присмотра. Новый корабль Степану не понравился. Был он сработан наскоро, неуклюже, высокие борта создавали большую валкость.

– Единственный выход – это срубить верхний дек, – пояснял ему сдававший дела Барш, – но это ведь больше двух десятков пушек. Кто пойдет на такое?

Команда на «Святославе» обученная. Особенно ж хороши были два вахтенных начальника – Козлянинов и Ханыков*. Оба толковые и многоопытные.

С выходом из Копенгагена Эльфинстон не торопился. Лишь в конце декабря покинула Вторая эскадра датские берега.

В Немецком море снова штормило. Степан Хметевский в своем дневнике писал:

«Будучи в пути, претерпевали от великих штормов, стужи, морозов, снегу и дождя великое беспокойство и несносности».

Растянувшиеся длинной вереницей корабли зарывались в набегавшую волну по самые мачты. Команды были изнурены до последней крайности.

Эльфинстон как-то, прохаживаясь по мостику, признался капитану «Святослава»:

– Русский флот – единственный, с которым мне пришлось держаться в море в декабре месяце!

Но тут же, бросив взгляд на карабкавшихся по вантам матросов, поправился: – По какому праву ваши люди в перчатках?

– По моему указу, – отвечал недоуменно Хметевский. – В вышине ветер и холод несносный, от него пальцы обмораживаются скоро, посему я и велел на мачты в варежках пошитых ходить. Но у Эльфинстона было на этот счет свое мнение.

– В перчатках у матросов теряется способность к владению руками, к тому же это развращает. Отныне на мачты лазить только без перчаток!

– Слушаюсь! – Хметевский приложил пальцы правой руки к краю треуголки.

Хлесткий удар ветра с мелким колким снегом заставил говоривших спрятать лица. Подняв воротник собольей шубы, Эльфинстон спустился вниз. Плавание продолжалось.

С каждой оказией Эльфинстон не уставал слать Панину жалобы. Жаловался он абсолютно на все, но более всего – на Степана Хметевского. «Не могу не удивляться жалобам командира и главных офицеров «Не тронь меня», постоянно доносящих мне о гнилом и ветхом состоянии корабля, – сообщал он в одном из своих очередных пасквилей. – По правде сказать, можно кое-что привести и в оправдание им, а именно – что они не привыкли ни к ветру, ни к морю в это время года и не умеют... предохранить все части судов от дурной погоды». Все же недостатки в подготовке кораблей к плаванью англичанин валил теперь на адмирала Мордвинова, сам оставаясь при этом вроде как сторонним наблюдателем.

Наконец Немецкое море осталось за кормой, а впереди в туманной дымке появились смутные очертания английского побережья.

Собравшиеся после Рождества в Портсмуте корабли и суда эскадры являли собой жалкое зрелище. Разбитые и полузатопленные, они нуждались в немедленном доковании. Но Эльфинстон по прибытии в Англию тотчас укатил в Лондон и как сквозь землю провалился. Если изредка в дальнейшем и появлялся контр-адмирал на кораблях, то не иначе как в сопровождении уэст-уайкомбского помещика Дэшвуда да секретаря адмиралтейства Стефенса. Все заботы о судах и людях легли на плечи Барша и Хметевского как старших по званию и положению. Англичане никакой помощи союзникам оказывать не желали, в чем признавались впоследствии весьма откровенно:

«Наше адмиралтейство сначала не выказывало особой готовности в оказании помощи судам эскадры, но по просьбе русского посланника г. Мусина-Пушкина портовым властям было предписание быть с русскими моряками возможно любезнее и оказывать им всякое содействие и помощь».

В Портсмуте корабли Второй эскадры застали разломанный «Северный Орел». В это время его наскоро переделывали в плавучий госпиталь.

Снятые с «Орла» орудия Хметевский и Барш распорядились установить по транспортам. – Зачем? – удивлялись англичане. – Кашу маслом не испортишь! – отвечали им.

Трем, дополнительно нанятым в Англии для перевозки провизии, пинкам прикативший из Лондона Эльфинстон велел дать имена особ именитых: «Граф Панин», «Граф Орлов», «Граф Чернышев», а капитанами определил туда своих приятелей старинных: Дашингтона, Престона и Арпольда. На больший из пинков, «Святой Павел», контр-адмирал пригласил

капитанствовать своего давнего компаньона по «черным рейсам» пьяницу Бодлея, которого русские моряки быстро и точно окрестили Балдеем. Прихватил с собой Эльфинстон в дальнее плавание и двух своих великовозрастных сыновей с зятем впридачу, положив им повышенное жалование и своевольно присвоив лейтенантские чины вместо выпрошенных у Екатерины II мичманских.

– Московия страна богатая! – внушал он своим родственникам за утренней овсянкой. – Там всего навалом, а золота – что грязи!

Между делом отстроил Эльфинстон за казенный счет себе два особняка «для представительства» в Лондоне и Портсмуте, вступил в акционеры Ост-Индской компании. Широко жил контр-адмирал, с размахом!

А на эскадре обстановка накалялась с каждым днем. С молчаливого согласия Эльфинстона на корабли хлынули агенты британской разведки. Уверенные в своей безнаказанности, вели они себя дерзко и нагло. Дело дошло до обыска, который местные власти произвели на нескольких кораблях. Солдаты врывались, грозя оружием, штыками, потрошили худые матросские подушки, приказывали сбивать замки с дверей корабельных канцелярий.

Взрыв возмущения объединил офицеров и матросов эскадры, молодежь призывала к вооруженному отпору. Лейтенант Скуратов с нанятого транспорта «Святой Павел», получив доклад от матроса, что прибывший на судно английский офицер копался в крюйт-камере, велел связать англичанину руки и пинком вышвырнул его с судна.

Дело сразу получило широкую огласку. Тотчас прикатил из Лондона взбешенный Эльфинстон и посадил лейтенанта под арест. В Петербург контр-адмирал отослал паническую депешу:

«Мне прискорбно сообщить о крайне неосторожном поступке лейтенанта Скуратова».

Дальше – хуже: корабли стали напоминать осажденные крепости, команды на берег не пускали, у трапов стояли вооруженные караулы...

Прошел январь, затем февраль и март, а Эльфинстон все не торопился покинуть милую сердцу Англию.

Лишь в середине апреля под нажимом Петербурга вывел он эскадру в море.

Дул порывистый зюйд-вест. В кормовые подзоры кораблей хлестала волна. Неся все возможные паруса, капитаны наверстывали упущенное время.

В пятницу двадцатого числа, находясь в семнадцати милях на ост-зюйд-ост от южной оконечности мыса Лизард, Вторая эскадра попала в жесточайший шторм. Хуже всех пришлось и так едва державшемуся на плаву «Северному Орлу». Корабль медленно тонул. Команда делала все возможное, но усилия были тщетны. Не Вби-держав темпа работы, разлетелись вдребезги маломощные шкун-помпы.

Взывая о помощи, на ноке фор-марса-реи вывесили фонарь. Капитан «Орла» Жемчужников* запрашивал «добро» на срочный разговор с адмиралом. Эльфинстон приказал продолжать плавание...

– Русские по природе своей трусы, – заявил он сыновьям, – по этой причине им никогда не быть настоящими мореплавателями!

Трюмы «Орла» были полны воды, а по гондеку гуляла хорошая волна.

Корабль разваливался на глазах. И тогда лейтенант Жемчужников своевольно повернул назад. Лишь чудом добрался плавучий госпиталь до ближайшего порта. Люди и грузы были спасены.

За Гибралтаром наконец-то установилась благоприятная погода. 20 мая корабли были уже на траверсе мыса Матапан. Плавание было успешно завершено, и теперь оставалось лишь дойти до Наварина. С попутным ветром это не более двух суток.

Но Эльфинстон внезапно велел ложиться эскадре в дрейф.

Двое суток качало корабли на пологих волнах, плескалась в бочках протухшая вода, маялись от тоски и неизвестности команды. Что задумал командующий – не знал никто. На третий день с «Саратова» заметили костры на вершинах далеких гор.

Бригадир Иван Барш протер глаза: над горами развевались Андреевские флаги – условные сигналы греческих повстанцев.

Дальше – просто. Об увиденном Барш передал на флагманский корабль. Командующий спал, а так как будить его по любому поводу было запрещено, капитан «Святослава» Хметевский своевольно выслал к берегу шлюпку. Проснувшийся Эльфинстон велел вернуть ее назад. Почему? Кто знает!

Высадка на берег была произведена лишь через сутки. Обратным рейсом на флагманский корабль привезли греческого священника, седовласого и степенного.

Войдя в кают-компанию, перекрестился он на образ Николая Чудотворца и, присев на стульчик, принялся рассказывать обо всем, что знал.

Затаив дыхание, слушали офицеры «Святослава» рассказ о славных делах Первой эскадры.

Недоверчиво косился на грека лишь Эльфинстон, которому переводчик на ухо передавал суть разговора. Выслушав священника до конца, контр-адмирал развязал тугой кошелек и выкинул из него на стол несколько золотых червонцев.

– На, – придвинул он деньги греку, – получай за свое шпионство!

Простоватый драгоман тотчас перевел все слово в слово. У старца затряслись от обиды губы. Возмущенно зароптали офицеры. А Эльфинстон продолжал:

– Бери, бери, или тебе этого мало? А может, ты, паршивый грек, подослан к нам и все врешь сейчас с умыслом злодейским?

Драгоман запнулся на полуслове, не зная, что ему делать дальше.

Священник встал, опершись на посох, гордо вскинул голову:

– Грек может схитрить перед ненавистным османом, грек может провести грека, но грек никогда и ни за что не обманет русского брата! – И, тяжело ступая, побрел к выходу.

На следующее утро эскадра вошла в защищенную от ветров Колокинфскую бухту. Против селения Рупино корабли побросали якоря. Под килем было двенадцать сажений.

Эльфинстон принял решение: избавиться от надоевшего ему десанта. Попытки отговорить контр-адмирала от этого безрассудного шага успеха не возымели. Эльфинстон был неумолим.

Десант высаживался на занятый неприятелем берег в сотне миль от Наварина без продовольствия и артиллерии.

– Дали дураку простор, наплачемся теперича! – плевались солдаты, из шлюпок на берег прыгивая.

К вечеру свезли весь десант. А спустя какой-то час лазутчики приволокли и первого пленного турка. К пленнику было не протолкнуться. Глядели как на чудо: настоящий живой басурманин!

– Гля, робя, что гололобый зубами выделявает, спужался небось!

– Глянул б я на тебя, как бы ты в ихнем полоне гоголем вышагивал!

– Басурман, а басурман, каково царя вашего кличут?!

– Грек, спроси-ка у него насчет девок. Слыхал я, на туретчине каждому по сотне жен положено. – Да ну тебя, что с ней, с сотней-то, делать?

– Известно дело чего, они своих жен в строгости держат, мне толмач грецкий намедни рассказывал.

– Брешет твой толмач, что сивый мерин. Сам кумекай, куды их такую прорву прокормить? Самого сожрут живьем!

Пленного, к всеобщей досаде, увели к начальнику десанта.

Спровадив десант, предался Эльфинстон раздумьям, что делать дальше. В раскрытые окна салона струился аромат южной весны. Над вазой с фруктами крутились мухи. Контр-адмирал думал два дня. На третий, получив извещение от греческих рыбаков о появлении турецкого флота у крепости Наполи-ди-Романи, решил он созвать капитанский консилиум.

Капитаны единодушно желали плыть к Наварину на соединение со спиридовской эскадрой. Но Эльфинстон рассудил по-своему – немедленно искать и атаковать неприятеля.

– Почему одни? – спрашивали недоуменно капитаны.

– Потому что и слава одна! – отвечал им контр-адмирал. – Завтра с рассветом поднимем паруса и поплывем навстречу туркам. Я, адмирал Эльфинстон, не оставлю и щепок от турецкого флота!

Слова Эльфинстона заглушил тяжелый сап: то, пуская пузыри, храпел в темном углу его любимец пьяница Балдей.

Поутру эскадра вышла в открытое море. Передовым – «Святослав», за ним в кильватер – «Саратов», «Не тронь меня», «Надежда» и «Африка». Поодаль держались транспорта. В преддверии скорой баталии команды переодевались в чистое платье.

Глава шестая

*Дали мы ход кораблям, и они по волнам побежали.
Быстро: под ними углаживал бог многоводное море.*
Гомер

Залив Наполи-ди-Романи встретил русских моряков слепящим солнцем и легким попутным ветром. Скоро был обнаружен и турецкий флот.

Белеют паруса турецкие вдали,
Уже встречаются им наши корабли,
Уже геройский дух горит в орлах российских...

– Помянули басурмана, а он тут как тут! – дивились матросы.

Хметевский сосредоточенно наводил прицел пелькомпаса на ближайший берег.

– Остров Специя на норд-тень-вест, – диктовал он стоявшему подле подштурману, – мыс Анджелло на ост-норд-ост.

Поглядывая на него искоса, Эльфинстон нервно похаживал по палубе.

С развевающимися флагами, под бой барабанов и гром оркестров в порядке «де баталь» русская эскадра спускалась на неприятеля.

Завидев российские корабли, турки спешно перестраивались в боевую линию.

– Алла... Магомет... Али! – протяжно кричали они, выбирая тяжелые якоря.

К полудню противники сблизилась на дистанцию орудийного залпа, и «Не тронь меня», идущий головным, с ревом выпустил первую порцию чугунных ядер. Турки без промедления ударили в ответ.

«Не тронь меня», храбро атакуя, сразу же схватился со 100-пушечным неприятельским кораблем. А шедший следом «Саратов» настиг и поджег вице-адмиральский корабль. Не выдержав такого напора, вражеские флагманы вскоре постыдно бежали, спрятавшись за линией баталии. Начало сражения было для турок ошеломляющим!

И в это самое время Эльфинстон велел ни с того ни с сего убавить паруса на всех судах, бросая два передовых линейных корабля на произвол судьбы.

– Опоздаем же, разве вы не видите? – уже не кричал, а только стонал не находивший себе места от негодования Хметевский. Но контр-адмирал оставался невозмутимым:

– Не выстраюсь по всем правилам, я не смею нападать, об этом говорит британский морской тактик!

– Не ведаю, как толкует ваш тактик, но знаю, что русский практик указывает одно: где настиг, там и лупи! – бросил ему в сердцах Степан,

А впереди вставала султанами вода, трещали, сгорая в жарком пламени, паруса. Два российских корабля бились против четырнадцати турецких.

Не выдержав творимого на его глазах преступления, своевольно покинул строй Афанасий Поливанов*. Его «Надежда», подняв паруса, помчалась на помощь сражающимся товарищам. Лихой фрегат с ходу атаковал целую флотилию гребных турецких судов и рассеял их. Но сделать больше три десятка его пушек были бессильны. Кругом гудели ядра, кричали люди, вповалку лежали трупы. Сражение кипело вовсю.

«Отвага и мужество нижних чинов, как матросов, так и морской пехоты, в этом бою заслуживают высшей похвалы. Не обращая внимания на опасность, они дрались у своих пушек, как львы, и с криками «ура» посылали в противника залп за залпом», – вспоминали позднее об этих минутах очевидцы.

А Эльфинстон так и не приближался к месту сражения ни на один кабельтов.

Положение было критическое. Решись капудан-паша отрезать передовые линейные корабли от остальной русской эскадры – и гибель тех была бы вопросом времени. Все висело на волоске...

Капитан «Святослава» Иван Барш вызвал наверх абордажные партии. Обнажив шпагу, бригадир указывал ею предмет атаки – ближайший неприятельский корабль. На лезвии шпаги золотом сверкало: «Виват Россия».

– Примем смерть за Отечество! – говорил он обступившим его офицерам.

Рядом с Баршем его сын Николай, взятый отцом в экспедицию. Страху ни у кого не было, русские моряки готовились дорого отдать свои жизни. И случилось невероятное – противник побежал. Четырнадцать турецких линейных кораблей спасались от двух русских...

Углядев внезапное бегство адмирала турецкого, воспрянул духом адмирал английский.

– Прибавь парусов! – всполошился он. – В погоню. Однако в наступившей темноте неприятель был скоро потерян из виду. В батарейных деках зажгли боевые фонари. Эльфинстон приказал идти в темень наудачу...

С первыми лучами солнца противники вновь обнаружили друг друга. Стоял полный штиль, и паруса висели тряпками. Подцепив корабли галерами, турки торопливо утаскивали их в глубь залива под защиту крепости Наполи-ди-Романи.

Теперь русским морякам, кроме тысячи корабельных пушек турецкого флота, противостояли еще и сотни орудий береговых фортов Паламето и Бакайя. Но собранный на «Святославе» совет решил единодушно: – Атаковать неприятеля со всею фурией!

В три часа пополудни эскадра вошла в гавань и решительно напала на вражеский флот, стоявший в строю полумесяца. Стойко выдержав огонь береговых фортов, корабли сблизилась с неприятелем на картечный выстрел. Особенно удачно маневрировал в тот день «Святослав».

Устранившись от участия в бою, Эльфинстон передал всю полноту власти Хметевскому, сам оставаясь бездеятельным наблюдателем. И Хметевский творил чудеса! Он попеременно разворачивал свой корабль к неприятелю то одним, то другим бортом, поражая его в упор. Ошалевшие турки отвечали неточно. А Степан уверенно вел за собой эскадру, не давая противнику пристреляться. Все шло просто великолепно, пока не опомнился Эльфинстон.

– Капитан! – закричал он, срываясь с места. – Так биться не надлежит! Это не в правилах линейного искусства, где же стройность и красота батальной линии? – И тотчас отменил уже начавшийся поворот оверштаг.

Корабль замер на месте, сразу превратившись в отличную цель для турок. В мгновение ока разлетелись оба кормовых балкона. Эльфинстон вновь растерялся. И тогда Хметевский сделал единственно возможное – встал на шпринг. Под ураганным огнем опомнившегося противника он блестяще исполнил этот самый сложный маневр. Орудия «Святослава» держали под прицелом почти весь турецкий флот. – Картуз! – хрипели осипшие от крика канониры. И картузы с порохом тут же исчезали в орудийных жерлах. Ударами прибойников их ловко досылали до казны. Затем пыжи, ядра и снова пеньковые пыжи. – Пали!

Горячий воздух ударял в лица людей, обдавая их пороховой гарью. На турецких кораблях уже занимались первые пожары. На воздух одна за другой взлетели шесть галер...

– Поднажмем, братцы, самая малость осталась! – ободряли уставших артиллеристов офицеры. – Целься вернее!

И в эти минуты, когда победа была близка, как никогда, Эльфинстон велел, обрубив якоря, уходить из бухты. Со сжатыми до боли кулаками бросился к контр-адмиралу Степан Хметевский: – Почему? Англичанин был невозмутим:

– Ночью может заштилеть, тогда неприятель атакует нас галерами. Поэтому следует убраться из его ловушки, пока не поздно.

Не было у капитана «Святослава» в запасе таких слов, чтобы высказать все, что на душе накипело. Его линкор оставлял поле брани первым. На залитых кровью палубах матросы кричали об измене. Прорезав вражеский строй, русские корабли покидали Новополийскую бухту.

Столь явное преступное поведение командующего Второй эскадрой не могло остаться незамеченным и привело к беспрецедентному для русского флота событию. На военном совете капитаны кораблей отказались выполнить приказания командующего, если он не подчинится их требованиям. «Русские держались в это случае совершенно иного мнения, а командор (капитан корабля «Саратов» И. Я. Барш. – В. Ш.) имел даже смелость довести до сведения адмирала, что он решил отделиться от эскадры, если адмирал не намерен идти на соединение с отрядом адмирала Спиридова», – писал один из британских офицеров бывших на Второй эскадре.

Едва вдали замаячили паруса турецкой армады, капитан пинка «Святой Павел» Джеймс Престон велел ворочать на обратный курс.

– Сдается мне, что в предстоящей свалке наш адмирал обойдется и без нашей скромной помощи. К тому же судно просто забито больными! – заявил он своему соотечественнику доктору Роджерсу.

– Но как же без приказа? – наивно удивился доктор. – Каждый умирает в одиночку! – был ему ответ.

Низкобортный провиантный транспорт неуклюже барахтался в волнах, уходя к Наварину. Капитан излагал свои взгляды на ведение войны.

– Мы, англичане, слишком долго оставались в плену рыцарских сентиментальностей и кавалерских изяществ. Здесь же идет борьба за выживание, и степень жестокости определяет сегодня степень успеха. Жестокость – вот чего нам недостает для полного утверждения на этой грешной земле. Но я твердо верю, что придет время и при виде последнего англичанина будут в ужасе падать на колени властители всех народов и государств!

– Позвольте не согласиться с вами, сэр! Что бы ни творилось вокруг нас, мы, как наиболее передовая и просвещенная нация, должны быть выше всех человеческих слабостей и пороков! – Роджерс побагровел от искреннего негодования, слушая цинизм Престона.

Вдали неясно забелело, будто кто-то невзначай мазнул по горизонту краской.

– О черт побери! – сплюнул, навевая зрительную трубу, Престон. – Кажется, мы попались. – Он перегнулся через перила квартердека. – Играть аврал! Ставить грот, фор-марсели и крьюсель!

Однако, несмотря на все принятые меры, дистанция угрожающе сокращалась. Скоро стало отчетливо видно, что судно преследуют две галеры. Когда до них оставалось не более мили, Престон потуже затянул ремни своего выдавшего вида чемодана: – Лечь в дрейф и спустить шлюпку!

В каскаде брызг единственная шлюпка шлепнулась в воду. В нее, торопясь, побросали провизию, мушкеты, анкеры с водой и удочки. Первым спрыгнул сам капитан, следом полетел его объемистый чемодан.

– Прыгайте, доктор! Иначе завтрашний рассвет вы будете встречать, уютно сидя на колу.

– Но как же больные, сэр? – с опаской разглядывая пляшущую под бортом шлюпку, засомневался Роджерс.

– Сейчас не время церемоний. Прыгайте, или я отваливаю.

Собравшись с духом, доктор боком свалился на днище шлюпки. Гребцы навалились на весла, и судно осталось позади.

Но «Святой Павел» покинули не все. На нем остались восемнадцать тяжелобольных матросов и солдат, а также греческий лоцман Анастасий Марко и священник отец Никодим.

– Врата райские архангелы нам, поди, уже отворили! – поглаживая окладистую бородку, обратился к лоцману отец Никодим. – Ты, Маркач, подымай парус, какой знаешь, да на штур вставай, а я паству кликну и пушками займусь!

Лоцман недоверчиво кивнул на ближайшее орудие, дескать, дело многотрудное.

– И не сумлевайся, – ухмыльнулся Никодим, – в российском флоте последний поп палить умеет!

Подобрав рясу, он засеменял к растворенному грот-люку:

– А ну, сердешные, кончай прохлаждаться, вылезай на свет Божий! – и свесился вниз.

На зов Никодима со стонами и руганью полез на палубу немощный люд. Кое-как добрались бедолаги до пушек, закрепили их по-боевому, закатали в стволы ядра и, обессиленные, попадали рядом. На второй залп их уже не хватит... Никодим подошел к лежащему матросу: – Тебе, милай, честь особая будет!

Взвалил его на плечи и потащил в кюйт-камеру, там усадил верхом на раскрытую пороховую бочку, в руки сунул пистолет.

– Как услышишь, что голоса не по-нашенски, пали, помолясь!

– Причасти хоть меня, святой отец! – разлепил матрос сжатые губы.

– Грехи я тебе, почитай, все уже отпустил, сын мой, а остальное воздастся от Господа! – Никодим, отдуваясь, грузно взбирался по ступенькам трапа.

Шумно выгребая веслами, галеры попытались обойти пинк с носа и кормы, чтобы взять его под анфиладный огонь. Но не тут-то было: опытный корсар эгейских просторов Анастасий Марко ловко вывернул судно лагом к неприятелю.

– Все, что мог, я сделал! – крикнул он Никодиму. – Теперь твой черед!

Пышная борода отца Никодима развевалась по ветру, в руках вместо кадила чадил пальник.

– Ну, держитесь, нехристи окаянные! Ужо мы вам всыпем напоследок! Матросы, обнимаясь, прощались друг с другом. Внезапно изменившийся ветер хлопком развернул над галерами сине-желтые флаги погони.

– Ну-ка, погодь чуток! – гаркнул канонирам озадаченный священник. – Чтой-то во флажках ваших флотских запутался я совсем!

С галер, разглядевши Андреевский флаг над «Павлом», кричали радостно:

– Какого лешего деру давали? Мы что, каторжные, по всему окияну за вами гонять, такие-разэтакие?

– Не богохульствуйте, ироды! – Никодим с облегчением швырнул в море пальник. – А я чуть было не принял на душу грех тяжкий!

Пересадив на пинк часть команд, галеры (то были «Жаворонок» и «Касатка») повели его к своим. Шлюпку со сбежавшими не искали. Пропадите вы пропадом!

К сожалению, в жизни справедливость торжествует далеко не всегда. Пройдут годы, и Джеймс Престон – негодяй и трус – станет контр-адмиралом и Георгиевским кавалером.

Корабли султана богато украшены золотой резьбой. На ходу они проворны и легки. Штурвалов на турецких кораблях нет. Управляются они просто: тридцать человек ворочают руль в констапельской по крикам рулевого, стоящего на шканцах. Всякий корабль имеет при себе на случай малого ветра галеру. Велик флот султана, и нет во всей вселенной силы, способной противостоять ему!

Покинув Галлиполи, Един-паша вел свои корабли в Архипелаг. Но едва задул противный ветер, поползли среди турецких команд слухи о скорых несчастьях. Чтобы как-то отвлечь матросов от мрачных мыслей, а заодно и запасть водой, завернул великий адмирал в крепость Наполи-ди-Романи. Там застал он и морейского наместника Муссин-заде, уже пожалованного Мустафой почетным титулом «Победитель греков» за сражение у стен

Триполицы. Наместник сообщил, что морские силы московитов стоят в Наварине и к плаванию не готовы. Обрадованный такой новостью, решил капудан-паша застать неверных врасплох. Встреча с кораблями гяуров в открытом море для турецкого командующего оказалась совершенно неожиданной. И хотя московитов было мало, лезли они в огонь как сумасшедшие. Всем этим Един-паша был весьма озадачен. А в самый разгар боя прислал младший флагман Джезаирли ему шлюпкой записку:

«Великий адмирал! Прахоподобные гяуры прислали сюда еще свои передовые ладьи, а главный флот их с Орлуфым Спиритуфым еще только спешит к нам. Коварные кяфиры желают заманить тебя в западню и погубить. Вели спасать свой флот – надежду султана на море».

Капудан-паша больше не колебался. По его сигналу турки в полнейшем расстройстве бросились в глубь залива.

А на следующий день еще одно ужасное сражение под стенами крепости, и снова московитов невозможно понять. Они то стремительно нападали, то также стремительно уходили прочь. Обрадованный Джезаирли кричал Един-паше со своего корабля, вознося руки к небу:

– Добыча была в их руках, но псы сами испугались своего лая!

На свежем ветру трепетали полосатые, как матросы, сине-белые и красно-белые турецкие флаги, победно палили пушки. На 100-пушечном «Капудан-паше» шел совет, что делать дальше. Помимо трех морских пашей на него был зван и морейский наместник с крупнейшим торговцем Морей Ахмет-агой.

Рассевшись на коврах, собравшиеся чинно курили длинные трубки, щелкая языком, пили крепчайший кофе. Всеобщее спокойствие нарушал взбешенный появлением московитов у стен своей твердыни Муссин-заде. Наместник требовал немедленно гнать неверных в открытое море и там топить безжалостно. Слыша слова такие, вздыхал тяжело Един-паша:

– Надо быть весьма осторожным и не покидать здешней бухты. Гяуры захватили почти всю Морею. Они голодны, как шакалы, и нищи, как крысы. Но вскоре они сами покинут Левант с бесчестьем и позором. Вся их надежда на слепой случай. Ведь московиты рискуют потерять в нем лишь свой дрянной флот, мы же – часть империи! Муссин-заде отбросил четки, заскрипел зубами: – А что скажешь ты, о храбрый Гази-бей?

«Лев султана» был настроен куда решительнее своего патрона:

– Прятаться от слабейшего – позор для правоверного. Гяуры только того и ждут, чтобы удушить нас в этом загоне. И пока глупый московит бежал, надо быстрее присоединить к себе остальной флот, будучи во множестве, исполнить данную султану клятву – истребить не верных собак!

Решительного Гассан-бея поддержал второй младший флагман Джафер-бей. Но великий адмирал был упрям.

– Не будет того! – сказал он, качая огромным тюрбаном. – Случись что, первой полетит с плеч моя голова. Я буду ожидать лучшего исхода здесь! Лицо наместника покрылось красными пятнами.

– Паршивая свинья! – воскликнул он в бешенстве. – Если ты не уберешься отсюда, то завтра, клянусь Пророком, я сам разнесу твои лодки. К последней крысе у меня больше жалости, чем к тебе!

И, зло выругавшись, Муссин-заде отбыл на берег. Капудан-паша, зная решительный нрав наместника, плакал горестно:

– Что делать мне! Правитель морейский грозит смертью у берега, гяуры – в море! Ай-ай-ай, Аллах отвернулся от нас!

Гассан-бей, как мог, успокаивал своего не в меру впечатлительного повелителя:

– А может, и нет тут у неверных ничего, кроме этих лодий? Не зря они так мечутся из стороны в сторону. Верные люди доносят, что видели в Наварине паруса кораблей Спиритуфа. Если так, то с завтрашним солнцем мы должны напасть и перетопить наглых гяуров!

– Ай-ай-ай! – мотал головой безутешный капудан-паша. – Все правильно говоришь ты, о храбрый Гази-бей, но ведь пушки московитов стреляют сами собой!

– Это верно, – скривился Джезаирли, – они искусные мореходы, но сераскиры их глупы. Наместник вышвырнул их, как блудливых собак из Морей, а сегодня они бежали от нас. Настало время сокрушить их всех нашей силой и свирепостью!

– Пусть будет так, как желает Аллах! – сдался в конце концов уставший от споров Един-паша. – Вверим наши судьбы небесам!

С Гассан-беем на «Реал-Мустафу» увязался и торговец Ахмет-ага, решивший показать неверным, что такое гнев праведного мусульманина.

– Если помнишь, Джезаирли, я никогда не был последним среди славных мореходов берберийских и твоя фелюка не всегда была удачливее моей! – заявил он «Льву султана», перетащив свои сундуки в кормовую каюту. – Поверь старому другу, я тебе еще пригожусь!

Гассан-бей отмолчался. Сейчас их с капудан-пашой волновал единственный вопрос – будет или нет Муссин-заде стрелять по своим? Оба надеялись, что исполнить свое обещание он не решится.

Но разъяренный Муссин-заде свою угрозу выполнил. Турецкие матросы еще спали на своих тощих войлоках, когда крепостные пушки-коломборны дали первый залп поверх мачт. Флот султана спешно покидал негостеприимный Наполи-ди-Романи.

– Слава всемогущему Аллаху! – радовался, наблюдая за происходящим, наместник. – Пусть теперь морской паша покажет в деле, на что годны его лоханки! А мне пора уже выкидывать гяуров из Наварина!

Тем временем на Второй Средиземноморской эскадре происходили события не менее бурные. Один из приспешников Эльфинстона лейтенант Вильям Весли впоследствии писал:

«Адмирал (Эльфинстон. – В. Ш.) внимательно следил за всеми движениями турок и решил встретить их в узкости, ведущей с моря в гавань. Но русские держались в этом случае совершенно иного мнения, а командир (И. Я. Барш. – В. Ш.) имел даже смелость довести до сведения адмирала, что решил отделиться от эскадры, если адмирал не намерен идти на соединение с отрядом Спиридова».

Этот капитанский бунт был почище кронштадтского! И хотя неповиновение в боевой обстановке – дело далеко не шуточное, капитаны в своем требовании были тверды. Эльфинстон, скрипя зубами, вынужден был отступить...

Над «Святославом» взвился сигнал: «Следовать за мной». Ветер меж тем крепчал. Эскадра уходила на зюйд-вест, убрав все паруса, кроме наглухо зарифленных марселей. К утру корабли были уже на траверзе Цериго.

– Вижу пять выпелов! На крамболе борта правого! – внезапно закричал впередсмотрящий флагманского корабля.

Свистки артиллерийской тревоги мгновенно разбросали людей по предписанным местам. Чем ближе подходили неизвестные суда, тем меньше они походили на неприятеля: уж больно ладно стояли паруса и четко держался походный ордер. Не дожидаясь дополнительной команды, капитаны устремились вперед, навстречу идущему отряду. Два часа хорошего хода – и простым глазом стали видны многометровые полотнища Андреевских флагов.

Матросы кричали «ура!», подбрасывая ввысь широкополые шляпы-цилиндры. – Господи! Велик мир, а все тесен! Офицеры были сдержаннее:

– Первым, господа, «Евстафий Плакида» под полным адмиральским флагом, далее – «Святители» и «Иануарий», а вот концевой, никак, призовая шебека!

Эскадры сошлись на параллельных курсах и отдали якоря. Вдали в дымке тумана чернели горы, где-то там, у местечка Рупино, сражался с превосходящим неприятелем брошенный на произвол судьбы десант подполковника Борисова...

Корабли валяло из стороны в сторону. Спиридов терпеливо ждал к себе Эльфинстона. В этом не было ничего особенного: старшему нужен был доклад младшего.

Прошли сутки. Так и не дождавшись к себе контр-адмирала, Спиридов передал ему распоряжение Орлова: – Немедля снимать с берега брошенный десант!

Эльфинстон ответил презрительным молчанием. Тогда Спиридов, отправив свои корабли за десантом, сам съехал на «Святослав» к англичанину. Не ради уважения – ради дела! Эльфинстон принял адмирала надменно, говорил дерзко, тыча Спиридову под нос указ императрицы о своей полной независимости. Стараясь оставаться спокойным, предложил Спиридов англичанину пойти на хитрость. Суть ее заключалась в следующем: адмирал спустит свой флаг; турки, не догадываясь об объединении эскадр, попытаются их атаковать, и они, заманив неприятеля, истребят его.

– О'кей! – сразу заважничал Эльфинстон. – Только отныне я буду считать вас своим младшим флагманом и требовать полного повиновения!

Лицо Спиридова вспыхнуло от негодования и обиды. Теперь уж вспылил он.

– Сопляк! – кричал адмирал в лицо наглецу. – Мой флаг, как никак, на грот-стеннге поднимают, а твой на крюйсе болтается! Ты ж, батюшка мой, ко всему не только наглец оказался, но и шельма изрядная. Куда подевал деньги казенные – двести тыщ рублей, что в путешествие тебе дадены были? Отвечай!

Денег у Эльфинстона не было. Все ушло на шумные пьянки с дружками и постройку особняка в Портсмуте. Пойманный с поличным, англичанин оторопело молчал.

– Вор ты! – бросил ему в лицо Спиридов и вышел, хлопнув дверью.

Командующие расстались врагами. Контр-адмирал тотчас назло всем демонстративно снялся с якоря и повел свою эскадру куда глаза глядят.

Чтобы не бросать его одного вблизи неприятельского флота, Спиридову пришлось последовать за ним.

А Эльфинстон, казалось, совсем потерял рассудок. Он то поднимал сигнал погони, то вдруг слал Спиридову выговора. Адмирал молча терпел все его выходки. Уйти – значило бросить Вторую эскадру на верную гибель. На горизонте все время крутились турецкие фелюги с хищно наклоненными вперед мачтами. А где-то совсем рядом бродили и главные силы капудан-паши.

Злясь на Спиридова, англичанин срывал всю ярость на Хметевском. После очередной стычки, закончившейся бурными объяснениями, потребовал Эльфинстон, чтоб адмирал обменял строптивца на капитана «Трех Святителей» англичанина Роксбурга. Спиридов ответил согласием.

– Ну как тебе Эльфа, адмирал английский? – поинтересовался он, едва Хметевский вступил на борт «Евстафия».

– Одно слово – аспид! – вздохнул тот. – Насилу вырвался!

Корабль «Три Святителя» сразу же пришелся Степану по душе. Ладно сработанный известным мастером Ульфовым, он по праву считался одним из лучших в русском флоте. Понравился и старший офицер линкора Евграф Извеков, о подвиге которого в Датских проливах был каперанг немало наслышан.

Принимая дела, не ведал еще Степан Хметевский, что именно на этой палубе пройдут лучшие годы его службы.

На третьи сутки после встречи Второй эскадры, под вечер, к Спиридову постучался флаг-капитан Плещеев.

– Что там у тебя стряслось? – поинтересовался адмирал.

– Имею, Григорий Андреевич, сообщить вам известие тайное и страшное! – почти шепотом начал он.

– Садись! – Спиридов жестом показал на стоявший рядом стул.

Полный Плещеев грузно уселся, положив себе на колени туго набитый бумагами портфель желтой кожи.

– По произведенному мною самовольно сыску на контр-адмирала Эльфинстона имею я сведения о многих его шпионских деяниях в пользу британской короны и в ущерб нашей. Мною же выявлены и многие клеотуры на кораблях обеих эскадр.

– Обвинения твои тяжелы, но в таком деле нужны доказательства верные. – Глаза адмирала были грустны и усталы.

– Доказательства, к великому моему сожалению, имеются в превеликом недостатке. Прежде всего по сношениям Эльфинстона с главою службы секретной в бытность его в Англии имею я письмо верное от человека из Лондона. Действия же сего господина в бытность его в море Мидитерранском и вовсе не оставляют мысли для сомнений. На сей счет тоже бумаги многие имеются. Мною же выяснено, что многие офицеры английские тайно меж собой в записках сношаются. За главного ж меж ними некто Эффингейм – зять Эльфинстона, который в Лондон через Роттердам письма о делах наших потайные шлет! – Покажи бумаги твои! – протянул руку адмирал.

– Вот! – Плещеев, щелкнув замками портфеля, вывалил перед Спиридовым груды бумаг. – Вот все записи перехваченные, а вот и копия с перлюстрированного письма, что наемни отослал он морскому лорду Гауксу.

– Знал я, что вор и подлец, а теперь оказывается, что и враг лютей. Следует тебе, душа моя, верных людей к Эльфинстону приставить, чтобы за ним да конфедентами его смотрели в оба! – Сие уже мною исполнено! – А что фискалы твои о Грейге прослышали?

– На сей счет имею подробное письмо из крепости Гибралтарской о разговоре промеж командором и тамошним флагманом британским. И писано там, что флагман тот просил командора помнить свое Отечество английское и служить ему по всей чести.

– Ну и что Самюэль? – Адмирал весь напрягся в ожидании.

– Командор на те притязания отвечал, что считает себя россиянином, отчего промеж них большой скандал вышел. – Верно ли сие? – Вернее нету!

– Ну ладно. – Спиридов тяжело откинулся в кресле. – Вся надежда теперь на тебя, так что не оплошай, душа моя. Эльфинстон – орешек крепкий, не по зубам нашим, здесь высочайшая власть нужна. Будем ждать Орлова, тогда все и обмыслим. Бумаги ж свои тайные береги как зеницу ока, держи под замком и охраняй в канцелярии судовой. От тех бумаг многое зависеть для дела нашего будет...

Незатейливая спиридовская хитрость со спуском флага удалась вполне. Попавшийся на удочку Гассан-бей решил еще раз попытать счастья, прихватив с собой лучшую половину флота. Он устремился навстречу русской эскадре. Противники быстро сближались. За кормами российских кораблей ласково плескались эгейские воды. «Весь... день 23-го мая они (русские моряки) имели тихий ветер из NW-четверти и мало продвигались вперед лавировкою; но 24-го подул ветерок с юга, и около полудня открылся неприятельский флот... под островом Специя. Вследствие того оба адмирала, Спиридов и Эльфинстон, сделали сигнал общей погони».

В четыре часа пополудни прогрехотали первые залпы... и турки повернули вспять. «Лев султана» быстро понял свою ошибку и теперь пытался оторваться от столь неожиданно сильной эскадры гяуров. В погоню за ускользящим врагом помчался «Саратов» неустойчивого Барша, следом – остальные.

А ветер падал. Видя, что на парусах уйти от гяуров не удастся, велел Гассан-бей тащить корабли галерами.

Флагман Эльфинстона «Святослав» метался из стороны в сторону, англичанин пребывал в полнейшей растерянности.

– Тьфу ты, – складывая подозрную трубу, ругался Спиридов, – уж хоть бы напал по-людски, а то, пока мыслию по древу растекается, паша басурманский пятки салом смазывает! Подымай сигнал «Гнать за неприятелем!»

Корабли Первой эскадры устремились вдогонку за турецким флотом. К ночи ветер спал совсем. Однако, умело маневрировав, Спиридов все же настиг алжирского разбойника. В это самое время Эльфинстон поднял сигнал о прекращении погони. Вторая эскадра покидала поле боя, зато Первая атаковала!*

Впереди всех мчался в гудении всех парусов «Три Святителя». В отчаянной попытке настигнуть неприятеля Хметевский спустил на воду все гребные суда. Гнулись ясеневые

весла, скрипели уключины, покрывались потом матросские спины. И корабль настиг турок! Ввязавшись в драку сразу с четырьмя линейными кораблями султана, погнал их впереди себя. Русская артиллерия работала на славу. Но трудно тягаться шлюпкам с галерами-катыргами, турки постепенно оторвались от настырного москвитя.

Позднее Хметевский вспоминал об этих горячих минутах с нескрываемой досадой: «Чтоб мне турецкие корабли атаковать, сжечь и потопить, все, стоя у борта, кричали с великой охотой: «Родимый Батюшка, ваше сиятельство, Боже, помоги нам...»

Поняв, что Гассан-бей ушел окончательно, Спиридов велел через Федора Орлова всем возвращаться. А сам вызвал к себе на борт Эльфинстона. Отбросив антимины, пригрозил адмирал англичанину, что отныне в случае неподчинения он просто-напросто отберет у него все корабли. Угроза неожиданно подействовала, и Эльфинстон несколько притих.

А дозорные фрегаты уже волокли перехваченный французский транспорт. Капитан судна предъявил коссамент на груз табака из Салоник. Разговорившись, он сообщил русским морякам, что, не далее чем день назад, его судно было задержано и осмотрено турками, флот которых состоял из полутора десятков вымпелов.

– Имеются ли войска в Салониках? – любопытствовали дотошные досмотрщики.

– Восемь тысяч отборнейших воинов под началом четырех пашей! – был незамедлительный ответ.

Наблюдательного француза отпустили с миром. Плавание продолжалось. В течение нескольких последующих суток ничего существенного не произошло, если не считать стычки младшего Орлова с Эльфинстоном.

Дело обстояло следующим образом. Маясь от скуки, попросился Федор Орлов съездить с первым подвернувшимся поручением к Эльфинстону. Встретившись, они тотчас принялись хамить друг другу как могли. Началось с того, что, задетый за живое наглостью Орлова, Эльфинстон хорошенько ругнул его по своей обычной привычке. Не привыкший к такому обращению со своей особой, Федор без долгих раздумий полез в драку. Насилу разняли. На прощание контр-адмирал пожелал юному графу сдохнуть без причастия, тот же, не найдя других аргументов, отомстил обидчику метким плевком.

Эскадры меж тем подходили к острову Зея, где было решено дать роздых уставшим командам. Больных снесли на берег, здоровые штопали паруса и креновали суда. «Устрицы по всему днищу поприлипали так крепко, что их отбивали и отколупывали ножами... Черви, жрущие обшивные доски, собою весьма малы, рогагы и несколько похожи на морских раков... Едят они дерево, кое помягче, крепкое или совсем обходят или поменьше, что им вкусно, сжирают все».

Но отдохнуть и починиться не удалось. Местные рыбаки принесли тревожную весть: – Вблизи появились турки!

Поиск неприятельского отряда был поручен Эльфинстону. Три линейных корабля и два фрегата вышли в море. Негропонтский рейд, где накануне видели вражеские суда, был, однако, пуст. Лишь у самого берега уныло качалась на волнах ветхая турецкая фелюка. Захват судна Эльфинстон поручил своему зятю, лорду Эффингейму, вместе с которым послал в поиск и сыновей. В полночь суденышко было взято на абордаж. Эффингейм горделиво доложил адмиралу, что фелюка отбита лихой атакой. Лорд беспардонно врал: команда суденышка сбежала на берег еще засветло. Довольный одержанной победой, Эльфинстон притащил фелюку к эскадре, на виду у которой она и рассыпалась... Глядя на плавающие доски, на кораблях смеялись: – Не попал по коню кнутом, так хоть по оглоблям!

После неудачи у Негропонта стало очевидно, что турки улизнули из здешних вод окончательно, и Спиридов повернул обратно.

А вскоре достигла русских моряков печальная весть – пал Наварин. Все ходили будто оглушенные, еще бы: ведь пал последний оплот экспедиции в Море.

На следующий день показались вдали неизвестные суда. По бортам цвета охры и по четкости маневров быстро определили – свои! То был отряд бригадира Грейга. На грот-брам-стеннге «Трех Иерархов» реял кейзер-флаг, поднятый по дерзкому своеволею

Алексея Орлова. Прогремела тридцатизалповая салютация. Орлов ждал к себе обоих адмиралов.

И Спиридов и Эльфинстон сразу же высказали ему свои взаимные претензии. Главнокомандующий разбираться не стал: – Оба хороши! Екатерине отписал он по этому поводу следующее: «Если бы Эльфинстон хоть чуть проиграл, от бешенства... его могли бы все в порте быть заперты и неизбежно погибнуть, а теперь все мы вместе, что Бог даст»*.

В конце встречи Спиридов попросил Орлова подождать, пока прибудет вызванный им с «Евстафия» флаг-капитан Плещеев. Далее разговор шел уже при наглухо закрытых дверях. Выслушав доклад Плещеева о преступной деятельности контр-адмирала Эльфинстона, Орлов долго молчал, перебирал представленные ему бумаги. Затем задумчиво посмотрел в открытое окно адмиральского салона.

– Не могу я, едва вступив в командование обеими эскадрами, начинать с ареста одного из командующих. Чтобы в Петербург под конвоем отправлять, мне надо самому приглядеться к деяниям его.

– Деяния имеются, ваше сиятельство, и вы об этом знать уже изволите! – сдержил Плещеев. Но Орлов пропустил дерзость мимо ушей.

– Верно говоришь, каперанг, но спешить я все же на сей раз не стану.

Пятнадцатого июня корабли подошли к острову Парос и, найдя укромную бухточку у местечка Трия, принялись пополнять запасы воды.

– Худая стоянка лучше доброго похода! – шутили на кораблях.

Парос – жемчужина Эгейского моря, родина Фидия и Праксителя.

Солдаты и матросы, будто дети, радовались густоте трав, воркующим в зелени голубям: – Вот где, Господи, благодать-то!

С «Ростислава», торопясь, перегружали на «Гром» бомбы. На «Саратове» спустили бригадирский брейд-вымпел. Злопамятный Эльфинстон добился своего: Ивана Барша* отстранили от капитанства. Сдавшего командование «Саратова» бригадира определили в младшие лейтенанты... Так были оценены заслуги этого боевого офицера.

Наступала пора решающих сражений на море. Российская эскадра, покидая гостеприимный Парос, держала курс к анатолийским берегам. Где-то там, по сведениям арматоров Лабро Качиони, должны были находиться морские силы Великой Порты. Русские моряки выводили свои корабли с великой верой в успех. Им нужна была только победа!

За резными окнами кормовой адмиральской каюты лениво плескалась волна. «Реал-Мустафу» легко покачивало. Возлежа на подушках, Гассан-бей Джезаирли и торговец Ахмет-ага потягивали кофе и поругивали нерешительного великого адмирала.

– Ясно одно, – рассуждал Гассан-бей, – гяурам долго без портов в здешних водах не продержаться, нам следует истощить их в бесплодных скитаниях в море, а затем внезапно напасть и истребить!

– Светел твой разум, Джезаирли, – кивнул головой Ахмет-ага, – но послушай и мой совет. Не нравятся мне рыбаки, что крутятся все время подле нас. Поверь мне, пока их лады будут рядом, презренный Спиритуф будет знать о нас все!

Гассан-бей, поднявшись, подошел к растворенному окну и в раздумье глянул в голубую даль, где белели косые паруса греческих фелюк.

– Ты верно говоришь, Ахмет, – обернулся он к приятелю. – В самом деле: что делать здесь рыбакам? Зато есть чем заняться корсарам! Немедленно возьми несколько быстрых фрегатов и разгони этих негодяев. Пойманных казни на месте, а разговор по этому поводу с капудан-пашой я беру на себя.

– С этого дня у гяуров забот прибавится! – самодовольно ухмыльнулся Ахмет-ага и запахнул стеганный халат.

– Время – высшая из драгоценностей, так не будем терять его даром!

В тот же день по всему Архипелагу разгорелись кровопролитные схватки греческих арматоров с фрегатами Ахмет-аги. И горе было тем несчастным, кто попадал в его руки,

живые завидовали мертвым... Корсары бились отчаянно, но пока они вели неравную борьбу с легкими силами турок, линейные корабли Высокой Порты исчезли...

Дальнейшие попытки Спиридова и Ламбро Качиони найти их ни к чему не привели...

– Искать! Искать! – требовал адмирал у арматоров. – Делайте что хотите, но я должен знать: из-за какого угла нанесет мне удар Един-паша!

В помощь грекам он выслал все, что только было у него под рукой. Но капудан-паша будто растворился со своей армадой среди бесчисленных островов Архипелага. Джезаирли и Ахмет-ага задачу свою выполнили блестяще!

Сообщения с театра военных действий за первую половину июня 1770 года:

1 июня. Армия генерала Румянцева выступила из лагеря у реки Раховец и двинулась вперед скорым маршем.

9 июня. Передовые отряды армии подошли к реке Прут и стали здесь лагерем. Одновременно к Пруту подошел из Молдавии корпус генерала Репнина.

10 июня. Турецкая конница атаковала авангард армии – корпус квартирмейстера Боура, но была отбита. Русская кавалерия преследовала неприятеля двадцать верст. Крупные силы татар и турок скопились в трех верстах ниже местечка Рябая Могила.

Из Восточной тайной экспедиции:

Июль 1770 года. В начале месяца галиот «Святая Екатерина» и гукор «Святой Павел» были изготовлены к новому плаванью. Перед самым выходом в море, изучая течение реки Камчатки, перевернулся на челне и утонул капитан 1 ранга Петр Креницын. В командование экспедицией вступил капитан-лейтенант Михаил Левашов. Исследования продолжались...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ Баталия жестокая

Глава первая

*Гром победы раздавайся,
Веселись, великий Росс!
Г.Р.Державин*

Первая армия генерала Румянцева находилась на марше, когда ее командующий получил пакет из Санкт-Петербурга. То было письмо императрицы. Екатерина II писала Румянцеву весьма язвительно и обидно: «Не спрашивали римляне, когда... их было два или много – три легиона, в каком числе против них неприятель, но где он? Наступали на него и поражали и немногочислием своего войска побеждали многособранные против них толпы».

Утром 15 июня 1770 года командующий Первой армией отрядил генерал-квартирмейстера Боура для рекогносцировки турецких позиций урочища Рябая Могила. Доклад был неутешителен. Впереди войск, преграждая им путь, протекал болотистый ручей, далее располагались крутые высоты, занятые неприятелем.

– Наступление невозможно! – сделал вывод об увиденном Боур. – Ибо неприятель помимо прочих препятствий вознамеривается воздвигнуть еще и сильный ретраншемент и уже устанавливает на оном четыре десятка пушек! Румянцев в задумчивости покачал головой:

– Едино возможный путь наш – нанесение удара решительного по флотам. Нападение и успех возможны. Атаку назначаю на два часа пополудни!

Командующий мог рассчитывать только на внезапность нападения, и это ему удалось.

Атака производилась скрытно. Оставив в лагере бивачные костры, Румянцев к рассвету уже завершил двусторонний охват противника. В утреннее небо взвились три ракеты.

Ударили барабаны. Корпус Боура атаковал турецкий ретраншемент «в лицо». Генерал Репнин наносил удар слева. Командующему доложили:

– Турецкие и татарские обозы под охраной спешно двинулись назад!

Сидевший на разостланной конской попоне Румянцев сразу оживился:

– Хорошо! Значит, неприятель сомнение в своем успехе имеет великое! Нам же надобно его в том еще боле утвердить! – Он обернулся к толпившимся поодаль адъютантам. – Скакать немедля по корпусам и передавать мой ордер об усилении натиска!

Желая перехватить инициативу, турки бросили вперед свою конницу. Размахивая кривым саблями, лихие наездники попытались опрокинуть пешие каре. Навстречу им понеслись русские гусарские полки: Ахтырский, Харьковский и Сербский. В скоротечной, но жестокой рубке противник был обращен в бегство. Часть татар во главе с сыном крымского хана Дели Султан-Керимом, засев в одном из близлежащих оврагов, пыталась отстреливаться, но была быстро перебита кавалеристами генерала Подгоричани. Бежавших преследовали кирасиры и карабинеры генерала Салтыкова. А пехота уже взбиралась на ретраншемент. В тыл неприятелю целил «летучий отряд» Григория Потемкина. Теперь уже побежали все... – Посчитать потери! – распорядился Румянцев. – Семнадцать человек! – доложили ему.

Армия продолжила свой поход, не давая опомниться неприятелю, Румянцев гнал его вдоль левого берега Прута к Дунаю.

После сражения Румянцев направил отряд Потемкина для наблюдения за отступающим противником. Вскоре между течениями рек Прут и Ларга авангарды Первой армии обнаружили неприятельский лагерь. Чтобы не дать всем этим отступавшим и пришедшим из Молдавии войскам соединиться с главными силами визиря, Румянцев решил немедленно атаковать их.

Подошли к переправе через речку Серет. Разыгралась непогода: поднялся ветер, небо стало темным от набежавших туч. Солдаты заволновались, видя в этом недобрый знак. Отважные ободряли оробевших.

Подъехав к наскоро разбитой палатке, Румянцев соскочил с лошади и принялся расхаживать взад-вперед, разминая затекшие ноги.

С холма к нему в бешеном аллюре летел посыльный офицер.

– Ваше превосходительство! Только что на передовых форпостах ранен пикой и пленен татарами майор Зорич! – глотая слова, доложил он.

Секунд-майор Зорич был любимцем всей армии и по праву считался одним из храбрейших и дерзких партизан...

– Попытайтесь отбить или обменять на кого-нибудь из пленных знатных татар! – ответил командующий. – Да торопитесь, татары ждать особо не будут. Надо успеть, пока они с ним чего-нибудь не вытворили!

Румянцев был озадачен. Сейчас впереди русской армии выдвигалось из-за Дуная главное воинство Высокой Порты, с тыла угрожала татарская конница. Выход был один – разбить наступавших по очереди, не дав им объединиться. Надо было торопиться.

Крымский хан готовился к обороне у впадения реки Ларги в Прут. А русская армия, совершив стремительный бросок, уже находилась поблизости, всего в нескольких переходах от него. Против пятнадцати тысяч у Румянцева неприятель имел все восемьдесят, но это в русской армии никого не смущало.

На военном совете решено было противника атаковать со всею фурией ночью. Быстро навели мосты по реке выше неприятеля, и в два часа ночи войска начали скрытую переправу. Перейдя Ларгу, полки выстраивались в боевые каре и скорым шагом устремлялись вперед на врага, стараясь охватить его с флангов.

При Ларге Румянцев применил новую тактику для действия против иррегулярных войск. Он построил войско в четыре каре: два нацеливались на фланги, два предназначались для атаки с фронта. Кавалерия в одно время с фланговыми каре должна была ударить противнику в тыл.

Вскоре появление русских войск было замечено, и сразу же последовала бешеная атака татарской конницы. Не смолкая, палили картечью пушки, гремели барабаны. Бой стих лишь к вечеру.

А едва забрезжил рассвет, огромная масса неприятельской конницы под предводительством Абды-паши с диким гиканьем вновь атаковала русские полки. Главный удар приняли на себя солдаты корпуса Репнина. Им было невероятно трудно, но они выстояли и отбросили татарскую конницу. Честь им за это и хвала!

Пока большая часть полков отбивалась от конников Абды-паши, дивизия генерала Племянникова прорвалась к вражескому лагерю. Татары бежали так же стремительно, как только что атаковали...

Румянцев сообщал императрице: «В сей день, то есть 7-го июля, достигнувши неприятеля за речкою Ларгою на высотах, примыкающих к левому берегу Прута, одержала армия Вашего Императорского Величества величайшую над ним победу. Было тут турков и татар премногочисленно, а командовали ими сам хан Крымский и паши: Абаза, Измаил и Абды. Последний присоединился к ним с правого берега Прута с своим лучшим войском в пятнадцать тысяч, и так считалась вся их армия до восьмидесяти тысяч. Неприятель с таковыми великими силами имел лагерь на превысокой и неприступной горе с обширным ретраншаментом, и его канонада командовала всею окрестностью... Мы, несмотря на все сии выгодные позиции, на рассвете с разных сторон поведши атаку, выбили штурмом неприятеля из всего его лагеря, поражая сопротивляющихся и брав одно за другим укрепления, коих было в оном четыре.

Хотя неприятель сильным огнем из своей артиллерии и мелкого ружья, продолжая более четырех часов, устремлялся давать отпор, но ни сила орудий, ни персональная его храбрость, которой в сем случае надлежит отдать справедливость, не постояли против превосходного мужества наших солдат, которые коль скоро коснулись поверхности горы, то и сделались мы победителями, а неприятель с превеликим уроном в наглой обратился бег.

Не только место лагеря, что под нашею теперь пятою, но и всеми пушками, коих с первого взгляду считаем до тридцати, артиллерийским запасами, палатками, разного провизиею, посудю, скотом и каков только был багаж, мы в свою корысть завладели».

При первом известии о победе при Ларге Екатерина сразу же назначила «достодолжное благодарение Всевышнему», которое должно было проводиться в ее личном присутствии, при стечении «всего народа». Место для проведения торжественного богослужения тоже было избрано с большим смыслом. Екатерина II повелела провести благодарственный молебен в старой церкви Рождества Богородицы на Невском проспекте. Здесь хранилась особо почитаемая икона Казанской Божьей Матери – символ и залог победы России над ее врагами. Эта икона сопровождала ополчение Минина и Пожарского при освобождении Москвы от поляков. После основания Петербурга, в разгар войны со шведами, Петр I распорядился перевезти святыню в новый город, подчеркивая твердость своих намерений сохранить Северо-Западный край за Россией. И теперь Екатерина II на другой же день после известия о победе при большом стечении народа и под грохот пушечной пальбы салюта отметила новый успех русского оружия. Она щедро одарила выдающегося полководца.

Екатерина II послала Румянцеву благодарственное послание «с изъявлением благодарения за победу при Ларге»: «Граф Петр Александрович! Вы легко себе представить можете, с коликим удовольствием я получила известия чрез полковника Каульбарса о совершенно вами одержанной победе над неприятелем при речке Ларге. На другой день я со всем народом приносила Всевышнему достодолжное благодарение при пушечной пальбе в церкви Казанской Богоматери. Но наивящще чувствовала цену сего происшествия, когда 25 числа сего месяца усмотрела из привезенных поручиком гвардии Хотяинцовым и подполковником Мордвиновым писем обстоятельные описания сей славной вам и всем в сражении бывшим войскам баталии, при которой высшее воинское искусство предводителя было поддержано храбростью и неустрашимостью подчиненных ему воинов. Что более

услуги к Отечеству, то менее цены оным можно определить настоящее время. Одно потомство означает степени славы знаменитым людям всякого рода.

Вы займете в моем веке несомненно превосходное место предводителя разумного, искусного и усердного. За долг почитаю вам отдать сию справедливость и, дабы всем известен сделался мой образ мысли об вас и мое удовольствие о успехах ваших, посылаю к вам орден Святого Георгия первого класса. При сем прилагаю реестр тех деревень, кои немедленно Сенату указом повелено вам отдать вечно и потомственно». Сообщив Румянцеву эту приятную весть, императрица далее пошла на еще один утонченный знак внимания, сделав в послании следующую приписку с характерным ей немецким акцентом:

P.S. Как я вспомнила, что в Молдавии золотошвей статья может мало, то посылаю к вам кованую Георгиевскую звезду, какую я сама ношу».

А тем временем Румянцев развернул свою армию против главных сил турецкой армии. Изнуренные солдаты снова устремились вперед. На сей раз им предстояло сразиться со столятидесяти тысячной полевой гвардией султана, укомплектованной отборными янычарами. Румянцеву нужна была только победа. Армия доедала последние сухари, делила последние горсти пороха. Обозы давно и безнадежно отстали, на их перехват всюду спешила к Хотину татарская конница...

Скорый марш завершился у деревушки Гречены. Впереди за холмами тысячами костров пламенел в ночи турецкий лагерь. Не теряя времени, командуемый тотчас самолично произвел рекогносцировку. Осмотрев все интересующее его в зрительную трубу, он обратился к стоявшим рядом генералам:

– Если турки осмелятся и одну в сем месте разбить свою палатку, то я их в сию же ночь пойду атаковать!

Ударные силы Румянцева насчитывали всего 27 тысяч солдат, турецкого командуемого Халиль-паши – в пять раз больше...

Ранним утром, перейдя Троянов вал, войска Румянцева двинулись на неприятеля. Согласно диспозиции в центре шли каре Олица и Брюса, с флангов их поддерживали корпуса Репнина и Боура. В промежутках между пехотой рысила кавалерия. Хорошо зная неприятеля, Румянцев ждал конных атак, и его предположения полностью оправдались. В клубах пыли налетела турецкая конница, и бой закипел! Русские полки мгновенно оцетинились сталью штыков, ударила картечью артиллерия. Турки было попятиться, но вскоре нанесли сокрушительный удар по войскам Брюса и Репнина, окружив их. Часть спагов, спешившись, засела в близлежащем овраге и принялась прицельно расстреливать проходившие мимо полки. Пали раненые и убитые... Положение спасли артиллеристы генерала Мелиссино, расчистившие продольным огнем овраг. Турки бежали. Одновременно отхлынула и конница. Пользуясь передышкой, русская армия продолжила свое движение к неприятельскому лагерю. Впереди всех шагали гренадеры генерала Боура. Вскоре они уже штурмовали турецкий ретраншемент. Два десятка пушек били по ним в упор, но гренадеры штыковой атакой овладели укреплениями.

И вновь турецкая конница набросилась на немногочисленные каре. На этот раз главный удар пришелся по дивизиям Олица и Племянникова. Одновременно десять тысяч янычар с криками «алла!» внезапно ударили из ложины во фланг наступающим и смяли сразу три полка: Астраханский, Муромский и 4-й гренадерский. Смешавшись с янычарами, солдаты дрались храбро, но силы были далеко не равны, и они не выдержали... Преследуя бегущих, янычары устремились к каре Олица и быстро привели его в расстройство. Наступил самый критический момент сражения, а может, и всей кампании. Чаша весов начала клониться в сторону неприятеля.

Мгновенно оценив происходящее, Румянцев вылетел на коне из-за частокола штыков.

– Теперь настало наше время! – на ходу крикнул он адъютанту и помчался навстречу бегущим солдатам. Вздвигнув коня перед ними, выхватил шпагу: – Ребята, стой! Хватит пятиться! За мной! Ура! – и первый помчался навстречу врагу.

Пример командующего ободрил солдат, и они с криками «ура!» побежали за Румянцевым. Поддерживая эту отчаянную контратаку, ударила кавалерия Салтыкова и Долгорукого артиллерия. Особые лавры стяжали себе в этой беспримерной схватке гренадеры 1-го гренадерского полка бригадира Озера. Равных им в отваге не было! И хваленые янычары побежали...

Тем временем орудия генерала Боура и Брюса вели обстрел турецкого лагеря. Корпус же Репнина завершал обход правого фланга неприятеля. Над полем брани со свистом летали ядра, русская артиллерия господствовала.

– Все, – сказал Румянецв удовлетворенно, возвращаясь к поджидавшему его штабу. – Неприятель со всех сторон в огне, доле держаться не может. Пускайте вдогон кавалерию!

Звонко запели сигнальные трубы, и вперед устремилась русская конница.

Неся огромные потери, избиваемые со всех сторон, турки побежали. Напрасно метался с саблей в руке Халил-паша.

– Нет силы сбить гяуров, которые разят нас так, будто сам Аллах желает этого! – кричали ему бегущие.

Не спас положения и особый отряд Мустафы-паши, имевший приказ рубить трусам носы и уши...

Русская кавалерия преследовала неприятеля пять верст. На дунайской переправе гусары добивали остатки лучшего османского воинства.

Румянецв в своей реляции так сообщал Екатерине о сражении при Кагуле: «Ни столько жестокой, ни так в малых силах не вела еще армия Вашего Императорского Величества битвы с турками, какова в сей день происходила... Действием своей артиллерии и ружейным огнем, а наипаче дружным приемом храбрых наших солдат в штыки... ударили мы во всю мочь на меч и огонь турецкий и одержали над оным верх...»

Описав все подробности боя и бегство турецких войск и находившихся вместе с ними польских конфедератов к Дунаю, Румянецв с гордостью отмечал: «Да позволено мне будет, всемиловейшая государыня, настоящее действие уподобить делам древних римлян в том, в чем Ваше Императорское Величество мне их примеру подражать велели; не так ли и армия Вашего Величества поступает, что не спрашивает» как велик неприятель, но ищет, где только он».

2-го августа 1770 года Екатерина в письме к Вольтеру писала: «Дней десять тому назад я извещала вам, что граф Румянецв разбил татарского хана, соединившегося с турецким корпусом, что он у них отнял палатки и артиллерию на речке, называемой Ларга.

Ныне имею удовольствие вам сообщить, что вчера вечером курьер от помянутого графа привез мне известие, что в тот самый день, когда я к вам писала, т.е. 21 июля, моя армия одержала полную победу над султанскими войсками под командою визиря Галиль-бея, янычарского аги и семи или восьми пашей. Они опять были разбиты в своих окопах; артиллерия их в количестве ста тридцати пушек, их лагерь, обоз и запасы всякого рода достались в наши руки. Потери их значительны, наши же таки ничтожны, что опасаясь говорить о них, дабы случившееся не показалось баснословным.

Нет ни одного значительного лица, даже никакого офицера главного штаба, раненного или убитого. Бой, однако, длился пять часов. Турки стреляют плохо и годны только для одиночных схваток.

Гр. Румянецв мне доносит, что, подобно древним римлянам, моя армия не спрашивает: сколько неприятелей, но только – где они? В этот раз турки были в количестве ста пятидесяти тысяч человек, окопавшихся на высотах по берегу ручья Кагула, в 25 или 30 верстах от Дуная, и имея у себя в тылу Измаил.

Но этим, государь мой, не ограничиваются новости: у меня есть верные известия, хотя и не прямые, что мой флот разбил турок пред Наполи ди Романия, рассеял неприятельские корабли и многие потопил».

После Кагула «за оказанные Ее Величеству и Отечеству верные и усердные услуги» Румянецву было пожаловано звание генерал-фельдмаршала. «Граф Петр Александрович!

Вчерашний вечер получила я чрез мною тот же час пожалованного генерала-майора и кавалера Святого Георгия третьего класса Озерова, хотя неожиданное, но весьма приятное известие о славной вам и всему воинству российскому победе при речке Кагуле над армиею вероломного султана, под предводительством самого визиря. За первый долг я почла принести всемогущему Богу за бесчисленные Его к нам милости и щедроты коленопреклонное благодарение, что сего утра со всем народом при пушечной пальбе в церкви Казанской исполнено было, и весь город зело обрадован. Потом, возвратясь во дворец, сев за стол и вспомя подающего нам причины радости и веселия своим искусством, усердием и разумом, при пушечной пальбе, пила я здоровье господина фельдмаршала графа Румянцева, с которым вам новопожалованным и весьма вами заслуженным чином вас поздравляю и должна вам засвидетельствовать, что у меня за столом не было человека, который бы не был тронут до слез от удовольствия, видя, что я справедливость показала их достойному согражданину. Несравненной армии моей успехи и победы кто с толиким удовольствием видеть может, как я? Но коль велика радость моя, сие легче чувствовать можно, нежели описать. Одним словом, от малого до великого, могут быть уверены в моей к ним милости, благоволении и благодарении, что прошу им сказать.

Благодарю я вас и за то, что вы то самым делом исполняете, что про римлян говорят, и не спрашиваете, многочислен ли неприятель, но где он? Я уверена, что вы не оставите мне тех назвать, кои себя отличили, дабы я могла им воздать справедливость. Графа Воронцова и господина Елчанинова я по вашему представлению пожаловала полковниками. Впрочем, остаюсь как и всегда к вам доброжелательна», – писала императрица.

А затем Екатерина пошла еще дальше. Заново убедившись в полководческом искусстве Румянцева, она в августе 1770 года предоставила ему право «для блага дел наших с вами» в случае необходимости действовать ее именем. «Как я вижу, – подчеркивала императрица, – что вы и делаете, более на успех дел моих, нежели на какие ни на есть страсти людские, и будьте уверены, что я всегда в сем, как и во всех прочих ваших ревностных предприятиях, всячески вас подкреплять буду».

Итак, за небольшой срок Высокая Порта потерпела три страшных поражения: при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле! Подобного история еще не знала. Константинополь пребывал в полной растерянности.

Командующий Первой армией мог с удовлетворением ответить на письмо Екатерины следующими словами: «Да позволено мне будет, всемилостивейшая государыня, настоящее дело уподобить делам древних римлян, коим Ваше Величество велели мне подражать: не так ли армия Вашего Императорского Величества теперь поступает, когда не спрашивает, как велик неприятель, а ищет только, где он!»

К концу июня 1770 года Румянцев уже овладел Молдавией и Валахией. Русская армия почти без боя занимала одну за другой многочисленные турецкие крепости на Дунае. Теперь слово было за флотом!

Глава вторая

*Как флот Российский в Понт держает,
Так роет он поверх валов,
Надменно бездна отступает,
Стеня под тяжестью судов...*
М. В. Ломоносов

Перед российскими мореплавателями расстилалось море древней Эллады. В светлой дымке проступали фиолетовые силуэты островов. Каждый из них – будто жемчужина в оправе изумрудных эгейских вод. Плыли тремя отрядами: первый вел Спиридов, второй – Орлов, третий – Эльфинстон. Над кораблями наряду с Андреевскими трепетали и

перечеркнутые христианским крестом Иерусалимские флаги, показывая всем, что россияне идут в бой за освобождение угнетенных единоверцев.

Нешадно палило солнце. От невыносимой жары закипала в палубных пазах еловая сера – гарпиус. В трюмах бесполезно пшикали воздуходувными мехами вентиляторы. Люди, изнывая от духоты, обливались водой.

Легкий Этизиан, наполняющий силой полотнища парусов, то и дело куда-то исчезал, и тогда паруса обвисали никчемными тряпками. Томительное ожидание иногда длилось по нескольку дней кряду. Коротая время, неунывающие матросы-архангелогородцы собирали вокруг себя зевак, вызывали дедовскими заклинаниями морской свежак:

Дай, Бог, ветерка,
Наша лодка не ходка,
С носу, с подносу,
С кормы заветерье...

Под шутки и смех пускали за борт на щепках тараканов, жертву царю морскому принося. Помогало ли это? Кто знает... Но приходило время, и вновь вытягивались косицы выпелов, набухали паруса, и эскадра продолжала свой путь на восток.

В нечастые минуты отдыха собирал вокруг себя боцман Евсей рекрутов и читал им вслух увлекательную «Историю о российском матросе Василии Кариацком». Читал по слогам, медленно, потому как и сам в грамоте не больно силен был. Но хотелось старику хоть чем-то порадовать этих беззащитных и безответных мальчишек. А рекруты, окружив Евсея тесной толпой, слушали, раскрыв рты. Еще бы, отважный матрос перехитрил жестоких разбойников, одолел козни коварного адмирала Флоренского и, пройдя все испытания, женился на любимой Ираклии!...

Беспрестанная погоня длилась уже несколько недель, а турок все не было видно: будто в воду канули.

Впереди по курсу рыскали, разметывая форштевнями воду, неутомимые фрегаты. Просматривали каждый островок, каждую бухточку, но везде было пусто...

Первые дни совместного плавания Алексей Орлов был доволен происходящим: турки постыдно бежали, а российский флаг гнал их в дарданелльские теснины. Все дни граф проводил наверху, под пышным балдахинном пил черное, как деготь, кипрское вино, курил кальян. Подле крутилась свора именитых пассажиров: генерал Пален, Юрий Долгорукий, Розенберг, гвардейцы-бездельники Поррет и Дивов, дипломатический агент Разупандин – моряк храбрый и в деле морском хорош весьма*.

– Как я повелел, так тому и быть! – озлился Орлов, рубец на его щеке мгновенно побагровел, на скулах заиграли желваки.

– Ну что ж, Грейг так Грейг! – не желая спорить, махнул рукой адмирал и, сославшись на недомогание, тотчас убыл прочь.

Вскоре линейный корабль «Ростислав» с двумя фелюками скрылся за грядями скал Хиосского пролива.

А с «Евстафия» уже сигналили: «Адмирал велит готовить эскадру к генеральной баталии».

Орлов через флаг-офицера Фондезина поинтересовался: чем вызвана этакая спешка? Ведь турок может в проливе и не быть. Выслушав графского посланника, склонил голову Спиридов:

– Передай их сиятельству, что наемни видел я во сне крыс отвратных, а твари эти мне всегда перед баталиями снятся.

Вернувшись на «Иерархов», Вильям Фондезин передал Орлову спиридовский ответ слово в слово. Тот пожал плечами: ему крысы не снились.

– У старика чутье, – приняв шутку, улыбнулся граф, – хорошо, если оно и сегодня его не подвело! К баталии готовиться!

Войдя в Хиосский пролив, на «Ростиславе» убрали паруса, не торопясь, двинулись меж подводных камней и обширных мелей. Вперед устремились фелюки. Наклоненные к носу мачты с косыми парусами придавали им залихватский вид. Скоро фелюки скрылись из виду.

Осторожный Лупандин то и дело мерил глубины. Брошенный в воду лотник вился змеей по течению. Свесившийся за борт матрос загибал пальцы, считая повязанные из флагдуха мерки, каждая мерка – сажень глубины.

Грейг с Лупандиным говорили мало, больше пили остуженную воду с вином, по-гречески. Так прошел час, за ним второй. Наконец появились из-за скал долгожданные фелюки. На них что есть силы размахивали руками, палили из ружей.

– Кажись, чего-то нашли! – обрадовался Лупандин. Передовая фелюка, убирая латинский парус, сошлась борт о борт с линейным кораблем.

– Видел флот турецкий. Лежит на якорях поперек канала, доложил в рупор капитан-лейтенант Булгаков, отряженный с «Ростислава» в разведку.

– Булгаков! – спросил Грейг. – Сколько видел вымпелов? – За полсотни, почитай, будет, господин бригадир!

– Эй, земляки! – кричали грекам с ростров матросы. – Много ли басурман видели?

– Ой, много! – отвечали греки. – Так много, что как лес стоят!

– Ничего, – смеялись им с «Ростислава», – лес рубят – щепки летят!

Теперь уже, оставив позади себя фелюки, вперед устремился сам линейный корабль. За скалистым мысом русским морякам открылась незабываемая картина. Бесчисленный турецкий флот покрыл всю ширину пролива частоколом мачт. При виде этого у многих захватывало дух. –

Ух, ты! И взаправду как в лесу!
Белеют паруса турецкие вдали.
Как страшный некий змий, простерши по валам,
Главой примкнул их флот к Чесменским берегам,
Другую часть простер до каменистой мели,
Где робкие струи теснятся, зашумели
О россы, россы! Вам казалось в сей час
Что в море двинулась вся Азия на вас...

А с марсов уже считали торопливо:

– Больших кораблей добрых полтора десятка будет, фрегатов не менее того, а прочей мелочи без счету!

Турки, заметив вражеских лазутчиков, открыли огонь. Ядра, не долетая, падали в воду, взметывая фонтаны брызг.

– Теперь пора и восвояси, – обернулся к Грейгу Лупандин, – дело сделано с прилежанием.

Повинуясь воле рулевых, «Ростислав» плавно развернулся на форватере и, поймав в паруса ветер, поспешил назад по выходе из пролива Грейг велел палить из пушки и поднять сигнал «Вижу неприятельские корабли».

– Слава те, Господи! – Спиридов широко перекрестился. – Теперь-то мы не упустим окаянных!

С «Евстафия» просигналили: «Всему флоту спуститься к «Ростиславу». Спиридов желал атаковать немедленно, но Орлов по совету Грейга отложил нападение до следующего утра. Стройность атаки не должна быть нарушена спешкой!

Обогнув Хиос с севера, эскадра подошла к проливу, где легла в дрейф к осту от Спальматорийских островов.

Та памятная ночь была на редкость светлой, ослепительно сияла луна. Видны были даже флажные сигналы на флагманских кораблях.

В ту ночь на русской эскадре никто не сомкнул глаз. Люди готовились к решающей битве. Нещадно выкидывали за борт скопившийся за долгие месяцы хлам, натягивали сетки от обломков над шканцами. Выстрелами прочищали пушки, кладя шестую часть пороха против веса ядра. В орудийных деках расставляли бочки с водой и уксусом. К каждой пушке по два лома, по два ганшпига и по одной швабре. Марсовые загодя тащили наверх запасные тросы. В крюйт-каморах цейхвахтеры набивали порохом картузы. Тимерманы с плотниками и конопатчиками заготавливали в интрюмах комья пеньки с салом, деревянные свайки и листовой свинец для заделки пробоин. Лекари точили свои страшные пилы, вытаскивали на свет Божий сундуки с лекарствами, наскоро обучали подручных заламывать руки и зажимать рты раненым. Иеромонахи раскладывали подле корабельных образов святые дары, листали Евангелие. У них завтра работы тоже будет много, предстоит поспеть везде: утешать, причащать и отпевать. Капитаны с особым вниманием осматривали крюйт-каморы. Ведь стоит одной-единственной искре найти сюда дорогу – и корабль взлетит на воздух быстрее, чем поп произнесет «аминь».

В полночь 24 июня 1770 года флагманы и капитаны эскадры были созваны на борт «Евстафия» для консилиума. Прибывших встречал сам адмирал. Настроение у всех было приподнятое.

Совещание открыл Спиридов. Оглядев собравшихся, он произнес негромко:

– Прошу господ капитанов и кавалеров доложиться о кораблях – припасах и служителях. Начнем с «Иануария».

Капитан «Иануария» 1 ранга Борисов кратко доложил о готовности своего корабля к предстоящему бою. За ним – остальные. Затем адмирал предоставил возможность каждому высказать свое мнение о ходе намечаемого сражения, начиная с младшего по званию. Таков закон российского флота. Капитан 2 ранга Василий Лупандин высказался за решительную атаку. Сразу стало шумно, каждый говорил все, о чем не однажды думал в бессонные капитанские ночи...

Эльфинстон, посоветовавшись с Грейгом, предложил, спустившись к турецкому флоту, поставить передовой линейный корабль на шпринг против неприятельского флагмана, два же последующих мателота так: один – на шпринг за кормой, а другой – на крамболе младшего турецкого флагмана. Подобным образом должна была действовать вся эскадра.

– Представленный мною план есть в духе лучших британских традиций! – закончил свое выступление Эльфинстон.

Спиридов скривился: ох уж эти британские традиции, заканчивающиеся расстрелами командующих!

Алексей Орлов, не проронивший с начала совещания ни слова, искоса поглядел на адмирала. Спиридов откашлялся:

– С рассветом надлежит нам, построясь в батальную колонну, спуститься левым галсом в бакштаг на флот агарянский и ударить всю силой по его авангардии и кордебаталии. Ворочать бортом к неприятелю думаю не далее, чем в полсотне сажений, а палить – лишь сойдясь на двойной выстрел. Вставать на шпринг из-за сильного течения нам несподручно, посему предлагаю галсировать вдоль всей басурманской линии под парусами!

– Bravo! – не сдержавшись, вскочил Хметевский. Капитаны одобрительно зашумели. Из дальнего угла исподлобья поглядывал на всех Эльфинстон.

Не посвященному во все тонкости морского дела тех далеких лет трудно представить, что стояло за фразой – выйти на двойной выстрел!

Сомкнутой кильватерной колонной, под ураганным огнем молча спускались корабли на неприятеля. Падали, заливая кровью палубу, матросы. Сидели под ядрами их лихие капитаны. И только тогда, когда без зрительных труб были видны возбужденные лица врагов, когда глаза различали все прорехи парусов, только тогда производился всесокрушающий залп двойными зарядами. Огненный смерч разрывал паруса и испепелял рангоут. Ядра с такой бешеной силой вонзались в борта, что прошибали их насквозь, разя еще и идущих во второй

линии. Трудно было выдержать удар подобной силы! История знает немного флотоводцев, чье умение и хладнокровие, талант и вера в подчиненных позволяли решиться на подобное!

Спиридов молчал, глядя на Орлова. Сидевший рядом с графом Грейг в сомнении покачал головой. Толстый Круз зачем-то усердно вытирал платком лицо. Все ждали, что скажет Орлов: его слово – последнее...

Главнокомандующий обдумывал предложенное, разглядывая перстень на указательном пальце. Пауза затягивалась. Грейг деликатно кашлянул. Наконец Орлов встал и сказал как отрезал: – Сию диспозицию утверждаю!

Собравшиеся вздохнули облегченно: половина дела сделана.

Консилиум продолжался. Пытаясь утихомирить разобиженного Эльфинстона, Орлов предложил было ему возглавить авангард. Однако тот отказался наотрез.

– Благодарю, – рявкнул свирепо, – рисковать репутацией в вашей аванюре не желаю!

После недолгих обсуждений было решено адмиралу Спиридову сочинять передовой строй боя, Орлову – средний, Эльфинстону же делать строй сторожевой. Затем попросил слово Степан Хметевский: – Кому завтра плыть передовым?

Вопрос не праздный, идти передовым в такое сражение – честь великая! Орлов показал рукой на Спиридова:

– Это решит Григорий Андреич, он лучше меня каждого из вас знает!

– Передовой быть «Европе»! – определил тотчас Спиридов.

– Почту за честь! – встал со своего места капитан 1 ранга Клокачев.

– За «Европой» следом «Евстафий» и «Святители», – продолжил адмирал. – Есть! – дружно ответили Хметевский с Крузом.

– Желаю всем доброй удачи! – пожелал на прощание Спиридов и, помолчав, добавил: – Помните, что во всех делах надлежит вам упреждать неприятеля!

Разъезжались молча. На рострах «Евстафия» задержались однокашники по морскому корпусу Клокачев и Хметевский, не торопясь, раскурили трубки.

– Ну, Федя, ни пуха тебе ни пера! – пожелал товарищу капитан «Трех Святителей».

– К черту! – Клокачев резко, одним ударом, вышиб об планширь еще не прогоревший табак и подмигнул Хметевскому. – Выдюжим, Степа, чай, не впервой! Пожали друг другу руки и спрыгнули в шлюпки. После совещания Орлов отписал Екатерине II:

«Ежели Богу будет угодно, чтобы мы сокрушили флот неприятельский, тогда стараться станем опять союзно действовать с обитающими народами под державою турецкою, в той стороне, где будет способнее. Если флот победит, тогда и денег не надобно будет, ибо будем господами всего Архипелага и постараемся оголодить Константинополь. В случае же несчастного сражения на море или пребывания турецкого флота в благополучном состоянии в тех морях надежды не имею остаться в островах Архипелажских и думаю, что принужден буду возвратиться в Средиземное море».

Появление гяурских разведчиков в Хиосском проливе было для великого адмирала словно гром среди ясного неба. Ведь здесь, в одном из самых удаленных и укромных мест Архипелага, он чувствовал себя в полной безопасности. Капудан-паша перепугался не на шутку. Вволю повздыхав над превратностями судьбы, велел он звать к себе Гассан-бея.

В ожидании своего помощника чесал Един-паша за ухом любимого ангорского кота и курил табак, пуская дым кольцами. Что делать дальше, великий адмирал не представлял.

– Ассалям-алеюкум! – приветствовал его вошедший алжирец.

– Алейкум салам! – кивнул капудан-паша, отшвыривая в сторону пригревшегося ангорца. – Известил меня сегодня правитель хиосский Осман-паша, что пушки его изношены и ветхи. А в здешнем местечке Чешме все еще хуже. Поэтому я сейчас же съезжаю на берег – подогнать бездельников, а тебе, храбрый Джезаирли, вручаю судьбу великого флота царя царей! Ты справишься лучше меня, о любимый «Крокодил султана»!

Един-паша встал и принялся расхаживать по каюте. Ноги мягко ступали по пышным персидским коврам. Гассан-бей был горд доверием:

– В моей пасти шестнадцать крепких клыков, и я разорву проклятых кяфиров. – Властное его лицо сияло улыбкой, хищно блестели умные глаза.

– Аллах акбар! – печально покачал головой великий адмирал. – Свет его охватывает всю землю! Ступай, храбрый Дджезаирли.

Вернувшись на свой 80-пушечный «Реал-Мустафу», созвал Гассан-паша капитанов на вечерний джамаат. Важные правители кораблей с раззолоченными ятаганами за поясами восприняли известие о бегстве капудан-паши весьма равнодушно, великого адмирала они презирали откровенно. Обрадовался лишь пират-торговец Ахмет-ага:

– Слава Аллаху! – сказал он. – Теперь-то мы покажем неверным нашу праведную ярость! Пощады не будет никому!

Расхаживая по шканцам в любимых желтых шароварах и красного цвета албанской куртке, надетой на голое тело, Дджезаирли излагал правителям свой план:

– Встав на якоря, будем отпугивать москвитов из пушек, и если они окажутся настойчивыми, то каждый из нас должен будет взорвать себя с одной из лодий неверных. Такова воля Аллаха!

А чтобы никто не посмел ослушаться его грозного приказа, велел Гассан-бей дать корабельным правителям клятву на Коране, что будут они биться завтра, не щадя голов своих.

Скоро, повинувшись воле деятельного паши, турецкий флот занял определенную ему позицию. В первую, ближнюю к гяурам, линию встали десять сильнейших кораблей. Позади, в промежутках, – еще шесть. На флангах отдали якоря фрегаты и большие каравеллы. Бесчисленные фелюки, шебеки и галеры с десантом держались наготове поодаль. На береговых холмах в ожидании дела зажгли костры одиннадцать тысяч отборных воинов.

Всю ночь Гассан-бей провел без сна, обдумывая возможные исходы завтрашней битвы. Легкий ветер трепал его курчавую черную бороду. Дджезаирли смотрел вдаль. Где-то там, за проливом, готовились к решающей схватке неутомимые гяуры...*

Забрезжил рассвет. С салингов, как с миноретов, призывно кричали корабельные муллы, созывая матросов на утренний намаз.

– Вставайте, правоверные, идите молиться. Ибо молитва лучше сна... Велик Аллах! Велик Аллах! Нет Бога, кроме Аллаха!

На российских кораблях склянки пробили четыре пополуночи. Над «Тремя Иерархами» взвился флаг-тоу – «Приготовиться к бою». Канониры, забив в оружейные жерла двойные заряды, запалили фитили. Бодрящий утренний свежак быстро рассеял туманную пелену. Капитаны озабоченно поглядывали на вымпела: какой сегодня будет ветер? Прикинув, говорили облегченно: – Люфт в норд-вестовой четверти; самый попутный! На «Иерархах» кричали «Ура». Там на фор-стеннге поднимали черно-желтое полотнище штандарта – сигнал «Гнать за неприятелем». Вахтенные лейтенанты командовали зычно:

– Марсовые по вантам! Марсели и фор-марсели ставить! По марсам! Пошел!

На вантах рябило от полосатых матросских камзолов. Вдалеке неясно вырисовывалась турецкая армада, неподвижно лежавшая на якорях.

Матросы и офицеры недоуменно поглядывали на флагманский корабль. Орлов велел не спускать штандарта и поднять кейзер-флаг. Эскадра шла в сражение под главными флагами империи. Реявший над эгейскими волнами двухглавый орел сжимал в когтях и клювах карты покоренных россиянами морей: Белого, Балтийского, Каспийского и Азовского. Рядом на грот-стеннге трепетал флаг генерал-адмирала*.

Близ Хиосского плеса шедший передовым «Евстафий», ускоряя построение колонны, принял вправо. В девятом часу утра эскадра выстроилась в линию баталии. До турок оставалось не более трех миль. Передовые корабли один за другим приводились на ост-норд-ост и укладывали грот-марсели на стеннги, поджидая отставших. Неприятель был уже хорошо виден невооруженным глазом. В передовой линии выделялись богатством убранства все три турецких адмиральских корабля.

– Ваше превосходительство! – подбежал к Спиридову вахтенный начальник. – Главнокомандующий требует всех капитанов и флагманов к себе на съезд!

– Тьфу ты, – зло сплюнул Спиридов. – Сколько можно душу изводить своими сумлениями?

Адмиральский катер спускали прямо на ходу. Гребцы съехали в него по шкентелям, за ними, крихтя и сопя, сполз адмирал. Со всех сторон к «Иерархам» спешили шлюпки. Поднявшись на борт линейного корабля, Спиридов оттащил графа в сторонку и еще раз объяснил все намечаемое.

– Ворочать обратно поздно, в полдвенадцатого мы должны вступить в сражение, жребий брошен! – заявил он под конец.

Затем подозвал к себе капитанов и еще раз предельно кратко изъяснил им диспозицию. Отдельно наставлял Клокачева с Хметевским:

– Вам ордер особый! «Европе» надлежит со всею фурией нападать на ближайший от турецкого флагмана корабль. Я же, прикрывшись позади «Святителей», беру на себя сам флагман. Смотрите в оба!

Капитаны торопливо разъезжались по кораблям. Стыдясь минутной слабости, Орлов диктовал секретное откровенное письмо в Санкт-Петербург:

«Увидев оное сооружение (турецкий флот. – В. Ш.) я ужаснулся и был в неведении, что мне предпринять должно, но и храбрость войск, рвение всех принудило меня решиться и, несмотря на превосходящие силы, отважиться атаковать – пасть или истребить неприятеля».

Полуденный бейдевинд бодро трепал вымпела. Передовые корабли, окутанные облаками парусов, спешили в бой. Отставал лишь арьергард внезапно «оробевшего» Эльфинстона. Над «Тремя Иерархами» взлетали по фалам и рассыпались на ветру комки сигнальных флагов. Орлов запрашивал Спиридова: – Будем ли ждать арьергардию? С «Евстафия» ответили кратко: – Вперед!

Первой крушила дубовым форштевнем волну «Европа», за ней – «Евстафий» и «Три Святителя». Сзади их настигали корабли кордебаталии: «Иануарий», «Три Иерарха» и «Ростислав»*. Грозно и мощно полоскались по ветру Андреевские флаги. Русская эскадра входила в сражение. Она входила в бессмертие!

Глава третья

Дай Лиру!

Брань воспеть Чесменскую хочу.

В бессмертие ее история включает...

М. М. Херасков

Капитан «Европы» Федот Клокачев прекрасно понимал всю ответственность, на него возлагаемую. Ему сегодня первому – весь шквал ядер и пуль, честь и слава – все сполна!

Сразу же по прибытии с «Евстафия» собрал он команду. Сказал просто:

– Ребята! Сегодня баталия особая. Не бывало еще таковой у флота российского. Будем же биться с супостатами до последнего вздоха своего!

Матросы кричали «ура!», офицеры салютовали шпагами.

И вот теперь «Европа» уверенно шла в самую гущу неприятельского флота.

Над просыпающимся морем стояла тревожная тишина, нарушаемая лишь легким плеском волн да гудением парусов.

Не открывая огня, линейный корабль подходил вплотную к туркам. Палубная команда замерла на брасах, артиллеристы – у орудий, абордажные партии – на палубе. Сблизившись с неприятелем, Клокачев привел корабль к ветру, ложась на новый курс вдоль турецкой линии. Еще несколько минут – и грянет бой...

Оглядевшись, капитан «Европы» сразу же понял весь драматизм положения русской эскадры. Арьергард отставал от главных сил более чем на четыре мили. Эльфинстон еще только начинал наполнять паруса ветром...

Окончательное соотношение противостоящих сил стало таким: шесть российских кораблей против шестнадцати турецких. Но отступить было поздно.

Клокачев посмотрел вперед. Флот Высокой Порты был расположен превосходно. В первой линии застыли на якорях 80-пушечный «Реал-Мустафа» под флагом Гассан-бея, 90-пушечный «Капитан Алибей» и «Патрона-Реала», 100-пушечный гигант «Капудан-паша», «Патрона-Аукаре», «Мелинос-Ахмед», «Джафер-бей», «Ахмед», «Эмир-Мустафа» и «Султан». Во второй линии оцетинились орудиями 60-пушечные: «Хаманзей», «Барбаросена», «Али-Кондикта», «Родос», «Мекхин», «Гепулин-паша» и еще один, без названия. Рядом – 50-пушечные каравеллы и фрегаты. Всего более тысячи четырехсот орудий!

На «Европе» убавляли паруса. Шедший следом «Евстафий» почти сидел у передового линейного корабля на гакаборте. Над палубой «Евстафия» гремел оркестр: слышались танцевальные штуки и оперные арии. Спиридов напутствовал оркестрантов перед сражением кратко: – Играть до последнего!

В кильватер «Евстафию» шел третий корабль авангарда – «Три Святителя». Хметевский и офицеры при полном параде, со звездами и орденами.

Была половина двенадцатого пополудни, когда русская эскадра вплотную подошла к неприятелю.

Турецкий флот заволокло густыми клубами дыма. Раздался всеобщий залп с перекатом. Часть ядер пронеслась над мачтами российских кораблей, другая легла под ветром у бортов.

В презрительном молчании «Европа» шла вдоль турецкой линии. Корабли авангарда, будто на учениях, клали поочередно грот-марсели на стеньги и, не торопясь, проходили менее чем в одном кабельтове от неприятеля. Матросы брасопили реи, подбирали верхние паруса. И лишь когда все три передовых корабля развернулись бортами против вражеского флота, Спиридов поднял сигнал: «Начать бой с неприятелем».

Казалось, от грома российских пушек треснул небосвод. Артиллеристы в упор двойными зарядами поражали турецкие корабли. – Не подведи, Авдотья! – кричали они в азарте. Ни одно ядро, ни один книпель не пропали даром! Палубы вражеских линейных кораблей в мгновение ока превратились в месиво из щепы, исковерканного железа и растерзанных тел. А пушечные жерла уже заглатывали новую партию зарядов. Турки, не ожидавшие такого удара, растерялись, огонь их сразу ослаб. А в боевую линию тем временем входили корабли кардебаталии: «Иануарий», «Три Иерарха», «Ростислав».

Стремясь лишить русскую эскадру маневра, неприятель метил в такелаж и паруса, наши, наоборот, лупили в корпус!

Набирая ход, «Европа» уверенно проходила один турецкий корабль за другим, выдерживая с каждым из них жестокий поединок.

Подле Клокачева на шканцах – лоцман Анастасий Марко. С начала боя боцман не проронил ни слова. И вдруг, сорвавшись с места, он бросился к Клокачеву: – Камни, впереди камни!

Прямо по курсу, в глубине, чернели обросшие колышущимся лесом водорослей подводные скалы. А сзади, не сдерживая хода, уже наваливался «Евстафий».

– Руль лево на борт! – мгновенно отреагировал Клокачев. – К повороту!

Рулевые отчаянно крутили штурвальное колесо. Каменная гряда прошла мимо. – Шкоты, галсы отдать! Гитовы подтянуть! «Европа» поворачивала оверштаг, ложась на обратный курс. – Пронесло, Господи! – крестились на палубе корабля.

Изловчившись, Клокачев поймал грот-марселем порыв ветра и сумел сохранить ход. По левому борту стоял треск: то в неистовстве сражения ломился вперед «Евстафий». Взбешенный своеволием капитана «Европы», Спиридов кричал что есть мочи: – Клокачев, поздравляю матросом!

Адмирал, безусловно, был прав, морской устав велел однозначно: «Линию держать под штрафом смертной казни».

Но выяснять отношения было некогда, «Европа» спешила назад, чтобы, вступив в боевой строй, вновь принять участие в баталии.

Теперь передовым в боевой колонне русских кораблей оказался «Евстафий», на котором турки и сосредоточили всю мощь своего огня. Флагман авангарда сражался сразу с тремя неприятельскими кораблями.

«Адмирал Спиридов с несказанным терпением и мужеством выдерживал все неприятельские выстрелы, подходя ближе, а пришед в меру, зачал производить огонь без умолку с такой жестокостью, что неприятель от того великий вред почувствовал», – писал один из очевидцев сражения.

Безостановочно ревели пушки. В жарком пламени сгорали клочья парусов. Все смешалось.

«Непроницаемый дым покрывал сражающихся, но еще более он сгустился на батареях кораблей и своим смрадом и едкостью слепил глаза. В этой духоте и темноте, мгновенно освещенной пламенем выстрелов, гудели ядра, разбивая все при своем полете, нанося смерть и увечье от обломков и осколков. За грохотом, гулом и шумом, которыми обыкновенно сопровождалось сражения, не слышны были человеческие голоса... не было возможности освежить воздухом напряженные силы».

Залп следовал за залпом. Пока турки делали один выстрел, русские артиллеристы успевали дважды, а то и трижды поразить цель.

Люди валились от изнурения. Кончилась питьевая вода, и, падая на колени, матросы жадно лизали ядра...

В струе «Евстафия» продвигался корабль «Три Святителя». Там в гондеке у тридцатифунтовой пушки сражался молодой готлангер Васька Никонов.

И хотя артиллеристы палили, как никогда, скоро, батарейный лейтенант Муромцев все подгонял: – Давай, давай, налегай!

Пал, пораженный в лоб осколком камня, канонир, тут же на его место заступил Васька. – Приводи на цель! – Пали!

Поднося пальник для очередного выстрела, заметил он вдруг едва приметные пузырьки вдоль орудийного ствола и, еще не поняв, что к чему, успел отдернуть руку с горящим фитилем. Выстрела не последовало. А к пушке уже бежал черный от сажи лейтенант Муромцев. – Почему нет выстрела? Почему стоите?

Не разбираясь долго, кинулся он с кулаками к орудийной прислуге. Молча указал Васька на пушку. Там между вздувшихся пузырей уже пролегла тонкая трещина. Осекая на полуслове лейтенант Муромцев, сглотнул слюну: – Ну, ребята, счастлив ваш Бог! – И отошел. Артиллеристы, переводя дух, косились на орудие. Ведь не отдерни Васька вовремя руку, залп тот был бы для них последним. Но прохлаждаться времени не было.

– Что столбами стали, пушек, что ли, мало, а ну пошли! И разбежались по орудиям.

К полудню ветер поутих. В наихудшее положение сразу попали передовые «Евстафий» и «Три Святителя», которые начало сносить течением на турецкие корабли. «Три Святителя» с перебитыми фока-брасами тащило прямо в середину неприятельского флота.

– Не беда, – закусил губу Хметевский, – в конце концов, не все ли равно, где драться, с краю или в середке!

На палубе изготовились к абордажному бою матросы и солдаты. Несмотря на весь драматизм положения, уныния не было.

– Наши завсегда здорово врукопашную дерутся, – спокойно извещал матросов пожилой унтер из кексгольмцев, – да так, что ни тесака, ни штыка не видать! – Отчего же енто? – Да оттого, что больно шибко рубятся, не углядишь!

– Это еще ничего, – отвечали ему матросы, – у нас вовсе по двое одним интрепелем орудуют! – Как одним? – не понял унтер.

– Да так, дюже быстро бьются. Один рубанет, интрепель другому перекинет. Тот подхватит, вражий удар отобьет, сам ударит и первому перекидывает. Так и наяривают!

Вдоль фальшборта расхаживал старший офицер «Святителей» Евграф Извеков. Щурясь от дыма, поглядывал капитан-лейтенант, какой из турецких кораблей сподручней брать на абордаж. Но определить было трудно. Буквально в двух шагах находилось сразу несколько турецких кораблей. Бой продолжался.

Место «Трех Святителей» в линии занял шедший следом «Иануарий» под командой капитана Борисова*. «Иануарий» бился сразу с двумя неприятельскими кораблями. «Святители» же сражались сразу против всех...*

В самой гуще вражеского флота Степан Хметевский совершил невероятное, проделав головокружительный маневр. Прорезая строй турок, его корабль дерзко снес своим утлегарем флагшток одного из кораблей неприятеля вместе с флагом.

По «Трем Святителям» палил весь османский флот. Стреляли не только ядрами, но и огромными мраморными глыбами из тяжелых орудий нижних деков. Разнесло вдрызг трельяжную сетку на корме, перебило оконные пилястры. То там, то здесь вспыхивали пожары.

Упал, истекая кровью, мичман Сукин, пали корабельные подштурмана Крылов и Журавлев. Вдребезги разнесло возлежавших на корме амуров и сирен. Ядра, как мячи, прыгали по палубе.

– Ой, худо мне! – кричал, хватаясь за оторванную руку, какой-то шхиманмант.

Осколком мрамора пробило голову Хметевскому. Скрипя зубами, вырвал его капитан из раны, перевязал голову платком и, как ни в чем не бывало, встал подле штурвала: – Не падай духом, детушки, ободрись!

Работа кипела: в интрюме тимерманы укладывали на пробоины презенги, палубная команда меняла брасы, артиллеристы палили без передыху...

И турки не выдержали. Вначале с одного, а затем с других кораблей, находившихся подле «Святителей», целые толпы их стали бросаться в воду, спасаясь от губительного огня русских.

– Пушки гяуров стреляют сами! – орали турецкие матросы. – Люди так не могут! Аллах не желает нашей победы!

– Ишь сигают, окаянные! – радовались на «Святителях». – Знай наших да поминай своих!

Разбив два ближайших неприятельских корабля и устранив одновременно повреждения, корабль «Три Святителя» стал выбираться к своим. Над местом сражения висела непроницаемая мгла.

«Воздух наполнен будучи дымом, скрывал корабли от вида друг друга так, что и лучи солнца померкли».

В этой неразберихе корабль «Три Иерарха», будучи на ветре, пальнул в сторону «Святителей», приняв его за неприятеля. К счастью, ядра пронесли мимо. Со «Святителей» раздалась ругань в адрес стрелявших. Признав русскую речь, раздосадованные случившимся конфузом, артиллеристы «Иерархов» быстро перенесли огонь туда, где за клубами дыма кричали не по-нашему да вдобавок ко всему еще истошно визжали. Там уж точно были турки, свой брат-россиянин визжать привычки не имеет! Скоро «Три Святителя» под дружное «ура» всей эскадры занял место в общем строю и сразу же включился в сражение. Вслед за Хметевским уже вводил в батальную линию свою «Европу» Клокачев, следом неотступно шел «Ростислав». Проходя вдоль всего турецкого строя, русские корабли поочередно ворочали обратно и, вернувшись к его началу, вновь начинали движение вдоль линии. Страшная, кровавая карусель!

Времени было двенадцать с половиной пополудни, а сражение еще только набирало полную силу.

Слов нет, турки в тот день бились отчаянно. Но русские моряки противопоставили этому отчаянию великую решимость.

К часу дня стал наконец подходить шедший, как говорили в русском флоте, «в замке» арьергард. В это время на флагманском корабле Эльфинстона «Святославе» происходили весьма странные события. Еще в самом начале баталии внезапно приключился приступ медвежьей болезни с капитаном «Святослава» Роксбургом, и командование принял на себя вахтенный начальник Григорий Козлянинов. В помощь ему встали лейтенанты Ханыков да Мельников – ребята молодые и дерзкие. Они-то втроем и рванули своевольно на помощь эскадре.

– Потерпи, братцы, сейчас догоним своих и всыпем басурману на орехи! – ободрял матросов Козлянинов.

Вот и неприятель в дистанции залпа. Лупи всем бортом! Над турецким кораблем пляшут языки пламени. Еще пара залпов – и конец ему!

На звуки выстрелов выскочил разъяренный Эльфин-стон с Роксбургом. Козлянинов тут же был отстранен от командования, а арьергард повернул... вспять.

– Смотрите, глядите! – кричали с салингов кораблей эскадры. – Ахтерзейли ворочают назад!

На грот-стенге «Трех Иерархов» бесполезно болтался флажный сигнал «Арьергардии вступить в свое место». Шесть передовых кораблей снова были брошены на произвол судьбы.

Арьергард Эльфинстона же на всем протяжении сражения в бой так и не вступил! Британский контр-адмирал еще раз сделал все возможное и здесь, чтобы поставить русскую эскадру на грань поражения. «При сближении же (аррьергардия. – В. Ш.) спустилась вдруг на пистолетный выстрел и произвела по неприятелю сильную картечную стрельбу, которую, однако же, скоро прекратила, ибо корабль «Святослав» (флагманский корабль Эльфинстона. – Б. Ш.)... в половине сражения поворотил оверштаг, чему и вся эскадра последовала и таким образом более в сражение вступить... не могла», – писал один из очевидцев тех событий. А ветер падал с каждой минутой.

– Некстати, ох, некстати, – хмурился адмирал Спиридов, – теперь мы скоро лишимся маневру, козыря нашего главного.

«Евстафий» тем временем все сильнее сносило на стоящий против него флагман Гассан-бея. Евстафиевцы бились крепко. Метко всаживали они в противника чугунные ядра. И хотя была уже выбита треть команды, огонь линейного корабля ни на минуту не ослабевал. Залп! И вновь клокочет вдоль батарейных портов пламя...

Шальным ядром оторвало ногу адмиральскому адъютанту Михаилу Форту, но, кусая губы, он наотрез отказался спуститься в лазарет. Второе ядро оторвало храбрецу руку, а третье не оставило у него живого места...

У поэта Козловского перешибло осколком клинок шпаги, но капитан присутствия духа не потерял:

– Меня ни пули, ни ядра не берут, я заговоренный! Растерзанный ядром матрос-артиллерист из последних сил отгонял от себя санитаров:

– Оставьте меня умереть одного, сами ж ступайте туда, где бой!

Алексей Орлов позднее писал: «Все корабли с великой храбростью исполняли свою должность, но корабль адмиральский «Евстафий» превзошел все прочие: англичане, французы, венециане и мальтийцы – свидетели в сем действии – признавались, что никогда не представляли себе, что можно было атаковать неприятеля с таким терпением и неустрашимостью».

Попытка Круза оттянуть свой корабль от турецкого успеха не принесла, течением его все равно тащило на «Реал-Мустафу». Однако команда «Евстафия» была совершенно спокойна. Матросы с видимым удовольствием готовились к предстоящей схватке.

Наконец затрещали ружейные выстрелы. Александр Круз, стоя у борта, давал последние наставления начальникам абордажных партий. Свистели пули, но их не замечали. Некогда!

– Осилим! – напоследок говорил матросам капитан. – У басурман pistols, зато у нас дубинки христовы!

Круз мужеством своих героев удивлял,
Он брань с срацинами забавой почитал!

Так скажет о нем поэт.

Адмирал Спиридов в белом, шитом золотом мундире расхаживал по шканцам. Старая, еще петровских времен шпага была обнажена. Одна из пуль сбила с головы треуголку с пышным плюмажем.

– Негодяи! – ругался Спиридов. – Это ж самая моя любимая! Этакую дырищу наделали – кулак влазит!

С начала боя никак не мог адмирал сыскать Федьку Орлова, который вдруг куда-то запропастился.

Корабли сошлись бортами, и противники разом разрядили в упор свои орудия. Второго залпа с «Реал-Мустафы» уже не последовало, зато русские единороги продолжали бить и бить...

Отчаянные марсофлоты, зажав в зубах парусные ножи, перебирались по снастям и реям на рангоут вражеского корабля. – Изготовиться к атаке! – кричал в рупор Круз.

В момент, когда с силой ударились друг о друга борта кораблей, взвился над палубой «Реал-Мустафы» столб пламени. Чей-то точный барндскугель все же поджег неприятельский корабль прямо под ахтеркастелем.

– Александр Иванович, пред тобой знатный трофей, бери его с Богом! – махнул Крузу рукой Спиридов.

– Не трухнем, стариной тряхнем! – выхватил шпагу Круз. – На абордаж!

На турецком корабле сгрудились толпы полуобнаженных негров и арабов, мулатов и арнаутов. С проклятьями и криками, потрясая оружием, они в нетерпении ожидали схватки.

Смельчаки, первыми перемахнувшие на палубу «Реал-Мустафы», пали под ятаганами свирепых левендов, пали и вторые, но третьи все же оттеснили турок от борта.

Абордаж – особый вид морского боя. Здесь все решает личная отвага и ловкость, воинское мастерство и его величество случай. При абордаже зевать некогда. Вокруг все пылает и рушится, из бесчисленных люков лезут враги, качается под ногами палуба, бьют пушки. Дыхание в дыхание, глаза в глаза. Отступать некуда, и кто-то должен обязательно погибнуть, чтобы победил другой. Абордаж – это вихрь, в котором невозможно предугадать миг следующий.

По всей верхней палубе «Реал-Мустафы» кипел рукопашный бой. Артиллеристы лезли прямо через открытые порты и, спрыгнув у турецких пушек, вступали в схватку с дюжими османскими пушкарями-галионтжи.

Флаг-капитан Федор Плещеев, не в силах оставаться в стороне от происходящего, взвел курки двух пистолетов, засунул их за пояс и с обнаженной шпагой кинулся на поддержку своим. За ним следом волонтер князь Козловский – храбрец и пиит. Каперанг Плещеев пал через несколько минут. Федор Козловский довел своих солдат до кормового люка. Окруженный врагами, он дрался, пока билось сердце.

Опомнившись от первого удара, турки яростно атаковали. Тяжело дыша и призывая на помощь Пророка, они бросались грудью на штыки. Впереди всех сам Гассан-бей.

– Вперед! Вперед! – кричал он своим воинам. – С нами Аллах!

Истошно выли неистовые муллы. Турки ломились напролом.

– Упрись и стой крепче! – призывал матросов лейтенант Вася Машин по кличке Кашей, последний оставшийся в живых офицер. Машина рубили сразу в несколько ятаганов... На мгновение наши было замешкались. Кто возглавит их теперь? И тогда, ухвативши фузею за ствол, вперед кинулся боцман Евсей.

– Предадим животы в руки твои, Господи! – приговаривал он, круша врагов.

Вновь все завертелось, замелькало в жутком калейдоскопе, где главный цвет красный.

Голые пятки сражавшихся одинаково скользили по мокрой палубе. Пузырящаяся кровь потоками сбегала в шпигаты, где застывала густеющим киселем.

Р-ра-аз! – со свистом обрушивались на непокорные головы тесаки и ятаганы. Под ноги дерущихся летел съезжившийся в предсмертной судороге человеческий мозг. Как сумасшедшая, билась в его глубине уже не принадлежавшая никому последняя шальная мысль. Чья-то нога с размаху давила мозг в мелкие серые брызги...

Вся палуба «Реал-Мустафы» от грот-мачты до бизань-мачты была завалена павшими. Турки всюду отступали. С рей и вант гремели по ним точные выстрелы. Это означало, что «верхний этаж» в наших руках.

Евсей все время находился в гуще боя, некогда было даже лицо от пота обтереть. Особенно жестоко пришлось ему биться на шкафуте. Схватился боцман с каким-то настырным турком в штанах желтых, отбил удар сабельный и всадил с размаху штык. Но ловкий турок успел рукой прикрыться. Хотел было Евсей повторить удар, чтоб уж наверняка, но не дали. Наскочили на него сразу трое, черные, как сажа, только белки глаз сверкают. Пока с ними управлялся, того настырного куда-то уволокли. Хотя и важная птица, видать, была, да искать его в этой круговерти недосуг!

Раненого Гассан-бея телохранители, не видя другого выхода, попросту выкинули за борт. Там его подобрала проходившая мимо шлюпка и доставила на берег. «Лев султана» был потрясен случившимся. – О, кысмет, – шептал он, – так угодно судьбе!

А схватка меж тем переместилась на ют, к кормовому флагу. Улучив момент, дернул было Евсей его с перебитого флагштока, но сорвать не успел. Оказавшийся рядом турок с размаху отсек ему ятаганом руку. С глухим стоном повалился старый боцман на палубу. Стиснув от боли зубы, все же подполз к флагштоку и, встав на колени, схватил полотнище левой рукой. Пробегавший мимо бородатый аикланджи с силой полоснул его саблей по руке. Молча упал Евсей среди дерущихся. Придя в себя, уперся он культиями рук в палубу и вновь полез к флагу. Привстав, рвал его зубами, рвал из последних сил. Уже умирая, сорвал Евсей проклятое полотнище и упал, заливая шелк своей кровью...

Перебив турок, с трудом разжали матросы ножом зубы мертвого боцмана. Когда флаг расстелили у ног Спиридова, спросил тот хмуро: – Отчего вдруг месяц у них этакий щербатый?

– То кровью залито, – приглядевшись, пояснил стоявший рядом Круз. – Кто сорвал сей флаг?

– Не ведаю, Григорий Андреич, имени героя, но знаю одно – российский матрос! – ответил капитан «Евстафия».

Рукопашный бой тем временем переместился в глубину интрюма. Турки бились до последнего, но русских матросов уже не могло остановить ничто. Очевидцы вспоминали: «Во время этой лихой абордажной схватки и команда, и офицеры дрались, как львы, и являли бесконечное количество примеров отменной храбрости и мужества».

Наконец настала минута, когда на «Евстафии» доложили: – Рюйм наш!

– Слава те, Господи! – перекрестился Спиридов. – Теперь осталось лишь от огня сей приз сберечь. Туши его, Александр, всею силой, а то, не ровен час, рванет. Я ж съеду шлюпкой на «Святители», там еще палят всюю*.

Круз помчался исполнять приказание. Спустившись с поредевшим штабом в шлюпку, велел адмирал грести к «Трем Святителям». Вокруг шлюпки падали ядра. На полпути из-под кормовой банки вылез Федька Орлов. Графа трясло в ознобе, всхлипывая, он размазывал по лицу обшлагом обильные сопли. Спиридов молча отвернулся.

А на палубе «Реал-Мустафы» кипело новое сражение. В ход шли мокрые маты, ведра, топоры, ручные брандспойты...

С известием о пленении вражеского корабля Круз отправил шлюпку к главнокомандующему. Офицерам строго наказал: – Живыми в плен не сдаваться!

Половину людей потеряли посланцы, к «Иерархам» пробиваясь. Капитан-адъютанта Алексея Спиридова затаскивали на борт линейного корабля на руках, три тяжелые раны получил он.

«Реал-Мустафа» меж тем горел все жарче. Языки пламени быстро пожирали снасти и бумажные паруса. Со всей эскадры спешили к «Евстафию» гребные суда, пытаясь оттащить его от пылающего противника. Гнулись от напора воды весла, надрывались из последних сил гребцы, но все было бесполезно, корабли сцепились намертво. А огонь уже переметнулся на «Евстафий».

– Рубить такелаж, обливать палубу водой – распорядился, не теряя самообладания, Круз. И опять лезли в огонь матросы...

Внезапно грот-мачта «Реал-Мустафы» с оглушительным шумом завалилась на русский корабль, засыпая раскрытую кюйт-камору горящими головешками.

– Все за борт! – успел лишь крикнуть Круз, бросаясь к фальшборту.

Слова капитана потонули в страшном реве и грохоте. Взвизывая на десятки метров к небу огненный столб приподнял громаду линейного корабля и тут же разорвал ее в куски.

Через какие-то мгновения на месте, где только что находился «Евстафий», была только рябь воды, сплошь усеянная обломками и людьми.

Линейного корабля «Святой Евстафий Плакида» более не существовало. Вместе с ним нашли могилу в волнах Хиосского пролива шестьсот двадцать восемь человек...

Горящие обломки вызвали пожары на близлежащих кораблях. Пораженные происшедшим, противники на некоторое время прекратили стрельбу. Над проливом повисла звенящая тишина.

– Пали! – первыми опомнились на русских кораблях. Вновь загрохотали пушки, сражение продолжилось с еще большим ожесточением. Через четверть часа новый взрыв. На этот раз взлетел на воздух «Реал-Мустафа». Гибель флагмана вызвала настоящую панику среди турецких капитанов. С этой минуты сколько-нибудь организованное сопротивление неприятеля прекратилось, огонь стих. Теперь командиры кораблей помышляли лишь о бегстве.

Зато заговорили пушки капудан-паши на берегу. Ибрагим Един-паша расстреливал плавающих в воде людей. На выручку гибнущим смело бросился фрегат «Святой Николай». Лейтенант Палекутти, рискуя, подошел вплотную к берегу и сбил вражеские батареи.

– Подвиг, достойный героев Саламина! – говорили потом об этой атаке на эскадре.

А к месту гибели кораблей уже спешили со всех сторон русские и турецкие шлюпки*. Между ними разгорелось настоящее сражение. Бились Фальконетами и ружейным огнем, таранным ударом и абордажем. Заметив в воде русских моряков, турки добивали их из орудий, забивали отпорниками и веслами. Видя это, ожесточились и наши. Особенно неистовствовали греки...

Капитана Круза взрыв отшвырнул далеко от корабля. Очнулся он уже в воде. Первым делом освободился от тяжелых наградных червонцев, которыми были набиты карманы его камзола. Затем скинул сам камзол, ботфорты, огляделся. Неподалеку, ухватившись за обрубок мачты, плавали несколько человек. Круз поплыл к ним. За мачту держались шкипер Петр Слизов*, мичман Пущин и артиллерийский прапорщик Моллер, все израненные и обожженные. Увидев подплывающего Круза, простодушный Моллер закричал обрадовано: – Александр Иванович, а каково я палил?

– Хорошо палил! Хорошо. – Круз, схватившись за мачту, с трудом переводил дыхание.

Чтобы обессиленный капитан не утонул, его по очереди поддерживали. Так, помогая один другому, и плавали.

Нашла потерпевших шлюпка с «Грома». Полуголового Круза едва не зашибли веслом обозленные греки, приняв по ошибке за турка... Насилу их оттащили. Напив ромом, спасенных доставили на «Три Иерарха».

Впрочем существует легенда о спасении Круза, весьма правдоподобная. Когда к держащимся за мачту людям подошла шлюпка с одного из судов эскадры, в нее втащили

всех, кроме Круза. Каперанг умолял взять и его, но матросы отталкивали Круза прочь. Узнав в обожженном офицере ненавистного всем нижним чинам капитана «Евстафия», часто издевавшегося над ними, матросы схватили весла, чтобы забить его до смерти. Тогда-то захлебывающийся в воде каперанг и поклялся им, что, если ему сохранят жизнь, он больше никого пальцем не тронет. Крузу поверили и жизнь сохранили. К чести каперанга, он не только не предпринял впоследствии никаких попыток разыскать своих обидчиков, которых за покушение на жизнь офицера ожидала бы неминуемая смерть, но и сдержал слово. На протяжении всей дальнейшей службы он не тронул ни одного матроса, запретив при этом заниматься рукоприкладством на своих кораблях и другим.

Бомбардирский корабль «Гром» входил на Хиосский плес во главе второй вспомогательной колонны. Старшим на нем цейхмейстер эскадры Иван Абрамович Ганнибал. Второй колонне предстояло поддерживать линейные корабли и при необходимости оказывать им всяческую помощь.

К полудню «Гром» оказался на крамболе «Евстафия». Сражение к тому времени уже вступило в решающую фазу. Корабли авангарда и кордебаталии вели яростную перестрелку с турецким флотом. Команда «Грома» находилась меж тем в бездействии, горя желанием хоть чем-то помочь своим товарищам.

Дмитрий Ильин, облокотись на фальшборт, вместе с остальными офицерами внимательно следил за перипетиями баталии, бурно обсуждая увиденное:

– Смотрите, господа, «Европа» ворочает оверштаг! Что же там у них могло стрястись, ежели Клокачев решил рвать линию баталии? – Глядите на «Евстафий», его сносит течением!

В начале первого пополудни над «Евстафием» взвились флаги сигнала: «Выслать к кораблю гребные суда».

– Ну-с, – обернулся к капитану «Грома» Перепечину Ганнибал, – действуй не мешкая! Кого пошлешь за старшего?

– Кроме Ильина, боле некого, – на мгновение задумавшись, ответил Перепечин. – Его мортиры пока без надобности, пусть проветрится!

Спустя несколько минут громовская шлюпка спешила к сцепившемуся с турецким кораблем «Евстафию», подле того крутилось до полутора десятков гребных судов. Все они, заведя концы на корабль, пытались оттянуть его от «Реал-Мустафы». Однако разрозненные действия успеха не приносили. Не теряя времени, Ильин взял все руководство в свои руки. Вооружившись жестяным рупором и выкрикивая команды по-русски и по-гречески, он быстро выстроил все суда в линию и велел производить греблю по команде. Но «Евстафий» к этому времени настолько крепко сцепился с турецким флагманом, что разлучить их не могло уже ничто.

Однако встать на бакштов к «Грому» лейтенант Ильин не успел. В грохоте и пламени навсегда исчез многострадальный «Евстафий». Вновь повел Ильин свою шлюпку туда, где кричали гибнущие... Матросы гребли до кровавых мозолей. Подойдя к месту гибели корабля, шлюпка столкнулась сразу с двумя турецкими полушебеками, пытавшимися перехватить ее. И Дмитрий Ильин принял неравный бой! Ошеломив точным ружейным огнем первое судно, он бросился на abordаж второго. В короткой, но яростной схватке турки были частью истреблены, частью спаслись вплавь. Невдалеке сражались с неприятелем шлюпки других кораблей. Дрались ожесточенно, и те и другие горели желанием спасти своих товарищей. Но спасенных было немного. Ильин разыскал лишь капитана 1 ранга Круза с несколькими офицерами и матросами. Подавляющее большинство команды «Евстафия» погибло при взрыве или утонуло, не дождавшись помощи. Окровавленного Круза втаскивали на борт талями.

Только исполнив все до конца, громовская шлюпка вернулась на корабль.

– Ну что, лейтенант, поразмялся? – встретил измотанного боем офицера Ганнибал. – Теперь передохни малость да готовь к делу свои мортиры. Предстоит, сдается мне, побомбить тебе вскорости берега чесменские!

Ильин глянул на окутанный клубами дыма неприятельский флот: турецкие корабли уже поворачивали свои бушприты к Чесме.

– Бомбить, так бомбить, – утерся рукавом усталый лейтенант, – мы, флотские, на все способные!

С первого залпа баталии Алексей Орлов, ни во что не вмешиваясь, стоял в стороне, молча наблюдая за происходящим.

Корабль «Три Иерарха», ведомый опытной рукой Грейга, уверенно двигался вдоль турецкого флота. Наконец он поравнялся со 100-пушечным «Капудан-пашой».

– О, это достойный противник! – обрадовался Грейг. Он подошел к Орлову: – Это наипервейший корабль султана. Взорвем его – побегут остальные. Прошу позволения встать на шпринг! – Делай как знаешь! – пожал плечами граф Алексей.

Грейг был человеком дела. Не прошло и четверти часа, как шпринг был заведен и «Три Иерарха» начал ожесточенную дуэль с неприятельским гигантом. Самуил Грейг впервые в жизни презрел линейную тактику – разум победил догму!

Особой отвагой покрыли себя в этой схватке капитан-лейтенант Корсаков (тот самый, с «Девушки Казарин»!) да лейтенанты Овцын с Карташевым. Храбро держался и Орлов. В один из моментов боя на Орлова сверху обрушился перебитый рей. Упал он на графа Алексея, быть бы тому раздавленным. Но Орлова спас морской солдат Иван Изотов. Бросившись к графу, он успел в самый последний момент оттолкнуть того в сторону. Сам же пал, ушибленный реем. К чести Орлова, он впоследствии не жалел денег для лечения своего спасителя. Да и в дальнейшем Изотов, ставший за Чесму сержантом, всегда был при нем... Бой меж тем продолжался. Презирая смерть, стоя во весь рост у борта, граф Алексей по-прежнему палил по туркам из пистолетов, которые тут же заряжали ему камердинеры. Играл оркестр. Свита нервно жалась по углам.

Но так длилось недолго. Рвануло в небеса «Евстафий», и граф упал на палубу без чувств. Под нос главнокомандующему сунули уксус, на лоб – мокрые тряпки. Наконец Орлов открыл глаза.

– Там брат мой! – закричал он, вскакивая. – Пустите!

Граф рванулся к борту. Обладая бычьей силой, он расшвыривал всех, стоявших на его пути. Полетел опрокинутый ударом кулака пройдоха Фондезин, разбежались в стороны свитские генералы Пален и Розенберг. Грейг, не видя иного выхода, кликнул матросов. Вшестером те насилу скрутили Орлова. В безысходной ярости принялся граф Орлов лить хулу на сволочей-турок и негодяя Спиридова, нехорошо прошелся и по светлому государынинному имени. Немного успокоившись, велел он слать на поиски Федьки шлюпку. Старшим в нее сел лейтенант Андрей Корсаков. Под шквальным огнем спешила шлюпка от корабля к кораблю.

– Графа Федора Орлова нету ли у вас? – вопрошал лейтенант, задирая голову.

– Ты чего, очумел под ядрами лазать? – кричали ему. – Нету у нас никого, дуй отсель, пока башка цела!

– Бывайте! – махал рукой Корсаков, и шлюпка шла дальше. Храбрец-лейтенант задачу исполнил: Федьку сыскал.

– Их сиятельство пребывают в полном здравии на пакетботе «Почтальон». Пьют там штофами водку и яишной закусывают! – доложил он графу Алексею.

– Держи, лейтенант, за подвиги твои! – протянул главнокомандующий усыпанную бриллиантами табакерку. – Владей по праву!

О гребцах-матросах никто и не вспомнил, живы остались – пусть и тем счастливы будут! А вскоре прибыл на «Три Иерарха» и сам Федор.

– Знаешь, братец мой, – врал он вдохновенно Алексею, – ни за что не хотел покидать я «Евстафий», ибо только в огне батальном счастлив бываю!

– О, брат мой! – тискал его в объятиях Алексей. – Спасибо тебе за доблесть. Благодарное Отечество наше и матушка-государыня этого не забудут! А пушки все гремели...

С гибелью «Реал-Мустафы» турок обуял настоящий ужас. Рубя якорные канаты, их корабли, одни под парусами, а другие на буксирах, спешили укрыться в близлежащей бухте у местечка Чесма. Трещали борта, как спички, ломались бушприты, над заливом стоял несмолкаемый вой.

Продолжать бой пытался лишь 100-пушечный «Капудан-паша» и две стоявшие рядом с ним каравеллы, но вскоре бежали и они.

На «Капудан-паше», обрубая канат, забыли в спешке перерубить шпринг, взятый в ретирадный порт. В результате корабль развернуло кормой к «Иерархам».

– Вот так подарок! – изумился Грейг и от всей души влепил полновесный залп, превратив раззолоченную корму «Паши» в груды дров...

Русская эскадра преследовала неприятеля до самой бухты. В четверть пятого пополудни на «Трех Иерархах» подняли сигнал: «Командам обедать». На кораблях свистели к вину и каше.

В шканечном журнале флагманского корабля вахтенный штурман размашисто записал: «Подошел мы в близость стоявших на якорях неприятельских кораблей в местечке Сезми, от оных к N в недалеком расстоянии закрепили фор-марсель, легли на якорь Дагликс, на глубине 27 сажен, грунт – песок, канату отдано 50 сажен...» Все, можно утереть пот! Пока передышка!

Глава четвертая

Чугунные пушки глядят...

И молча в открытые люки...

М. Ю. Лермонтов

Немало понервничал великий адмирал, наблюдая с берега за ходом сражения. Успокоился, лишь узнав, что Гассан-бей выбрался живым из этого ада. Потери его флот понес большие, но ведь на все воля Аллаха! Сегодня он гневается, а завтра будет милостив.

Сидя во дворце чесменского правителя, диктовал Един-паша письмо султану: «Мой повелитель! Пишу тебе из бухты Чешме. С начала плавания Аллах послал нам великую удачу. Неверные бежали от нас, как собаки бегут от царя пустыни льва. Мы нашли их у острова Хио, и огонь сражения разгорелся со страшной силой. Я дрался с их главным кораблем. Пламя битвы пылало подобно дьявольскому извержению горы Каф. Адмирал их, будучи не в силах сопротивляться и боясь плена, решил сжечь свой корабль. По определению высочайшего Бога, мой корабль не мог от него отойти и тоже запылал. Употребив тысячу стараний, я едва спасся от смерти...»

Капудан-паша довольно потер руки. Султану незачем знать, где находился его великий адмирал во время сражения.

Теперь надо было послушать своего помощника: как посоветует он поступить дальше?

– Несите ко мне достославного Джезаирли! – велел Един-паша.

Гассан-бея доставили на носилках. Не имея сил подняться, алжирец лишь зло сверкал глазами.

– Ай-ай-ай! – запричитал, глядя на обвязанного разноцветными тряпками разбойника, капудан-паша. – Как несправедлив твой рок, о храбрый из храбрых!

Гассан-бей морщился, нестерпимо болела рука, пронзенная проклятым московитом. Великий адмирал меж тем продолжал:

– Аллах еще не определил победы, и чаша весов еще не склонилась ни в одну из сторон. Что думаешь делать дальше, о досточтимый? Гассан-бей разлепил искусанные губы:

– Великий адмирал! Надлежит скорее плыть из тесной Чешменской бухты в Стамбул. Гяуры устали в сегодняшнем сражении, они растеряны и потрясены. Им не хватит сил остановить нас!

Капудан-паша сразу загрустил: покидать Чесменскую бухту ему очень не хотелось. Вслух он сказал так:

– Нет, мой храбрец! Уйти от москвитя нам не удастся. Он уже маячит на своих шакальих ладьях у входа, пытаюсь пробраться внутрь бухты, но тщетны его мечты! Я поставлю пушки по берегам, а бухту перегорожу самыми сильными кораблями. Долго торчать москвитя здесь не сможет. Еды и питья у него мало, а когда поплывет он за ними, мы и покинем неприступную Чешму! Джезаирли устало откинулся на подушки:

– Я любимая тварь Аллаха, и я выполню любое твое повеление!

Един-паша махнул рукой – беседа окончена. Телохранители подняли носилки и унесли любимого «Льва султана».

Несмотря на страшные боли, Гассан-бей нашел в себе силы и вместе с Ахмет-агой расставил в бухте корабли так, чтобы удобнее было отбить любое нападение гяуров. Сам Джезаирли возглавил первую линию кораблей, второй патрон-паша – тыловую. Ахмет-ага на галерах-катыргах спрятался за мысом, чтобы нанести удар в спину неверным, если они дерзнут прорваться в бухту.

Великий адмирал воздвигал тем временем береговые батареи на южном и северном мысах, торопясь успеть к следующему утру. Когда стемнело, он собрал у себя правителей кораблей:

– Аллах покарал нас вчера за гордыню. Но завтра он вознесет нас за смирение и покорность судьбе. Мечь же наша неверным будет ужасна!

Русская эскадра расположилась в десятке кабельтовых от входа в Чесменскую бухту. В проливе остался лишь стороживший сгоревшие днища «Евстафия» и «Реал-Мустафы» пакетбот «Почтальон».

Корабли приводились в порядок. На наиболее поврежденных «Трех Святителях» и «Трех Иерархах» матросы накладывали фиши на поврежденные мачты, обтягивали перебитые ванты. Уже к вечеру 24 июня Хметевский с Грейгом доложили, что готовы идти в бой!

В разведку был определен «Гром». Ему предстояло подойти вплотную к бухте, выяснить расположение неприятеля и беспокоить его метанием бомб. Нелегкому заданию команда бомбардирского корабля радовалась несказанно!

Отважно забравшись почти в самую бухту, «Гром» принялся швырять в турок бомбы да каркасы.

– Веем понемногу! – смеялись, таская за уши к мортирам чугунные шары, матросы. – Чтобы без обиды! Эй, лови, Абдулка!

А чтобы басурманы никакой диверсии против бомбардирского корабля не учинили, мористее встал линейный корабль «Святослав», как дядька к расшалившемуся малышу для присмотра.

Турки пытались поначалу отпугнуть «Гром» пушечным огнем, но ядра их падали не долетая. Тогда в надежде, что надоедливый москвитя с наступлением темноты отвяжется, они прекратили стрельбу. «Гром» же продолжал бомбардировать неприятельский флот с великой удачей. От напряженного огня проседали свинцовые поддоны мортир...

Вместе с бомбардирским кораблем отправился в поиск и Самуил Грейг. Бригадиру было поручено осмотреть бухту и доложить свои соображения на капитанском совете. Раздвинув тубусы зрительной трубы, Грейг внимательно разглядывал бухту. В предметном стекле явственно виднелись страшные повреждения на неприятельских кораблях. Ближе к вечеру из бухты выскочила одинокая шлюпка и, уклонившись от ядер, причалила к «Грому». На ней оказались бежавшие из неволи мальтийцы. Рыцарей Мальтийского ордена допрашивал Грейг. Все увиденное и услышанное бригадир тут же записывал в книжечку...

На флагманском «Три Иерарха» результатов рекогносцировки с нетерпением ожидал Спиридов. Перед адмиралом на шканцах стояли юные гардемарины, отличившиеся в минувшей баталии.

– Благодарствую вас за верность в службе! И жалею каждому мундир белый да чин мичманский! – поздравил он их. – Ура! – кричали гардемарины. – Виват Екатерина!

Спиридов поспеивал всюду. Присметив хозяйским глазом якорные буйки от якорей, обрубленных турецкими кораблями, распорядился «для удовольствия кораблей те якоря поднимать». Самолично вникал во все капитанские заботы, помогая где советом, а где и приказом. А вернулся Грейг – сразу же засел с ним за составление диспозиции к новому сражению.

Граф Орлов меж тем в дела Спиридова не вмешивался, объезжал корабли, ободрял команды. В пятом часу пополудни в адмиральском салоне «Трех Иерархов» был собран совет капитанов. Понимая всю важность происходящего, явились на него даже раненые Круз и Хметевский. Полупьяный Федька Орлов все цеплялся к удрученному гибелью своего корабля Крузу:

– Полно тебе убиваться, батюшка! Дадим мы тебе новый кораблик и людишек справных наберем. У нашей матушки-государыни всего вдосталь!

Присдвинув к себе зекарту, Спиридов присласил собравшихся: – Господа, прису к столу!

Сгрудившись вокруг него, капитаны с интересом вглядывались в очертания дотоле неведомой им бухты и крепости под названием Сезми. Адмирал неторопливо водил по карте остро отточенным богемским карандашом.

– Ширина сей бухты при входе триста семьдесят сажень, глубина не более четырехсот. Посудите сами, какая там у басурман сейчас толчея.

– Набились, как сельди в бочку! – хмыкнул заглядывавший в карту из-за чужих плеч Клокачев.

– Как набились, так и повычерпаем! – прибавил стоявший рядом Хметевский. Все невольно рассмеялись: – Лишь бы черпак побольше! Адмирал продолжал:

– Гассан-бей поступил вполне разумно, выстроив против входа в бухту плотную стенку из сильнейших кораблей. Он прав. Мы не можем ввести в бухту более трех своих судов, остальным там места нет. Поэтому будем жечь турок брандерами.

– Здорово! – подал голос дотоле молчавший Круз. – Еще в 1676 году в италийском порту Палермо французы таким манером спалили стоявшие у берега голландский и гишпанский флоты!

После недолгого обсуждения в действующий отряд были определены корабли «Европа», «Не тронь меня», «Саратов», «Ростислав», фрегаты «Надежда», «Африка». Бомбардирский «Гром» уже бился всюю...

Командиром отряда был назначен Грейг, а брейд-вымпел свой ему было велено держать на «Ростиславе». Там же решил находиться в сражении и Спиридов.

Подготовка брандеров была поручена цейхмейстеру Ганнибалу.

Завершил адмирал Спиридов совет словами пророческими:

– Присдвину я по знанию моему морского искусства, что сие их убежище будет и гробом их, а день сегодняшней станет лишь днем предтечи*.

В команды брандерные кликнули охотников. Офицерам была обещана перемена в чинах, матросам – денежное вознаграждение. От желающих отбоя не было.

В отношении брандерных капитанов Алексей Орлов распорядился так: каждому из флагманов выбрать по одному достойному кандидату. Сам главнокомандующий отобрал для капитанства мичмана князя Гагарина. Контр-адмирал Эльфинстон определил своего соотечественника со «Святослава» капитан-лейтенанта Дугдаля. Самуил Грейг остановил свой выбор на капитан-лейтенанте Томасе Макензи. Спиридов же пребывал в затруднении: достойных было более чем достаточно. Выручил его Ганнибал:

– Рекомендую на сию должность командира мортирной батареи «Грома» Дмитрия Ильина. Кроме храбрости и присутствия духа, сему лейтенанту присуща находчивость.

– Ильин? – поморщил лоб адмирал. – Что ж, офицер неплох, зови!

Вскоре доставленный с «Грома» лейтенант Ильин предстал перед Спиридовым. – Пойдешь? – напрямую спросил тот. – Пойду! – так же прямо ответил лейтенант.

– Помни устав, душа моя. Когда капитан на брандере отправится для зажигания неприятеля, то он не должен его зажечь, пока не сцепится с кораблем неприятельским!

Ильин вышел, а Спиридову почему-то вспомнился их давнишний разговор в кронштадтской портовой конторе и слова Ильина:

– Мы горячо желаем быть в полезности Отечеству в сей трудный для него час...

В отличном настроении пребывал и контр-адмирал Эльфинстон. Гибель «Евстафия», а вместе с ним и всех хранившихся в корабельной канцелярии обличительных бумаг резко упрочила его позиции. Особенно же приятна была гибель флаг-капитана Плещеева, знавшего слишком много из того, чего знать никому было нельзя*.

Расторопный Ганнибал тем временем отобрал из бывших при эскадре судов четыре наиболее крупные и ходкие шебеки. Греки – хозяева судов – от денег отказались наотрез:

– Как же мы будем с вас золото брать, когда вы проливаете за нас кровь свою!

Брандер, определенный под команду Дмитрию Ильину, снаряжался у борта «Трех Святителей». Две встречи предстояли там командиру мортирной батареи. Первая – с Евграфом Извековым, вторая – с младшим братом Дементария – Варвацием.

Поведал Дмитрий в разговоре с хозяином определенной в брандер полушебеки о своей дружбе с Дементарием Константиновым, спросил, не слышал ли тот что-нибудь о его судьбе. Показал подаренный перед расставанием кинжал. Хозяин полушебеки Варваций долго молча рассматривал тусклое лезвие с восьмиконечным православным крестом, затем поцеловал его.

– Я помню этот кинжал еще с мальчишеских лет. Пусть он принесет тебе удачу!

Выше креста у самой рукояти было выбито неразборчиво одно лишь слово.

Наскоро обойдя судно, Ильин собрал подле себя команду. С первого же взгляда было ясно, что матросы подобрались опытные, сплошь лихие брамсельные, имеющие за плечами с добрый десяток морских кампаний. Недоверие у лейтенанта вызвал только артиллерист: уж больно молод. Засомневался Ильин, ведь сказано было цейхмейстером: набирать на брандеры самых надежных канониров. – Откуда ты? – поинтересовался.

– Со «Святителей», ваше благородие! – последовал бойкий ответ.

Ильин вопросительно поглядел на стоявшего рядом Извекова. Тот недоуменно пожал плечами:

– Митя! Сей матрос – артиллерист отменный. В давешней баталии не только палил знатно, но и проворством своим от смерти многих спас неминуемой!

– Как звать-то тебя? – успокоившись, поинтересовался у матроса брандерный капитан.

– Матрос первой статьи Никонов Василий! – был ответ.

Время, отпущенное Ганнибалом на знакомство с брандером, подошло к концу, и Дмитрий Ильин, простившись с Извековым, отбыл на «Гром».

Старший же офицер «Трех Святителей» приступил к снаряжению судна. Матросы загружали трюмы тяжелыми пороховыми бочками, расставляя меж ними небольшие бочки с селитрой и смолой. Пока они раскатывали вдоль палубы длинные парусиновые шланги – сосисы, набитые горючими веществами, и обливали палубу вонючим скипидаром, другие крепили к бушприту и нокам реи железные крючья.

На кораблях зачитывался приказ главнокомандующего:

«Наше дело должно быть решительное, чтобы оный флот победить и разорить, не продолжая времени, без чего здесь, в Архипелаге, не можем мы и к дальним победам иметь свободные руки...»

Пополудни 25 июня 1770 года Спиридов с Грейгом съехали на «Ростислав». Корабли, определенные в боевой отряд, подошли и стали ближе к бухте. Остальная эскадра легла фигурой полумесяца, загнув края круто. Над Чесменской бухтой сгустились сумерки...

Глава пятая

*Уже простерлася над Понтом риза ночи.
Отверзлися небес недремлющие очи.*

Луна, дрожащая, открыла бледный зрак...

М. М. Херасков

В ту достопамятную для всех россиян ночь погода весьма благоприятствовала атакующим.

В одиннадцать часов пополуночи Спиридов захлопнул крышку карманных часов: – Пора!

Чтобы не привлечь внимания турок, пушечных сигналов не давали. На «Ростиславе» лишь зажгли и подняли фонарь. Адмирал запрашивал: «Все ли готовы к съемке с якорей?» Тотчас на флагштоках кораблей действующего отряда замерцали ответные сигналы-огни: «Готовы!» Тогда на «Ростиславе» вывесили сразу три фонаря: «Начать движение!»

Согласно диспозиции первой в бухту должна была входить «Надежда»: ее задача – подавить береговые батареи. Но на фрегате замешкались. То ли мель была рядом, то ли еще что, но «Надежда» медлила со съемкой. Видя это, Спиридов отстранил Грейга в сторону и зычно крикнул на «Европу»: – Клокачев! Тебе начинать первым!

Повторять капитану «Европы» было не надо. Выбрав якоря и наполнив ветром марсели, передовой линейный корабль решительно двинулся вперед в темный зев Чесменской бухты. С оставшегося по левому борту «Грома» матросы и офицеры приветственно махали руками.

Едва «Европа» вышла на траверз первой береговой батареи, как загрели залпы. Сражение началось.

Несмотря на сильный огонь, Клокачев пробился в бухту и дерзко встал посреди нее на шпринг. До турок было менее двух сотен саженей. По одинокой «Европе» сразу открыл пальбу весь неприятельский флот. Темноту ночи прорезали снопы пламени. Ядра и брандскугели, завывая, чертили в небесах свой гибельный след... Русские канониры били отменно, и скоро на турецких кораблях запылали первые пожары. В течение получаса выдерживала «Европа» этот неравный бой и вышла из него победительницей*.

К часу ночи подошел и встал рядом «Ростислав». Вслед за «Ростиславом» под всеми парусами проскочили в бухту брандеры, а затем остальные корабли и фрегаты отряда: «Не тронь меня», «Надежда», «Африка», «Гром». Теперь русские пушки держали под прицелом всю бухту. Над Чесмой стоял сплошной гул*.

Подъем духа российских моряков был небывалый: «С большим воодушевлением шли суда в гавань навстречу морю огня... Став на якорь, они взяли на прицел самые крупные из неприятельских кораблей, и их ядра, как дождь, стали барабанить по турецким судам. Бомбы летали по воздуху, как сказочные метеориты», – писал один из, участников сражения.

Скоро удачно пущенный каркас с «Грома» упал в рубашку грот-марселя одного из турецких кораблей. Будучи изготовленным из бумажной парусины и к тому же совершенно сухим, тот вспыхнул мгновенно. Огонь быстро побежал кверху по мачтам и реям. Рухнула прогоревшая грот-стенга. Спустя мгновение жаркие языки пламени уже лизали весь корабль. Турки бросились вводу... – Начали хорошо! – молвил Спиридов сквозь зубы.

– Дайте по отряду сигнал «Усилить огонь как только возможно», – обернулся он к Грейгу.

В начале второго часа – снова удача. На этот раз отличился «Ростислав». Его меткий выстрел поджег 100-пушечный «Капудан-пашу». Теперь, освещая бухту, как гигантские свечи, полыхали уже два турецких корабля. От пожаров стало светло, как днем.

– Посадили красного петуха на басурмана, теперь только раздувай, и дело пойдет! – радовались матросы.

– Время пускать брандеры! – обратился к Грейгу Спиридов. – Упустим случай – потеряем все!

Грейг согласно кивнул и закричал артиллеристам у Фальконетов: – Пали ракетами!

Грянули выстрелы. Шипя и взвиваясь, понеслись к небу три белые ракеты. Дублируя сигнал, сдвоенным залпом ударили мортиры «Грома». Разом смолкли пушки русских

кораблей. Наступал решающий момент не только сражения, но и всей Архипелагской экспедиции. Один за другим брандеры устремились вперед. Внезапно турки прекратили огонь...

– Не задумал ли чего хитрый Гассан? – заволновался не на шутку Спиридов.

Грейг был сдержаннее. Чего не случается на войне по глупости противника!

Все, однако, объяснялось очень просто. «Лев султана» принял брандеры за перебежчиков и велел не только прекратить стрельбу, но и молиться за благополучное прибытие беглецов...

Лишь когда брандеры прошли добрую половину расстояния, понял Гассан-бей свою ошибку и выслал на перехват дерзостных смельчаков свои галеры. Снова заговорила турецкая артиллерия.

Из воспоминаний очевидца: «С большим воодушевлением шли наши суда в гавань навстречу целому морю огня с неприятельских судов и батарей. Став на якорь, они взяли под прицел самые крупные из неприятельских кораблей, и их ядра, как дождь, стали барабанить по турецким судам, а бомбы летали по воздуху, как сказочные метеоры, сея смерть и разрушение везде, где они падали. И вот в первом часу утра, когда все внимание неприятеля было сосредоточено на судах commodора Грейга, последний сделал сигнал брандерам идти в атаку... Приближался момент, когда русский крест должен был окончательно восторжествовать над турецким полумесяцем...»

Первым из всех мчался к намеченной цели брандер под командованием любимца Эльфинстона Дугдаля.

В охотники капитан-лейтенант вызвался исключительно из-за перемены чинов и денежного вознаграждения. Но для того чтобы надеть мундир капитана 2 ранга, надо было еще и остаться живым.

«Какого черта влез я в это гиблое дело, – тоскливо подумал Дугдаль, вглядываясь в надвигающуюся стену неприятельских кораблей, – и какое мне, англичанину, дело, в конце концов, до всей этой свары русских с османами?»

Чем ближе к неприятелю, тем больше нервничал Дугдаль, а завидев спешащие на пересечку галеры, и вовсе потерял рассудок. Срывающимся от страха голосом он приказал команде покинуть судно...

В это самое время турецкое ядро перебило фалинь, связывающий шлюпку с брандером.

Обезумевший Дугдаль с криком носился по палубе, пока матросы не выкинули его за борт.

Галеры с янычарами были уже рядом, когда оставшиеся на судне матросы подпалили фитилем пороховые дорожки и попрыгали в воду. Грянул взрыв... Галеры бросились в стороны. Все было кончено. Первый брандер свою задачу не выполнил*. Теперь дело было за оставшимися тремя.

Второй брандер атаковал с наветренной стороны. Вел его Томас Макензи по прозвищу Фома Калинович. Наверное, на всем российском флоте не было ни одного застолья, где бы отсутствовал этот неугомонный лейтенант. Хороший анекдот и меткая шутка имелись у него на все случаи жизни. Умел Фома показывать затейливые фокусы, заразительно плясал искрометную джигу, но более всего удавался ему показ старой англичанки, танцующей менуэт. Макензи уважал русских за веселый нрав и честность куда больше, чем своих хитроумных соотечественников.

Сейчас, надвинув по самые брови треуголку, он уверенно вел свой брандер вперед. Чтобы не столкнуться с судном Дугдаля, лейтенант отвернул к берегу. Резкий толчок и скрежет известил команду о том, что брандер влез на риф. Макензи огляделся: – Боже милостивый!

Судно прочно сидело на камнях, как раз напротив турецкой береговой батареи, на северном мысу. К урезу воды уже сбегались, потрясая ятаганами, турки. Просвистели и ударили в борт первые ядра. Макензи велел покинуть обреченное судно.

Но худа, как говорится, без добра не бывает. Горящий брандер осветил вражескую батарею. Вот она, милая! Бей, не жалея! И фрегат «Надежда», незамедлительно воспользовавшись случаем, не оставил от нее камня на камне.

Команда второго брандера меж тем пробивалась к своим.

– Никак галеры басурманские! – обернулся к Макензи один из матросов.

И точно, за мысом у самого берега, прижавшись друг к другу, стояло до двух десятков гребных судов.

– Молодец! – похвалил матроса Макензи. – Будем брать на бордаж.

– Брать-то какую станем? – деловито интересовались матросы, налегая на весла. – Бона их какая прорва!

– С ближней и начнем! – смеясь, ответил неунывающий Фома Калинович. – Сколько сил хватит, столько и возьмем!

С ближайшей галеры изумленные турки взирали на приближающуюся шлюпку. Вот она уже у самого борта. Опомнились турки, да поздно! Ружейный залп смел их с палубы.

– В штыки! Виват Екатерина! – первым взобрался на галеру лейтенант. – Ура! – кинулись остальные.

Турки с воплями летели за борт. У весел, готовые ко всему, жались гребцы-невольники, худые и страшные, будто выходцы с того света.

– Давай наверх, сердешные! – кричали им матросы. – Кончилась ваша неволя!

Быстро расклепали железа. Пошатываясь, выбрались наверх: греки и венецианцы, англичане и мальтийцы, итальянцы и поляки.

– Хлопцы! – плакал, обнимая всех подряд, изможденный до крайности невольник. – Як там Украина ридна? Як там Днипро широкий? Тридцать рокив в полони басурманском маюсь! – Вперед! Вперед! – торопил матросов Макензи.

Ободренные первым успехом, те уже прыгали на следующую галеру, вслед за ними торопились, горя от мщением, невольники. Не успели турки уразуметь, что к чему, как и вторая галера была захвачена. Остальные гребные суда тем временем спешно отходили в сторону, изготовляясь к нападению. Ахмет-ага был готов покарать дерзких. Теперь надо было уходить, и чем скорее, тем лучше.

– Это был самый великолепный из моих менуэтов, но и он, кажется, окончен! – подвел итог боя Макензи. – Весла на воду! Прорываемся к своим!

Удачно уйдя от погони, лейтенант привел к эскадре отбитые им галеры. Слов нет, второй брандер сражался геройски, однако и он своего предназначения не выполнил. Вся надежда теперь была на лейтенанта Ильина.

Дмитрий Ильин до самого начала брандерной атаки распорядился своей мортирной батареей. Наконец подскочил к борту бомбардирского корабля назначенный ему брандер. Лихо перепрыгнул на него лейтенант. Утер рукой пот и сажу с усталого лица. В нос ударил острый запах скипидара. Брандерский боцман протянул апельсин. – Откуда? – спросил, сдирая кожуру, Ильин.

– Та грэк, шо хозяин судна энтого, передал, говорит, трескайте, робяты, сколь душа просит, мне для вас ничего не жаль! – пояснил словоохотливый боцман.

«Ростислав» проходили почти впритирку. Свесившись с ахтердека, Грейг прокричал Ильину:

– Ни под каким видом не поджигайся, пока не сцепишься с турком намертво! Заходи с наветренной стороны. С Богом!

– Ясно! – махал шляпой лейтенант. – Отстранив рулевого, он сам встал на руль. – Ну, Святой Миколай, не выдай!

Пошли! Шипя, отхлынула от форштевня пена, вздулись наполненные ветром залатанные паруса. Брандер легко мчал вперед, целя бушпритом в самую гущу неприятельского флота.

Турецкая армада горела. Но зажжена была лишь малая ее часть, находившаяся под ветром. Наветренные же корабли по-прежнему оставались невредимыми. Все ближе и ближе громада 80-пушечного корабля.

– Держись, ребята, – ободрял команду Ильин. – для нас давно в раю девки собраны!

Брайдер на полном ходу врезался в борт линейного корабля, разом полетели мачты, с треском рвался такелаж. Не жалко! Теперь уж все равно! Матросы крючьями намертво сцепляли свое судно с жертвой. От пуль отмахивались, как от мух надоедливых: – Кыш, подлая, ищи себе дружка в иной сторонке!

– Давай, канонир, подпаливай! – Ильин навскидку стрелял по туркам из пистолетов.

Васька сноровисто поджег фитилем рассыпанный дорожкой порох. Огненная змейка, шипя, побежала в раскрытую настежь крюйт-камору. Отбросив разряженные пистолеты, Ильин торопливо крепил к борту корабля подпаленный брандскугель.

Васька, что есть силы орудуя деревянным мушкетом, прибавал сей снаряд к обшивным доскам. Наконец брандер намертво сцеплен, бранскугель прибит, порох вот-вот рванет – дело сделано! – Уходим! – скомандовал Ильин. Немногочисленная команда с разбега прыгнула в шлюпку. – На весла навались! Гребли яростно, как никогда. – Давай, давай!

Вот уже пули перестали долетать, оглянулся лейтенант – над брандером гуляло пламя. Через несколько мгновений грянет взрыв.

– Суши весла! – скомандовал устало. – Посмотрим, ладно ли будет.

Шлюпка беспомощно закачалась на волнах. На корме в рост, широко расставив ноги, встал Ильин. Флер на шляпе рвало порывистым ветром. И тут грянуло!

Эхо взрыва, казалось, всколыхнуло море и берег – так рванул брандер.

По мачтам турецкого корабля бежало пламя. И снова взрыв! Теперь на воздух взлетел линейный корабль. Грохот был такой, что перепуганные турки прекратили стрельбу. Лавина обломков падала на вражеские суда.

«Огонь, подобно жерлу огнедышащей горы, стоял пламенем над судами, как бы висевшими в воздухе, мириады искр огненного дождя падали во все стороны и поджигали другие корабли...» – Ура! – что было мочи закричал Ильин. – Ура! – обнимаясь, кричали матросы.

– Ура! – до надрыва в горле орал счастливый Васька Никонов.

– Весла на воду! – обернулся к команде лейтенант. – Погребли домой!

А в это время выходил в атаку четвертый, последний брандер, мичмана Гагарина. Брандер этот цели не достиг – испугался князь Василий. Не пройдя и половины дистанции, поджег он свое судно и пересел в шлюпку. Брандер же пустил по ветру на удачу. Авось попадет! Команда плакала слезами горькими.

– Каково нам людям в глаза смотреть будет? Лучше уж в пекло башкой, чем с позором возврататься!

– Хамье! – подумав, обиделся Гагарин. – Как мне делать надлежит, я и сам уразумею!

Знал князь Гагарин наверняка, что Орловы его в обиду не дадут и наградой он обделен не будет...

Но туркам было уже не до гагаринского брандера. Пожар охватил к этому времени всю Чесменскую бухту. Языки пламени озаряли звездное небо и, отражаясь, играли в воде кровавыми бликами.

Огонь всегда страшен, не случайно турки остолбенели от ужасного зрелища. Ну, а затем началась всеобщая паника, остановить которую не могло ничто!

Неприятель пал духом окончательно. Ответный огонь его прекратился.

На стоявшем ближе всех «Ростиславе» от пышащего жара нельзя было даже повернуть лицо в сторону Чесмы. Люди задыхались. Оставаться на месте было небезопасно, вот-вот могли вспыхнуть паруса.

– Отводи-ка ты, бригадир, корабль назад, – посоветовал Грейгу Спиридов, – а то как бы нам заодно с агарянами не изжариться!

Грейг отдал соответствующую команду. Исполняя ее, «Европа» и «Не тронь меня» отбуксировались гребными судами подальше от огня. Впереди теперь оставался лишь «Ростислав». Над кораблем то и дело пролетали полыхающие головешки. Грейг, глядя на это буйство, шептал сухими губами: – О, теперь я знаю, как выглядит настоящий ад! В глазах бригадира плясали отблески огня...

Впоследствии Грейг писал: «Легче вообразить, чем описать ужас, остолбенение и замешательство. Целые команды в страхе и отчаянии кидались в воду, поверхность бухты была покрыта множеством спасавшихся людей, но немного из них спаслось».

В это время капитан Лупандин делал все возможное, чтобы спасти «Ростислав» от возгорания.

– Ну, заморы, – ободрял он свою команду, – не подкачай!

Матросы перекрепляли паруса, непрерывно поливали из брандспойтов такелаж, окатывали из ведер борт и палубу. «Ростислав» своей стоянки так и не покинул.

Море кипело от непрерывных взрывов, по бухте гуляли огромные волны, топя шлюпки и людей. Заряженные пушки, накалясь, палили сами, усиливая панику. Пламя и дым давно затмили луну. Огонь, вода и воздух, казалось, слились воедино в стремлении покончить со всем живым.

В находящейся в нескольких десятках миль Смирне земля ходила ходуном, как при землетрясении. И люди в ужасе выбегали на улицу из домов, думая, что настал конец света...

Еще одно воспоминание очевидца: «Горел уже весь флот, насчитывавший около 200 парусов, являя этим страшную и в то же время величественную картину всеобщего ужаса и бедствия. Перо может дать лишь слабое представление об этой поразительной катастрофе. Пламя с ужасающей быстротой разливалось во все стороны, и один за другим взлетали на воздух турецкие корабли вместе с людьми, бегавшими по их палубам и не решавшимся броситься в воду и плыть к берегу. Русские продолжали осыпать пожарище таким дождем бомб, ядер и пуль, что никто не решался прийти на помощь своим гибнущим собратьям. Крики отчаяния, вопли и рыдания побежденных, и музыка, барабанный бой, и «ура» на судах Грейга, сливаясь воедино, составляли как бы торжественную погребальную песню умирающей доблести османов... Наша победа была решительная, их поражение – полное».

Едва воспылала бухта Чесменская, пал духом наблюдавший за боем из замка капудан-паша:

– Сьюхан Аллах! Все погибло! О я, несчастный, что скажу я великому султану, как посмею глянуть в лучезарные глаза его?

Великому адмиралу уже виделся недалекий подарок султана – конверт с черным шелковым шнурком...

Толпы турок разбежались во все стороны. В придорожной канаве, брошенный всеми, лежал младший флагман Джезаирли Гассан-бей.

– Ради Аллаха и Фатимы! – кричал он бегущим. – Остановитесь!

Тщетно, песчинка в огромном потоке – он был бессилен что-либо изменить. Пробегавшие мимо плевали ему в лицо: – Будь ты проклят, приведший нас сюда!

Постанывая от боли в раненой руке, Гассан-бей отполз в сторону. О, как жалел он сейчас о том, что не пал тогда на палубе «Реал-Мустафы» от штыка гяура!

– Я отомщу неверным, – шептал несломленный «Лев султана». – Я отомщу так, что сам шайтан ляжет мне под ноги вместо порога, когда настанет пора отправляться через Эльсырат в рай к предкам! Клянусь Небом!

Страшной клятве Гассан-бея так и не суждено было сбыться. Никогда. Больше добавить к этому нечего...

Всю дневную баталию 24-го числа провел Леха Ившин подле своей пушки. Палил из нее по басурманам – будь здоров, только щепки летели! Когда ж сцепился с вражеским кораблем «Евстафий», полез Леха со всеми на абордаж. Жаркое было дело! Трех турок уложил бравый канонир, но и самому досталось – задело пулей руку левую.

Как верхнюю палубу отбили, отправился Леха в лазарет. Спустился в евстафиевский интрюм и обмер. Народу в лазарете битком. У кого руки-ноги перебиты, у кого глаза огнем выжжены, а кто и вовсе покалечен так, что и места живого нет. Отовсюду крики, стоны, плач. Умиравшие в голос прощались с белым светом и добрыми людьми. За кровью залитым столом два здоровущих матроса, навалясь, держали очередного страдальца. Третий силой лил ему в рот водку. Взъерошенный лекарь, шуря глаз, торопливо точил пилу... Закричал в голос несчастный, полетела нога в медный таз. А лекарь, пережав щипцами сосуды кровеносные, лил на рану кипящую смолу. Глянул Леха еще разок на страхи лазаретные и полез обратно. А на палубе уже кричал кто-то с надрывом:

– Робяты! Кто живой ишшо? Аида до басурманского корабля, там турки из рюйма наших ломают!

И сразу же на зов сотоварища, стиснув зубы, из люков поползли пораненные да побитые. Перетянул Леха куском рубахи кровоточащую руку и полез на «Мустафу» через фальшборт.

А в батарейных деках и трюме рубились яростно, да так, что скоро и биться-то было некому.

На Леху сразу же азиатец величины огромной по пояс голый кинулся. Попытался он было канонира ятаганом достать, да, погорячась, промахнулся. А Леха тесаком его в бок достал-таки. Закричал тогда азиатец бешено, отбросил ятаган и, обхватив канонира поперек ручищами, поднял в воздух. Устремив на задыхающегося москoviта налитые кровью глаза, прорычал азиатец-гяур и принялся грызть Леху зубами, стараясь к горлу добраться. И не жить бы Лехе, кабы не счастливый случай. Возле борта, где убивал канонира турок, была выбита выстрелами сетка защитная. Поскользнулся неистовый азиатец в чьей-то крови и, не удержавшись, полетел вместе с Лехой за борт. Пока в воде барахтались, вытащил канонир из-за пояса нож и добил врага своего. Но не успел и воздуха-то вдохнуть по-настоящему, как снова пришлось нырять. Прямо на него от борта турецкого корабля шла шлюпка. В шлюпке несколько бородатых турок перевязывали одного, богато разодетого... А вскоре рвануло так, что оглушенного Леху буквально вышвырнуло из воды. Сразу ударило в лицо жаром, перед глазами пошли круги...

Очнулся канонир лишь тогда, когда его, сердешного, за шиворот подцепили. – Ага! – только и сказал.

– Ага! Ага! – обрадовались турки, втаскивая его в шлюпку.

Когда же привезли матроса на берег да разобрались, кто он таков на самом деле, решили голову рубить. Простился Леха с жизнью и, глядя на погубителей своих, думал с тоскою:

«Кабы снималась голова да засовывалась за пазуху, тогда бы ничего не страшно, а так пропадать, видать, придется!»

Вытащил один из турок саблю кривую и начал подступать к Лехе этаким вывертом. Остальные плевались и хохотали: – У» УРУС, шайтан! Секир башка твой будет!

И такая Леху злость взяла от немоци своей, что аж слезы на глаза навернулись.

Подбежали меж тем турки к канониру, повалили и к шее уже хорошенько примерились, как прибежал еще один турок и стал что-то кричать да руками размахивать. Засунул тогда палач главный саблю свою за пояс и в сторону отошел с сожалением. Понял Леха, что в смерти его пока передышка случилась, но радовался недолго. Турки тут же избивали его ногами и потащили куда-то. Всю ночь просидел канонир в душном сарае, а наутро отвели его на галеру, у берега стоявшую. Там заковали в цепь и подле весла огромного посадили, определив в гребцы-филикаджи. Рядом с Лехой еще бедолага плечом к плечу сидел, лицом черный, как сатана. Протянул он Лехе сухарь, водою поделился да рану перевязать помог, сострадательный, видать, был.

– Благодарствую тя, арап любезный, – говорил ему Леха признательно, – дай Бог тебе скорой воли и доброго здравия!

Улыбался в ответ арап непонятливый, зубы белые скаля. Огляделся Леха по сторонам. Народ у весел самый разный, все помалкивают, каждый сам по себе. Меж гребцами надсмотрщик-комит виду свирепого с бичом прохаживается,

Едва стемнело, жестокая пальба началась. Гребцов сразу сытно бобами разваренными кормить стали: видать, работа впереди предстояла.

А пальба разгоралась все сильнее. Радовался Леха – жмут наши, коль шум такой стоит! Затем и взрывы греметь начали, забегали турки как оглашенные.

– Ишь, не нравится гололобым на ярмарке, погодите, то ли еще будет! – хлопал довольный Леха соседа-арапа по плечу.

Посреди ночи вспыхнула галера пламенем жарким. Турки сразу как один в воду покидались. Много повидал российский матрос Ившин на своем веку, но такого видеть не доводилось. На глазах его сгорали свечками прикованные цепями люди. Жар огня, нечеловеческие крики, смрад паленого мяса – все смешалось. Понял Леха, что и его смертный час близок, закрыл глаза и принялся молитвы шептать истово...

Тут вдруг скользнул локоть его по борту и в оконце весельное просунулся. Раздумывать было некогда. Вытолкнул канонир в оконце весло и сам стал в него протискиваться. Метнул взгляд назад, а там уже всю горел черный знакомец. Белки глаз выпучены, объятые огнем волосы трещат, воем, извивается в муках предсмертных... Поднатужился Леха и кое-как протиснулся в оконце. Цепь, слава Богу, была длинная. Нырнул он, ухватился за борт галерный и замер в ожидании. Если бы не дышать, так и вовсе сидел бы канонир в царстве подводном безвылазно. Сколько времени прошло, кто знает! Только почувствовал Леха, что ослабла цепь – видать, банки перегорели.

«Ничего, – подумал канонир, подальше отплывая, – помирай, коли хочется, живи, коли можется. Есть еще душа у меня в теле доселе!»

Тяжеленная цепь тянула ко дну. Подплыл канонир к ближайшей фелюке и, силы последние напрягая, через борт ее перевалился – будь что будет! Но на фелюке было пусто, команда, видно, еще загодя поразбежалась, не испытывая судьбу. Отдышался Леха, подобрал цепь свою окаянную, затушил головешки горящие, парус поставил и на выход из бухты поплыл.

«Авось в неразберихе здешней и к своим проскочу», – думал, рулем во все стороны орудуя.

Пока по бухте плыл, в фелюку целая туча тонущих турок повзбиралась. Отходчив русский человек, глянул на них Леха, вздохнул: – Жалко вас, турков-то! И решил не трогать.

Таки к своим и выбрался. Причалил канонир к «Ростиславу», а сил стоять на ногах и нет более, до самого доньшка выложился, так у руля и свалился...

А на фелюку уже прыгали матросы. Прибежал корабельный кузнец и в два удара расклепал цепь проклятую. Перенесли Ившина на корабль, а тут и сам адмирал подошел. Приподнялся Леха, как смог, доложил по всей форме:

– Первой статьи матрос Ившин Алексей сын Иванов, корабля «Святого Евстафия» канонир, из басурманского полона возвратился. При мне фелюка ихняя в полной исправности и турков куча немалая!

– Спасибо, герой! – молвил Спиридов голосом проникновенным, – несите его к лекарю, он свое сделал! – И, уже обратясь к собравшимся вокруг, прибавил: – Счастливо Отечество наше, имея сынов таких!

Потери в ночной баталии с нашей стороны были... одиннадцать человек. Сказочно! Неправдоподобно! Но так было!

Глава шестая

Честь Всероссийскому флоту! С 25 на 26 неприятельский военный флот... атаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили, потопили и в пепел обратили... а сами стали быть во всем Архипелаге... господствующими.

Адмирал Г. А. Спиридов

Под утро Алексей Орлов выслал на помощь «Ростиславу» все гребные суда. Во главе их лейтенант Яков Карташев.

Турецкий флот догорал... Пристально вглядываясь в зарево пожара, Спиридов приметил пару уцелевших турецких кораблей, находившихся под ветром.

– Вызовите ко мне Карташева! – велел он Лупан-дину.

– Вот что, лейтенант, – похлопал по плечу прибывшего офицера, – бери катера да буксируй на выход вот те корабли, за мысом спрятанные.

– Будет исполнено! – коротко ответил Карташев. Рассвет еще только начинал брезжить, когда русские моряки взошли на палубу первого неприятельского линейного корабля. Среди охотников была в полном составе команда геройского третьего брандера...

Матросы быстро затушили небольшие пожары, завели на шлюпки буксирные концы и потащили трофей к эскадре. А навстречу уже спешили гребные суда капитан-лейтенанта Булгакова*. Общими усилиями они вывели линейный корабль из бухты. На его зеленом облупившемся борту арабской вязью было выведено «Родос». Карташев подозвал к себе оказавшегося рядом Ваську Никонова.

– Ну-ка, молодец, давай флаг Андреевский над басурманским подымай. Негоже нам под султанским стягом плыть. – Я враз! – обрадовался Васька.

Спустя считанные минуты над плененным «Родосом» уже полоскалось огромное полотнище, наискось перечеркнутое размашистым синим крестом. Под ним, перевернутый вверх тормашками, болтался турецкий флаг, со звездой и полумесяцем. Не сдержался Васька, созоровал!

Второй корабль, к сожалению, вывести не удалось. Посланный туда лейтенант Макензи сделал все возможное, но на выходе линейный корабль засыпало горящими обломками...

Одновременно спасли от огня и несколько больших галер*. Все остальное было уже испепелено всепожирающим огнем...

С восходом солнца взору российских моряков предстала вся грандиозная картина ночного пожара. Чесменская бухта была сплошь усеяна обуглившимися корабельными днищами, обломками такелажа, тысячами обгоревших трупов, воды как таковой не существовало, настолько она была перемешана с пеплом и кровью.

К восьми утра Алексей Орлов прислал на «Ростислав» свои поздравления по случаю победы и приказ о производстве Грейга в контр-адмиралы с «удостоверением сверх того за достолавный подвиг в сожжении турецкого флота в дальнейших милостях к нему государыни императрицы»*.

После полудня, снявшись с якорей, корабли действующего отряда двинулись к эскадре. Дул тихий северный ветер. Плыли не спеша, в строю кильватера. Первым «Ростислав», за ним остальные. В середине колонны под парусами вели плененный «Родос», окруженный пятью трофейными галерами*.

Подойдя к главным силам, отряд залпировал двадцатью семью выстрелами. С «Трех Иерархов» отвечали двадцатью тремя. По реям и вантам стояли команды, играла музыка, гремело «Ура». Когда же «Родос» поравнялся с «Иерархами», тот, салютуя трофеем, выпалил из всех своих орудий враз.

«Гремели пушечные выстрелы, и, казалось, звуки сии понесли славу Россов во все пределы света, раздаваясь от берегов Анатолийских к берегам Невским», – писал один из современников об этом волнующем и торжественном мгновении.

Спиридов и Грейг перешли на флагманский корабль. Взойдя на борт, Грейг передал Орлову флаги плененных судов:

– Ваше сиятельство! Вот бессмертный памятник достолавной победы, одержанной под начальством вашего сиятельства, в вечную славу всемилостивейшей нашей государыни

всероссийской! Орлов восторженно расцеловал Грейга: – С нашими успехами слава неразлучна! Спиридов стоял в сторонке. Он был здесь как бы лишним.

На отбитые галеры тем временем грузили солдат и высаживали их в город. Начальником десанта – полковник Обухов. Турок нигде не было, только валялись на улицах раненые и обгоревшие. Солдаты зла несчастным не чинили, в плен не брали, а отпускали на все четыре стороны. Посланные в город лекари безжалостно опустошали свои сундуки, оказывая недавним врагам посильную помощь.

Не теряя времени даром, десант рвал бастионы чесменского замка, свозил на корабли медные орудия. Матросы весело таскали в шлюпки тюки тончайшего хиосского шелка, груды которого валялись на каждом шагу. К складам встали караулы, отряженные команды приступили к тушению пожара.

В полдень Алексей Орлов с братом Федором, князем Юрием Долгоруким и «отличившимся» в баталии мичманом Гагариным съехал на берег. Плыли медленно, крючковые едва успевали отталкивать отпорниками плавающие трупы. Едва граф Алексей выбрался из шлюпки, как ему тут же доложили о творимых турками бесчинствах в Смирне. Бежавшие туда янычары и матросы с сожженных кораблей учинили в городе кровавую резню всего христианского населения. Разгневанный Орлов велел звать к себе одного из захваченных турецких пашей Кандийского янычар-агу.

– Езжай в Смирну и передай тамошнему владетелю, что я велю немедленно прекратить все убийства и погромы; в противном случае мы двинемся туда всюю своей непобедимой силою!

Угроза действие возымела. Не на шутку испугавшийся смирнский наместник сразу же принялся наводить порядок. Уже на следующий день он поспешил известить русского главнокомандующего, что порядок в Смирне восстановлен, а зачинщики погрома обезглавлены.

Капитаны кораблей тем временем запасались впрок брошенными якорями, снимали с прогоревших днищ пушки, выискивали в воде годные к употреблению стеньги и реи. Во время этих работ нашли моряки среди плавающих обломков живого человека. Придя в себя, спасенный заплакал: – Спасибо, ребята, вовек не забуду!

То был армейский прапорщик Иван Абатуров, захваченный в плен турками при взрыве «Евстафия».

Русские в городе долго не задерживались. Орлов не без основания боялся морового поветрия. Палубы кораблей по этой причине ежечасно мылись, помещения окуривались древесным углем. Всем было велено пить воду пополам с дегтем, а платье пропитывать оливковым маслом.

Едва последние солдаты покинули Чесму, как на ближайших холмах замаячили всадники. На следующий день турки робко вступили в город. А там уже вовсю гуляла чума...

Некоторое время эскадра еще стояла подле бухты, приводя себя в порядок. Но ветер доносил из Чесмы такой нестерпимый смрад разлагавшихся тел, что корабли пришлось отвести мористее.

А перед самым уходом прощальный подарок султана – два рагузских транспорта, доверху груженных провизией для флота из Константинополя. Опоздали транспорта, не в те руки попали!*

28 июня российские корабли подняли паруса. Теперь перед эскадрой стояли иные задачи. Курс был проложен на Дарданеллы!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ Эхо Чесмы

Глава первая

«Был...»

(Из надписи на Чесменской медали)

До российской столицы известие о победе при Чесме дошло не скоро. Вначале было получено краткое сообщение от посланника на Мальте. Подробности там отсутствовали, но главное было ясно: произошло генеральное сражение, в котором русский флот наголову разгромил неприятеля.

Из письма Екатерины II Панину в сентябре 1770 года: «Лишь встала с постели, мне отдали Ваше второе письмо с приятными из Архипелага предвестиями, а не известиями еще, ибо сказывают одни, что взяты Дарданеллы, а другие, что флот турецкий паки сожжен. Но есть ли бы выбирать, то Дарданеллы лучше возьму, ибо сие нас приближает к месту ближайшего мирнаго конгресса».

От самой эскадры с донесением послали князя Юрия Долгорукого. Попутным судном он добрался до Ливорно, оттуда посуху – в Россию. Лишь поздней осенью прибыл князь в Санкт-Петербург.

Императрица пожелала увидеть вестника славной победы немедля. Принимала его прямо у карточного столика, где только что, коротая время, проиграла подряд несколько партий дураковатому прусскому принцу Генриху. Разговор состоялся недолгий. Екатерина спешила отыгаться. На прощание вручила она Долгорукому Георгиевский крест 3-го класса.

– Сей крест тебе уже послан, но, видно, не дошел до тебя! Поэтому я его тебе сама и возлагаю!

Из первичной росписи императрицы Екатерины II о награждениях за Чесменскую победу: «Объявить им награждения: гр. А. Орлову кавалерию Св.Георгия первого класса и кайзер-флаг пока жив, чтоб мог поднять на наших кораблях и употребить в своем гербе, графу Федору Орлову – второго класса, адмиралу (т.е. Спиридову. – В. Ш.) деревня, контр-адмиралу Грейгу – третьего класса Георгия, тоже и князю Юрию Долгорукому. Всем командам брандеров – четвертый класс Георгиевский, всем морским и сухопутным на судах, в действительной драке находившимся, медали на синей ленточке, корабельным командирам же тех кораблей Георгия четвертого класса».

Затем передумав, императрица осыпала Алексея Орлова целым дождем наград. Дадены ему были: Георгиевский крест наивысшего, 1-го класса, усыпанная алмазами шпага, шестьдесят тысяч рублей, титул графа Чесменского, единоличное право поднимать на всех кораблях российского флота кейзер-флаг и фамильный герб с изображением того же кейзер-флага. Екатерина писала Орлову восторженно:

«Блистая в свете не мнимым блеском, флот наш... нанес сей раз наичувствительный удар оттоманской гордости... Сия победа приобрела отменную славу и честь... лаврами покрылась и вся находящаяся при Вас эскадра».

Помимо официальных наград Екатерина одарила Орлова еще и личными подарками, которые еще раз подчеркнули ее особое расположение к Чесменскому победителю. В своем письме к графу она писала: «Граф Алексей Григорьевич! Как скоро услышала я, что у вас пропал перстень с моим портретом в чесменскую баталию (тот самый, который Орлов в порыве бешенства выбросил за борт. – В. Ш.), тотчас заказала сделать другой, который при сем прилагаю, желаю вам носить оный на здоровье. Потеряв перстень, вы выиграли баталию, истребили неприятельский флот; получа другой, вы берете укрепленные места...

Как вы весьма хорошо управляете моим флотом, то посылаю к вам компас, вделанный в трость. Прощайте, любезный граф; я желаю вам счастья и здоровья, и всякого благополучия и прошу Всевышнего, да сохранит вас целым и невредимым. Впрочем, остаюсь, как всегда к вам весьма доброжелательна. Екатерина».

Награждены были и другие участники победоносной баталии. Адмиралу Спиридову пожаловали орден Андрея Первозванного. Самуилу Грейгу, произведенному в контр-адмиралы, вручен был Георгиевский крест 2-го класса. Георгиевских крестов были удостоены и другие наиболее отличившиеся офицеры: Степан Хметевский, Федот Клокачев,

Александр Круз, Иван Перепечин, Василий Лупандин, Петр Карташев*. Но особо отмечался всеми подвиг Дмитрия Ильина.

Так, выражая похвалу всем участникам сражения, адмиралтейств-коллегия отмечала: «А паче господину Ильину, которого храбрость и твердость духа справедливо не токмо похвалы, но и удивления достойны».

От государственной казны велено было выдать победителям ровно сто шестьдесят семь тысяч четыреста семьдесят пять рублей и пятнадцать с одной четвертью копейки*.

Для команд Средиземноморской эскадры учредили серебряную медаль «За победу на водах Эгейских». Носить ее надлежало в петлице на голубой Андреевской ленте. На медали изображался горящий турецкий флот и надпись внизу мелкими буквами: «Чесма 1770 года июня 24 дня», а сверху в клубах дыма лишь одно краткое слово «Был»*. Женам и детям офицеров и матросов эскадры велено было Екатериной II раздать пять тысяч рублей.

Русский народ праздновал величие своего флота. Три дня в столице шли народные гулянья, беспрестанно гремели салюты, флотских закачивали на руках до упаду. Специальным высочайшим указом велено было праздновать Чесменскую победу ежегодно.

Из воспоминаний о детстве поэта и сенатора Ивана Дмитриева: «Отец мой, получая при газетах реляции, всегда читал их вслух посреди семейства. Никогда не забуду того дня, когда слушали мы реляции о сожжении при Чесме турецкого флота. У отца моего от восторга прерывался голос, а у меня навертывались на глазах слезы».

Изменение претерпела даже женская мода. Едва известие о победе достигло столицы, как буквально на следующий день в два с лишним раза возросла ширина юбок у петербургских модниц. Пышные кринолины заколыхались над петербургской брусчаткой, как паруса кораблей над штормовыми волнами. Тогда же наимоднейшие дамские прически «Шишак Минервы» и «Рог изобилия» как по мановению волшебной палочки уступили пальму первенства экзотическому «Левантскому тюрбану».

Славной виктории на водах Эгейских посвящали стихи и возвышенные оды. Огромной популярностью пользовалась драма «Россы в Архипелаге», смотреть которую собирались толпы народа – от самых титулованных до простолюдинов.

На торжественном молебне у надгробия Петра Великого рыдал, не скрывая слез своих, митрополит Платон:

– Восстань, великий монарх, Отечества нашего отец! Восстань и возри на любезное изобретение твое! Оно не ислело во времени, и слава его не помрачилась! Восстань и насладись трудами рук своих!

На надгробие был торжественно возложен добытый неизвестным матросом кормовой турецкий флаг. Рядом лег на холодный мрамор лист бумаги со стихами:

Тебя виновником считая русских благ,
У неприятеля отнятый ею флаг
Перед стопы твои усердно полагает
И жертвой сей твое столетие венчает.

Гром Чесмы всколыхнул весь мир. Хитроумные дипломаты горестно сотрясали пудру париков, вчитываясь в донесения о результатах баталии. Русский флот заявил о себе во весь голос. Так, британский посол при русском дворе лорд Каскарт в своем донесении в Лондон особое внимание обращал на «храбрость, распорядительность и решительность, показанные русским адмиралом, офицерами и матросами при столь новых для них обстоятельствах».

Первыми забили тревогу по итогам Чесмы союзные России англичане. Былое пренебрежение к российским морякам сменилось у них на опасливую настороженность. Уже через месяц после сражения британское адмиралтейство получило обстоятельнейший отчет своих шпионов о всех подробностях сражения. Доносители, делая вывод из увиденного, писали: «Одним ударом уничтожена вся морская сила оттоманской державы».

Как же отреагировала на Чесменскую победу Англия? Академик Е. В. Тарле характеризует ее отношение к случившемуся следующим образом: «Лорды адмиралтейства и с ними британский кабинет могли усмотреть... в Чесменском событии две стороны: отрицательную и положительную. Плохо было то, что Екатерине так невероятно блестяще удалось это головокружительное предприятие – перебросить с Балтийского моря в Архипелаг большой флот и уничтожить дотла весь прекрасно вооруженный и крупный количественно флот Турецкой империи, нехорошо было и то, что появление Орлова сопровождалось смутами и восстаниями в Мореи и других местах, населенных христианскими подданными Порты...»

Первым понял всю опасность реакции Англии на истребление турецкого флота адмирал Г. А. Спиридов, который немедленно предложил свой вариант выхода из сложившейся ситуации: «Ежели б англичанам... сей остров (Парос. – В. Ш.) с портом Аузой и анти-Паросом продать, – писал он А. Г. Орлову, – то б хотя и имеют они у себя в Мидитерании (в Средиземном море. – В. Ш.) свои порты, не один миллион червонных с радостью дали». Короче говоря, адмирал предлагал откупиться от раздосадованных чужой удачей англичан, но российское правительство на это не пошло.

А вскоре на средиземноморских волнах закачались корабли эскадры вице-адмирала Сандерса в одиннадцать 74-пушечных линкоров. Англия не шутила.

Следом за ней ввели свои эскадры и прочие «союзники». Даже маленькая Дания, выгребая из тощей казны последние кроны, выслала в южные воды шесть боевых судов.

В те дни прусский король Фридрих II писал в своем дневнике: «Успехи, столь быстрые, беспокоили равным образом как союзников России, так и прочие державы Европы».

Совершенно по-иному была воспринята весть о Чесменской победе народами Средиземноморья. Пламя восстаний объяло Эгейские острова и материковую Грецию, Сирию и Малую Азию. Газеты тех дней писали: «Русские своим человеколюбием и справедливостью приобретают в Архипелаге общую к себе любовь».

Спустя несколько недель после разгрома турок жители сразу двадцати семи островов Архипелага прислали к адмиралу Спиридову своих депутатов с просьбами создать Архипелажское княжество под российским подданством.

В последний день июня 1770 года, когда солнце стояло в самом зените и жители Стамбула прятались от жары в тени кипарисов, у ворот сераля бросил поводья измученный долгой скачкой наездник. Бородатые стражники-янычары помогли ему слезть с лошади.

– Я послан правителем Смирны к великому и всемогущему царю царей! Весть же моя страшная! – разлепил сухие губы гонец. – Дайте пить!

Напоив посланца водой из близлежащего мраморного фонтана, янычары отвели его во дворец. Султан Мустафа Третий пожелал принять гонца из Смирны незамедлительно.

– О, всемогущий, – рухнул на колени посланец, – позволь мне, недостойному, поведать тебе горестную новость. Твой великий флот во главе с бесстрашным мореходом Ибрагим-пашой сожжен московитами у местечка Чешме! Сражение было столь грандиозным, что от грома пушек дрожала земля на многие мили вокруг. Твои рабы дрались, как львы, но видно, Аллах решил покарать нас за гордыню, ибо он отвернулся в тот день от нас. В пламени сражения сгорели все твои суда, не уцелел ни кто! Корабли гяуров стоят теперь у входа в Дарданеллы, а завтра они будут у стен Стамбула!

Смертельно побледневший Мустафа выронил из рук четки и закрыл лицо руками.

– Это конец! – повторял он как безумный. – Они уже идут сюда, чтобы разделаться с нами!

В тот же день султан бежал из столицы в один из загородных замков и заперся там в ожидании неизбежного...

Стамбул был объят паникой. Начались погромы и пожары, разбой и насилие. Тысячи и тысячи обывателей разбегались из города куда глаза глядят.

– Спасайтесь, правоверные! – кричали они менее решительным. – Настал конец света и поглотится все в геенне огненной!

Вспыхнули беспорядки и в турецких войсках. «Ужас до такой степени овладел умами, – писал об этих днях русский историк Петров, – что все только громко говорили об оставлении батарей при первом выстреле неприятеля...» Основания для паники у янычар были. Ведь обороны Дарданелл практически не существовало... Стены старинных крепостей были столь ветхи, что грозили падением, а пушки были столь древние, что стрелять из них было уже нельзя. Командующий обороной Дарданелл Молдаванчжи-паша был бессилён изменить что-либо. Единственное, что удалось сделать ему, так это побелить стены приморских крепостей, чтобы создать видимость их новизны хотя бы издали...

А вести с моря были одна тревожней другой. Русская эскадра уже захватила ближайший к проливу остров Лемнос. Высаженный десант уже взял в осаду находившуюся на острове крепость Пилари. А передовые русские корабли начали промеры глубин на входе в Дарданелльские теснины...

Стамбул замер в ожидании скорого возмездия. Мустафа Третий был близок к помешательству. Ещё бы, ведь прорвись русская эскадра, попутно засыпав ядрами и бомбами Стамбул, в Чёрное море, и у России в одно мгновение появится прекрасный Черноморский флот, бороться с которым Высокая Порта будет бессильна! Судьба войны, а может, и всей империи могла решиться в самое ближайшее время! Не лучшим виделось положение Высокой Порты, если Орлов со Спиридовым решались на морскую блокаду Дарданелл. В этом случае перед Стамбулом начинал маячить призрак страшного голода...

– Московитские ладьи у стен города! – кричали на улицах обезумевшие от страха турки. – Спасайтесь кто может!

В столице Высокой Порты начались массовые беспорядки, погромы. Подобное потрясение Константинополь испытывал ранее только раз, когда ровно двести лет назад объединённый христианский гребной флот наголову разгромил турок в сражении при Лепанто. Но тогда хоть что-то уцелело, теперь же погибло всё*.

Командующий обороной Дарданелл свирепый Молдаванчжи-паша по-прежнему был в полнейшей растерянности. Большая часть его войска уже разбежалась, оставшиеся пребывали в неопишемом ужасе. Янычары прямо кричали паше в лицо, что побегут при первом же выстреле неприятеля. Французский посланник в Турции горестно доносил в Версаль: «Надежда властвовать морем вдруг перешла к сознанию ничтожества, и при известии о появлении русских при Дарданеллах Константинополь потерял голову».

В те дни российский пиит Василий Петров писал в своей «Оде на победы в Море»:

«Герой! Не негодуй: твой жребий не приспел;
Тебе остались... Вход черныя пучины И ужас Дарданелл...»

Глава вторая

«Посылку флота моего в Архипелаг, преславное его там бытие и счастливое возвращение за благополучное происшествие государственования моего почитаю».

Екатерина II

После блестящей Чесменской победы русский флот ещё в течение долгих четырёх лет оставался в Архипелаге. Его корабли наглухо закупорили турок в Дарданеллах... Екатерина идею Орлова и Спиридова о тесной блокаде Дарданелл одобрила полностью. В своём очередном рескрипте на имя Алексея Орлова она писала по этому поводу: «Флот наш разделяет неприятельские силы и знатно уменьшает их главную армию. Порта, так сказать, принуждена, не зная, куда намерение наше клонится, усыпать военными людьми все свои приморские места, как в Азии, так и в Европе находящиеся, теряет все выгоды, от Архипелага и от своей торговли прежде получаемые, принуждена остальные свои силы

морские разделить между Дарданеллами и Черным морем, и, следовательно, препятствие причиняется ей действовать как на самих Крымских берегах с надежностью, не упоминая и о том, что многие турецкие города, да и сам Царьград не без трепета видит флот наш в таком близком от них расстоянии». Крейсерские отряды Хметевского, Извекова и других капитанов уничтожили и пленили около 400 вражеских судов. Новые славные победы вписали они в историю отечественного флота. Вот лишь некоторые из них:

21 июля 1770 года русская эскадра в составе пяти кораблей, фрегата и бомбардирского корабля под началом А. Г. Орлова и адмирала Г. А. Спиридова осадила крепость в бухте Пелари, на западной стороне острова Лемнос*.

8 декабря 1770 года корабль «Саратов» у острова Станко овладел ставшим на мель 66-пушечным турецким кораблем и сжег его.

6 августа 1771 года русский отряд в семь вымпелов под началом А. Г. Орлова высадил десант в заливе Макри и овладел местечком Ливиса, где были сожжены магазины и взяты в плен семь крупных шебек.

9 сентября 1771 года фрегат «Святой Павел» под командой П. Алексиано, подойдя ночью к острову Станко, высадил десант и овладел турецкой крепостью Кеффало.

12 сентября 1771 года трекатр «Святой Михаил» под началом мичмана Александра Ушакова между островом Лемнос и Афонской горой отразил нападение пяти турецких галер.

2-5 ноября 1771 года русская эскадра из 15 судов (шесть кораблей, семь фрегатов и два бомбардирских корабля) под началом А. Г. Орлова и адмирала Г. А. Спиридова бомбардировала крепость на острове Метелин, причем высаженный десант овладел адмиралтейством с припасами, сжег стоящие на стапеле два линейных корабля и одну галеру, вывел из гавани до 20 мелких судов.

28 февраля 1772 года фрегат «Святой Павел» под командой лейтенанта П. Алексиано у острова Родос взял турецкое судно.

В марте 1772 года фрегат «Слава» под началом лейтенанта М. Войновича напал в заливе Лагос на 13 турецких судов, из которых три взял в плен, два потопил, четыре сжег и вдобавок овладел береговой батареей.

5 июля 1772 года фрегат «Николай» под командой И. Войновича овладел крепостью Кагель-Россо.

В июле 1772 года русский отряд в семь судов под началом генерал-адъютаната Ризо и капитана Псаро овладел крепостью Бейрут. При этом сожжено 10 неприятельских судов.

Осенью 1772 года Алексей Орлов и адмирал Спиридов решили нанести повторный удар по Чесме, где турки скрытно скопили много всяческих грузов и припасов, стремясь снова превратить этот порт в важный узел своих морских перевозок. Командиром отряженных для нападения сил был определен контр-адмирал Самуил Грейг. Флаг свой командир отряда пожелал держать на «Надежде».

Историк русского флота Соколов так описывает Второе Чесменское сражение. «Отряд... сделал нападение на крепость Чесму, сжег предместье, магазины, истребил действием морской артиллерии несколько мелких судов... Суда, несмотря на сильный неприятельский огонь, легли на якорь не боле как в 150 сажнях от крепости и, открыв свои батареи, стреляли с такой скоростью и точностью, что тотчас принудили крепость молчать, и, сбив с оной пушки, переломали станки, разбили стену, бастионы и множество домов».

Касаясь действия капитанов судов, командир отряда в своем рапорте отмечал следующее: «При сем случае имею честь рекомендовать отличившихся разных команд командующих... штаб- и обер-офицеров: флота капитана Василия Роксбурга, капитан-лейтенантов Кожухова, Извекова как исправных и храбрых офицеров».

Месяца мая восьмого числа года 1772 город Ревель прощался с эскадрой контр-адмирала Чичагова. Русские корабли спешили в далекое Средиземноморье, чтобы подкрепить героев Чесмы и окончательно закрыть туркам выход из Дарданелл.

Укомплектована эскадра была моряками опытными. Корабли ж в нее включили новые, только что со стапелей. Имена по этой причине присвоены были по следам событий

недавних и славных: «Чесма», «Победа», «Граф Орлов». На флагманском «Орлове», что уходил в море под адмиральским флагом, был капитаном Коняев Михаила Тимофеевич, моряк опытный и воин храбрый.

Моряки торопились: ведь их ждали в далеких южных водах боевые товарищи. Шли по этой причине лихо, неся даже при крепком ветре все паруса. Плавание было тяжелым. Умиralи от болезней люди. Текли корабельные корпуса. Но уже в середине августа эскадра бросила якоря на рейде итальянского порта Ливорно. Здесь моряков ждала первая неожиданность. Контр-адмирала Василия Чичагова высочайшим ордером отзывали в Россию. Там ему предстояло принять под начало эскадру на море Азовском. Эскадру велено было принимать Коняеву как старшему по должности.

– Задача не так уж и сложна, – сказал ему Чичагов на прощание. – Доведешь корабли до порта Анконского – и все дела!

Коняев тут же раскатал на столе карту средиземноморскую. Сделал несколько наколов кронциркулем.

– При попутном ветре неделя ходу! – отметил удовлетворенно.

– Вот видишь, Мишенька, как все хорошо складывается! – отозвался Чичагов, поглядывая, как денщики пакуют увесистые кофры с подарками домочадцам.

В тот же день контр-адмирал съехал на берег, а Коняев поднял над «Графом Орловым» отрядный брейд-вымпел. Кораблям предстояло еще несколько дней стоянки, чтобы пополнить запасы провизии и налиться водой, а затем уже следовать к Аузе – главной базе русского флота в греческом Архипелаге.

Однако здесь моряков подстерегала новая неожиданность. Буквально через день прибыл курьер от главнокомандующего российскими войсками в Средиземноморье графа Алексея Орлова. Сообщение он привез тревожное: турки скрытно наращивают свои морские силы в Эгейском море. Орлов в связи с этим приказывал идти в крейсерство к островам Крит и Цериго, уничтожая там все турецкие военные суда. В помощь эскадре придавался находившийся уже в тех водах отряд легких судов капитана Войновича.

Как же складывалась в это время обстановка на Средиземном море для русских моряков?

Потерпев два года назад сокрушительный разгром при Чесме, султан Мустафа III лишился всего своего линейного флота. Но у турок морские силы еще оставались, и немалые! В Адриатике и Мраморном море, в Босфоре и у берегов вассального Туниса сосредоточились фрегаты и шебеки, галеры и более мелкие суда. Большое их количество делало эти флотилии весьма опасными. Было и еще одно немаловажное обстоятельство, заставлявшее русских моряков всегда быть настороже по отношению к этим судам. Дело в том, что укомплектованы они были не нерадивыми турками-анатолийцами, как линейные корабли, а опытнейшими мореходами-пиратами, впитавшими все премудрости своего ремесла еще с молоком матери.

Приведению в порядок разбойных флотилий способствовали и длительные безрезультатные мирные переговоры между Россией и Турцией, продолжавшиеся почти весь 1772 год. За это время турки сумели отремонтировать суда, пополнить их экипажи.

Великий адмирал османского флота Гассан-паша замыслил разгромить русские эскадры. Соединив все разбросанные по средиземноморским портам флотилии, он намеревался внезапным ударом истребить крейсирующие русские отряды. Гассан-паша был уверен, что соблюдающий объявленное перемирие противник давно утратил бдительность.

Но не ему, восточному лукавцу, было тягаться в искусстве обмана с графом Алексеем Григорьевичем! Орлов и не таких хитрецов уличал! Заметив передвижения турок по портам, он тут же велел удвоить наблюдение, и скоро графу через лазутчиков стало известно, что Гассан-паша усердно собирает под свою команду мощный корабельный кулак.

Из албанского порта Дульциньо, что на Адриатике, готовилась к удару по русским флотилия из полусотни фрегатов и шебек. На ее борту сидело до восьми тысяч отборных янычар.

В поддержку ей должна была выступить из Туниса флотилия неукротимых барбарейцев с тремя тысячами профессиональных головорезов.

В Босфоре собирались остатки линейного флота, а из Алжира протягивали султану руку дружбы тамошние пираты.

«Такие коварные с неприятельской стороны предприятия, производимые уже в действие, принудили меня принять оборонительное оружие, захватить нужные проходы и отправить в разные места эскадры, а особливо против дульциниотов, морских разбойников, дабы не допустить оных к соединению с тунисцами», – писал в те дни Алексей Орлов в Петербург Екатерине II.

Заступить дорогу дульциниотам – главной надежде капудан-паши – и выпало капитану 1 ранга Михаиле Коняеву с сотоварищами.

Едва его эскадра в семь вымпелов встала у берега Люфет, что неподалеку от острова Цериго, от местных рыбаков-греков пришло известие о неприятеле. Дульциниотская флотилия в восемь больших фрегатов и полтора десятка шебек стояла на якорях у острова Патраса, поджидая еще полтора десятка вымпелов, спешивших к ней из Корфу. На совете капитанов Коняев заявил решительно:

– Соединения турок допустить невозможно, надо бить поодиночке!

Мнение российских капитанов было единодушным – атаковать и уничтожить врага!

25 октября вдали были усмотрены турецкие суда. Свежий ветер, однако, не дал возможности атаковать немедленно, и нападение было отложено до следующего утра.

День следующий начался решительным нападением. Умело маневрируя, головные «Чесма» и «Граф Орлов» отсекали от основных сил две шебеки и фрегат, буквально изрешетив их своими ядрами. От уничтожения турецкие суда спасла лишь непроницаемая южная ночь.

Весь следующий день русские моряки снова боролись со стихией, штормуя с зарифленными парусами. Турки тем временем, перейдя под защиту местных крепостей, отстаивались на якорях, готовясь к отражению возможного нападения.

Так настал день 28 октября, день решающий и памятный.

Снова поутру был на «Графе Орлове» капитанский совет. И снова было на нем решено, несмотря на жестокую пальбу береговых батарей, идти напрямик на неприятельские суда и дать им бой генеральный!

– Надежду станем иметь на умелость господ офицеров и матросов да на помощь Господа нашего Всевышнего! – так закончил свои наставления Коняев.

Против 220 пушек на русских кораблях турки имели 420, не считая стрелявших с берега. Но и столь большое различие в силах на решение российских капитанов равным счетом никак не повлияло. Желание было одно – атаковать!

Красноречивое свидетельство о первых минутах Патрасской баталии оставил в шканечном журнале флагманского корабля штурман Савва Мокеев: «В начале 10 часов с обеих крепостей и с неприятельского флота начали производить по нас пальбу, но, несмотря на страсть оной, надеялись на свое мужество и на помощь Всевышнего Бога, чем себя охотно побуждали дать баталию, и мы с эскадрою усиливали прийти к неприятелю в ближнее расстояние, дабы наши пушки удобнее их вредить могли».

Сблизившись на кратчайшую дистанцию, русские корабли разом бросили якоря. По сигналу Коняева ударил первый залп, сражение началось. Впереди остальных дрались линейные корабли «Чесма» и «Граф Орлов», немного поодаль – фрегаты «Николай» и «Слава», шебека «Забияка». С моря эскадру прикрывали поляки «Мо-дон» и «Ауза».

Турки били ядрами и огромными мраморными глыбами. Наши ответствовали книпелями да картечью с брандсугелями.

На исходе часа пополудни Коняев, внимательно следивший за ходом сражения в подзорную трубу, заметил большое замешательство в береговой крепости, которую успешно расстреливала «Чесма».

– Вывесить флаги, чтоб огонь усиливали до крайности! – обратился к стоявшему рядом вахтенному лейтенанту Лопухину Коняев. – Чувствую я, что еще немного поднажать – и турки не выдержат!

– Не разорвало бы на такой стрельбе пушек! – не смело вставил лейтенант.

– Смерти бояться – дома сидеть! – не оборачиваясь, бросил каперанг, снова приставляя к глазам трубу.

Повинуясь приказу, русские суда резко усилили темп стрельбы. Канониры еле успевали отскакивать от дергающихся на отдаче пушек.

И неприятель не выдержал... «В исходе часа увидели мы: от нашей с эскадрой сильной пальбы с неприятельских судов люди бросались в воду с великой торопливостью, иные съезжали на берег, а по ним еще более от нас пальба происходила...», – вспоминал очевидец этой баталии.

Рубя якорные канаты, турецкие суда спешили уйти под самый берег, чтобы там хоть как-то укрыться от смертоносного дождя ядер. Когда турки отошли, Коняев поднял сигнал о прекращении сражения с турецкой флотилией и переносе огня на береговые батареи. До самой темноты гремели русские пушки, и к ночи с берега уже не раздавалось ни одного выстрела.

А с рассветом снова принялись за неприятельские суда. Скоро вся турецкая флотилия пылала единым огромным костром. Это был уже погром!

По распоряжению Коняева вперед прочих вышла шебека «Забияка», самая верткая и маневренная из русских судов. Ей была поставлена задача особая – захватить оставшиеся целыми турецкие суда.

Шебека прикрывала две шлюпки. На шлюпках – известные храбрецы констапель Сукин и лейтенант Макензи. Перед отплытием наставлял их самолично Коняев. Приказ был краток:

– Что можно вывести из огня – выводить, а что нельзя – сжигать карказами!

Сукин с Макензи действовали отчаянно. Под турецкими пулями они приставали к неприятельским судам и фрегатам, поджигали их и хладнокровно следовали дальше.

Когда Макензи подпаливал уже третье судно, на нем вспыхнул камзол. Лейтенанта спасла находчивость. Не растерявшись, он выпрыгнул за борт.

К четырем пополудни все было закончено. Дульциниотской флотилии – главной надежды султана на реванш в эгейских водах – более не существовало. Сожжено и пущено на дно было 7 фрегатов и 8 шебек. Бежать удалось лишь одному-единственному судну – новому 30-пушечному фрегату. Прячась за горящими собратьями, он вырвался из губительной круговерти. Но повреждения, полученные им от русских пушек, оказались, увы, смертельны. Часы беглеца были сочтены. Фрегат едва успел втянуться в Лепантский залив – и затонул.

Поздним вечером Коняев собрал сведения о собственных потерях. – Один убитый и шестеро раненых! – доложили ему. – Кто убит? – Лейтенант Козмин!

– Прими, Господи, его душу! – перекрестился Коняев. – Погребать будем по морскому обычаю. Письмо ж его матушке я отпишу сам!

Так завершилось сражение, вошедшее в историю под названием Патрасского.

Угроза русским позициям в Архипелаге с севера, из Патраса, была устранена. А едва граф Алексей Орлов получил это радостное известие, как последовало новое, не менее приятное: отряд греческого волонтера лейтенанта Алексиано отличился в южной части Эгейского моря у Дамьетты, где сжег еще одну флотилию турок, захватив при том изрядный трофей: сто двадцать пленных, семь знамен, три литавры, два флага да четыре серебряных наградных турецких пера...

О славной победе Михаила Коняева при Патрасе, как и о не менее славной победе Алексиано при Дамiette, императрица Екатерина II узнала лишь в феврале следующего 1773 года. «Граф Алексей Григорьевич, – писала она Орлову в ответном послании, – с великим удовольствием усмотрела из ваших последних реляций о новых, вами полученных по истечении второго перемирия победах над вероломным неприятелем...»

Что еще мы знаем о Михаиле Тимофеевиче Коняеве? Знаем, что служить он начал в 1743 году, в самое тяжелое для русского флота время – время забвения и всеобщей неустроенности. Известно нам, что неоднократно водил он фрегаты и линейные корабли из Архангельска в Кронштадт, что поручалось морякам наиболее опытным. Известно, что за Патрасскую победу был он удостоен Георгиевского креста третьего класса.

21-22 октября 1772 года отряд из двух судов под началом лейтенанта П. Алексиано у крепости Дамиета сжег одно судно и взял в плен два; затем, усиленный шестью шебеками, совершил нападение на крепость Сур и после двухдневного обстрела захватил ее.

31 июля 1773 года отряд в семь вымпелов под флагом контр-адмирала А.Елманова взял крепость Будрум и захватил две галеры и фелюку.

Боевые действия меж тем в Архипелаге продолжались. Стремясь полностью оголодить турецкую столицу, Орлов со Спиридовым образовали несколько «летучих» эскадр, состоявших из легких быстроходных судов. Одну из таких эскадр в семь вымпелов возглавил Михаил Кожухов. Теперь он сторожил дарданелльские теснины, гонялся за турецкими торговыми судами. Захваченных купцов отводили в порт Аузу, где адмирал Спиридов базировал главные силы русского флота. Чего только не перехватывали суда Кожухова: бенгальский шелк и суражскую пряжу, бахройнский жемчуг и багдадский табак, кашмирские ткани и индийский муслин... Русский флот на Средиземноморье содержался за счет захваченных неприятельских судов. Петербургу хватало забот и без него! Поэтому товары не пропадали. Суда отводили в ближайшие порты, где их содержимое распродалось. Вырученные деньги поступали, однако, не в казну турецкую, а в казну российскую...

На исходе мая 1773 года «летучая» эскадра Кожухова привела в Аузу очередное неприятельское судно, груженное продовольственными припасами. Командир эскадры уже готовился выйти в море, когда его вызвали к адмиралу. Спиридов был весьма озабочен.

– Вот что, Михаила, – сказал он отечески. – Поручаю тебе дело многотрудное – плыть к берегам сирийским, дабы оказать вспоможение народу тамошнему в войне с турками.

– Когда поднимать паруса? – только и спросил Кожухов. – Немедля! – был ему ответ.

Адмирал Спиридов торопил своего капитана не зря, дорог был каждый час. Совсем недавно в Сирии поднялось мощное восстание против турецкого владычества. Возглавил его бывший турецкий наместник Али-бей. Против мятежного бея выступил его собственный зять Мехмет, метивший на место тестя. Некоторое время борьба шла с переменным успехом, пока в одном из сражений Али-бей не был убит. После его смерти войну с Мехметом возглавил один из ближайших сподвижников погибшего, Шехдаер Омер. Нового вождя активно поддержали горские племена – друзья. И скоро воинское счастье стало клониться на сторону повстанцев, однако случилось непредвиденное: губернатор крупнейшей крепости Сирии – Бейрута – Чезар-бей поднял мятеж и перешел на сторону турецкого султана. Обстановка сразу осложнилась. В Стамбуле готовили карательный корпус, который должен был переправиться в захваченный Бейрут. Крепость необходимо было немедленно отбить, но сил у Шехдаера Омера для этого не было. Тогда-то он и обратился с просьбой о помощи к адмиралу Спиридову.

Попутный вестовый ветер, господствующий в этих водах в летние месяцы, быстро гнал русские суда к берегам Сирии. Дорогой Кожухов, как старший по званию, присоединил к себе отряд лейтенанта Ивана Войновича, крейсировавший в этом районе Средиземноморья.

Вскоре прицелы судовых пель-компасов уже клали пеленга на мыс Рас-Бейрут. Эскадра Михаила Кожухова была у цели. Столпившись у фальшборта, русские моряки разглядывали незнакомые берега. Вид сирийской земли был величествен и прекрасен. Побережье утопало в рощах вечнозеленых дубов и елей. Вдали, слепя глаза меловыми отрогами, вздымались Ливанские горы. Сама Бейрутская крепость возвышалась на откосе крутого холма.

– Сия фортеция – орешек не из легких! – поделился своими мыслями с офицерами Кожухов, оглядев Бейрут в трубу зрительную. – Здесь на арапа не возьмешь! Придется по всем правилам науки фортификационной обкладывать!

Не теряя времени, капитан 2 ранга Кожухов съехал шлюпкой на берег на встречу с главой повстанцев Шехдаером Омером. Обсудивши совместный план действий, они подписали союзный договор. В договоре том значилось: «Обретаясь в сих сирийских морях, императорская российская эскадра под командой высокоблагородного господина Михаила Козукова (так в документе. – Б. ЯГ.), корабельного капитана, находящегося на службе Ея И. В. императрицы Всероссийской, приглашен был... господином Даер-Омером... в помощь князьям и начальникам нации, называемой друзы, как вознамерились учинить осаду городу Бейруту... с помощью славных войск ЕяИ. В.».

– Будет ли высокочтимый Кошухоф-бей жечь и грабить город? – деловито осведомился через драгомана Шехдаер Омер после того, как бумага была скреплена печатями и отпечатками пальцев подписавшихся.

– Нет! – отрицательно покачал головой Кожухов. – Мы разорениями да разбоем не занимаемся! Сирийский вождь недоверчиво пожал плечами:

– Мы согласны выплатить вам, милосердный капитан, триста тысяч пиастров за ваше великодушие в отношении нашего города!

– Деньги пойдут не мне, а в казну! – прервал кавторанг цветистую речь своего союзника. – Сейчас же я хотел бы обсудить план осады и штурма крепости!

Стороны договорились довольно быстро, и Михаил Кожухов приступил к осадным работам. Замысел его был прост. Фрегаты эскадры, как наиболее сильные артиллерийские суда, должны были начать атаку с моря и отвлечь на себя огонь крепостных орудий. Пользуясь этим, остальные суда должны были высадить у стен крепости десант. Затем следовало быстро воздвигнуть осадные батареи и вместе с подошедшими друзьями сомкнуть кольцо вокруг Бейрута.

– Потом же будем бить ядрами бреши в стенах, а чрез те бреши и на штурм двинем! – разъяснил он свой замысел капитанам судов.

Капитан 2 ранга Кожухов хорошо представлял себе всю трудность предстоящего сражения за Бейрут, тем более что силы, которыми он располагал, были более чем скромными. Кавторанг помнил, что не далее как год назад отряд легких судов под началом греческих корсаров Ризо и Псаро уже побывал под стенами Бейрута. Тогда удалось договориться и избежать кровопролития, теперь же предстоял штурм...

Одни за другим спустились русские суда вплотную к крепости и, ложась на шпринг, открывали беглый огонь. За «Святым Николаем» – «Святой Павел», за «Павлом» – «Слава» и «Накса», следом «Забияка», а впереди всех флагманская «Надежда». Ударили залпы. Сражение за Бейрут началось!

Воспользовавшись завязавшейся перестрелкой, другая часть русских судов успешно сбросила десант невдалеке от крепостных стен. Следом сгрузили пушки и припасы. А вскоре заговорили и осадные батареи. Спустилось с гор пестрое и шумное трехтысячное друзское воинство.

Артиллерийский бой продолжался, не смолкая более трех суток. И лишь тогда, когда на фрегатах подошел к концу боезапас и все труднее стало справляться с пожарами, Кожухов отдал ордер на выход эскадры из боя. Последней покинула позицию, как и положено, флагманская «Надежда», ведомая Кожуховым. Несмотря на разбитую ватерлинию, сильную течь, фрегат по-прежнему был готов вступить в бой.

А береговые батареи продолжали свою дуэль. Через десять суток русские ядра пробили наконец брешь в толстых бейрутских стенах. Кожухов немедленно съехал на берег, чтобы обсудить с союзниками детали предстоящего штурма. Но то, что он увидел, поразило его...

Многочисленные и крикливые ватаги друзов самовольно расходились по домам...

Воинственные и независимые жители Ливанских гор всегда были загадкой для окружающих. Они поклонялись калифу Хакиму и не признавали турецкого владычества, верили в прорицателей-аккалов, считавших франков исчадьем ада, и одновременно чтили эмира Фахр-Эд-Дина, огнем и мечом культуру тех же франков среди них насаждавшего...

– Почему ваши воины расходятся по домам? – набросился кавторанг на невозмутимых дружеских князей.

– О, досточтимый капитан мореходов! Просвещенные аккалы сказали, что пришла пора возвратиться к родным очагам, и мы не в силах остановить их!

– Что же теперь будет? – сокрушался Кожухов. – Ведь нынче всякое промедление смерти подобно!

– Видимо, так угодно судьбе, что пыл наших воинов иссяк, как вода в песке! – хмуро отвечали дружеские князья.

– Мои матросы пойдут впереди! Я сам возглавлю атаку! – уговаривал их Кожухов.

– Нам стыдно, но что мы можем! – качал головой старший из князей.

«Князь в том извинялся...» – гласит исторический документ.

– Хорошо! – махнул рукой капитан. – В таком случае мы продолжим осаду сами!

Была середина июня, стояла жара. По склонам гор вовсю цвели маквис и гаррига. Последние отряды друзов – джихадов – уходили по горным тропам...

– Эх! Нам бы батальон пехоты российской, мы б до захода солнышка реляцию победную писали! – высказывал в горести Ивану Войновичу Кожухов.

– А сил-то у нас кот заплакал, да и сикурсу ждать неоткуда, – соглашался тот. – Что делать – ума не приложу!

И все же выход Кожухов нашел: он перерезал городской водопровод. В Бейруте, где вода всегда была в большой цене, сразу же начался ропот. Положение осажденных усугубляла жара. Продержавшись еще пару суток, Чезар-бей прислал парламентариев. Те передали, что бей готов сдать город, но, боясь бесчинств со стороны греков и славонов, требует убрать десант на суда. Морские офицеры собрались на совет.

– Бею бейрутскому веры у нас ни на грош! – посоветовавшись, решили они. – Но выхода иного у нас нету!

В течение следующего дня все семь десантных сотен взошли на палубы шебек и фелюг. Вскоре по покинутому лагерю лишь одиноко бродили бородатые козлы да курдючные овцы. Тогда же явилась к Кожухову и дружеская депутация.

– Князья наши передают вашей милости, что им удалось собрать воинов. Не позднее завтрашнего рассвета они спустятся с гор! – заявили депутаты.

– Что ж, – вздохнул с облегчением капитан 2 ранга, – значит, есть еще Господь в их душах!

А тут и от бея бейрутского известие подоспело. Писал он на бумаге хрусткой, что отказывается нынче от всех обещаний своих и желает показать вскорости, сколь страшен гнев мусульманина правоверного. Кожухов бумажицу ту порвал да за борт в набежавшую волну выбросил. – Будем все начинать сызнова! – только и сказал.

Поутру вновь русские моряки засыпали турецкий гарнизон тучей ядер. Сошел на берег и десант, обманами турецкими разъяренный. А тут и друзья с гор спустились...

В отчаянии предпринял было Чезар-бей одну за другой две вылазки. Но оба раза был отброшен с большим уроном. Тогда бей мятежный запросил мира всерьез. Вскоре Михаил Кожухов подписал акт капитуляции полной. Турки оставили город, вслед за ними в Бейрут вступили русские моряки. Во главе – капитан и Георгиевский кавалер Кожухов, который взял город под свою охрану.

«Российские флаги на крепостях поставил», – отметил историк.

А через некоторое время состоялась торжественная передача бейрутской цитадели друзьям. Значение взятия Бейрута было огромно. Отныне Сирия заявляла о своем окончательном выходе из состава Высокой Порты. «Летучая» эскадра Кожухова нанесла неприятелю удар, равный по силе при Чесме и Кагуле...

– Нам, россиянам, чужого не надобно! – заявил, прощаясь с дружескими вождями, боевой капитан 2 ранга, – живите в мире и согласии да поминайте нас добрым словом!

В шканечном журнале флагманского фрегата «Надежда» осталась запись: «2 января. В третьем часу пополудни из города Бейрута палено из 13 пушек, и нам видно, что наша

определенная команда для содержания города сдала город. В 4-м часу видны нам выходящие из города наши войска, имея распущенные знамена и флаги, и слышен барабанный бой, и которые расположились по (остеву)...сторону города, и взаимно ответствовали залпом три раза и потом стали маршировать к эскадре».

Покинув Бейрутский рейд, 15 января 1774 года эскадра капитана 2 ранга Кожухова вступила под паруса и вышла в новое крейсерство. На этот раз курс ее был проложен к греческому острову Скиато...

А война уже подходила к концу. Истошив свои силы в борьбе с Россией и потерпев от нее ряд сокрушительных поражений, Турция запросила мира. Боевые действия на Средиземном море были приостановлены. Русские моряки собирались в обратный путь, домой.

В этот период Михаил Кожухов исполнил еще одно важное и почетное поручение. Как один из наиболее отличившихся капитанов, он был послан вице-адмиралом Елмановым к Алексею Орлову с известием о размене ратификаций с Высокой Портой. А боевые действия в Средиземном море продолжались.

30 мая 1774 года фрегат «Слава» под командой лейтенанта И.Войновича высадил десант на острове Хиос и овладел турецкой батареей.

26 июля 1774 года русский фрегат «Святой Павел» под началом лейтенанта П. Алексиано овладел крепостью на острове Имбра.

Русский флот постоянно пополнялся. В течение войны из Кронштадта в Средиземное море одна за другой посылались эскадры контр-адмиралов Арфа, Чичагова, Грейга. Первая Архипелагская экспедиция стала школой боевого опыта целого поколения русских моряков: ведь крейсерование непосредственно в море наших кораблей было практически постоянным. Россия вновь стала великой морской державой.

Пока эскадры бороздили средиземноморские воды, наводили ужас на турок и блокировали Дарданеллы, граф Алексей Орлов пребывал по большей части в любимом им Ливорно. В памяти горожан он остался как мастер грандиозных спектаклей, но граф Алексей был мастером и иных спектаклей. Пригласив к себе в Ливорно известного немецкого живописца Хаккерта*, он заказал ему целую серию картин о Чесменской баталии, обещав наградить по-царски.

– Но я никогда не видел взрыва даже одного корабля, – робко переминался с ноги на ногу живописец, – как же могу я рисовать взрыв целого флота?

– Это не беда, – пожал плечами граф. – Я вам все устрою!

Очевидец пишет: «... была сильная пушечная пальба, ломка мачт и такелажа – все это было для того, чтобы дать живописцу понятие о морской битве. Но на картине надо было нарисовать и горевшие турецкие корабли, и взрывы их. Чтобы о них дать понять художнику, граф Орлов приказал взорвать порох на одном из линейных кораблей русской эскадры, а потом сжечь остатки этого корабля, еще годного к употреблению и далеко еще не выслужившего срока. Такая потеха обошлась русскому казначейству, может быть, не в одну сотню тысяч рублей, не говоря о том, что при взрыве погибло несколько матросов».

Но самого графа волновали уже заботы иные. Переложив на плечи адмиралов дела морские, он с удовольствием занялся делами секретными, политическими.

В один из дней Орлов там же, в Ливорно, получил письмо от некоей особы, помышляющей о русской короне. Особа та, почему-то именуемая в переписке Екатерины II и Алексея Орлова не иначе как с известной долей иронии княжной Таракановой, обратилась к графу, чтобы попытаться привлечь его на свою сторону. Бедняжка, она просто не представляла, с кем решилась иметь дело! Что для Алексея Орлова была какая-то глупенькая «Тараканова», когда он самолично душил российских императоров... На свою беду живущая в Рагузе авантюристка, выдававшая себя за мифическую дочь императрицы Елизаветы (хотя и не понимала ни слова по-русски), не только заявляла всюду о своих притязаниях на российский престол, но и попыталась влезть в большую политику да еще на стороне Турции... Она отправила письмо турецкому султану, прося того ни в коем случае не

подписывать мира с Россией и клянясь в своей приверженности интересам Высокой Порты. Это был уже вызов, и граф Алексей его принял.

Тем временем прибыло и письмо не на шутку забеспокоившейся появлением самозванки Екатерины II. Императрица требовала лаконично:

– Поймать вклепавшую на себя имя во что бы то ни стало!

Орлову даже было разрешено, взяв часть эскадры от Дарданелл, подойти с ними к Рагузе и потребовать у местного губернатора выдачи авантюристки. В случае отказа от выдачи Орлову разрешалось бомбардировать город. Лавры Чесменской победы позволяли решиться на столь дерзкий шаг! Но граф Алексей решил не отзывать эскадру от турецких берегов, а справиться с захватом самозванки самому лично. План его был прост до гениальности! Вначале Орлов подослал к Таракановой своего адъютанта Христенека, который быстро вошел к ней в доверие, сказал о желании Орлова перейти к ней на службу, и о готовности всего Средиземноморского флота России поднять ее флаги. Все это было сущим бредом, но наивная Тараканова во все поверила. Дальше больше, Орлов тут же договорился со своим приятелем, английским банкиром Дженкинсом, и тот открыл «княжне» неограниченный кредит. Ну а затем граф Алексей нанес ей и решающий удар. В своем подобострастном письме он не только назвал Тараканову императрицей, но и предложил ей свою руку и сердце... Самозванка отправилась к графу в Ливорно, где ее встречали со всей торжественностью. Произвел впечатление на «княжну» и сам граф Алексей. Историк так описывает Орлова в ту пору: «Ему было в то время тридцать восемь лет, он был красавец и настоящий богатырь. Огромного роста, в плечах, как говорится, косая сажень, силы необычайной, с приятным, умным, выразительным лицом, чесменский герой был один из красивейших людей своего времени и не мог не произвести сильного впечатления на страстную и все для чувственных наслаждений забывшую принцессу. Все, дотоле пользовавшиеся сердечным ее расположением, голландцы, немцы, французы, поляки и алжирцы были пигмеи сравнительно с этим могучим богатырем. С первого же свидания она была очарована графом. Он со своей стороны прикинулся страстно влюбленным и даже просил руки прекрасной княжны».

Почти неделю длилась любовная идиллия в Ливорно. Затем граф Алексей пригласил свою невесту на борт пришедшего в порт линейного корабля «Три Иерарха». Державший на нем флаг младшего флагмана контр-адмирал Грейг был уже посвящен во все тонкости предстоящего действия. Удовольствия от всего происходящего Грейг не испытывал, но и угрызений совести тоже – если надо, значит надо!

Прибытие «будущей императрицы» на борт своего корабля он обставил в лучшем виде: гремели холостые залпы, матросы, стоя на реях, кричали: «Ура!» Тараканова была вне себя от счастья, но оно, увы, продолжалось недолго. Едва «княжна» взошла по трапу на борт «Трех Иерархов», как была немедленно арестована и посажена под арест. Никто еще ничего не успел понять, как Грейг уже выбрал якоря и взял курс к берегам далекой Балтики, благо мир с Турцией был к тому времени уже подписан. Так закончился этот политический спектакль, столь блестяще поставленный и сыгранный Алексеем Орловым. Сам граф отправился на родину сухим путем. Тараканову, его несостоявшуюся супругу, ждал же Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, допросы и скорая смерть от чахотки.

Господство русского флота на протяжении почти всей войны с 1770 года было полным. Лишь в 1774 году, с подписанием Кючук-Кайнарджийского мира, корабли двинулись в обратный путь. К осени 1775 года последние из них под командой вице-адмирала Андрея Елеманова отдали якоря на Ревельском и Кронштадтском рейдах.

По прибытии последнего отряда кораблей в Кронштадт Екатерина II заявила президенту адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышеву следующее: «Посылку флота моего в Архипелаг, преславное его там бытие и счастливое возвращение в свои порты, за наиблагополучное происшествие государственования моего почитаю».

А 7 июля 1776 года состоялся морской парад в честь героев Архипелагской экспедиции. Под развевающимися флагами стояли ветераны Чесмы: «Ростислав», «Три Иерарха», «Европа» и «Саратов»...

По возвращении флота из Средиземного моря Екатерина II в дополнение ко всем ранее выданным ею Орлову наградам вручила ему свою похвальную грамоту «с прописанием четырехгодового владычества флота в Архипелаге и Средиземном море под его предводительством и со внесением побед под Чесмою и в Мете-лине с прибавлением к его названию прозвания Чесменского». Кроме этого офицеры – участники Архипелагской экспедиции получили еще одну медаль. На этот раз памятную. На медали был изображен в профиль граф Алексей Орлов и стояла надпись: «Граф А. Г. Орлов, победитель и истребитель турецкого флота». На обороте план Чесменской битвы и надпись, частично заимствованная из Евангелия: «И быть в России радость и веселие».

К весне 1771 года на Дунайском сухопутном фронте обстановка уже окончательно изменилась в пользу русской армии. Потерпев ряд сокрушительных поражений от армии генерала Румянцева, турки перешли к обороне.

Весь 1771 год армия Румянцева крупных военных действий не вела. Левый берег Дуная был очищен от неприятеля на расстоянии от Килии до Видина. Совершались успешные вылазки на правый берег реки – временно были заняты Тульча, Исакчи, Бабадаг.

Во 2-й армии в конце 1770 года произошла смена главнокомандующего. Петр Панин получил отставку. Новым главнокомандующим стал князь Василий Долгоруков, боевой генерал, активный участник Семилетней войны. 14 июня 1771 года с 38-тысячным корпусом Долгоруков разбил 70-тысячную армию крымского хана Селим-Гирея и овладел Перекопом. 29 июня он вторично разгромил 95-тысячную армию хана при Кафе (Феодосии). Потом занял Арабат, Керчь, Еникале, Балаклаву и Тамань, принудил Селима бежать в Константинополь, а на его место посадил сторонника России – хана Сагиб-Гирея. Турция не могла оказать серьезную помощь крымским татарам, поэтому последние вынуждены были подписать с Долгоруковым договор, по которому Крым объявлялся независимым, под покровительством России.

Теперь Азовской флотилии предстояло оказывать помощь русским войскам в овладении Еникале – мощной крепости, контролирующей вход в Керченский пролив.

Алексей Сенявин поднял свой флаг на корабле «Хотин» 20 апреля. Собрав на шканцах команду, он объявил:

– Покажем желаемые успехи да дадим почувствовать сей стихии силу и действие премудрой нашей монархини! Сделаем скоро известным наш флаг в здешних водах!

Матросы отвечали дружным «ура». Офицеры салютовали шпагами.

Курс флотилии контр-адмирал проложил к Керченскому проливу, где, по данным лазутчиков, находилась сильная турецкая эскадра. Шли двумя отрядами. Первый из новоизобретенных кораблей вел капитан Сухотин, второй, из мелких судов да казачьих лодок, – капитан Скрыплев. Сам командующий – на «Хотине» под белым брейд-вымпелом.

Осторожно, делая промеры глубин, вошли в пролив. Штормило. Вскоре обнаружили и турок. Неприятель держался под берегом, но ветер не позволил его атаковать немедленно. Русские ж корабли, едва наполнив свои паруса, немедленно устремились вперед, лавируя в порядке баталии.

Не приняв вызова, турецкие суда на парусах и на гребле старались оторваться от неожиданного противника. Внезапный шквал с густою мрачностью и дождем накрыл противоборствующие стороны. Туркам это было на руку; наши, наоборот, в азарте кляли погоду на чем свет стоит.

Но едва погода улучшилась, атака была продолжена. Турки, не сделав и выстрела, пустились в бегство, наши неотступно их преследовали. Погоня продолжалась целые сутки, пока турецкие суда не нашли себе прибежище под стенами Еникальской крепости. Так бескровно и лихо был изгнан турецкий флот из Азовского моря, изгнан навсегда!

В своем донесении в столицу Сенявин писал: «Выгнанных из Азовского моря судов больших и малых, как-то: шебек и полугалер видно было 14, а теперь в заливе Керченском до 30; по сей час я могу уверить... что милостию Божиею на Азовском море владычествует флаг всероссийской императрицы, с чем и имею честь... поздравить».

На русских кораблях настроение было самое боевое. Матросы шутили:

– Извинить-то робость турков можно! Наложить в шальвары, когда на тебя целый флот налетает, да не с моря, как везде принято, а с Азовских высоких гор!

Заслуги Сенявина без внимания императрицы не остались. За успешное и скорое строительство флотилии он был пожалован орденом Святой Анны, а за бескровную победу при Еникале получил орден Святого Александра Невского – второй по значению в империи!

Сам же флагман флотилии Азовской столь щедрые награды расценивал как аванс, а оттого трудился не покладая рук своих. На Хоперских верфях заложил Сенявин сразу два 32-пушечных фрегата для будущих действий на море Черном. С названиями не мудрствовал. Первый из фрегатов назвал «Первым», второй же «Вторым». Изыскивал адмирал и способы борьбы с червями-древоточцами, что в южных водах изъедают корабельную обшивку. Самолично травил их всяческими отравками и в банках стеклянных отсылал в адмиралтейств-коллегию для обозрения.

А в конце июля 1771 года под ударами русских войск пали Еникале и Керчь. Отныне путь в Черное море был для русских кораблей свободен!

Теперь нам надобны настоящие линейные корабли! – сетовал Сенявин. – Без оных с флотом турецким совладать нам трудно будет!

Однако старые верфи строить суда столь больших размеров не могли. И все же командующий нашел выход. Он велел закладывать фрегаты, но размеров больших, чем прежде. Сидя ночами над чертежами и расчетами, добился Алексей Наумович и того, что разместил он на тех фрегатах до 58 пушек. Почти столько, сколько несли на себе корабли линейные!

Кампанию следующего, 1772 года, азовцы начали вдоль всего крымского побережья, надежно прикрывая его от возможных турецких десантов. Отряды контр-адмирала Баранова, капитанов Кингсбергена и Сухотина непрерывно крейсировали на подходах к полуострову. Сам же Сенявин с сильным резервом находился на якорях у Керчи, готовый по первому сигналу броситься на пересечку неприятельской эскадре.

В течение всего года турки так и не решились напасть на русские корабли, ограничиваясь лишь разведкой да мелкими пакостями. Сенявин же, не теряя времени даром, сколачивал экипажи, готовя флотилию к грядущей борьбе за обладание Черным морем. Ни у кого сомнений не было, что нынешнее затишье временное. Турки Черного моря без боя не отдадут, и впереди еще кровопролитные бои.

В марте 1772 года было получено известие из Вены, что Турция согласна на заключение перемирия с Россией и готова выслать своих уполномоченных на конгресс. Согласились собраться в Фокшанах в июне. Уполномоченными представителями России на конгрессе были граф Григорий Орлов и освобожденный турками из заключения русский посол Обресков. Переговоры проходили с 27 июля по 28 августа и закончились неудачей.

Турки вели себя в Фокшанах неуступчиво, но объективная реальность заключалась в том, что успешно продолжать войну с Россией Порты была уже не в состоянии. Поэтому 7 сентября Румянцев получил от визиря письмо, в котором тот предлагал возобновить мирные переговоры в Бухаресте. Предложение было принято, поскольку Россия тоже стремилась к миру. К тому же в Швеции в то время произошел государственный переворот, могущий вызвать новую напряженность в русско-шведских отношениях.

В Бухаресте переговоры возобновились 29 октября. Они были более продолжительными, но положительных результатов тоже не дали – турки и здесь не хотели согласиться с потерей своего господства в Крыму и со свободой судоходства на Черном море. Принятое обеими сторонами перемирие кончилось 9 марта. Весной 1773 года снова начались военные действия. Весной 1773 года Сенявин объявил своим капитанам:

– Детство и отрочество наше позади. Теперь настала пора возмужания, а по сему мы переходим к действиям наирешительным!

Сказано – сделано. Вскоре каперанг Яков Сухотин обнаружил отряд неприятельских судов в устье реки Кубани. Немедленно последовало нападение. Потеряв в ожесточенной перестрелке два судна, турки бежали. А через несколько дней новый успех: на этот раз Сухотин разгромил турецкий отряд, спешивший на помощь первому. И снова неприятель недосчитался нескольких судов.

Но главные события кампании 1773 года были впереди! Основные силы турецкого флота еще только направляли форштевни своих кораблей в сторону Крыма.

И 23 июня неприятель был обнаружен. На этот раз неподалеку от селения Балаклава. Против наших тридцати двух пушек турки имели все двести, но это никого не смутило. Наоборот, на наших кораблях ликовали: наконец-то выпал случай сразиться с врагом!

Турки держались к ветру. Над 52-пушечным флагманом развевался вице-адмиральный флаг. Командир российского отряда капитан Кингсберген на своей «Короне» атаковал с ходу, не отставал от флагмана и шедший следом «Таганрог». Сражение длилось более шести часов. «В продолжение сего с обеих сторон чрезвычайного огня... были от них в море многое число убитых... от такого неустрашимого сопротивления ощущал неприятель великий вред и пришел уже в крайнее изнеможение, принужден был уступить и, поворотя, поднял все паруса, бросился в бег тем же самым следом, откуда пришел...» Сам Кингсберген был краток:

– Честь сего боя я приписываю прежде всего храбрости моих команд! С этими молодцами я выгнал бы и черта из ада!

Едва Сенявину стало известно о Балаклавской баталии, он немедленно поспешил на помощь Кингсбергену. Тем временем храбрый кавторанг выдержал еще одно ожесточенное сражение с турками: 23 августа он решительно атаковал с расстояния картечного выстрела турецкую эскадру в восемнадцать вымпелов. В ее составе было три линейных корабля и четыре фрегата. Не выдержав напора, турки отошли под защиту крепости Суджук-Кале. А через неделю подошел с несколькими кораблями Сенявин, и тогда объединенная русская эскадра повторила нападение. Документы донесли до нас рассказ самого Алексея Наумовича о том сражении: «И я построил свой флот на той же линии, на коей и они шли, имея на кораблях новоизобретенного рода все паруса, пошел на них, что неприятель усмотря и хотя имел превосходство в числе и величине своих кораблей... сколько можно иметь парусов, побежали к Анатолии; мы гнались за ними до самой ночной темноты...»

А спустя несколько дней Керчь с музыкой и пушечной пальбой встречала победителей. Морская кампания была завершена блестяще! Российские моряки надежно прикрыли крымские берега от турецких посягательств. Отныне Андреевский флаг развевался над просторами черноморскими. Так начала сбываться мечта многих поколений россиян...

План кампании 1773 года, утвержденный Екатериной, предписывал Румянцеву осуществить наступление на правом берегу Дуная, в частности, на сильно укрепленную крепость Шумла, где были сосредоточены главные силы турецкой армии. В первых числах апреля Румянцев приступил к подготовке наступления. Он решил рядом отдельных ударов захватить инициативу, сковать противника и отвлечь его от места предстоящего форсирования Дуная главными силами русской армии.

Метод сковывания противника одновременно на нескольких тактических направлениях получил в военной практике наименование поисков. К этой достаточно эффективной форме боевых действий Румянцев прибегал в 1771 году. Теперь отряды Вейсмана, Салтыкова и только что прибывшего в 1-ю армию Суворова в течение апреля и мая произвели несколько поисков на правый берег Дуная. Сам главнокомандующий 9 июня с главными силами форсировал Дунай в 30 верстах ниже Силистрии. 18 июня он подошел к этому городу, захватил его передовые укрепления, но овладеть крепостью не смог – для этого силы его были недостаточны. Узнав о приближении 30-тысячной армии Нуман-паши, Румянцев отошел обратно, к месту своей переправы через Дунай.

Успокаиваться было рано. В следующем году турки предприняли еще одну отчаянную попытку прорваться через Керченский пролив и нанести удар по Таганрогу. Для этой цели был собран весь, оставшийся после чесменского погрома, флот: пять линейных кораблей, десяток фрегатов, множество галер и мелких судов. Вел флот сам Гассан-паша, любимец султана и обладатель почетнейшего титула «Крокодил морских сражений». Гассан-паша в успехе дела был уверен, перед отплытием из Стамбула он обещал султану Мустафе:

– Клянусь Небом, о великий из великих, что я не оставлю камня на камне от морского прибежища московитов – Таганруха! Самого же их предводителя Сеняфина обезглавлю, а голову доставлю в Стамбул, чтобы бросить на прокорм бродячим псам! Толстый Мустафа жмурился от удовольствия:

– Хорошо говоришь, любимейший из мореплавателей! Я буду ждать от тебя добрых вестей и, обнимая своих жен, видеть лишь сладкие сны! Ступай и возвращайся с победой!

Но едва на салингах турецких кораблей стали различимы керченские берега, турки сделали неприятное открытие. Дорогу им заступили суда контр-адмирала Василия Чичагова.

Еще совсем недавно Чичагов бороздил воды средиземноморские и вот теперь принял под начало отряд судов на Черном море.

Несколько попыток Гассан-паши окружить отряд Чичагов отбил, а затем умелым маневром отсек турок от пролива. Сам же занял позицию под прикрытием береговых батарей. Не желая рисковать, бросил якоря и Гассан-паша, ожидая подхода подкреплений из Стамбула. Первым, однако, появился в проливе Алексей Сенявин. Он выгреб по азовским портам все, что мог, и во главе сборного отряда мелких судов явился перед неприятелем, чтобы пасть, но не пропустить его в Азовское море.

Подошло подкрепление и к туркам. В отличие от сенявинских шебек да лодок, это были мощные линейные корабли и фрегаты. Перевес в силах еще больше склонился на сторону неприятеля.

Гассан-паша атаковал Азовскую флотилию 28 июня. Турки, уверенные в успехе, шли как на параде. С палуб их кораблей устрашающе размахивали ятаганами бритоголовые янычары, выкрикивая во вся глотку: – У» УРУС шайтан!

На палубах русских судов было тихо. Лишь потрескивали горящие фитили в руках готлангеров да шумел ветер в парусах. По распоряжению Сенявина капитанам судов было велено не открывать пальбы, пока неприятель не приблизится на дистанцию картечного выстрела.

...И вот русскую боевую линию заволокло пороховым дымом. Сотни ядер, завывая, понеслись к цели. Точность огня азовцев была поразительной. Их пушки рушили рангоут, поражали корпуса, испепеляли паруса. На одном из турецких судов от многих попаданий обрушился в воду целый борт с пушками и людьми... Турки некоторое время пробовали держаться, но вскоре не выдержали. Бегство «Крокодила морских сражений» было паническим. Желая как можно быстрее оторваться от противника, он велел даже буксировать свои корабли галерами. Вновь, как и прежде, победил слабейший по количеству пушек, но сильнейший по духу и мастерству команд Российский флот!

Однако в целом Румянцев остался все же крайне недоволен минувшей кампанией и поэтому в 1774 году намеревался дойти до самых Балкан, хотя армия его была сильно ослаблена. Умело организованное несколькими группами войск наступление армии Румянцева на правом берегу Дуная привело к значительным победам: при Базарджике, у Туртукая, при Козлудже.

После Козлуджи русские войска подошли к Шумле и приступили к ее осаде. Один из русских отрядов захватил Чалыкивак, расположенный между Шумлой и Константинополем. Это вызвало дополнительную панику среди турок. Гарнизон Шумлы поднял мятеж. Визирь быстро расправился с восставшими, но понял, наконец, что Турция больше не может продолжать войну, и обратился к Румянцеву с просьбой заключить перемирие. Румянцев отклонил просьбу турецкой стороны и предъявил ультиматум: или немедленные переговоры

о мире, или наступление русских войск на Константинополь. У Турции был только один выход – начать мирные переговоры.

4 июля к Румянцеву прибыли уполномоченные визиря с предложением мира. Переговоры велись в ставке главнокомандующего русской армией в деревне Кючук-Кайнарджа, близ города Силистрия. На этот раз они были непродолжительными и, по словам Румянцева, проходили «без всяких обрядов министеральных, а единственно скорою ухваткою военного».

«Граф Петр Александрович, – писала императрица по поводу заключения мира, – вы меня уведомляете, что визирские подписания отнюдь не замешкались. Одно и другое я единственно приписываю разумному вашему предводительству и руководительству. С новою сею приобретенною государству столь полезною славою от всего сердца вас поздравляю.

Всевышний предоставил вам вести войну с непрерывною поверхностью над неприятелем и окончить ее миром таковым, как в нашей истории едва отыщется ли. За все сие моя и всего государства благодарность вечно с вами пребудет».

А вскоре в селении Кючук-Кайнарджи был заключен мир, по которому Турция признавала право России на обладание северным Причерноморьем. В дни победных торжеств высочайшим указом Екатерина присвоила Алексею Сенявину чин полного адмирала.

Победа России в войне 1768-1774 годов имела огромное международное значение. В дипломатических кругах всей Европы русские победы в этой войне на море и на суше и в первую очередь при Чесме и Кагуле произвели ошеломляющее впечатление. Недаром, когда турки наконец признали себя побежденными и подписали мирный договор в Кючук-Кайнардже, Екатерина с таким любопытством наблюдала за поведением послов, аккредитованных при ее особе. «Я видела в Ораниенбауме весь Дипломатический корпус и заметила искреннюю радость в одном Аглинском и Датском министре; в Австрийском и Прусском менее, – писала она Штакель-бергу, своему послу в Варшаве. – Ваш друг Браницкий смотрел Сентябрем. Гишпания ужасалась; Франция, печальная, безмолвная, ходила одна, сложив руки. Швеция не может ни спать, ни есть. Впрочем, Мы были скромны в рассуждении их и не сказали им почти ни слова о мире; да и какая нужда говорить о нем? Он сам за себя говорит».

Глава третья

*Времен в глубоком отделе
Потомство тех увидит тени,
Которых мужествен был дух..*
Г.Р.Державин

По-разному сложились судьбы героев Чесменской победы. Одни, дослужившись до больших чинов, ушли из жизни в почете и славе. Имена других были преданы незаслуженно забвению.

Адмирал Григорий Андреевич Спиридов в течение еще трех лет руководил действиями Средиземноморской эскадры. Но прошло время, и занемог он окончательно. Сказались долгие годы плаваний, ранения и болезни. Сделали свое дело и обиды. 5 июня 1773 года, после очередной стычки с Алексеем Орловым, адмирал решил твердо – хватит! Екатерине II он написал следующее: «Я совсем в моем здоровье одряхлел и к болезненным от головы и глаз припадкам стал быть мало памятен, и оттого, сам предвижу, не так уж, как прежде, могу быть способен...»

Повод для отставки был более чем благопристойный, рапорту дали ход, и спустя полгода «неудобный адмирал» был уволен подчистую. Имя его теперь принадлежало истории. Орден и поместье Спиридову дали, но к славе победителя турок не подпустили и близко. В Петербурге велено было именовать его лишь начальником арьергардии, и не более!

Возглавляла эту кампанию сама Екатерина. Вольтеру, к примеру, события Чесмы она описала так:

«Флот мой, предводительствуемый не адмиралами, но графом Алексеем Орловым, разбивши флот неприятельский, сжег оный без остатку в Чесменской гавани, которая в древние времена называлась Клазьменою».

Доживал свой век первый флагман российского флота в глуши Ярославской губернии. Струились неторопливые речки, шелестели листвою леса, один год сменял другой. Иногда в канун Чесмы приезжал к старику высокий пожилой господин с густыми клочьями сросшихся бровей. Вместе вспоминали они тогда былое время, подолгу всматривались потухшими глазами в затертые копии хаккертовских батальных полотен.

– Степан Петрович, каков урожай в нынешний год будет, как мыслишь? – спрашивал Спиридов гостя. Хметевский вздыхал печально:

– Мыслю, что коль сушь на дождик сменится, то соберем малость.

Оба надолго замолкли. О чем еще говорить? Все у них уже было в прошлом.

Только раз за долгие годы отставки надел адмирал Спиридов свой парадный мундир. В тот день получил он известие о победе русского флота при Фидониси...*

А 19 апреля 1790 года Спиридова не стало. Провожали его в последний путь крестьяне деревень окрестных да верный друг Степан Хметевский. Одели адмирала в мундир парадный и положили в землю подле глухого села Нагорье, что затерялось где-то между Переславлем-Залвским и Калязином. До новой победы русского флота под Керчью оставалось два месяца и восемнадцать дней...*

Долгую жизнь прожил Алексей Орлов. Академик Е. В. Тарле так характеризовал личность графа Чесменского: «Неукротимые буйные силы жили в этом необычайном человеке, но далеко не всегда шли они на дурное. Отблеск чесменской славы озаряет его историческое имя».

Что ж, так оно, наверное, и было. Чесма стала звездным часом всей жизни Алексея Орлова.

К концу 1775 года Орлов возвратился в Россию и подал прошение об отставке от всех должностей по болезни. Указ Военной коллегии № 17933 от 11 декабря 1775 года гласил: «В именном, за подписанием собственной Ее Императорского Величества руки, высочайшем указе, данном Военной коллегии сего декабря 2 дня, изображено: генерал граф Алексей Орлов-Чесменский, изнемогая в силах и здоровье своем, всеподданнейше просил нас о увольнении его от службы. Мы, изъяснив ему наше монаршее благоволение за столь важные труды и подвиги его в прошедшей войне, коими он благоугодил нам и прославил Отечество, предводя силы морские, всемилостивейше снисходим и на сие его желание и прошение, увольняя его по оным навсегда от всякой службы. О чем вы, господин генерал-аншеф и кавалер, имеете быть известны...»

Выйдя в отставку, граф Орлов-Чесменский жил большей частью в своем дворце в Москве, в Нескучном саду, изредка выезжая за границу и в Петербург. Ему последовали и другие братья, и ряд их домов составил в Москве целую новую улицу, представляющую редкое сочетание красот природы с прелестями вымысла, вкуса, богатства и ума. «Благодаря своему богатству, азиатской роскоши, к которой Орлов питал слабость, а главное, благодаря своим чисто русским народным вкусам он не мог не сделаться в Москве самым популярным человеком. Орлов делал много добра, старался быть доступным, оказывал покровительство людям, к нему обращавшимся».

Дом Алексея Орлова, по словам С. Ушакова, «был храмом любви Отечества, открытою галереею невинных веселостей, пристанью достоинства и дарований, убежищем от злополучия и нищеты. Благотворения графа никогда не переставали изливаться на всех прибегающих к нему. Он полагал первейшим своим удовольствием даже предупреждать просьбы ищущих его покровительства; но при всем столь редком достоинстве души, заслуживающем всякие похвалы, он старался делать благодеяния как можно скрытнее, имея... неизменным правилом своим обыкновение не казаться, а быть добрым. Впрочем,

слава добрых его дел не могла быть неизвестна, соотечественники его с удовольствием передают о ней потомству своему».

Орлов-Чесменский, будучи русским человеком, любил все отечественные обряды, нравы и веселости. Бойцы, борцы, силачи, песельники, плясуны, скакуны, ездоки на лошадях – все, что только означало мужество, силу, твердость, достоинство и искусство русское, стекалось в дом его.

В 1782 году Алексей Орлов уведомлял императрицу о намерении вступить в брак с двадцатилетней Авдотьей Николаевной Лопухиной и получил собственноручное письмо Екатерины II 28 августа 1782 года: «Граф Алексей Григорьевич. Письмо ваше от 19 апреля я приняла из рук братца вашего, князя Орлова. Он вам сообщит и мой ответ на ваше предложение, и не осталось мне, окромя того, что желать вам всякого счастья и благополучия в принятом вами намерении. Остаюсь, впрочем, к вам с отличным доброжелательством Екатерина».

Свадьба была торжественно отпразднована в селе Остров 6 мая 1782 года. 2 мая 1785 года у Алексея Орлова родилась дочь Анна. Посвящая свое время супруге и дочери, граф не забывал и своих прежних увлечений. Каждый год зимою, еженедельно по воскресеньям, устраивал он «лошадиный бег», куда съезжались не только жители Москвы, но и дворяне других губерний. В летнее время Москва была обязана ему учрежденною перед домом его скачкою на лошадях и прогулкой в Английском саду. «Одним словом, – пишет С. Ушаков, большой поклонник чесменского героя, – граф Алексей Григорьевич был не только почтеннейшим и наилюбезнейшим русским боярином, но и душою, соединяющею российских дворян, сердцем общественных веселостей, нравов и обычаев, надеждою несчастного, кошельком бедного, посохом хромого, глазом ослепшего, покоищем израненного воина и врачом больного гражданина».

Погрузившись в хозяйственные дела, он увлекся своим конным заводом, который скоро приобрел заслуженную известность. На собственном конном заводе граф вывел знаменитую до сих пор породу орловских рысаков. Она была получена в результате смешения арабской и английской скаковых лошадей с кровью голландской, датской и мекленбургской пород. Главными достоинствами этой породы лошадей являются быстрота, энергия и сила, а также правильность и плавность движения.

«Заслуга графа Орлова-Чесменского, – сообщает «Сборник биографий кавалергардов», – не в том, что он был охотником и любителем лошадей – такие есть всегда и везде, – а в том, что он создал тип русской рысистой и верховой лошади. Не говоря о том, что русское коннозаводство обязано ему улучшением всей массы лошадей в России».

Семейная жизнь Орлова продолжалась недолго. 20 августа 1786 года Авдотья Николаевна умерла.

Дочь Анна, рано оставшаяся сиротой, нашла в Орлове нежно любившего ее отца. Попечения и заботы о дочери сделались целью его жизни. Отношения к ней отца отличались необыкновенной нежностью и страстною привязанностью к «ненаглядной» дочери. «Привлекательная собой, развитая сильно физически, гр. Анна Алексеевна была богато одаренной натурой, человеком с необыкновенно добрым, отзывчивым сердцем, унаследованным ею от матери». В молодости она имела много женихов (кн. Бярятинский, Куракин, гр. Салтыков, Н. М. Каменский, кн. П. А. Зубов и др.). По свидетельству гр. А. Д. Блудовой, Орлова нежно любила графа Каменского, вскоре умершего, и осталась верна этой любви всю жизнь. Чрезвычайно религиозная, она в щедрой благотворительности нашла цель своей жизни.

В конце июня 1787 года императрица Екатерина в последний раз была в Москве по возвращении из Крыма и из Коломенского приехала под Донской монастырь и лично посетила чесменского героя.

В 1787 году Орлову представилась возможность вернуться на службу. Началась вторая русско-турецкая война, и возникла идея снова отправить эскадру в Средиземное море. Императрица послала собственноручное письмо 21 октября 1787 года к графу Алексею

Орлову: «Любя пользу империи, при подписании знатного морского вооружения нельзя, чтоб не пришло мне на ум имя и деяния Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского и брата его, графа Федора Григорьевича Орлова. Кому не известно, что они впервые морскими нашими силами врагу имени христианского нанесли страх, трепет и сильные удары, паче же разорением флота его при Чесме посреди морей, до того российскому орлу неизвестных; что народная доверенность тамо их встречала; что за ними по следам шла победа? Неоспоримая правда, что имя ваше прибавит моему морскому вооружению еще вес и меру в ужас врагу, во ободрение своим, кои под вами достигли до побед и награждений.

В дружеском письме не повелевается, но спрашивается запросто: «во-первых, склонен ли граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский взять охотно паки команду над флотом, когда я ему поручу, и сей (то есть флот. – В. Ш.) придет в Архипелаг, куда адмирал Грейг его приведет и с ним останется?

Второе, граф Федор Григорьевич Орлов поедет ли с ним? Буде вы решитесь ехать, то можете паки ехать в Италию и оттуда отправиться во флот. Третье, адмирал Грейг сам все вооружение приведет в самое лучшее и надежнейшее состояние, и сие вооружение сильнее прежнего и готовится к началу будущей весны. О сем описав к вам дружески, пребываю к вам, как всегда, весьма доброжелательна. Екатерина».

Граф отказался, сославшись на болезнь, от начальствования над флотом, на его место был назначен генерал-поручик И. А. Заборовский.

Императрица осталась недовольна решением, принятым Орловым. И тем не менее, считая чесменского героя «неслужащим лицом», Екатерина вспомнила о нем: в июле 1790 года она по случаю победы, одержанной русским флотом над шведским, писала: «Граф Алексей Григорьевич! Божией премудрости хвалу воздав за чудеса его, во-первых, когда при Ревеле адмирал Чичагов с десятью линейными кораблями отражал 28 неприятельских, из коих один взял, а другой сами шведы, посадя на мель, сожгли. Потом тот же адмирал, имев в своей команде много оставшихся во флоте учеников ваших, у коих в свежей еще памяти храбрости Чесменского победителя, в Выборгской бухте совершенную победу одержав над шведским корабельным и гребным флотами, о которой до ныне еще не все трофеи известны; ибо ежедневно приводятся, и приведена еще сего дня галера, о которой никто не знал. Тогда нельзя не обратить взор с благородным сердцем на того, кто таковых побед у нас на море открыл свету впервые.

Не дивлюсь твоей при сем случае в письме твоем ко мне изъясненной радости. Ты показал путь, по которому шествуют твои храбрые и искусные последователи.

О искреннем участии братьев ваших никак не сомневаюсь, зная их усердную любовь и привязанность ко мне и к отечеству.

Молю Бога, да увенчает все победы наши вожделенным миром наискорее. Пребывая к вам всем навсегда доброжелательна Екатерина».

Екатерина II до конца жизни помнила заслуги Алексея Орлова. Так, в июле 1795 года она писала ему: «В знак же моего к вам благоволения, посылаю вам табакерку. Вся цена ее состоит в изображении того памятника, который славу вашу и знаменитые отечеству заслуги ваши свидетельствует»*.

Осенью, собираясь ехать за границу, Орлов прибыл в Петербург; здесь его застала смерть императрицы.

Грозные тучи сгустились над головой А. Орлова после смерти Екатерины II, но и здесь он сумел извернуться. Некоторые авторы приписывают именно ему предложение послать Павлу извещение о постигшем императрицу ударе. И Павел этого в дальнейшем не забыл, хотя и помнил о его участии в убийстве своего отца. Он заметил, что Орлова не было среди сановников, первым принесших ему присягу после кончины Екатерины. По его приказу на Васильевский остров, во дворец Орлова, немедленно были посланы камергер Ростопчин и начальник полиции Архаров с напутствием нового императора: «я не хочу, чтобы он забывал 28 июня».

Дело было ночью, Алексей Орлов приболел и лежал в постели. Однако он немедленно встал и твердым голосом прочитал присягу. Ростопчин «не заметил в нем ни малейшего движения трусости или подлости».

Милостиво пригласив после этого Орлова дважды на обеды в Зимний дворец, Павел 2 декабря заставил его перенести нравственную пытку – сопровождать останки Петра III, в убийстве которого он принимал участие.

Вскоре Орлову было разрешено выехать за границу – участь много лучшая, чем других бывших участников переворота.

И только после смерти Павла А. Орлов снова стал важной персоной в России. Известно, что Александр всячески стал подчеркивать свое уважение к маститому екатерининскому вельможе, герою Чесмы. Когда Александр торжественно въехал в Москву на свою коронацию, справа от его кареты ехал цесаревич Константин, а слева – не кто иной, как Алексей Орлов.

Во время войны России и Пруссии с Наполеоном в 1806-1807 годах Алексей Орлов был назначен главнокомандующим V областью земского войска. Он активно занимался образованием милиции и жертвовал значительные суммы на ее снаряжение. В связи с заключением Тильзитского мира милиции не пришлось участвовать в военных действиях, она была распущена.

Александр I не забывал чесменского героя до самой смерти последнего, не оставил император без внимания и эту службу Отечеству почти семидесятилетнего человека, желавшего и в таком возрасте быть полезным общему делу. Император писал в октябре 1807 года: «Нашему генералу графу Орлову-Чесменскому. В справедливом уповании на ревность и любовь вашу к Отечеству, возложив на вас звание главнокомандующего милициею V области, удостоверены мы были, что после многократных и отличных заслуг, на пользу общую вами понесенных, совершили вы и сие новое служение с тем же духом непреложного усердия к Отечеству, коим деяния ваши сопровождались. Попечения ваши о образовании вверенного вам земского войска и все последующие распоряжения, к устройству его принадлежащие, в полной мере оправдали ожидания наши, и мы с особенным удовольствием видели непрерывное действие патриотических ваших побуждений. Ныне по совершении сего служения, желая ознаменовать отличное наше к сим подвигам благоволение, признали мы справедливым пожаловать вас кавалером ордена Св.равноапостольного князя Владимира большого креста первой степени, коего знаки при сем для возложения на вас препровождаем, пребывая всегда императорскою нашею милостию к вам благосклонны».

Но в целом А. Г. Орлов жил в Москве одиноко в своем дворце в Нескучном саду. Как писал А. И. Герцен, «жил он угрюмо, сохраняя вопреки лет свое атлетическое сложение и дикую энергию своего характера. Он в 1796 году с нахмуренным челом, но без раскаяния пронес по всему Петербургу корону человека, им задушенного, сотни тысяч человек указывали на него пальцем; его товарищ, князь Барятинский, бледнел и был близок к обмороку; старик жаловался только на подагру».

Всю свою привязанность этот железный человек в старости отдал своей единственной дочери. Последние годы Орлов-Чесменский одиноко и безвыездно доживал в Москве. Любил старинные обряды, песенников и плясунов. Разводил лошадей, в том числе и знаменитую породу орловских рысаков. Обожал кулачные бои и уже глубоким стариком выходил на стенку, укладывая одним ударом любого молодца. Зимой граф устраивал подле своего дома лошадиные бега, на которые сходилась поглазеть вся Москва. Умер Алексей Орлов в 1808 году и был погребен в своей подмосковной деревне Хатун.

Смерть бывшего властелина десятков тысяч судеб оказалась почти незамеченной. Шла уже иная эпоха. Россия вступала в 1812 год. Откликнулся лишь один Державин:

Что слышу я? Орел из стаи той высокой,
Котора в воздухе плыла
Впреди Минервы светлоокой,

Когда она с Олимпа шла;
Орел, который под Чесьмою
Пред флотом россиян летал,
Внезапно, роковой стрелою
Сраженный с высоты упал!
Увы! Где, где его под солнцем днесь паренье?
Где по морям его следы?
Где бурно громов устремленье
И пламенны меж туч бразды?
Где быстрые всезрящи очи
И грудь, отважности полна?
Все, все сокрыл мрак вечной ночи,
Осталась слава лишь одна!

После смерти Алексея Орлова осталось огромное состояние в 5 миллионов рублей и 20 тысяч крепостных крестьян.

С. Ушаков, занимаясь поисками сведений о графе Чесменском в источниках как российских, так и иностранных, рассказывает историю, связанную с похоронами графа, чья жизнь, по его словам, «была ознаменована достопамятными происшествиями даже и после его кончины. Один сержант Изотов, который некогда спас от смерти покойного графа (при Чесме. – В. Ш.), уже лет 30 жил в его доме, получая от него пенсию и содержание. В день погребения, когда граф лежал в параде, Изотов тотчас предстал в зале в мундире екатерининских времен; грудь его украшена была многими медалями. Он стал с прочими у гроба, чтобы нести его чрез комнаты и по лестнице вниз на одр. Вельможи и другие знатные господа, собравшиеся для выносу покойного графа, сказали ему, чтобы он удалился, почитая его слишком слабым для несения гробницы. Но осьмидесятилетний старик, не внимая сему совету, с сокрушенным сердцем и обливаясь слезами, отвечал им, что в нем достаёт ещё сил отдать последний долг господину своему. Он присоединился к теленосцам, украшенным кавалериями, и неутешно плакал и рыдал. На лестнице он подлинно более прочих старался поддержать тяжесть гробницы. Когда ее поставили на одр, он простился с усопшим и произнес следующее: «Думал ли я, что я тебя переживу?» Сказав сие, он упал на том же месте в обморок и через несколько минут умер».

Судьба его дочери сложилась драматически. Это позволило А. И. Герцену говорить даже о Немезиде и о том, что после смерти отца «вся жизнь ее была одним долгим, печальным покаянием за преступление, не ею совершенное, одной молитвой об отпущении грехов отца, одним подвигом искупления их. Она не вынесла ужаса, который в нее вселило убийство Петра III, и сломилась под мыслью о вечной каре отца... отдалась мрачному мистицизму и изуверству. Призванная по рождению, по богатству, по талантам на одно из первых мест не только в России, но и в Европе, она прожила свой век со скучными монахами, с старыми архиереями, с разными прокаженными, святошами, юродивыми...

Сады свои и дворец в Москве она подарила государю. Зачем? Не знаю. Необъятные именья, заводы – все пошло на украшение Юрьевского монастыря; туда перевезла она и гроб своего отца... В ризах икон и в архимандритских шапках печально мерцают в церковном полусвете орловские богатства, превращенные в яхонты, жемчуга и изумруды. Ими несчастная дочь хотела закупить Суд Божий».

Младший Орлов – Федор – сразу же после Чесмы стал Георгиевским кавалером и, минуя несколько чинов, был произведен в генерал-поручики. В день Кючук-Кай-нарджийского мира он был уволен со службы в чине... генерал-аншефа! В последующем числился обер-прокурором, но никогда серьезно ничем не занимался и себя не проявил. Из всей славной плеяды «чесменцев» это был единственный баловень судьбы, которому слишком много было дано не по заслугам.

Иван Абрамович Ганнибал, получив через несколько лет после завершения экспедиции чин генерал-цейхмейстера, стал членом адмиралтейств-коллегий. Позднее руководил постройкой Херсона и Херсонского адмиралтейства. В 1784 году в чине генерал-поручика уволился со службы из-за ссоры с всесильным князем Потемкиным. И уехал доживать свой век в родовое имение под Петербургом – Суйда. Одиночество героя Наварина и Чесмы скрашивали лишь приезды Суворова. Подолгу сживали они тогда вдвоем на знаменитом каменном диване под сенью векового дуба...

Славную, хоть и недолгую жизнь прожил доблестный капитан «Трех Иерархов» Самуил Грейг. По возвращении в Россию командовал он корабельными дивизиями, портами, проектировал новые корабли. С началом войны со шведами в 1788 году возглавил Балтийский флот. В кровопролитнейшем Гогландском сражении заставил адмирал Грейг превосходящего неприятеля бежать, а спустя несколько месяцев скоропостижно скончался на борту своего флагманского корабля от желчной горячки*.

Степан Петрович Хметевский, по излечении от понесенных в Архипелагской экспедиции ран, командовал различными кораблями, ходил во главе эскадры к Нордкапу, боролся с английскими пиратами на морях. По выходе в отставку в контр-адмиральском звании уехал на родину в деревушку Хомяково, где и доживал в одиночестве остаток жизни своей. Похоронили Степана Петровича в Переславле-Залесском, у Никитских ворот. Когда-то на могиле было гранитное надгробие, но сейчас следов его найти уже невозможно.

Александр Иванович Круз дослужился до полного адмиральского звания. В шведскую войну возглавил защиту Санкт-Петербурга, имея под началом лишь малое количество старых судов. Но несмотря на это, в двухдневном сражении у Красной Горки отбил неприятельское нападение. Под старость стал бывший капитан «Евстафия» тучен и брюзглив, но сохранил ясный ум, честность и прямоту в суждениях. Умер Круз на семьдесят втором году жизни, окруженный многочисленными детьми и внуками.

Совсем немного прожил капитан «Европы» Федот Алексеевич Клокачев. В звании вице-адмирала командовал Азовской флотилией. Именно под его флагом русские корабли впервые вошли в Ахтиарскую бухту, на берегах которой ныне стоит город морской славы – Севастополь.

Иван Яковлевич Барш, по возвращении на Балтику, получил контр-адмиральский чин и эскадру. Затем долгие годы командовал Архангельским портом и вышел в отставку при Павле I полным адмиралом. Коротать старость он уехал в родную Вологду. Неугомонный и дотошный, он и там не сидел без дела, занимаясь то местными полотняно-парусными фабриками, то инспектированием Мариинских каналов. Умер Барш в 1806 году на руках своего сына Николая, того самого, что еще мальчишкой участвовал вместе с отцом в Архипелагской экспедиции и ставший к этому времени уже генерал-инспектором Петербургского порта. Похоронили старого моряка в соборной церкви вологодского Спасо-Прилуц-кого монастыря.

Отгремели залпы, и Сенявина стали заботить дела иные. Предстояло обустройство Азовской флотилии на берегах черноморских, создание портов и верфей, батарей и жилья.

Беда пришла, когда адмирал ее и не ждал. Внезапно обострились старые болезни. Лекаря, осмотрев Сенявина, сказали прямо:

– Немедленно уезжать на север, промедление губительно!

В 1776 году Алексей Наумович покидает Таганрог и, сдав дела контр-адмиралу Федоту Клокачеву, уезжает в Петербург.

Но посеянные им семена уже начали давать первые всходы. В 1779 году на херсонских верфях заложили первые линейные корабли, а еще через три года русские корабли бросили свои якоря в Ахтиарской бухте, где вскоре началось интенсивное строительство главной базы Черноморского флота – Севастополя.

В это время Алексей Сенявин уже служил в Адмиралтейств-коллегий: инспектировал корабли, разрабатывал новые проекты судов, изыскивал способы предохранения корабельных корпусов от гнили и древооточцев.

А болезни все больше и больше одолевали его. Последние годы своей жизни старый адмирал почти не мог ходить, но, как и прежде, жил лишь интересами службы.

Адмирала, кавалера многих российских орденов Алексея Наумовича Сенявина не стало 10 августа 1797 года.

Но династия моряков Сенявиных не оборвалась. Эстафету служения Отечеству принял племянник Алексея Наумовича – Дмитрий Николаевич – будущий герой Афона и Дарданелл. Тот самый, которого дядя напутствовал перед убытием на Черное море словами старыми, петровскими: – Дерзай, чадо!

Евграф Степанович Извеков после службы на «Трех Святителях» командовал различными кораблями и судами. В 1779 году, будучи капитаном линейного корабля «Победа», тяжело заболел и был уволен со службы с производством в бригадирский ранг.

Капитан «Грома» Иван Михайлович Перепечин по возвращении на Балтику капитанствовал на фрегате «Африка», корабле «Мироносец», а спустя несколько лет в чине капитана 1 ранга вышел в отставку.

Бравый лейтенант Томас Макензи, по прозвищу Фома Калинович, дослужился до адмиральских чинов и командовал Севастопольской корабельной эскадрой. В новогоднюю ночь 1786 года на застолье в офицерском собрании, посчитав находящихся за столом, он сказал:

– Нас здесь тринадцать, и одному придется в этом году умереть, это буду я. – После чего прибавил: – К тому же помереть мне давно надобно, как при сем и рюмку выпить!

Макензи, видимо, предчувствовал свою скорую смерть. Уже 7 января он занемог, а 10-го его не стало.

Каким был дальнейший жизненный путь Алексея Ившина и Василия Никонова, можно только предположить. Документов, проливающих свет на их жизнь, не сохранилось. Известно только лишь, что еще в двадцатых годах XIX столетия в Санкт-Петербургском матросском инвалидном доме доживали свой век последние рядовые участники тех далеких событий. Возможно, среди них были и Ившин с Никоновым.

Некоторые участники Чесменской баталии дожили до событий декабря 1825 года и даже косвенным образом были в них замешаны. Так, такелаж-мастер Кронштадтского порта Вестин, бывший при Чесме юнгой на «Трех Иерархах», в 1827 году, уже в чине подполковника, за сочувствие декабристам был разжалован и уволен со службы.

КОММЕНТАРИИ

Шигин Владимир Виленович родился в 1958 г. в г. Севастополе. Потомственный моряк. В 1981 г. окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище. Службу проходил на различных должностях на кораблях Балтийского флота, участвовал в нескольких дальних походах. После окончания Академии служит в Москве.

Печатается с 1982 г. Автор более 20 книг по истории флота. Член Союза писателей России с 1995 г. Лауреат Международной литературной премии им. В. Пикуля.

Исторический роман «Чесма» в настоящем виде печатается впервые.

С. 11. С. И. Мордвинов (1701-1777) – один из видных русских флотоводцев. Первый Георгиевский кавалер в России. С 1762 по 1770 год – вице-президент адмиралтейств-коллегии; В. Ф. Льюис (1689-1769) – один из видных флотоводцев Петра I, с 1757 года – член коллегии; А. И. Нагаев (1704-1781) – известный гидрограф и картограф; Ф. С. Милославский (?- 1783) – сенатор, член коллегии с 1762 года.

К концу царствования Петра I Балтийский флот насчитывал 34 линейных корабля, 9 фрегатов, 77 галер, большое количество мелких судов. Однако уже в ноябре 1728 года

шведский посол доносил в Стокгольм: «Старые корабли все гнилы, так что более четырех или пяти... вывести в море нельзя, а постройка новых ослаблена...»

С. 13. Согласно штатам 1764 года Балтийский флот должен был иметь в мирное время – 21 корабль, 4 фрегата, 1 бомбардирский корабль, 50 галер; в военное время – 32 корабля, 8 фрегатов, 4 бомбардирских корабля, 150 галер.

В 1767 году личный бюджет Екатерины II составил 1 миллион 100 тысяч рублей.

С. 14. В 1766 году для исследования Тихого океана была организована экспедиция под руководством капитан-лейтенанта Креницына. Экспедиция открыла удобную гавань на острове Уналашка, названную гаванью Святого Петра.

В 1767 году на Каспийском море у персидских берегов появился предприимчивый пират – «обасурманившийся» русский подданный Иван Столяров, который в короткие сроки развил энергичную деятельность, однако вскоре «обжегся порохом» и умер.

С. 15. А. Н. Сенявин (1716-1797) – участник многих войн, с 1766 по 1768 год – генерал-казначей при адмиралтейств-коллегиях, в 1768 году – флагман Кронштадтской эскадры, с 1768 по 1774 год – командующий Азовской флотилией, полный адмирал.

С. 16. Экспедиция фрегата «Надежда Благополучия» (командир – капитан 2 ранга Ф. С. Плещеев) была организована по прошению тульских купцов. Помимо торговых дел в ходе нее были выяснены особенности плавания судов в южных водах и проведена разведка Средиземноморского театра военных действий.

С. 25. Первоначально флотилия называлась Донской, а позднее – Азовской.

С. 26. Мидитерранское – так иногда в XVIII веке называли Средиземное море.

С. 27. В 1746 году планировался поход отряда кораблей во Францию. В нем должен был участвовать и Мордвинов, в то время капитан линейного корабля «Святой Петр».

С. 35. Ф. Ф. Ушаков (1744-1817) – адмирал, выдающийся русский флотоводец. Одержал победы в сражениях: при Фидониси (1788), Керчи (1790), у острова Тендра (1790), у мыса Калиакрия (1791). В 1799 году штурмом взял крепость Корфу. С 1790 года – командующий Средиземноморской эскадрой. Основоположник маневренной тактики парусного флота.

С. 41. Фрегат «Гектор» (командир – капитан-лейтенант Урусов) разбился в 1742 году на Гогландском рифе. При крушении команда спаслась.

20 мая 1743 года отряд галерного флота (9 судов, 2 прама, 7 галер) разбил в Аландских шхерах у острова Корно шведскую эскадру в 18 вымпелов. При этом особо отличился прам «Дикий Бык».

Корабль «Астрахань», возвращаясь с больными и ранеными из-под Кольберга 10 октября 1761 года, был снесен течением у мыса Сибернес (остров Даго) и разбит прибоем. Весь личный состав спасся.

С. 47. М. И. Мельников (?-1789) – участник Архипелагской экспедиции (1769 – 1744). Впоследствии командовал рядом кораблей Балтийского флота. Умер в звании капитана генерал-майорского ранга.

С. 53. Тем же указом императрицы от 4 июня 1769 года был назначен вице-президентом адмиралтейств-коллегий И. Г. Чернышев, в вице-адмиралы произведены А. Н. Сенявин и П. П. Андерсон, в контр-адмиралы – А. В. Елманов.

С. 54. Ф. М. Апраксин (1661-1728) – генерал-адмирал, соратник Петра I. Являлся главным начальником Адмиралтейского приказа и первым президентом адмиралтейств-коллегий; Л. П. Бредаль (?-1756) – норвежец, адмирал, на русской службе с 1703 года; И. М. Мишуков (1684-1762) – адмирал, длительное время командовал Балтийским флотом; Х. П. Лаптев (?-1763) – капитан 1 ранга, выдающийся исследователь Сибири, в последние годы служил на Балтийском флоте и преподавал в Морском корпусе.

С. 55. Корабль «Святой Евстафий Плакида» был назван в честь одного из святых, день памяти которого приходился на 20 сентября и совпадал с днем рождения сына Екатерины II Павла.

Корабль «Три Иерарха» («Трех Иерархов») правильно и полно именовался «Трех Иерархов: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста».

Корабль «Три Святителя» («Трех Святителей») правильно и полно именовался «Трех Святителей: Петра, Алексея и Иова» и был назван так Екатериной II в честь трех московских митрополитов.

Бомбардирский корабль «Гром» имел следующие размерения: длина – 95 футов, ширина – 27 футов, осадка – 11 футов. На вооружении состояло: 3 мортиры, 10 пушек; по некоторым источникам, количество пушек составляло 12.

С. 58. В августе 1764 года в Ревельском порту по халатности корабельного констапеля, рассыпавшего порох в кюйт-каморе, сгорели дотла линейные корабли «Святой Павел» и «Александр Невский».

С. 64. Г. Г. Козлянинов (?-1798) – адмирал и член адмиралтейств-коллегии, участник многих дальних плаваний. В 60-х годах XVIII века проходил стажировку на мальтийском флоте. Отличился в Архипелагской (1769-1774) экспедиции, в русско-шведской войне (1788-1790).

Первая Средиземноморская эскадра насчитывала 640 орудий. Общее число личного состава кораблей и судов – 30 тысяч человек. Помимо этого на кораблях и судах эскадры было размещено 2571 человек десанта.

С. 83. А. Г. Спиридов (1753-1828) – адмирал, участник Первой Архипелагской экспедиции и русско-шведской войны 1788 – 1790 годов. Впоследствии военный губернатор Архангельска, главный командир Ревельского порта.

С. 89. П. П. Андерсон на русской службе с 1736 года. Длительное время командовал различными кораблями, был директором адмиралтейской конторы. С 1764 года – контр-адмирал, с 1769 года – вице-адмирал. Командир Ревельского порта. В 1770 году уволен в отставку.

С. 90. В июне 1716 года Петр I прибыл в Копенгаген для организации десантной операции на побережье Швеции. Вступил в командование русско-датско-англо-голландским флотом. Во главе него он совершил плавание к острову Борнхольм. В августе 1712 года Петр I посетил союзный датский флот в порту Грейфсвальд, где произвел ему смотр..

С. 93. В. П. Фондезин – адмирал, участник Архипелагской экспедиции. Позднее командовал рядом кораблей Балтийского флота, был командующим Азовской флотилией. В начале русско-шведской войны 1788-1790 годов командовал отрядом кораблей в Копенгагене, но был снят за преступную бездеятельность. В последующие годы занимал ряд береговых должностей. Впоследствии был назначен главным командиром Черноморского флота и членом адмиралтейств-коллегии. Уволен с флота в 1809 году.

С. 112. Петр Янсен Вессель Турденшолд (1690-1720) – известный датско-норвежский флотоводец. В 1716 году в сражении при Дюнекилене наголову разгромил превосходящую по силам шведскую эскадру.

С. 123. Осенью 1710 года два русских фрегата, шедшие из Архангельска в Данию, захватили в Северном море 11-путечный шведский капер и несколько вооруженных торговых судов. Одержанная победа имела большой резонанс в Европе.

С. 124. П. Е. Карташев – участник Чесменского сражения. Награжден Георгиевским крестом 4-го класса. Впоследствии командовал фрегатами «Ульриксдалы», «Св.Евстафий». В 1775 году по болезни вышел в отставку в чине капитана 2 ранга с полным пансионом.

С. 152. Вице-адмирал Джон Байрон – дед великого английского поэта Джорджа Байрона.

С. 160. Майер Тобиас (1723-1762) – немецкий математик и астроном, профессор Геттингенского университета. Разработал таблицы для практического вычисления долготы места способом лунных расстояний Эйлера.

С. 165. В русском флоте служило четыре брата Алексиано. Федор являлся русским консулом на острове Минорка. Александр – с 1769 года на русской службе, в 1778-1782 годах служил в Кронштадте, умер в 1783 году в чине капитана 1 ранга. Антон – на русской службе с 1770 года, участник Чесменского и многих других сражений, умер в 1810 году в чине

вице-адмирала. Паниотти – участник Чесменского и Дамьетского (1772) сражений, умер в 1788 году в чине контр-адмирала.

Н. П. Кумани (1730-1809) – греческий корсар. На русской службе с 1769 года. Активный участник Архипелагской экспедиции 1769-1774 годов. Впоследствии служил на Донской флотилии и Черноморском флоте. Участник сражений в Керченском проливе и у Гаджибея (1790).

С. ПО. Д. Н.Сенявин (1763-1831) – адмирал, выдающийся русский флотоводец, участник русско-турецкой войны 1787- 1791 годов, Средиземноморского похода Ф. Ф. Ушакова 1798- 1800 годов. В русско-турецкую войну 1806 – 1812 годов командовал эскадрой в Адриатическом и Эгейском морях. Одержал ряд блестящих побед. С 1825 года командовал Балтийским флотом.

С. 172. Новоизобретенные корабли представляли собой суда, имеющие достаточно сильную артиллерию и малую осадку, и предназначались для действий на мелководье. Делились на четыре ранга (рода).

С. 179. С. Г. Домашнее (1743-1795) – видный русский литератор, ученый. С 1778 года – камергер. В 1775-1782 годах – директор Российской Академии наук. Член Берлинской и Стокгольмской академий. Автор ряда работ по русской поэзии и топографии России.

С. 180. «Известия о некоторых русских писателях» были изданы в Ливорно в 1771 и 1774 годах. В книге были приведены биографические данные наиболее известных российских литераторов XVIII века: А. Д. Кантемира, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова и других. Книга имела широкое хождение среди офицеров русской Средиземноморской эскадры.

Д. С. Бортнянский – видный композитор XVIII века, автор ряда опер, концертов, хоровых сочинений. Считается родоначальником зрелого классицизма в отечественной музыкальной культуре.

С. 181. Еще в Стамбуле в 1732 году был издан географический атлас «Указатель мира», в котором его автор Киятиб-Челеби дал верное географическое описание морям, омывающим Европу.

С. 201. Гассан-бей Джезаирли (Гази-бей, Зефир-бей) – один из наиболее талантливых турецких флотоводцев XVIII века. По одним данным, по происхождению алжирец, по другим – перс. В молодости был невольником, затем берберийским пиратом, позднее перешел на службу к султану. Сражался с русскими при Чесме и Лемносе (1770), при Кинбурне (1787), при Очакове и Фидониси (1788). Несмотря на почти постоянные поражения, являлся любимцем султана и носил титул «Непобедимый».

С. 202. Пери Рейс, Хайреддин Барбаросса – знаменитые турецкие флотоводцы XV-XVI веков.

С. 210. Макар Ростиславский – капитан-лейтенант. Позднее командовал фрегатом «Венера» и плавал до Гибралтара на поиск Третьей эскадры. По возвращении флота на Балтику командовал кораблем «Мироносец». В 1777 году уволен в чине капитана 1 ранга.

С. 227. Наваринское сражение произошло 8 октября 1827 года между русско-англо-французской эскадрой и турецко-египетским флотом. Сражение завершилось полным истреблением неприятеля. Решающую роль сыграли русские корабли, разгромившие весь центр и правый фланг противника.

С. 241. Разминувшись с эскадрой в Северном море, «Ростислав» 25 сентября 1769 года пришел в Портсмут. Там его посетил герцог Кумберлендский с членами английского правительства и высшими офицерами адмиралтейства. 13 октября 1769 года «Ростислав» вышел в море и 9 ноября прибыл в Лиссабон, где офицеры корабля были приняты королем Португалии. 22 октября корабль оставил Лиссабон и взял курс на Минорку, однако, попав в сильный шторм, вынужден был спуститься к острову Сардиния. Оттуда, исправив повреждения, перешел в Геную, а затем в Ливорно. Пополнив запасы воды, вышел к берегам Морей и 2 июня 1770 года у острова Сапиенца встретил суда отряда А. Г. Орлова.

С. 243. Данная Екатериной 25 сентября 1769 года инструкция Эльфинстону гласила: «Главный предмет сей вашей экспедиции должен состоять в том, чтобы воспрепятствовать и пресекать весь подвоз пропитания в Царьград из Египта и других турецких мест».

С. 245. Транспорт «Чичагов» (капитан-лейтенант В. Поярков) в ночь на 10 октября 1769 года, будучи высланным вперед эскадры, попал на Поркалаудский риф, где и разбился. Погибло 7 человек. Капитан в ходе расследования был оправдан. Вахтенный лейтенант за неверное счисление был приговорен к списанию в матросы, однако в честь Чесменской победы по распоряжению Екатерины II прощен.

Н. С. Скуратов (?-1790) – активный участник Архипелагской экспедиции и русско-шведской войны 1788-1790 годов, вице-адмирал.

С. 247. П. И. Ханыков (1743-1813) – адмирал, активный участник Архипелагской экспедиции и русско-шведской войны 1788-1790 годов. Отличился в Ревельском и Выборгском сражениях (1790). Впоследствии командовал Балтийским флотом.

С. 250. С. В. Жемчужников после поломки корабля «Северный Орел» командовал купленным фрегатом под тем же названием. За участие в Архипелагской экспедиции был награжден Георгиевским крестом 4-го класса. Позднее занимал должность главного командира Казанского адмиралтейства. Дослужился до генерал-лейтенантского звания.

С. 255. А. Т. Поливанов – активный участник Архипелагской экспедиции. Командовал кораблями «Саратов» и «Европа». Впоследствии состоял при Санкт-Петербургской команде. В 1776 году уволен в отставку в чине капитана бригадирского ранга.

С. 271. Екатерина II впоследствии писала по этому поводу: «Можно сказать одно, что Эльфинстон принадлежит к разряду людей «сумасшедших».

С. 273. Позднее А. Г. Орлов обрисовал ситуацию на эскадре несколько иначе: «Командиры были меж собой в великой ссоре, а подкомандные в унынии и неудовольствии».

С. 274. И. Я. Барш (?-1800) впоследствии командовал кораблем «Пантелеймон», начальствовал над Ревельской и Практической эскадрами, был главным командиром Архангельского порта. В 1773 году за заслуги в Архипелагской кампании его наградили Георгиевским крестом 4-го класса. С 1790 года – полный адмирал. В 1797 году уволился со службы, не пожелав подчиниться прусскому засилью Павла I.

С. 290. Б. Ф. Разупандин (7-1779) до 1772 года участвовал в Архипелагской экспедиции. С 1773 года – бригадир. В 1776 году уволен в чине контр-адмирала.

С. 298. Во время сражения в Хиосском проливе Гассан-бей очень рассчитывал на изобретенный им лично способ спасения от abordaja. К бортам турецких кораблей он велел горизонтально прикрепить толстые прутья, выдающиеся наружу и загнутые на конце под прямым углом. Как показал ход сражения 24 июня, «изобретение» Гассан-бея на практике себя не оправдало.

С. 299. Подъем на корабле в XVIII веке штандарта был событием исключительным. Право на это имели только особы императорской фамилии, да и то по особым случаям.

С. 300. Параллельно линии де-баталии шли мелкие суда. За авангардом – фрегат «Святой Николай». За кордебаталией – «Гром», «Почтальон», «Орлов», за арьергардом – «Панин», «Надежда» и «Африка». В некотором отдалении следовали шебеки, фелюки и галеры общей численностью в 13 вымпелов.

С. 306. Капитан корабля «Святой Иануарий» И. А. Борисов на протяжении всей Архипелагской экспедиции принимал активное участие в боевых действиях. В 1776 году назначен в присутствие адмиралтейств-коллегии, с 1784 года – командующий Практической эскадрой. Уволен в 1786 году в чине вице-адмирала.

С. 313. По одним данным, адмирал Спиридов, не сумев пробиться к «Трем Святителям», перешел на пакетбот «Почтальон», по другим, он все же добрался до «Святителей».

С. 315. Из экипажа «Евстафия» погибло 34 офицера и 594 матроса, спаслось соответственно 12 и 51. На «Реал-Мустафе» погибло до 900 моряков.

П. Б. Слизов (годы рождения и смерти неизвестны) – из матросов, за храбрость при Чесме произведен в лейтенанты. Впоследствии командовал отрядом гребных судов, Кронштадтским портом. Отличился в русско-шведской войне 1788-1790 годов. В 1797 году вышел на пенсию в чине капитана генерал-майорского ранга.

С. 326. 24 июня – день рождения Иоанна Крестителя, являвшегося, согласно христианской мифологии, предтечей Иисуса Христа.

С. 327. В сентябре 1770 года Эльфинстон своевольно отделился от эскадры на корабле «Святослав» и посадил его на камни; спасти корабль не удалось. Эльфинстон был немедленно отстранен от должности и отправлен в Россию. Екатерина II рассчитала его и выдворила из России.

С. 330. За полчаса боя «Европа» выпустила более ста бомб и брандскугелей, не считая ядер. Цифра по тем временам огромная.

Не участвовавшие в сражении русские корабли открыли огонь холостыми зарядами, внося панику в ряды турок.

С. 332. По доносу Дугдаля команде брандера «за оставление капитана в бою» грозила смертная казнь, но по случаю победы она была заменена более мягким наказанием: рулевой был подвергнут порке кошками, остальных выпороли линьками и понизили до второй статьи.

С. 344. Ф. П. Булгаков участвовал в Архипелагской экспедиции до самого ее завершения. В 1776 году был награжден за Чесму Георгиевским крестом 4-го класса. С 1778 года – командир галерной эскадры. В 1780 году уволен.

С. 345. Захватом трех галер руководил капитан-лейтенант П. П. Ханыков.

Указом императрицы от 13 апреля 1770 года из бригадиров в контр-адмиралы были произведены: В. Чичагов, А. Сенявин и С. Грейг. Однако на Средиземноморской эскадре об этом узнали не ранее 22 августа 1770 года.

Позднее «Родос» под командой А. И. Круза был отправлен как почетный трофей в Россию, но 5 октября 1771 года вследствие ветхости дал сильную течь и спустя два дня был сожжен командой у побережья Морей.

С. 348. В 1899 году, получив разрешение от турецкого правительства, греческие водолазы провели исследование дна в районе Чесменской бухты. Поднято было большое количество различных драгоценностей с затонувших кораблей, до 20 тысяч золотых червонцев, различная утварь, пушки. Все это было переправлено в Стамбул. Часть предметов с корабля «Евстафий», в том числе орудия с российским гербовым орлом, карманные часы впоследствии поступили в Санкт-Петербург, в морской музей (ныне – Центральный Военно-Морской музей).

С. 351. В статуте кавалерского ордена Святого великомученика и победоносца Георгия говорилось, что им награждаются те, кто «мужеством, храбростью, искусством и смелостью приготавливают или получают победу».

Общая призовая сумма за сожженный неприятельский флот составила, согласно Морскому уставу Петра I, 167 475 рублей 15/4 копейки. Конкретно: за 15 уничтоженных кораблей – 204 тысячи рублей; за 6 фрегатов – 26,8 тысячи рублей; за 6 шебек с грузами – 55 тысяч рублей; за 8 галер – 11,9 тысячи рублей; за 32 галиота – 2,8 тысячи рублей. Общая масса – 300 тысяч рублей. Из этих денег флоту причиталась третья доля – 100 тысяч рублей. К сему добавлялось: за 3 захваченных неприятельских флага – 9 тысяч рублей; доля остальных флагманов – 16,4 тысячи рублей; 3 кораблям арьергарда, не участвовавшим в дневном бою, трехмесячное жалование – 10,02 тысячи рублей; за плененный 60-пушечный корабль – 11,3 тысячи рублей, за 5 плененных галер – 7,4 тысячи рублей. Итого: 167 тысяч 475 рублей. Для раздачи денег была учреждена особая комиссия, работавшая поочередно в Санкт-Петербурге, Кронштадте и Ревеле. В семьях погибших и умерших деньги выдавались на руки вдовам и детям.

С. 352. В указе Екатерины II говорилось: «... Медаль эту... жалуем мы всем находившимся на оном (флоте) во время сего счастливого происшествия как морским, так и

сухопутным нижним чинам, и соизволяем, чтобы они в память того носили их на голубой ленте в петлице».

С. 357. Лепантская битва произошла 26 сентября (7 октября) 1571 года между турками и объединенными христианскими флотами. Турки потерпели в ней полное поражение, потеряв 28 тысяч человек и 230 галер из 260. С. 358. Все даты даны по старому стилю.

С. 374. Ф. Хаккерт (Гаккерт) (1737-1807) – знаменитый немецкий пейзажист. В 1778 году исполнил по заказу Екатерины II 12 картин для Петергофского дворца. Они украсили так называемый Чесменский зал.

С. 389. Фидониси (современное название острова – Змеиный). 3 июня 1788 года близ него произошло сражение между эскадрой Черноморского флота и турецким флотом под командованием Гассан-паши. В результате смелого маневра бригадира Ф. Ф. Ушакова турецкий флот вынужден был отступить.

С. 390. Керченское сражение произошло 8 июля 1790 года в 20 милях от Керченского полуострова между русской и турецкой эскадрами. Командующий русской эскадрой контр-адмирал Ф. Ф. Ушаков, применив новую маневренную тактику, сосредоточил весь огонь на флагманском неприятельском корабле и обратил турок в бегство.

С. 395. Колонна, поставленная Екатериной II в честь А. Орлова, посреди озера в Царскосельском саду.

С. 400. Гогландское сражение произошло у острова Гогланд 6 июля 1788 года между русским и шведским флотами. Сражение носило ожесточенный характер. В результате поражения шведского флота была сорвана попытка неприятеля внезапно захватить Санкт-Петербург.